

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
ТЕРРИТОРИЙ РАН

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И СОЦИАЛЬНЫЕ
ПЕРЕМЕНЫ:
ФАКТЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОГНОЗ**

6 (30) 2013

**Журнал выходит по решению руководителей экономических институтов РАН:
Северо-Западного федерального округа**

Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра
Уральского отделения РАН (Республика Коми)

Институт экономики Карельского научного центра РАН (Республика Карелия)

Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина Кольского научного центра РАН (Мурманская область)

Институт социально-экономического развития территорий РАН (Вологодская область)

руководства

Санкт-Петербургского государственного экономического университета

Череповецкого государственного университета (Вологодская область)

других регионов РФ

Институт социально-экономических исследований Уфимского научного центра РАН (Республика
Башкортостан)

Институт экономики Уральского отделения РАН (Свердловская область)

*Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России
от 19 февраля 2010 года №6/6 журнал включён в Перечень ведущих научных изданий, рекомендуемых
для публикации основных результатов диссертаций на соискание учёной степени доктора и кандидата наук.*

Редакционный совет:

академик РАН **В.Л. Макаров** (Москва, Россия)

академик РАН **В.В. Ивантер** (Москва, Россия)

академик РАН **В.В. Окрепилов** (Санкт-Петербург, Россия)

академик РАН **А.И. Татаркин** (Екатеринбург, Россия)

академик НАН Беларуси **П.А. Витязь** (Минск, Беларусь)

академик НАН Беларуси **П.Г. Никитенко** (Минск, Беларусь)

член-корреспондент РАН **В.Н. Лажнецов** (Сыктывкар, Россия)

проф. **Ж. Сапир** (Париж, Франция)

д.э.н., проф. **С.Д. Валентей** (Москва, Россия)

д.э.н., проф. **Д.А. Гайнанов** (Уфа, Россия)

д.э.н., проф. **А.Е. Дайнеко** (Минск, Беларусь)

д.э.н., проф. **В.А. Ильин** (Вологда, Россия)

проф. **М. Кивинен** (Хельсинки, Финляндия)

д.с.н., проф. **И.В. Котляров** (Минск, Беларусь)

д.э.н., проф. **С.В. Кузнецов** (Санкт-Петербург, Россия)

д.э.н., проф. **Ф.Д. Ларичкин** (Апатиты, Россия)

д.э.н., проф. **И.А. Максимцев** (Санкт-Петербург, Россия)

д.т.н., проф. **А.В. Путилов** (Москва, Россия)

д.т.н. **Ю.Я. Чукреев** (Сыктывкар, Россия)

д.т.н., проф. **А.И. Шишкин** (Петрозаводск, Россия)

доктор, проф. **Чжан Шухуа** (Пекин, Китай)

проф. **У Эньюань** (Пекин, Китай)

к.соц.н., доц. **Д.В. Афанасьев** (Череповец, Россия)

Главный редактор – В.А. Ильин

Редакционная коллегия:

д.э.н., проф. Л.А. Аносова

д.э.н., проф. А.Г. Воробьев, д.э.н., проф. Е.С. Губанова

д.э.н. К.А. Гулин (зам. главного редактора)

к.э.н. К.А. Задумкин, к.э.н. Г.В. Леонидова, к.э.н. М.Ф. Сычев (зам. главного редактора)

к.филол.н. О.В. Третьякова (зам. главного редактора, отв. секретарь)

к.э.н. С.В. Терёбова, д.э.н. Т.В. Ускова, д.э.н. А.А. Шабунова

Высказанные в статьях мнения и суждения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Ответственность за подбор и изложение материалов несут авторы публикаций.

THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF TERRITORIES OF RAS

**ECONOMIC
AND SOCIAL
CHANGES:
FACTS, TRENDS, FORECAST**

6 (30) 2013

The journal is published according to the decision of RAS economic institutions' administration in the North-West Federal District

Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre of the Ural RAS Department (Komi Republic)
Institute of Economics of Karelian Scientific Centre of RAS (Karelia Republic)
G.P. Luzin Institute of Economic Problems of Kola Scientific Centre of RAS (the Murmansk Oblast)
Institute of Socio-Economic Development of Territories of RAS (the Vologda Oblast)

and according to the decision of the administration of

Saint Petersburg State University of Economics and Finance
Cherepovets State University (the Vologda Oblast)

and RAS institutions of other RF regions

Institute of Social and Economic Research of Ufa Science Centre of RAS (Bashkortostan Republic)
Institute of Economics of the Ural RAS Department (the Sverdlovsk Oblast)

The decision of Presidium of the Higher Attestation Commission of the Russian MES (No.6/6, dated 19.02.2010) the journal is included in the list of leading scientific editions, recommended for publication of the main results of dissertations for the degree of Doctor and Candidate of Sciences.

Editorial Council:

RAS Academician **V.L. Makarov** (Moscow, Russia)
RAS Academician **V.V. Ivanter** (Moscow, Russia)
RAS Academician **V.V. Okrepilov** (St. Petersburg, Russia)
RAS Academician **A.I. Tatarkin** (Yekaterinburg, Russia)
Belarus NAS Academician **P.A. Vityaz** (Minsk, Belarus)
Belarus NAS Academician **P.G. Nikitenko** (Minsk, Belarus)
RAS Corresponding Member **V.N. Lazhentsev** (Syktyvkar, Russia)
Professor **J. Sapir** (Paris, France)
Doctor of Economics, Professor **S.D. Valentey** (Moscow, Russia)
Doctor of Economics, Professor **D.A. Gaynanov** (Ufa, Russia)
Doctor of Economics, Professor **A.E. Dayneko** (Minsk, Belarus)
Doctor of Economics, Professor **V.A. Ilyin** (Vologda, Russia)
Professor **M. Kivinen** (Helsinki, Finland)
Doctor of Sociology, Professor **I.V. Kotlyarov** (Minsk, Belarus)
Doctor of Economics, Professor **S.V. Kuznetsov** (St. Petersburg, Russia)
Doctor of Economics, Professor **F.D. Larichkin** (Apatity, Russia)
Doctor of Economics, Professor **I.A. Maksimtsev** (St. Petersburg, Russia)
Doctor of Technics, Professor **A.V. Putilov** (Moscow, Russia)
Doctor of Technical Sciences **Yu. Ya. Chukreev** (Syktyvkar, Russia)
Doctor of Technics, Professor **A.I. Shishkin** (Petrozavodsk, Russia)
Doctor, Professor **Zhang Shuhua** (Beijing, China)
Professor **Wu Enyuan** (Beijing, China)
Ph.D. in Sociology, Associate Professor **D.V. Afanasyev** (Cherepovets, Russia)

Chief Editor – V.A. Ilyin

Editorial Board:

Doctor of Economics, Professor **L.A. Anosova**
Doctor of Economics, Professor **A.G. Vorobyov**, Doctor of Economics, Professor **E.S. Gubanova**
Doctor of Economics **K.A. Gulin** (Deputy Chief Editor)
Ph.D. in Economics **K.A. Zadumkin**, Ph.D. in Economics **G.V. Leonidova**
Ph.D. in Economics **M.F. Sychev** (Deputy Chief Editor)
Ph.D. in Philology **O.V. Tretyakova** (Deputy Chief Editor, Executive Editor)
Ph.D. in Economics **S.V. Terebova**
Doctor of Economics **T.V. Uskova**, Doctor of Economics **A.A. Shabunova**

*Opinions presented in the articles can differ from the editorial board's point of view.
Authors of the articles are responsible for the material selected and stated.*

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

<i>Ильин В.А.</i> Что год грядущий стране готовит?	9
Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества	15
<i>Некипелов А.Д., Ивантер В.В., Глазьев С.Ю.</i> Приоритеты долгосрочного социально-экономического развития	18

СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ

<i>Ильин В.А., Леонидова Г.В., Попова В.И.</i> Научно-образовательный центр ИСЭРТ РАН – точка роста научно-технического потенциала региона.....	32
<i>Ускова Т.В.</i> О роли инвестиций в обеспечении устойчивого экономического роста ...	45

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

<i>Скуфьина Т.П.</i> Социально-экономическая дифференциация пространства: противоречия теории и практики регулирования	60
--	----

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОЙ АРКТИКИ

<i>Тоскунина В.Э., Губина О.В., Проворова А.А., Кармакулова А.В., Воронина Л.В.</i> Подходы к районированию и определению границ Арктической зоны Российской Федерации	69
<i>Гайнанов Д.А., Кириллова С.А., Кузнецова Ю.А.</i> Российская Арктика в контексте устойчивого развития	79

ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА

<i>Иванов В.А., Пономарева А.С.</i> Особенности и состояние модернизационных процессов в сельском хозяйстве периферийных северных территорий	90
<i>Чекавинский А.Н.</i> Организационно-экономический механизм государственной поддержки проектов модернизации сельского хозяйства	104
<i>Трудов Ю.Н.</i> Оценка туристического потенциала охотничьего хозяйства региона (на примере Вологодской области)	113

СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ

<i>Штомпка П.</i> Модернизация как социальное становление (10 тезисов по модернизации)	119
--	-----

<i>Римашевская Н.М.</i> Три предложения по совершенствованию демографической и семейной политики	127
<i>Александрова О.А., Ненахова Ю.С.</i> Возможности населения в сфере образования в меняющемся социально-экономическом контексте	133
<i>Афанасьев Д.В., Гужавина Т.А.</i> Предпосылки трансформации установок политического недовольства в протестное поведение населения (на материалах ИСЭРТ РАН г. Вологды)	142
<i>Фокин В.Я.</i> Влияние территориальной дифференциации качества и защищенности занятости населения на сжатие пространства сельских территорий Пермского края	153
<i>Шабунова А.А.</i> Актуальные проблемы социокультурной модернизации регионов России	167

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ФИНАНСЫ

<i>Поварова А.И.</i> Проблемы распределения налоговой нагрузки в российской экономике	172
---	-----

ОРГАНИЗАЦИЯ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

<i>Третьякова О.В., Кабакова Е.А.</i> Возможности и перспективы использования индексов цитирования в оценке результатов деятельности научного учреждения	189
<i>Сычев М.Ф., Загребельный А.В.</i> К вопросу о соответствии современного научного журнала международным стандартам качества	201

МОЛОДЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ

<i>Морев М.В., Каминский В.С.</i> Проблемы взаимодействия государства и общества	207
<i>Кожевников С.А.</i> Комплексная оценка состояния жилищно-коммунального хозяйства в муниципальных образованиях региона	225
Список статей, опубликованных в 2013 году	235
Summary	239
Сведения об авторах	246
Требования к оформлению статей	252
Информация о подписке	257

CONTENT

FROM THE CHIEF EDITOR

<i>Ilyin V.A.</i> What does the coming day hold for the country?.....	9
Public opinion monitoring of the state of the Russian society.....	15
<i>Ivanter V.V., Nekipelov A.D., Glazyev S.Yu.</i> Priorities of long-term socio-economic development.....	18

DEVELOPMENT STRATEGY

<i>Ilyin V.A., Leonidova G.V., Popova V.I.</i> ISEDT RAS Research and Education Centre – a focal point for the growth of the region’s science and technology potential...	32
<i>Uskova T.V.</i> On the role of investments in sustainable economic growth	45

THEORETICAL ISSUES

<i>Skufyina T.P.</i> Socio-economic differentiation of space: inconsistencies between the theory and regulation practice	60
--	----

ISSUES OF RUSSIA’S ARCTIC

<i>Toskunina V.E., Gubina O.V., Provorova A.A., Karmakulova A.V., Voronina L.V.</i> Several approaches to the determination of the southern border of the Arctic zone of the Russian Federation	69
<i>Gaynanov D.A., Kirillova S.A., Kuznetsova Yu.A.</i> Russian Arctic in the context of sustainable development	79

BRANCH-WISE ECONOMY

<i>Ivanov V.A., Ponomareva A.S.</i> Specifics and current status of modernization processes in the agriculture of peripheral northern territories	90
<i>Chekavinskiy A.N.</i> Organizational and economic mechanism of agriculture modernization.....	104
<i>Trudov Yu.N.</i> Assessment of the tourist potential of the region’s hunting sector (case study of the Vologda Oblast)	113

SOCIAL DEVELOPMENT

<i>Sztompka P.</i> Modernization as social becoming (ten theses on modernization)	119
---	-----

<i>Rimashevskaya N.M.</i> Three suggestions for the improvement of demographic and family policy	127
<i>Aleksandrova O.A., Nenakhova Yu.S.</i> Education opportunities for the population in the changing socio-economic context	133
<i>Afanasyev D.V., Guzhavina T.A.</i> Preconditions for the transformation of population's attitudes from political discontent to protest behaviour (as exemplified in the materials of ISED T RAS, Vologda)	142
<i>Fokin V.Ya.</i> Impact of the geographical differentiation of the quality and security of population employment on the territorial shrinkage in Perm Krai rural areas	153
<i>Shabunova A.A.</i> Acute issues of Russia's socio-cultural modernization	167

SOCIAL FINANCES

<i>Povarova A.I.</i> The issues of tax burden distribution in Russia's economy	172
--	-----

ORGANIZATION OF RESEARCH ACTIVITY

<i>Tretyakova O.V., Kabakova Ye.A.</i> Opportunities for and prospects of using citation indices in evaluating the performance of research institution	189
<i>Sychev M.F., Zagrebelnyy A.V.</i> On the compliance of a modern scientific journal with international quality standards	201

YOUNG RESEARCHERS

<i>Morev M.V., Kaminskiy V.S.</i> Issues of state-society relations	207
<i>Kozhevnikov S.A.</i> Complex assessment of housing and communal sector in the region's municipalities	225
Index of articles published in 2013	235
Summary	239
Information about authors	246
Requirements to manuscripts	252
Subscription information	257

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Владимир Александрович ИЛЬИН

д.э.н., профессор,
заслуженный деятель
науки РФ,
директор ИСЭРТ РАН
ilin@vscc.ac.ru

Что год грядущий стране готовит?

Выступая в декабре 2012 года с первым Посланием Федеральному Собранию РФ, избранный на третий срок Президентом страны В.В. Путин отмечал: **«Власть не должна быть изолированной кастой. Только в этом случае создается прочная моральная основа для созидания, для утверждения порядка и свободы, нравственности и гражданской солидарности, правды и справедливости, для национально ориентированного сознания»**¹. Президент подчеркнул, что выполнение задач, изложенных в указах от 7 мая 2012 года, по своей сути и цели является программой обеспечения достойного уровня жизни населения, значительного повышения конкурентоспособности России в мире, снижения угроз её национальной безопасности.

Однако проходящий год показывает, что такого настроения в деятельности Правительства РФ в реализации конкретных мер «по обеспечению динамического развития страны во всех сферах», к сожалению, не было создано.

В Послании Федеральному Собранию 12 декабря 2013 года В.В. Путин констатировал: **«С издания указов прошло полтора года. Вы знаете, что я отмечаю? То ли делается так, что это вызывает негативную реакцию в обществе, то ли вообще ничего не делается. Конечно, при такой работе мы не достигнем поставленных целей»**².

В течение года правительственные структуры четыре раза понижали основные прогнозные показатели развития экономики страны (*табл. 1*).

¹ Путин В.В. Послание Президента Федеральному Собранию, 12 декабря 2012 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://news.kremlin.ru/transcripts/17118>

² Путин В.В. Послание Президента Федеральному Собранию, 12 декабря 2013 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://news.kremlin.ru/transcripts/19825>

Таблица 1. Прогноз основных макроэкономических показателей развития Российской Федерации в 2013 г., в % к предыдущему году (в сопоставимых ценах)

Показатели	Даты представления прогноза				
	12.09.2012	14.12.2012	12.04.2013	26.08.2013	04.12.2013
ВВП	103,7	103,6	102,4	101,8	101,4
Индекс промышленного производства	103,7	103,7	102,0	100,7	100,1
Инвестиции в основной капитал	107,2	106,5	104,6	102,5	100,2
Приток (+), отток (-) капитала, млрд. долл.	-10,0	-10,0	-50,0	-70,0	-60,0
Источник: данные Минэкономразвития РФ.					

Таблица 2. Основные прогнозные параметры консолидированных бюджетов субъектов РФ на 2013 г., млрд. руб.

Параметры	Прогноз бюджета по законопроектам на трехлетие			2013, оценка ожидаемых параметров	Изменение оценки на 2013 г. по сравнению с проектами			
	2011–2013	2012–2014	2013–2015		2011–2013		2013–2015	
					млрд. руб.	%	млрд. руб.	%
Доходы	7338	8134,3	9062	8909	871	11,9	-853	-9,4
Собственные доходы	6374	7047	7765	6767	393	6,2	-998	-12,9
Дефицит	-136	-36,7	-121	-460	324	3,4 р.	339	3,8 р.
Источники: данные Минфина РФ; расчеты ИСЭРТ РАН.								

Еще в сентябре 2012 года Минэкономразвития прогнозировало на 2013 год рост валового внутреннего продукта страны по сравнению с предыдущим годом на уровне 103,7%, в апреле 2013 года – 102,4, а в декабре – только 101,4%. В декабре 2013 года зафиксирован застой инвестиций вместо ранее прогнозирувавшегося семипроцентного прироста. Декабрьский прогноз засвидетельствовал, что намеченное резкое снижение объемов вывоза капитала из страны не будет достигнуто. Более того, этот показатель имел повышательную тенденцию.

Углубляется кризис региональных финансов. Параметры на 2013 год, заложенные в трехлетних прогнозах бюджетов регионов, все более отклоняются от проектов, что свидетельствует о неудовлетворительном качестве бюджетного проектирования. По оценкам, в 2013 году собственные доходы территориальных бюджетов сократятся на триллион рублей, или на 13% по сравнению с трехлетним бюджетом на 2013–2015 гг., а их дефицит возрастет в 3,8 раза (табл. 2).

При этом главным фактором падения собственных бюджетных доходов регионов выступает уменьшение прибыли хозяйствующих субъектов (табл. 3). Во многом это является результатом пролоббированного олигархическими корпорациями введения нового порядка исчисления налогооблагаемой базы путем формирования консолидированных групп налогоплательщиков, что привело к углублению кризиса региональных финансов.

Председатель Правительства Д.А. Медведев и высшие правительственные чиновники в течение почти всего года объясняли сложившееся положение внешними факторами – ухудшением конъюнктуры мирового рынка.

В Послании, представленном Федеральному Собранию 12 декабря 2013 года, В.В. Путин сделал принципиальное заявление: **«Да, конечно, мы испытываем последствия глобального кризиса. Но нужно прямо сказать, основные причины замедления носят не внешний, а внутренний характер»³.**

³ Там же.

Таблица 3. Ключевые показатели бюджетного процесса в регионах Российской Федерации, млрд. руб.

Показатели	10 мес. 2012	10 мес. 2013	Изменения, %
Прибыль	6965,7	6324,9	90,8
Налог на прибыль	1709,8	1457,5	85,2
Государственный и муниципальный долг	1364,3	1717,5	125,9
Долговая нагрузка, %	25,8	31,7	5,9 п.п.

Источники: данные Минфина РФ; Федерального казначейства; расчеты ИСЭРТ РАН.

В течение года Президент более десяти раз публично указывал правительству, федеральным министрам на низкий уровень организационной деятельности по реализации поставленных задач, на неэффективность правительственных решений по поддержке необходимого экономического роста⁴.

Представляется, что у В.В. Путина есть все основания перейти от регулярной критики неэффективного правительства Д.А. Медведева к принуждению, а «непонятливых» членов правительства — переводить в экспертное сообщество.

Объективный анализ, проводимый институтами Российской академии наук⁵, в т.ч. и ИСЭРТ РАН, позволяет утверждать, что в результате неолиберальных рыночных

реформ в России сложилась социально-экономическая система смешанно-олигархического типа, основными проявлениями которой являются:

- формирование вследствие непродуманной политики приватизации элитарного олигархического корпоративизма, сконцентрировавшего значительную часть государственной собственности и распространяющего свое влияние на политику законодательной и исполнительной власти;

- преобладание бюрократической системы решения назревших проблем путем непрерывного внесения изменений в действующую социально-экономическую систему, причем изменений, не связанных, как правило, с качественным обновлением этой системы;

- ослабление контрольных функций государства, прежде всего в сфере соблюдения налоговых норм и обязательств, разрастания масштабов лоббистской деятельности, не регулируемой законодательством и не подконтрольной обществу.

Крупная частная собственность на стратегически важные отрасли хозяйства и природные богатства не позволяет обеспечить управляемость экономикой и разумное распределение финансово-экономических ресурсов.

В предыдущих выпусках нашего журнала нами излагались основные итоги исследований ИСЭРТ РАН по результатам

⁴ См. приложение на с. 14.

⁵ См. также труды последнего времени: Глазьев С.Ю., Локосов В.В. Оценки предельно критических значений показателей состояния российского общества и их использование в управлении социально-экономическим развитием // Вестник РАН. — 2012. — Т. 82. — №7; Глазьев С.Ю., Фетисов Г.Н. О стратегии устойчивого развития России // Экономист. — 2013. — №1; Российская трансформация: 20 лет спустя / под ред. Ж. Сапира. — М.: Магистр, 2013; Оценка факторов роста и прогнозирования социально-экономического развития регионов России / под ред. акад. РАН А.И. Татаркина, акад. РАН П.А. Минакира; Рос. акад. наук, Урал. отд.-е, Ин-т экономики; Дальневосточ. отд.-е, Ин-т экономич. иссл. — Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2012; Осипов Г.В., Кара-Мурза С.Г. Общество знания: переход к инновационному развитию России. — М.: Либроком, 2013; Россия на пути к современной динамичной и эффективной экономике / под ред. академиков А.Д. Некипелова, В.В. Ивантера, С.Ю. Глазьева. — М.: Российская академия наук, 2013.

Таблица 4. Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность Президента РФ?,
% от числа опрошенных

Оценка	2000	2003	2004	2007	2011	2012	2013	Изменение (+/-), 2013 г. по отношению				
								2012	2011	2007	2004	2000
Одобряю	66,0	67,6	64,9	75,3	58,7	51,7	55,3	+4	-3	-20	-10	-11
Не одобряю	14,8	13,7	19,2	11,5	25,6	32,6	29,4	-3	+4	+18	+10	+15

анализа деятельности ведущих корпораций черной металлургии страны⁶. Вследствие того, что их продукция экспортировалась оффшорными трейдерами по ценам, которые были на 20–30% ниже общемировых, ориентировочная сумма недополученной выручки за 2008–2011 годы составила 367 млрд. рублей. Налог на прибыль с этой суммы мог бы пополнить федеральный бюджет на 11 млрд. рублей, а территориальные бюджеты – на 66 млрд. рублей. Две трети уплаченных меткорпорациями налогов возвращаются в металлургический сектор в форме компенсации входящего НДС по экспортным операциям. Всё это постоянно обедняет федеральный и особенно региональные бюджеты, увеличивает их долговую нагрузку⁷.

В этой связи весьма важно, что часть президентского послания была посвящена борьбе с оффшорами. Путин выдвинул три новые инициативы. Доходы компаний, зарегистрированных в оффшорной юрисдикции и принадлежащих российским собственникам, конечным бенефициарам, должны облагаться по российским налоговым правилам. Компаниям, зарегист-

⁶ См. Ильин В.А. Неперевёрнутая страница // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2013. – №1; Поварова А.И. Региональный бюджет 2013–2015: стабильность или выживание // Там же; Ильин В.А. Национальная и региональная безопасность: взгляд из региона // Там же. – №3; Ильин В.А. Новая повестка дня и эффективность государственного управления // Там же. – №5.

⁷ См. подробнее: Ильин В.А., Поварова А.И. Проблемы эффективности государственного управления. Бюджетный кризис регионов: монография. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2013. – 128 с.

рированным за рубежом, нельзя будет пользоваться мерами господдержки, кредитами ВЭБ и госгарантиями, им также должен быть закрыт доступ к исполнению госконтрактов и контрактов структур с государством.

Президент заострил внимание на важности гражданского участия в жизни страны, усилении общественного контроля. Он продемонстрировал, что чувствует возросший уровень требовательности общества к государству, его руководителям.

Во многом Послание Президента РФ 2013 года является логичным продолжением его сентябрьской речи в международном клубе «Валдай», в которой глава государства четко заявил о необходимости верховенства нравственных, моральных ценностей по всей вертикали исполнительной и законодательной власти, для всех уровней бизнеса, чиновников, государственных служащих.

Стремление В.В. Путина к оздоровлению нравственной обстановки в стране, усилению контроля гражданского общества за деятельностью власти на всех уровнях находит в стране растущую поддержку.

Исследования ИСЭРТ РАН показывают, что по итогам шести последовательных опросов, проведенных в 2013 году в Вологодской области, показатели одобрения деятельности Президента выросли по сравнению с результатами 2012 года от 3–5 пунктов (табл. 4). Причем положительные оценки наблюдаются практически во всех социальных группах (табл. 5).

Таблица 5. Оценки деятельности Президента РФ в различных социальных группах населения Вологодской области (вариант ответа «Полностью и в основном одобряю»), % от числа опрошенных

Социальные группы	Год							Прирост / снижение в 2013 г. в сравнении				
	2000	2003	2004	2007	2011	2012	2013	с 2012	с 2011	с 2007	с 2004	с 2000
<i>Пол</i>												
Мужской	66,0	66,1	66,2	73,6	55,6	48,9	52,4	3,5	-3,2	-21,2	-13,8	-13,6
Женский	66,0	68,7	63,9	76,7	61,2	53,9	57,7	3,8	-3,5	-19,0	-6,2	-8,3
<i>Возраст</i>												
До 30 лет	66,2	71,2	69,0	76,6	58,3	49,7	52,9	3,2	-5,4	-23,7	-16,1	-13,3
30-55 лет	66,4	66,5	64,4	75,1	57,6	50,9	55,4	4,5	-2,2	-19,7	-9,0	-11,0
Старше 55 лет	65,1	65,9	61,9	74,6	60,7	54,6	57,1	2,5	-3,6	-17,5	-4,8	-8,0
<i>Образование</i>												
Среднее и н/среднее	64,0	62,7	62,7	70,3	54,9	46,0	51,4	5,4	-3,5	-18,9	-11,3	-12,6
Среднее специальное	67,7	68,5	66,5	76,4	59,8	51,8	55,8	4,0	-4,0	-20,6	-10,7	-11,9
Высшее и н/высшее	67,6	71,8	65,8	80,1	61,3	56,6	59,1	2,5	-2,2	-21,0	-6,7	-8,5
<i>Доходные группы</i>												
20% наименее обеспеченных	56,4	57,1	56,9	65,1	45,7	40,9	49,6	8,7	3,9	-15,5	-7,3	-6,8
60% средне-обеспеченных	68,9	70,7	67,7	78,0	60,4	53,8	56,1	2,3	-4,3	-21,9	-11,6	-12,8
20% наиболее обеспеченных	69,3	74,7	73,1	82,6	68,9	59,4	63,6	4,2	-5,3	-19,0	-9,5	-5,7
<i>Территории</i>												
Вологда	66,7	74,4	62,1	74,1	58,3	51,6	53,2	1,6	-5,1	-20,9	-8,9	-13,5
Череповец	62,2	64,4	64,0	82,8	68,5	62,3	63,7	1,4	-4,8	-19,1	-0,3	1,5
Районы	67,7	66,1	66,7	72,2	53,9	46,3	51,9	5,6	-2,0	-20,3	-14,8	-15,8
Область	66,0	67,6	64,9	75,3	58,7	51,7	55,3	3,6	-3,4	-20,0	-9,6	-10,7

Вместе с тем обращает на себя внимание то, что больше половины ответивших (57%) не считают деятельность Президента по подъему экономики страны, росту благосостояния граждан успешной (см. таблицу на с. 16). Эта оценка во многом складыва-

ется из-за нескоординированных действий Правительства РФ. Под влиянием олигархических корпораций оно организует работу, как «лебедь, рак и щука». Именно такой стиль привел динамику развития экономики страны к рецессии.

На наш взгляд, Президенту целесообразно не только постоянно убеждать политическую элиту в необходимости выполнения официально принятых решений, но и принуждать, и не только принуждать, но и очищаться от «квазиколониальной части элиты». 2014 год не должен стать для Президента РФ В.В. Путина годом упущенных возможностей по выполнению стратегически важных для населения российского государства задач по модернизации страны, изложенных в предвыборных статьях и закрепленных указами 7 мая 2012 года.

Краткий перечень принципиально значимых действий и критических высказываний Президента России В.В. Путина в отношении деятельности Правительства РФ и правительственных структур

Дата, мероприятие, событие	Содержание
19.09.2012 г., Указ Президента РФ (по итогам совещания по проекту бюджета на 2013 – 2015 гг.)	В. Путин объявил дисциплинарные взыскания в виде выговора министру образования и науки Д. Ливанову, министру регионального развития РФ О. Говоруну и министру труда и социальной защиты А. Топилину в связи с неисполнением поручений по президентским указам.
31.01.2013 г., Расширенное заседание Правительства РФ	В.В. Путин констатировал ухудшение экономических показателей и отсутствие внятной стратегии развития экономики страны.
4.02.2013 г., г. Сочи, Совещание по вопросам улучшения качества жилищно-коммунальных услуг	В.В. Путин: «Нам нужны не точечные, сиюминутные решения, латание дыр, а долгосрочные системные решения, нацеленные на то, чтобы люди получали качественные коммунальные услуги по приемлемым и понятным ценам. Мы бубним, бубним все по поводу повышения качества, а мало что меняется».
16.04.2013 г., Совещание в г. Элисте (Калмыкия) по вопросам переселения граждан из аварийного жилищного фонда	В.В. Путин: «Региональные программы по расселению людей из аварийного жилья, рассчитанные на ближайшую трёхлетку, уже должны быть утверждены субъектами Российской Федерации. Соответствующий срок был поставлен до 15 апреля 2013 года. Однако эти программы пока утверждено всего три... Почему три всего? Сегодня у нас какое число? 16-е? Где программы?» [При выключенном микрофоне] В.В. Путин: «Как мы работаем? Качество работы – ничтожное, всё поверхностно делаем. Если будем работать так, то ни хрена не сделаем! Давайте повысим качество нашей работы. Это нужно сделать! Если мы этого не сделаем, то надо будет признать, что либо я работаю неэффективно, либо вы все плохо работаете и вам нужно уйти. Обращаю ваше внимание на то, что на сегодняшний день я склоняюсь ко второму варианту! Думаю, что это понятно. Чтобы не было никаких иллюзий».
7.06.2013 г., Совещание с членами Правительства РФ по реализации указов Президента РФ от 7 мая 2012 г.	В.В. Путин: «Реализация указов – это безусловный приоритет для всей нашей работы, для правительства, в том числе для ведомств, для всех уровней власти. Главное – работа на реальные результаты, работа в интересах граждан ...не ради бумаг». «Вижу, что работа проделана большая, серьёзная, [но] ...качество, содержание документов ...пока не отвечают поставленным требованиям».
10.06.2013 г., Совещание с руководством силовых ведомств о планах их деятельности, направленных на достижение целевых показателей социально-экономического развития России	В.В. Путин: «То, что я увидел в ваших планах, меня ...отчасти ...разочаровало». В.В. Путин указал на необходимость более кратких («не надо нам больших фолиантов») и конкретных планов.
14.11.2013 г., Заседание Агентства стратегических инициатив (АСИ) Ответ на реплику президента Торгово-промышленной палаты С. Катырина, который выразил обеспокоенность предпринимательского сообщества тем, что МВД вновь будут переданы полномочия по возбуждению уголовных дел по налоговым преступлениям. При этом Катырин упомянул, что ряд должностных лиц уже публично высказались против таких изменений	В.В. Путин: «Я не знаю, честно говоря, я сейчас был в Корее, Вьетнаме. Я ещё посмотрю, кто чего по этому поводу говорит. Мы с коллегами поговорим, разберемся. Но здесь вопрос очень просто решается: вынужден буду им напомнить, что есть определённая практика решения вопросов, перед тем как выходить в средства массовой информации. Известно, что если кто-то с чем-то не согласен, как Кудрин сделал в своё время – он перешёл в экспертное сообщество... ...У нас давно сложилась определённая практика, согласно которой мы всё обсуждаем либо на правительственной площадке, либо на площадке администрации президента. Делаем это совместно и достаточно демократично. ...Мы должны при принятии решений подобного рода искать сбалансированные решения, которые бы обеспечили интересы всех групп общества – и предпринимательского сообщества, и оставшуюся часть общества. Это чрезвычайно важно, чтобы все понимали, что эти решения сбалансированы и справедливы».
4.12.2013 г., Ново-Огарёво, Московская область, Заседание Экономического совета	В.В. Путин: «По качеству административных процедур в сфере строительства мы всё ещё находимся в хвосте мирового рейтинга. Из-за отсутствия внятных решений мы недополучаем миллионы квадратных метров жилья».
12.12.2013 г., Ежегодное обращение Президента РФ В.В. Путина к Федеральному Собранию	В.В. Путин: «В майских указах 2012 года были обозначены конкретные меры, призванные обеспечить динамичное развитие страны во всех сферах. По сути, указы составили единую программу действий, аккумулировав волю миллионов людей, стремление народа России к лучшей жизни. Порой приходится слышать, что на реализацию всех заявленных планов и целей не хватает средств, что нужно снизить планку, упростить задачи. Считаю, что нельзя строить политику по формальному принципу... Экономическая структура может меняться, она и меняется, но это не повод говорить о ревизии целей. Нужно заниматься делом и искать решения, чётко расставлять бюджетные и другие приоритеты. Прошу активизировать все государственные программы».

Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества

Продолжая сложившуюся традицию нашего издания, приводим результаты мониторинговых оценок общественного мнения о состоянии российского общества, выполняемых ИСЭРТ РАН в Вологодской области¹.

Нижеследующие таблицы показывают динамику ряда параметров социального самочувствия и общественно-политических настроений населения Вологодской области в среднем за 6 опросов, проведенных в 2013 году, дается сопоставление их с данными за 2012 г., а также за 2011 год, когда шёл к окончанию срок пребывания в должности Президента РФ Д.А. Медведева, и за 2007 год, когда завершался второй срок президентской деятельности В.В. Путина.

Оценка деятельности власти

В среднем за 2013 год по сравнению с 2012 г. улучшились оценки деятельности Президента РФ и Губернатора Вологодской области (доля положительных отзывов увеличилась соответственно на 4 и 3%).

Однако пока ситуация остается менее благоприятной, чем в 2007 г. Сохраняются негативные тенденции общественного мнения в отношении деятельности Правительства РФ.

Таблица 1. Динамика ответов на вопрос: «Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность..?», в % от числа опрошенных

Показатель	2007	2011	2012	Фев. 2013	Апр. 2013	Июнь 2013	Авг. 2013	Окт. 2013	Дек. 2013	Среднее за послед- ние 6 опросов	Изменение (+/-), последние 6 опросов по отношению к		
											2012	2011	2007
Президент РФ													
Одобрю	75,3	58,7	51,7	55,5	55,5	54,3	55,1	54,3	57,3	55,3	+4	-3	-20
Не одобряю	11,5	25,6	32,6	29,2	31,5	29,3	28,9	28,7	28,9	29,4	-3	+4	+18
Председатель Правительства РФ*													
Одобрю	-	59,3	49,6	47,9	48,5	46,2	50,4	49,0	51,1	48,9	-1	-10	-
Не одобряю	-	24,7	33,3	34,4	35,7	33,2	30,4	30,6	32,5	32,8	-1	+8	-
Губернатор													
Одобрю	55,8	45,7	41,9	43,0	44,4	44,3	44,8	45,9	44,1	44,4	+3	-1	-11
Не одобряю	22,2	30,5	33,3	33,8	34,9	31,9	31,1	32,4	35,3	33,2	0	+3	+11

* Вопрос задается с 2008 г.

¹ Опросы проводятся 6 раз в год в Вологде, Череповце и в восьми районах области (Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском и Шекснинском). Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Объем выборочной совокупности – 1500 человек в возрасте 18 лет и старше. Выборка целенаправленная, квотная. Репрезентативность выборки обеспечена соблюдением пропорций между городским и сельским населением, пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города), половозрастной структуры взрослого населения области. Ошибка выборки не превышает 3%.

Более подробную информацию о результатах опросов, проводимых ИСЭРТ РАН, можно найти на сайте <http://www.vscs.ac.ru/>.

Оценка успешности решения Президентом РФ ключевых проблем

По всем ключевым проблемам в 2013 году по сравнению с 2012 годом зафиксировано повышение оценок уровня успешности их решения Президентом. Так, оценка успешности укрепления международных позиций среди опрошенных повысилась на 3%, наведения порядка в стране – на 4%. Однако настораживает, что больше половины ответивших (57%) не считают успешной деятельность Президента по подъему экономики страны, росту благосостояния граждан.

Таблица 2. Динамика ответов на вопрос: «Насколько успешно, на Ваш взгляд, Президент РФ справляется с проблемами..?»* (в % от числа опрошенных)

Показатель	2007	2011	2012	Фев. 2013	Апр. 2013	Июнь 2013	Авг. 2013	Окт. 2013	Дек. 2013	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-), последние 6 опросов по отношению к		
											2012	2011	2007
Укрепление международных позиций России													
Успешно	58,4	46,2	43,1	45,1	46,7	41,7	45,3	47,7	47,5	45,7	+3	-1	-13
Не успешно	24,9	33,7	37,9	34,4	39,5	37,1	36,4	33,7	35,8	36,2	-2	+3	+11
<i>Индекс успешности</i>	133,5	112,5	105,2	110,7	107,2	104,6	108,9	114,0	111,7	109,5	+4	-3	-24
Наведение порядка в стране													
Успешно	53,2	36,6	35,4	37,7	37,2	35,1	39,9	41,7	44,5	39,4	+4	+3	-14
Не успешно	34,0	50,0	50,7	46,5	49,9	49,9	46,7	46,7	45,5	47,5	-3	-3	+14
<i>Индекс успешности</i>	119,2	86,6	84,7	91,2	87,3	85,2	93,2	95,0	99,0	91,8	+7	+5	-27
Защита демократии и укрепление свобод граждан													
Успешно	44,4	32,4	28,8	30,0	30,4	29,1	34,7	33,5	32,8	31,8	+3	-1	-13
Не успешно	37,0	48,3	52,3	49,8	54,9	50,0	48,5	50,9	51,6	51,0	-1	+3	+14
<i>Индекс успешности</i>	107,4	84,1	76,5	80,2	75,5	79,1	86,2	82,6	81,2	80,8	+4	-3	-27
Подъем экономики, рост благосостояния граждан													
Успешно	47,2	30,7	28,5	30,7	31,9	28,2	32,6	31,9	32,6	31,3	+3	+1	-16
Не успешно	39,1	56,1	57,9	53,9	59,6	56,7	53,4	57,7	59,7	56,8	-1	+1	+18
<i>Индекс успешности</i>	108,1	74,6	70,6	76,8	72,3	71,5	79,2	74,2	72,9	74,5	+4	0	-34

* Ранжировано по среднему значению индекса успешности за последние 6 опросов. Для расчета индекса из доли положительных ответов вычитается доля отрицательных, затем к полученному значению прибавляется 100, чтобы не иметь отрицательных величин. Таким образом, полностью отрицательные ответы дали бы общий индекс 0, положительные – 200, равновесие первых и вторых выражает значение индекса 100, являющееся, по сути, нейтральной отметкой. У индекса социальной напряженности – обратный порядок значений: отметка 0 пунктов является абсолютно положительной величиной, 200 пунктов – абсолютно отрицательной величиной.

Оценка социального состояния

Доля позитивных оценок социального настроения и запаса терпения в среднем за 2013 год по сравнению с 2012 годом увеличилась. Однако в среднем за последние 6 опросов имел место рост доли жителей области, относящих себя к «бедным» и «нищим».

Таблица 3. Оценка социального состояния, в % от числа опрошенных

Варианты ответа	2007	2011	2012	Фев. 2013	Апр. 2013	Июнь 2013	Авг. 2013	Окт. 2013	Дек. 2013	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-), последние 6 опросов по отношению к		
											2012	2011	2007
Настроение													
Нормальное состояние, прекрасное настроение	63,6	63,1	67,3	66,6	68,6	66,4	68,7	71,5	69,6	68,6	+1	+5	+5
Испытываю напряжение, раздражение, страх, тоску	27,8	28,9	27,0	30,5	26,0	25,9	26,3	24,0	26,2	26,5	-1	-2	-1
Запас терпения													
Всё не так плохо и жить можно; жить трудно, но можно терпеть	74,1	74,8	76,6	75,5	77,9	77,8	79,7	81,6	83,1	79,3	+3	+5	+5
Терпеть наше бедственное положение невозможно	13,6	15,3	15,8	16,1	16,5	13,7	14,7	12,3	12,0	14,2	-2	-1	+1
Социальная самоидентификация													
Доля считающих себя людьми среднего достатка	48,2	43,1	44,7	44,3	42,6	41,9	44,9	45,7	43,7	43,9	-1	+1	-4
Доля считающих себя бедными и нищими	42,4	44,3	44,5	45,9	48,2	48,3	46,8	45,4	46,7	46,9	+2	+3	+5
Индекс потребительских настроений													
Значение индекса, в пунктах	105,9	89,6	91,5	92,3	90,4	89,8	91,0	90,4	87,9	90,3	-1	+1	-16

Отношение населения к политическим партиям

В динамике поддержки партии власти не наблюдается позитивных изменений. Как и в 2007, и в 2011–2012 гг., в среднем за последние 6 опросов её уровень составил 29–30%. При этом значительная часть жителей области не находят среди представленных на сегодняшний день политических партий ни одной соответствующей их интересам (в 2007 г. – 18%, в 2011 г. – 29%, в 2012 г. – 31%, в среднем за последние 6 опросов – 35%).

Таблица 4. Динамика ответов на вопрос: «Какая партия выражает Ваши интересы?», в % от числа опрошенных

Партии	2007	Выборы в ГД РФ, 2007 г., факт	2011	Выборы в ГД РФ, 2007 г., факт	2012	Фев. 2013	Апр. 2013	Июнь 2013	Авг. 2013	Окт. 2013	Дек. 2013	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-), последние 6 опросов по отношению к		
													2012	2011	2007
Единая Россия	30,2	60,5	31,1	33,4	29,1	30,5	28,5	31,3	29,6	26,9	29,5	29,4	0	-2	-1
КПРФ	7,0	9,3	10,3	16,8	10,6	9,7	11,0	11,3	12,0	11,9	11,8	11,3	+1	+1	+4
ЛДПР	7,5	11,0	7,8	15,4	7,8	6,3	7,1	6,6	6,8	8,4	8,1	7,2	-1	-1	0
Справедливая Россия	7,8	8,8	5,6	27,2	6,6	5,3	5,1	4,7	4,3	4,0	4,4	4,6	-2	-1	-3
Другая	1,8	–	1,9	–	2,1	3,5	3,4	2,0	3,4	1,0	0,8	2,4	0	+1	+1
Никакая	17,8	–	29,4	–	31,3	35,3	37,1	31,7	33,4	37,3	34,4	34,9	+4	+6	+17
Затрудняюсь ответить	21,2	–	13,2	–	11,7	9,3	7,8	12,3	10,5	10,5	10,9	10,2	-2	-3	-11

Приоритеты долгосрочного социально-экономического развития

9 декабря 2013 года на сайте Российской академии наук опубликован доклад «Россия на пути к современной динамичной и эффективной экономике», подготовленный авторским коллективом под редакцией академиков А.Д. Некипелова, В.В. Ивантера, С.Ю. Глазьева. Доклад выполнен по поручению Президента РФ В.В. Путина – академики должны были разработать комплекс мер по обеспечению устойчивого развития России в условиях глобальной нестабильности.

Доклад включает четыре раздела: 1) Общие условия социально-экономического развития; 2) Приоритеты долгосрочного социально-экономического развития; 3) Совершенствование институтов; 4) Социально-экономическая политика. К тексту доклада даётся шесть приложений.

Редакция знакомит читателей журнала со вторым разделом доклада¹.

**Александр Дмитриевич
НЕКИПЕЛОВ**
академик Российской академии наук
neki@presidium.ras.ru

**Виктор Викторович
ИВАНТЕР**
академик Российской академии наук
vvivanter@ecfor.ru

**Сергей Юрьевич
ГЛАЗЬЕВ**
академик Российской академии наук
glaziev-press@yandex.ru

¹ Полный текст доклада размещён в Интернете [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ras.ru/news/shownews.aspx?id=4f0a07fe-8853-4eda-9428-574f5fcf0654#content>

Формулирование приоритетов является функцией политической системы, которая стремится интегрировать представления членов социума относительно общественного благосостояния. Важную роль в выявлении общественных предпочтений играют социологические замеры общественного мнения.

Морально-психологический климат в обществе и государственные приоритеты

Проектирование будущего российской экономики не может производиться без учета того, как воспринимает ее нынешнее состояние население страны и каковы его предпочтения в отношении этого самого будущего.

Первое десятилетие реформ в массовых оценках и суждениях предстает как провальное, как время несбывшихся надежд, как череда непродуманных, нескоординированных по основным сферам жизни общества радикальных мер, которые привели, в конечном счете, к обнищанию огромной массы россиян и отбросили страну в ее развитии на многие годы назад.

Второй десятилетний период реформ оценивается в общественном мнении как решительный поворот практической политики в сторону общества, наведения в стране конституционного порядка, выведения ее из самой острой фазы кризиса на траекторию устойчивого и стабильного развития. Путинской команде удалось, по оценкам россиян, вернуть государство в социальную сферу, значительно снизить долю беднейших слоев населения, укрепить армию, поднять международный авторитет страны, «притупить» в массовом сознании общественную боль и чувство стыда за состояние дел в своем Отечестве.

Вместе с тем, серьезные проблемы, как наследие 1990-х, остаются по сей день. Это и всепроникающая коррупция, и глубокое социальное неравенство, и огромный разрыв в уровне доходов и качестве жизни

между богатыми и бедными, духовно-нравственный упадок общества и массовый правовой нигилизм.

«Маятник» социального самочувствия от отметки «плюс» сейчас вновь качнулся в сторону нулевой отметки, и его дальнейшее движение в нежелательном направлении сдерживается лишь относительно приемлемым для населения уровнем экономической и политической стабильности. При этом сложилась довольно редкая общественная ситуация, можно сказать, «эффект ножниц», когда *при возросшей удовлетворенности большинства населения своей материальной обеспеченностью в массовом сознании нарастают критические оценки сложившейся в стране обстановки*. Основная причина этого состоит в том, что рост материальной обеспеченности не сопровождается улучшением других сторон качества жизни людей.

В массовом сознании все большее распространение получают чувства несправедливости происходящего, стыда за масштабы коррупции, засилье бюрократии, собственной беспомощности. Естественным следствием этого выступает нарастание среди наших сограждан чувства агрессии.

«Очаги» неблагоприятного морально-психологического климата в обществе подпитывает значительная доля (40%) тех, кто считает свой уровень жизни низким и полагает, что не может рассчитывать на социальные гарантии по болезни, старости, безработице и инвалидности. Среди основных потерь, которые лично этим людям принесли реформы постсоветского периода, в первую очередь называется утрата уверенности в завтрашнем дне.

Обобщенной оценкой россиянами своей личной ситуации в пореформенной России выступает соотношение личных выигрышей и проигрышей от реформ двух последних десятилетий. Доля считающих

себя выигравшими очень мала — всего 10%, и в два с половиной раза меньше доли считающих себя явно проигравшими (25%). Ещё треть полагает, что осталась «при своих» — не выиграла и не проиграла. Отсюда — постоянно сохраняющийся в «народной повестке дня» вопрос: в чьих интересах проводились и продолжают проводиться реформы?

Ухудшение социального самочувствия многих наших сограждан в значительной степени обусловлено сужением каналов социальной мобильности. Возможности у россиян за счёт смены места жительства улучшить своё положение в обществе сегодня практически отсутствуют. Редкие исключения характерны, прежде всего, для части горожан, переехавших в сёла, а также горожан, переезжающих из крупных городов в города с меньшей численностью населения.

Межпоселенческая мобильность в разной степени характерна для разных поколений россиян, и, как правило, переезды в другой населённый пункт совершаются в возрасте до 30 лет. Однако нынешняя молодёжь, хотя и демонстрирует высокие показатели мобильности (13% переехавших на нынешнее место жительства за последнее десятилетие в группе до 30 лет), всё же характеризуется более низкими показателями мобильности, чем возрастные группы старше 40-45 лет в период их молодости. Это говорит о недостаточном использовании потенциала мобильности российской молодёжи и сомнительности идеи о необходимости массового импорта в Россию рабочей силы из-за рубежа в условиях, когда *в стране есть существенный внутренний ресурс перераспределения уже имеющейся в ней рабочей силы.*

Потенциал миграции из России очень велик и серьёзно вырос за последние 10 лет. Сегодня уже около половины населения

страны выражает готовность уехать из России с разными целями, причём в группе до 30 лет доля таковых ещё больше. Навсегда хотели бы уехать 13% россиян, что в два раза больше, чем 10 лет назад; еще 35% готовы уехать за рубеж «на заработки». Желание более трети работающих россиян превратиться в гастарбайтеров — яркое проявление неблагополучия на российском рынке труда, позволяющее глубже понять причины недовольства наших сограждан сложившейся в стране ситуацией.

Российское общество, несомненно, ориентировано на подъем уровня и качества жизни, мощной движущей силой которого должна стать модернизация экономики страны. Наличие в России высокотехнологичных производств, развитых систем науки образования и культуры, современных экономических и политических институтов большинством россиян относится к числу ключевых национальных ценностей. Также большая часть наших сограждан не считают оправданным распределение выгод и издержек, связанных с проведенными в стране рыночными реформами, рассчитывают на формирование более справедливой экономической системы².

Динамичный рост — и цель, и средство

Отмеченные выше высокий уровень накопленных социально-экономических долгов, прежде всего в области инфраструктуры и ЖКХ, а также высокая норма выбытия изношенного основного капитала

² Согласно данным социологических опросов слишком большими существующие различия в доходах считают 83% жителей страны. Наряду с этим, две трети наших сограждан полагают несправедливой сложившуюся в стране систему распределения частной собственности. Аналогичная доля населения убеждена в том, что люди не получают достойного вознаграждения за свои навыки, способности и квалификацию. При этом более половины россиян (54%) последнее утверждение относят и к себе лично, полагая, что, с учетом имеющейся у них квалификации и тяжести их труда, они получают на работе значительно меньше, чем того заслуживают.

предопределяют нижнюю допустимую величину темпов роста. Она составляет не 0%, а 2–3%, которые не способны обеспечить динамичного развития экономики, но могут позволить удержать сложившуюся социально-экономическую ситуацию на существующем уровне. В то же время следует понимать, что стагнация уровня жизни означала бы неудовлетворение обоснованных ожиданий населения по поводу его улучшения в ближайшем будущем. Поэтому падение темпов роста до 2–3% в год может быть приемлемым лишь на очень непродолжительное время.

Тезис об отсутствии потенциала роста в российской экономике годен лишь в качестве слабого оправдания для сохранения пассивной экономической политики. Тем более странно выглядят апелляции к темпам роста, которые демонстрируют развитые страны. Россия находится в принципиально другой ситуации, и перед ней стоят другие задачи. В действительности, потенциал роста определяется целым рядом факторов, анализ которых показывает, что российская экономика в краткой и среднесрочной перспективе способна демонстрировать темпы роста, заметно превышающие уровень в 3–4%, особенно, если удастся привести в действие резервы улучшения использования материальных, финансовых и людских ресурсов.

Во-первых, с учетом новых вводов в 2009–2012 годах уровень загрузки ключевых производственных мощностей не превышает уровня 2007 г., когда российская экономика демонстрировала высокие темпы экономического роста.

Во-вторых, ограничения развития часто связывают с тем фактом, что безработица находится на рекордно низких уровнях, и для роста производства нет необходимого объема трудовых ресурсов.

И действительно, со стороны производства важнейшим ограничителем дина-

мики хозяйственного развития является дефицит трудовых ресурсов. Расчеты показывают, что в случае, если среднегодовые темпы роста производительности труда будут равняться 4%, то дефицит рабочих рук составит к 2025 году не менее 12 млн. человек. Вместе с тем, при сохранении существующих показателей занятости среди населения трудоспособного и старше трудоспособного возраста внутренние ресурсы могли бы к 2025 году даже превысить потребность в рабочих руках, если удалось бы обеспечить рост производительности труда на уровне 5,5% – 6,5% в год.

Анализ показывает, что в России сегодня показатель производительности труда находится на очень низком уровне (см. [#Приложение 1. Производительность труда в России и некоторых зарубежных странах](#)), в том числе, и в силу избыточной занятости на многих предприятиях. По оценкам ИНП РАН, избыточная занятость по отношению к фактическим объемам производства и используемым технологиям только в отраслях обрабатывающей промышленности в 2012 г. составляла примерно 2,0 млн. чел. Таким образом, только в этом сегменте экономики потенциал роста производительности труда за счет использования организационной компоненты может оцениваться в 15–20%.

Политика в области занятости должна учитывать и возможности позитивных структурных эффектов. Так, внедрение новых технологий в сельском хозяйстве приведет к высвобождению рабочих рук и новой волне урбанизации. Вторая волна – «малые города – крупные агломерации». В среднем на предприятиях в пределах агломерации производительность труда на 46% выше, чем в поселениях за их пределами. Необходимо использовать эти тенденции для создания новых «точек роста» в Сибири и Дальнем Востоке.

Решению проблемы обеспечения экономики необходимыми трудовыми ресурсами должны содействовать продуманная политика привлечения в страну рабочей силы, а также меры активной государственной социальной политики и политики в области занятости, направленные на максимальную мобилизацию внутренних резервов предложения на рынке труда. К ним следует отнести: увеличение доли занятых среди инвалидов, увеличение доли занятых среди лиц пенсионного возраста, снижение уровня смертности в трудоспособном возрасте, противодействие наркомании и алкоголизму, сокращение численности государственного аппарата, прежде всего, контролирующих структур и МВД, распространение дистанционной занятости и т.д. По имеющимся оценкам, эти направления позволят экономике дополнительно получить около 5-ти млн. рабочих рук.

В целом, при выверенной государственной политике в области стимулирования роста производительности труда и занятости имеется возможность замещения прогнозируемого дефицита рабочих рук внутренними трудовыми ресурсами, с постепенным сокращением использования зарубежной низкоквалифицированной рабочей силы.

В-третьих, потенциал экономического роста определяется также возможностями увеличения спроса.

Здесь явные ограничения просматриваются со стороны внешнего спроса. Причем, речь идет не только о текущем сужении спроса в послекризисный период, но и о более фундаментальной тенденции, относительно не зависимой от фазы экономического цикла и долгосрочных темпов роста мировой экономики (см. [#Приложение 2. Внешние спросовые ограничения экономического роста](#)).

Вместе с тем, в части потребительского и особенно инвестиционного спроса такие ограничения в кратко- и среднесрочной перспективе попросту отсутствуют.

Инвестиционный спрос — это не просто возможность наращивать капитальные вложения в развитие инфраструктуры и обновление производства. Рост инвестиционной активности является ключевым элементом экономической динамики, так как позволяет решать сразу несколько задач: расширять возможности производственных мощностей, повышать эффективность производства и, наконец, устранять инфраструктурные ограничения развития.

Наращиванию инвестиционной активности в ближайшие несколько лет нет альтернативы. В противном случае никакие институциональные реформы будут не в состоянии вернуть экономике утраченный динамизм развития, а фронтальное нарастание ограничений сделает невозможным последовательное реагирование на возникающие вызовы, что приведет, в конечном счете, к новому витку финансовых ограничений и окончательному сваливанию экономики на траекторию инерционного роста ВВП в 1–3% в год.

Отметим, что текущие характеристики экономической динамики являются также важнейшим параметром инвестиционного климата. Для инвестора устойчивые высокие темпы роста той или иной отрасли экономики свидетельствуют о значительном потенциале роста спроса на соответствующие виды продукции, спросе на продукцию сопряженных отраслей и благоприятной ценовой конъюнктуре данного рынка. Это существенно снижает инвестиционные риски, увеличивает возможности заимствования необходимых финансовых ресурсов, сокращает сроки окупаемости проектов.

Повышение среднегодовых темпов прироста ВВП до 6–7% в среднесрочной перспективе (до 2020 г.) является фундаментальной предпосылкой активизации инвестиционных и инновационных процессов, которые позволят поддерживать высокие темпы роста и в последующие 10–15 лет.

В-четвертых, в России имеется значительное пространство для количественного и качественного роста. Под пространством роста здесь имеется в виду не географическая территория, а экономическое понятие, связанное с концепцией насыщения. Наша страна еще очень далека от насыщения основных потребностей: уровень жилищной обеспеченности, обеспеченности легковыми автомобилями в России в 3–4 раза ниже, чем в экономически развитых странах; существенно ниже обеспеченность товарами длительного пользования; отставание в уровне развития транспортной инфраструктуры – многократное; значимым остается также отставание по потреблению некоторых важнейших видов продуктов питания. Освоение и обустройство огромной российской территории также определяет очень значительный потенциал экономического роста.

В-пятых, в России сегодня нет серьезных ресурсных ограничений на объем инвестиций: в силу высокой нормы сбережения долю накопления в ВВП страны можно увеличивать, не снижая уровня

потребления. Так, в 2006–2012 гг. норма сбережений составляла в среднем 30% от ВВП, тогда как норма накопления лишь около 20%.

В *таблице 1* представлена оценка потенциала экономического роста в России в период до 2030 г. В соответствии с этими оценками наибольший потенциал роста наблюдается в 2013–2020 гг., а его основанием является, главным образом, инвестиционный и потребительский спрос. Ключевой вывод состоит в том, что имеющиеся возможности развития позволяют российской экономике достичь в период с 2013 по 2030 г. среднегодовых темпов прироста ВВП, превышающих 5%.

Перспективы развития российской экономики в ближайшие десятилетия можно проиллюстрировать на базе сценарных прогнозных расчетов.

В рамках разработки конструктивного сценария социально-экономического развития предполагается реализация мероприятий, позволяющих в наибольшей степени использовать имеющийся потенциал экономического роста. Конституирующим признаком конструктивного (внутренне ориентированного инвестиционного сценария) являются высокие темпы роста экономики, которые в свою очередь в решающей степени связаны с динамикой инвестиций и эффективностью их использования.

Таблица 1. Оценка потенциала экономического роста в России, %

Показатель	2013–2015	2016–2020	2021–2025	2026–2030
Валовой внутренний продукт	6,1	7,0	4,6	4,1
В том числе:				
Расходы на конечное потребление:	6,0	5,2	4,4	4,0
домашних хозяйств	7,0	6,2	5,1	4,5
государственного управления	3,4	2,0	1,5	1,5
некоммерческих организаций, обслуживающих домашние хозяйства	1,8	1,0	0,5	0,5
Валовое накопление	13,9	11,2	4,6	3,2
в том числе основного капитала	11,6	11,6	4,6	3,1
Экспорт	2,1	3,3	4,1	4,6
Импорт	9,7	5,9	3,4	2,5

В противовес ему рассматривается инерционный сценарий, сопоставление с которым позволяет оценить результативность мероприятий, реализованных в рамках внутренне ориентированного инвестиционного сценария.

Масштабы российской экономики, неудовлетворенность многих потребностей общества, наряду со значительной ресурсной обеспеченностью и относительно развитой промышленностью, сами по себе являются хорошей базой для экономического роста. Однако при отсутствии целенаправленной экономической политики, ориентированной на достижение стратегических целей экономического развития, такой рост может иметь лишь инерционный характер.

Постепенное нарастание ограничений по численности трудоспособного населения, состоянию инфраструктуры, доступности природных ресурсов будет провоцировать снижение темпов экономического роста и консервацию существующей структуры экономики, а также сохранение ключевых диспропорций развития структурного и пространственного характера.

К факторам, которые в решающей мере будут оказывать воздействие на экономическую динамику в инерционном сценарии, следует отнести:

- неизбежное сокращение численности населения в трудоспособном возрасте в период 2012-2020 гг., сдерживающее возможности развития трудоемких секторов экономики;
- невозможность значимого роста добычи и экспорта сырьевых ресурсов при сложившихся и перспективных уровнях капиталоемкости и налоговой нагрузки;
- высокую зависимость экономической динамики от внешней конъюнктуры;
- повышение требований по увеличению государственных инвестиций в раз-

витие инфраструктуры и оборонных отраслей; растущую в связи с этим нагрузку на бюджет;

- опережающие темпы потребительского и инвестиционного спроса по отношению к возможностям внутреннего производства;
- рост доли импорта на внутреннем рынке;
- отсутствие действенных механизмов перелива капитала, тормозящее модернизацию производственной базы.

В рамках перечисленных ограничений доступные ресурсы могут быть сконцентрированы на решении лишь весьма узкого диапазона задач развития. К таким задачам может быть отнесено приоритетное развитие транспортной и энергетической инфраструктуры, поддержание добычи сырьевых ресурсов, развитие отдельных, зачастую изолированных от остальной экономики анклавов обрабатывающей промышленности.

В случае реализации этого сценария средние темпы прироста ВВП в 2011–2030 гг. составят 2,9%.

Следует отметить, что в течение всего прогнозного периода импорт будет оказывать заметное сдерживающее влияние на экономический рост, а его отрицательное воздействие на экономическую динамику превысит положительное воздействие со стороны инвестиций в основной капитал. Такой результат в первую очередь объясняется тем, что в рамках инерционного сценария не удастся обеспечить необходимый объем производства конкурентоспособной продукции инвестиционного назначения в условиях повышения нормы накопления основного капитала.

Доля инвестиций в ВВП постепенно возрастает в течение всего прогнозного периода, но при этом она не превысит 26%. Это объясняется сохранением дефицита финансовых ресурсов в производственном

секторе, в особенности в обрабатывающих производствах, при отсутствии удовлетворительных механизмов, обеспечивающих нормальный доступ к кредитам.

Реализация инерционного варианта с ограниченным набором ориентиров развития предполагает опережающие темпы производства в секторах услуг и видах промышленной деятельности, ориентированных на удовлетворение потребительского спроса. Что касается высоко- и среднетехнологичных производств, то их развитие хотя и происходит более высокими по сравнению с экономикой темпами, но не позволяет добиться существенного увеличения их доли в суммарном производстве. Сектор добычи полезных ископаемых в период после 2020 г. сталкивается с проблемой исчерпания ресурсов в традиционных регионах добычи на фоне удорожания капитальных затрат при освоении новых месторождений (в том числе и на шельфе).

В структуре производства отмечаются минимальные изменения, связанные со снижением в валовом выпуске добычи полезных ископаемых (до 4% к 2030 г.) и низкотехнологичных отраслей обработки, по которым в прогнозный период наблюдаются ограничения, объясняемые насыщением внутреннего спроса.

В структуре российского экспорта продолжат преобладать сырьевые ресурсы. Сохранение структуры экспорта не позволит в период 2012-2030 гг. существенно увеличить долю России в мировой торговле. Экспорт высокотехнологичной продукции останется незначительным и к концу прогнозного периода не превысит 4% суммарного объема вывоза товаров.

Относительно низкие темпы прироста производства в секторах инвестиционного комплекса на фоне опережающих темпов роста инвестиций в основной капитал приведут к росту доли импорта на внутреннем рынке. Наиболее существенно доля импорта может вырасти в секторах

обрабатывающей промышленности, связи и телекоммуникационном комплексе. На рынке высокотехнологичных товаров доля импорта к 2030 г. достигнет 65%, на рынке среднетехнологичных отраслей – 50%.

В структуре инвестиций в основной капитал на фоне роста капиталоемкости увеличится доля добывающих секторов. В условиях относительно низких темпов экономического роста экономика будет иметь ограниченные возможности по привлечению финансовых ресурсов. Главные потоки инвестиций в основной капитал концентрируются в отраслях традиционного экспорта, а также в ограниченном перечне производств, финансируемых за счет ресурсов государства.

Рост нормы накопления в экономике и улучшение параметров эффективности производства приведут к улучшению характеристик использования трудовых ресурсов. Производительность труда в высокотехнологичных секторах возрастает в 2,5 раза; в сельском хозяйстве – в 3,4; в торговле – в 3,5; в финансах и страховании – в 2,5 раза. Суммарная численность занятых в экономике к 2030 г. составит 64 млн. чел. или 95% к уровню 2011 г.

Согласно инерционному сценарию, к концу прогнозного периода России не удастся кардинально изменить облик экономики и нарастить потенциал дальнейшего развития. Большинство факторов экономического роста имеют затухающий характер. Рост эффективности производства хотя и будет существенным, но не обеспечит необходимого роста уровня конкурентоспособности в условиях глобального экономического соперничества. Объем ВВП на душу населения к 2030 г. оценивается (в текущих ценах) примерно в 36 тыс. долл., что при минимальной оценке ВВП на душу населения в США на этот период (100 тыс. долл.) не предполагает дальнейшего сокращения разрыва в уровне жизни с развитыми странами.

В рамках «внутренне ориентированного инвестиционного сценария» имеется возможность максимального использования имеющегося потенциала экономического роста.

Ключевые риски реализации данного сценария состоят в том, что для поддержания высоких темпов экономического роста в период до 2020 г. требуется не только обеспечить рост инвестиционного и потребительского спроса, но и создание (на базе развития внутреннего производства) потенциала расширения экспорта во второй половине прогнозного периода. Имеющиеся возможности ускорения экономической динамики в данном сценарии реализуются на основе использования активных мер в области экономической политики. К числу основных из них относятся:

- интенсификация в первой части прогнозного периода (до 2020 г.) всех возможностей наращивания инвестиций в основной капитал (за счет государственных, частных, иностранных источников). Достижение к 2020 г. примерно 35-процентной нормы накопления основного капитала;

- реализация в период до 2020 г. программы возрождения инвестиционного машиностроения как на принципах создания новых производств отечественной продукции, так и на принципах развертывания производств промышленной сборки. Обеспечение темпов роста производства инвестиционных товаров, опережающих темпы роста внутреннего рынка такой продукции;

- наращивание в период до 2020 г. производственных мощностей в инфраструктурном и дорожном строительстве;

- реализация проектов, направленных на поддержание и расширение объемов добычи, производства и транспортировки сырьевых ресурсов;

- привлечение значительных финансовых ресурсов в исследования и разработки с целью создания потенциала роста конкурентоспособности обрабатывающих отраслей и последующего расширения объемов несырьевого экспорта.

За счет реализации комплекса мероприятий по интенсификации экономического роста во внутренне ориентированном инвестиционном варианте в прогнозируемом периоде удастся обеспечить в среднем темпы прироста ВВП 5,1%.

Наиболее высокие средние темпы прироста ВВП (7%) ожидаются в период 2016–2020 гг., на который приходится пик инвестиционного и потребительского спроса. После него происходит плавное замедление экономической динамики, связанное с достижением высоких показателей инвестиционной активности, преодолением наиболее острых ограничений по капиталу, а также насыщением по ряду позиций потребительского спроса. Значительный вклад в итоговый прирост ВВП обеспечивает экспорт (особенно в период после 2020 г.). По сравнению с инерционным сценарием его темпы в прогнозируемом периоде увеличиваются более чем в 2 раза и к концу прогнозного периода превышают динамику ВВП. Темпы прироста импорта в этом сценарии за счет повышения конкурентоспособности отечественных товаров и импортозамещения оказываются даже ниже, чем в инерционном сценарии.

Наибольший вклад в итоговый прирост ВВП обеспечивает потребление домашних хозяйств. После 2020 г. значительное влияние на экономическую динамику окажут расширение экспорта, прежде всего несырьевой продукции, и процессы импортозамещения.

Инвестиционный характер сценария предполагает достижение высоких показателей роста эффективности производства. В частности, энергоёмкость ВВП в

данном сценарии к 2030 г. составляет лишь 44% уровня 2010 г., электроемкость — 66%. Более медленное снижение электроемкости объясняется ростом удельного потребления электроэнергии населением при его одновременном снижении в промышленности и сфере услуг. Инвестиционная активность, создание новых производств в промышленности способствуют значительному росту производительности труда, которая по сравнению с 2010 г. увеличивается более чем в 2,7 раза.

В российской экономике наибольшими темпами роста производства характеризуются высоко- и среднетехнологичные виды экономической деятельности, строительство, операции с недвижимым имуществом, финансы и страхование. Значительные объемы инвестиций в основной капитал позволяют на всем протяжении прогнозного периода сохранять положительную динамику добычи полезных ископаемых. Следует также отметить высокую динамику в секторе исследований и разработок. Относительно низкие темпы роста производства отмечаются в низкотехнологичных обрабатывающих производствах.

К концу прогнозного периода суммарная доля в валовом выпуске высокотехнологичных производств и среднетехнологичных производств высокого уровня увеличивается до 14,5% (8,5% в 2010 г.). Доля торговли в валовом выпуске меняется незначительно и составляет в 2030 г. 17%.

К 2030 г. до 20% итогового прироста валового выпуска экономики обеспечивается за счет высокотехнологичных производств и среднетехнологичных производств высокого уровня (в инерционном варианте их вклад не превышает 12%).

Ключевым элементом сценария является высокий уровень инвестиционной активности. В частности, средние темпы прироста инвестиций в основной капитал в высокотехнологичном секторе на всем

протяжении прогнозного периода превышают 15%, в строительстве — 9%, среднетехнологичных секторах обработки — 8%, финансах и страховании — 8, гостиничном и ресторанном комплексах, а также торговле — 7%.

В структуре инвестиций в основной капитал наибольшую долю к концу прогнозного периода будут иметь добыча полезных ископаемых (13%), транспортировка и хранение (15%), строительство и операции с недвижимым имуществом (23%). В целом сценарий обеспечивает опережающее обновление производственного потенциала и создание новых производств в инвестиционном комплексе при сохранении высокого уровня вложений в поддержку добывающих секторов.

Результатом реализации внутренне ориентированного инвестиционного сценария является новое качество структуры российской экономики, которая, с одной стороны, обладает высоким ресурсным потенциалом (добыча нефти к 2030 г. составляет свыше 530 млн. т), а с другой — имеет возможность наращивать объемы экспорта за счет модернизации инвестиционного и создания нового высокотехнологичного комплекса.

Одной из ключевых характеристик реализации внутренне ориентированного инвестиционного сценария является масштабное импортозамещение, которое, несмотря на существенный рост инвестиционного и потребительского спроса, позволяет снизить долю импорта на внутреннем рынке до уровня показателей посткризисного 2010 г. При этом в период наращивания нормы накопления ВВП (до 2020 г.) доля импорта на рынке продолжает увеличиваться на фоне модернизации производства и закупок нового оборудования. Однако в дальнейшем возможности промышленности позволяют удовлетворять потребности отечественной эконо-

мики, постепенно снижать долю импорта на внутреннем рынке. В частности, на рынке высокотехнологичных товаров доля импорта снижается с 62 до 55%, на рынке среднетехнологичных товаров высокого уровня обработки – с 42 до 36%.

Повышение конкурентоспособности отечественной обрабатывающей промышленности в данном сценарии является базой для роста экспорта высокотехнологичной и среднетехнологичной продукции высокого уровня, особенно во второй половине прогнозного периода. К 2030 г. на долю этих производств может приходиться 21% всего российского экспорта, при этом доля полезных ископаемых снижается до 15%.

Важным элементом сценария является рост эффективности использования трудовых ресурсов.

Суммарная занятость к концу прогнозного периода лишь незначительно превышает уровень 2010 г., несмотря на существенно более высокие (по сравнению с инерционным вариантом) темпы роста ВВП. При этом наблюдается рост занятых в высокотехнологичном секторе экономики, строительстве, транспорте, гостиницах и ресторанах. Наибольший потенциал сокращения численности занятых имеется в торговле. В бюджетных секторах происходит плавное снижение численности занятых в образовании при одновременном росте занятости в здравоохранении. Фронтальное увеличение вложений в науку определяет рост занятости в секторе исследований и разработок.

Существенное влияние на структуру занятости оказывает изменение эффективности использования трудовых ресурсов. Наиболее быстро производительность труда растет в высокотехнологичных производствах (в 4,3 раза), торговле (в 3,6 раза), среднетехнологичных производствах высокого уровня (в 3,4 раза), финансах и страховании (в 3 раза).

Таким образом, реализация внутренне ориентированного инвестиционного сценария позволяет в значительной степени использовать имеющийся в российской экономике потенциал развития. При этом последовательное увеличение инвестиций в основной капитал, модернизация инвестиционного комплекса, рост эффективности производства и импортозамещение позволяют во второй фазе прогнозного периода перейти к стратегии наращивания объемов несырьевого экспорта, что расширяет возможности российской экономики за пределами 2030 г.

В заключение, во-первых, приведем сравнительные оценки основных макроэкономических показателей, характеризующих два рассматриваемых сценария развития российской экономики на период до 2030 г. (см. табл. 2).

Во-вторых, отметим: в связи с тем, что, по состоянию на середину 2013 г., эффективные меры, о которых шла речь выше, предприняты не были, фактические темпы роста экономики в первом полугодии этого года оказались даже ниже темпов динамики ВВП по инерционному сценарию.

Конкурентоспособность экономики

Не менее приоритетной, чем ускорение экономической динамики, является задача повышения конкурентоспособности экономики, напрямую не связанная с темпами роста ВВП или промышленного производства. Повышение конкурентоспособности предполагает: снижение издержек и налаживание выпуска пользующейся спросом новой уникальной продукции, но, в то же время, закрытие неэффективных производств. Поэтому только на основе решения обеих указанных задач могут быть обеспечены переход к качественному, долговременному росту и кардинальное повышение жизненного уровня населения.

Таблица 2. Ключевые параметры развития экономики РФ при реализации инерционного и внутренне ориентированного инвестиционного сценариев

Показатель / период (годы)	2006-2010	2011-2015	2016-2020	2021-2025	2026-2030
Динамика ВВП, %					
Внутренне ориентированный инвестиционный	2,3	5,8	7,0	4,3	3,6
Инерционный		3,8	3,1	2,5	2,1
Динамика валового выпуска, %					
Внутренне ориентированный инвестиционный	2,4	4,9	6,3	4,0	3,8
Инерционный		3,5	2,9	2,7	2,7
Показатель / год	2010	2015	2020	2025	2030
Производительность труда, раз					
Внутренне ориентированный инвестиционный	1	1,44	2,01	2,40	2,76
Инерционный		1,33	1,62	1,83	2,00
Энергоемкость, раз					
Внутренне ориентированный инвестиционный	1	0,81	0,66	0,57	0,49
Инерционный		0,84	0,73	0,64	0,57
Норма накопления, % ВВП					
Внутренне ориентированный инвестиционный	21,9	25,9	35,0	31,2	28,9
Инерционный		23,0	24,8	25,7	25,5
Доля импорта на внутреннем рынке, %					
Внутренне ориентированный инвестиционный	15,4	16,1	15,9	14,8	14,4
Инерционный		16,8	17,9	18,9	19,8
ВВП на душу населения, тыс. долл. США в текущих ценах					
Внутренне ориентированный инвестиционный	10,5	17,6	24,4	32,4	54,0
Инерционный		16,9	21,2	26,1	36,0

Реальная конкурентоспособность экономики России превышает оценки некоторых международных исследовательских центров, прежде всего, регулярно публикуемые Мировым экономическим форумом, который поставил Россию в 2011–2012 гг. по уровню глобальной конкурентоспособности на 66-е место. Более объективными представляются расчёты Международного института менеджмента и развития (Лозанна), согласно которым Россия по конкурентоспособности занимает 44-е

место; и рейтинги международных консультационно-аудиторских компаний: например, Deloitte & Touche поставил Россию по индексу конкурентоспособности обрабатывающей промышленности на 20-е место. По оценке Ernst & Young привлекательность России для иностранных инвесторов, начиная с 2005 г., существенно выросла. В качестве основного положительного фактора 75% иностранных компаний отмечали ёмкость внутреннего рынка, 69% – телекоммуникационную структуру.

Такая же доля компаний удовлетворена уровнем трудовых издержек и квалификацией рабочей силы, возможностями роста производительности труда. Хотя по уровню производительности труда (выпуск продукции на одного занятого) отставание России от наиболее развитых стран мира сейчас больше, чем было при СССР (см. [#Приложение 1. Производительность труда в России и некоторых зарубежных странах](#)), по этому показателю она опережает другие страны БРИКС, включая Китай, почти в 3 раза.

Наиболее значимые конкурентные преимущества России – природные ресурсы: почти 6% мировых запасов нефти, 24% – природного газа, 8% мировых резервов пресной воды и пахотной земли, 23% – лесных угодий. Другое конкурентное преимущество – ёмкий внутренний рынок. По этому показателю Россия занимает 6-е место в мире. По темпам роста внутреннего рынка Россия уступает только Китаю, опережая все другие страны, включая Индию и Бразилию. При этом Россию характеризует высокий уровень сбережений населения.

Географическое положение России хотя и хуже, чем у СССР (в 1991 г. мы потеряли выходные порты на Балтике и Чёрном море – Рига, Клайпеда, Одесса), но потенциально всё ещё остаётся достаточно выгодным. Внешние рынки, территориально приближённые к России, составляют 36% мирового ВВП.

Ещё одно конкурентное преимущество России связано с образованием, по уровню которого она занимает 25-е место в мире из 139 стран, намного опережая Бразилию (51-е место), Китай (96-е место) и Индию (108-е место). Удельный вес занятых с высшим образованием в нашей стране – один из самых высоких в мире (после США), а доля занятых, имеющих только начальное образование – всего 7% против 10% в США, 11% – в Эстонии, 18% – в Германии и 27% – во Франции.

По числу крупнейших компаний, способных выполнять глобальные функции, и их капитализации Россия существенно отстаёт от передовых стран, прежде всего от США, а также от Китая, но в целом занимает по этому показателю 11-е место, опережая такие страны, как Швеция, Финляндия, Дания и Сингапур.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1. Производительность труда в России и некоторых зарубежных странах

Уровень производительности труда в России составляет 26,8% от показателя Соединенных Штатов Америки, 40% от показателя Японии и Германии, 33,3% от показателя Франции, 36% от показателя Швеции. Целый ряд бывших советских республик опережают Россию: Армения, Беларусь, Эстония, Латвия, Литва, Казахстан. Наблюдается отставание в темпах роста производительности труда России от показателей стран-партнеров по БРИК. Согласно данным Росстата, в 2010 году производительность труда выросла в целом по экономике на 3%, в то время как в Китае на 8,5%, в Индии на 5,5%, в Бразилии на 4%.

Колоссальное отставание по показателям производительности труда от развитых стран мира наблюдается сегодня во всех отраслях экономики: от 3–4 раз в относительно благополучных отраслях нефтегазового и химико-металлургического комплекса, торговли и банковского сектора до 10–12 раз в сельском хозяйстве. Модернизация и технологическое перевооружение производств может обеспечить рост производительности труда

в среднем от 3 до 5 раз. Эти показатели наблюдаются по всем отраслям. Наглядным примером потенциала такого роста является и дифференциация между предприятиями внутри отраслей, составляющая от 5-кратной величины в машиностроении до 13 раз в металлургии.

Приложение 2. Внешние спросовые ограничения экономического роста

Одно из важнейших ограничений экономического роста в России — вялая динамика внешнего спроса на основные товары российского экспорта. Причем речь идет не только о текущем сужении спроса в послекризисный период, но и о более фундаментальной тенденции, относительно не зависимой от фазы экономического цикла и долгосрочных темпов роста мировой экономики.

С 2006 года развитые страны сокращают абсолютные объемы потребления нефти. Это долгосрочная тенденция: сокращение происходит и при падении ВВП, и при его росте, меняется только скорость сокращения и сохраняются контрасты между странами. Не только в развитых странах, но и в крупнейших развивающихся экономиках — Китае, Индии, Бразилии — рост экономики сопровождается повышением их эффективности. Особенно быстро снижаются удельные расходы энергоресурсов, энергоемкость ВВП.

Таким образом, мировой экономике потребуется гораздо меньше нефти, чем это представлялось всего несколько лет назад. С другой стороны, предложение нефти будет расти. Пока странам ОПЕК с помощью квот на добычу нефти удастся сдерживать рост предложения и удерживать такой баланс между спросом и предложением, который обеспечивает нынешний уровень цен. Однако при росте добычи вне ОПЕК, а также в Ираке (на него не распространяется квотирование добычи) и при резком замедлении мирового спроса велика вероятность, что баланс между спросом и предложением установится на совершенно ином, гораздо более низком ценовом уровне.

Потребление природного газа в мире будет расти вдвое большими темпами, нежели нефти, — примерно на 1,5% в год. Уже начал формироваться единый мировой газовый рынок, технологической основой которого является сжиженный газ, доля которого к 2020 году составит до 50% мировой торговли. Главными характеристиками этого рынка будут: (а) достаточное предложение для удовлетворения импортного спроса; (б) возможность свободного выбора поставщика; (в) независимое от цен на нефтепродукты ценообразование в соответствии с соотношением спроса и предложения. В этих условиях торговля газом будет основываться на тех же принципах, что и на любом другом товарном рынке, — заключение долгосрочных контрактов по объемам поставок, а цены будут определяться конъюнктурой рынка на момент поставки. Такой единый мировой газовый рынок сформируется в течение ближайших нескольких лет.

СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ

УДК 001.89(470.12)

ББК 72.4(2Рос-4Вол)

© Ильин В.А., Леонидова Г.В., Попова В.И.

Научно-образовательный центр ИСЭРТ РАН – точка роста научно-технического потенциала региона

**Владимир Александрович
ИЛЬИН**

доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ,
директор ИСЭРТ РАН
ilin@vscc.ac.ru

**Галина Валентиновна
ЛЕОНИДОВА**

кандидат экономических наук, доцент, зав. лабораторией ИСЭРТ РАН
galinaleonidova@mail.ru

**Вера Ивановна
ПОПОВА**

кандидат экономических наук, зав. отделом ИСЭРТ РАН
vera-22vip@mail.ru

В годы рыночных трансформаций в России доля наукоемкого сектора в экономике страны и региона значительно сократилась (снизилась востребованность к результатам научно-исследовательских и проектно-конструкторских работ, упала реальная заработная плата научных работников, снизилась в общественном мнении ценность профессиональной научной деятельности, сократился приток в науку молодежи). Преодоление этих негативных тенденций требует новых подходов к формированию научного потенциала страны. Важнейшим из них является интеграция образования и науки.

В предлагаемой статье освещается опыт, накопленный в этом отношении в Институте социально-экономического развития территорий РАН путем создания и организации работы Научно-образовательного центра экономики и информационных технологий, который действует уже десять лет.

В статье представляются идейные и методологические подходы к формированию НОЦ, методические приемы, применяемые в нем для обучения молодежи в цепочке «школа – вуз – аспирантура – научная деятельность». Показывается результативность и эффективность работы НОЦ в решении задач развития регионального научно-технического потенциала. Подчеркивается важность совместной работы школьного и вузовского образования, науки, региональных и муниципальных органов власти.

Содержатся оценки обучающихся в Научно-образовательном центре, касающиеся их мнения о формах и методах обучения и эффективности обучения для выбора профессии.

С опорой на накопленную практику и результаты деятельности Научно-образовательного центра обосновываются перспективы его развития как учебного заведения нового типа, где осуществляется полноценный цикл подготовки высококвалифицированных кадров в области экономики, управления, информационных технологий.

Научно-технический потенциал региона, подготовка научных кадров, научно-образовательный центр ИСЭРТ РАН, талантливая молодежь, организация научно-исследовательской деятельности.

Переход к инновационной экономике

Ключевой тренд современных экономик – инновационное развитие. В государствах, идущих по этому пути, более 80% прироста ВВП обеспечивается за счет наукоемкой продукции и услуг, а предложения инновационных разработок превышают спрос на них¹. В настоящий момент этот процесс получил название *экономики знаний*.

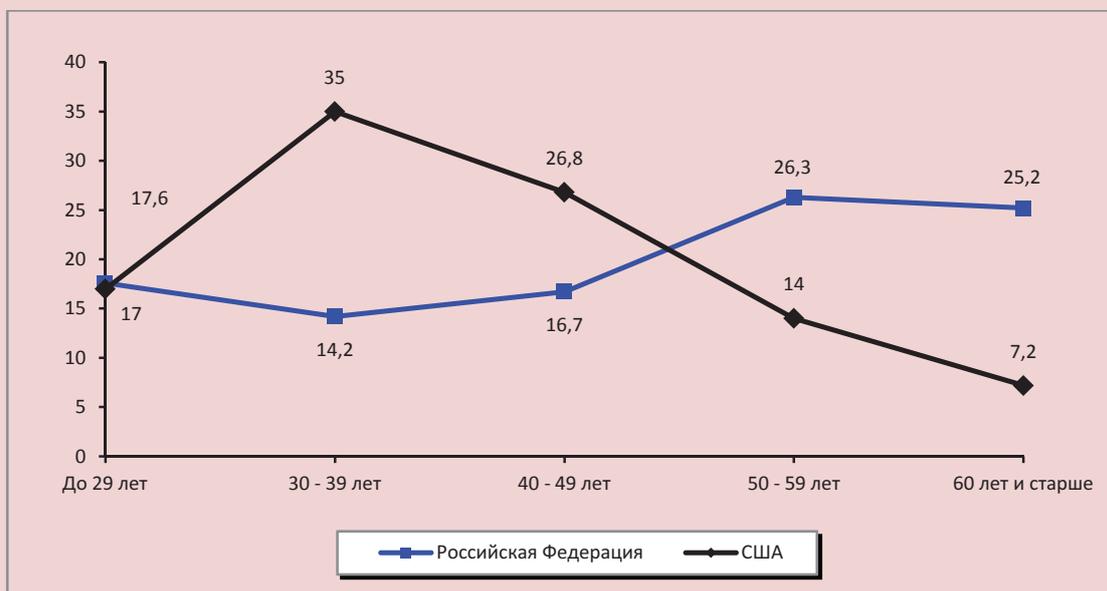
В России движение к экономике знаний как стратегический путь развития обозначилось только в начале текущего столетия. Однако по ряду объективных и субъективных причин в трансформационном периоде отечественная наука и высокотехнологичные отрасли оказались в непростой ситуации. Во-первых, резко сузилось наукоемкое пространство. Сегодня на мировых рынках высоких технологий Россия занимает менее 0,3%. За последние два десятилетия численность

работников высокотехнологичного производства и инновационной сферы в России уменьшилась в два раза. Это идет вразрез с общемировой тенденцией роста доли исследователей как во всех странах «Большой Восьмерки», так и в азиатских странах², где особенно выделяется Китай. Здесь с 2000 по 2007 г. количество исследователей в расчете на 10 тыс. жителей возросло с 5,5 до 10,7 чел. (в 2 раза). В воспроизводстве научных кадров в России образовался большой демографический провал в поколении 30–49-летних, наиболее эффективном для науки возрасте. В США, например, эта возрастная группа исследователей составляет 64%, а в РФ – лишь 32% (рис. 1).

² Ильин В.А., Гулин К.А., Леонидова Г.В. Расширенное воспроизводство научных кадров как ключевое звено поступательного развития территорий // Приоритеты научно-технического развития Северо-Запада России. Материалы заседания Межведомственного Северо-Западного координационного совета при РАН по фундаментальным и прикладным исследованиям / под общей редакцией В.В. Окрепилова. – СПб.: ГУАП, 2011. – 422 с. – С. 144-161.

¹ Инновационная политика: Россия и Мир: 2002–2010 / под общ. ред. Н.И. Ивановой и В.В. Иванова; Российская академия наук. – М.: Наука, 2011. – 451 с.

Рисунок 1. Распределение исследователей (%) по возрастным группам в России (2008 г.) и США (2004 г.)

Источник: Индикаторы науки. 2009: стат. сб. – М.: ГУ-ВШЭ, 2009. – С. 34.

Отток молодых ученых из сферы научных исследований и разработок напрямую связан с недофинансированием отрасли. Величина затрат на исследования и разработки в РФ (в % от ВВП) показывает далеко не оптимистичную картину по сравнению с зарубежными государствами (рис. 2). И хотя доля финансовых затрат России на исследования и разработки с 2000 г. несколько возросла (на 0,2%), однако этот показатель по-прежнему значительно ниже (в 2 раза и более), чем в странах-лидерах по научно-технологическому развитию. По этой причине заработная плата работающих в российской науке серьезно отстает от зарубежных показателей, происходит падение ценности профессиональной научной деятельности, усиливается масштабная невостребованность науки в большинстве сфер национальной экономики.

Стратегические цели социально-экономического развития страны настоя-

тельно диктуют необходимость изменения сложившегося положения. Россия как можно быстрее должна стать страной, «...благополучие которой обеспечивается интеллектуальными ресурсами...»³ Для осуществления «инновационного скачка» необходим кадровый ресурс, в котором ключевым элементом является высококвалифицированный специалист, обладающий системным мышлением, необходимым объемом сложных специализированных знаний и, одновременно, чуткий к вызовам ускоряющегося научно-технического прогресса. Наличие таких специалистов необходимо не в единичных экземплярах, а как целая генерация, формирующаяся со школьных лет и далее непрерывно и активно развиваемая в течение всей жизни.

³ Стенографический отчет о заседании президиумов Государственного совета, Совета по культуре и искусству и Совета по науке, технологиям и образованию. – 22.04.2010 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа (12.05.2010 г.): <http://www.kremlin.ru/transcripts/7530>

Рисунок 2. Внутренние затраты на исследования и разработки (в % к ВВП), 2011 г.*

*Или ближайшие годы, по которым имеются данные.

Источник: Индикаторы науки: 2013: стат. сб. – М.: НИУ ВШЭ, 2013. – 400 с. – С. 349.

Наиболее эффективным механизмом решения этих вопросов, как считают большинство российских ученых и авторитетных работников образования, является создание системы, в которой обучающиеся (школьники, студенты) были бы включены в процессе обучения в научные исследования и практическую инновационную деятельность. Для этой цели наиболее подходят интеграционные механизмы, которые предусматривают участие в учебном процессе не только научных коллективов и работников образования, но и предпринимательских структур. Речь по существу идет о встраивании учебного процесса в инновационную цепочку, способствующую в сжатые сроки модернизировать отечественную социально-экономическую систему.

Взаимодействие научных и образовательных структур в стране было официально предусмотрено в Федеральной целевой программе «Государственная

поддержка интеграции высшего образования и фундаментальной науки на 1997–2006 гг.»⁴, которая продолжилась принятой в 2001 г. программой «Интеграция науки и высшего образования на 2002–2006 гг.»⁵. Реализация этих программ способствовала созданию интегрированных научно-образовательных структур в форме базовых кафедр, проблемных лабораторий; активизировала участие научных сотрудников Академии наук в образовательном процессе и т.д. Однако правового оформления отработанных механизмов взаимодействия в период реализации Программ добиться не удалось⁶. А с прекращением их действия существенно замедлились и темпы интеграционных процессов, хотя

⁴ Утверждена постановлением Правительства РФ от 09.09.1996 г. №1062.

⁵ Утверждена постановлением Правительства РФ от 05.09.2001 г. №660.

⁶ Инновационная политика: Россия и Мир: 2002–2010 / под общ. ред. Н.И. Ивановой и В.В. Иванова; РАН. – М.: Наука, 2011. – 451 с.

эти вопросы не оставались без внимания ни у научной общественности, ни у высшего руководства страны. Так, в 2007 г. были частично сняты проблемы несовершенства законодательной базы интеграционных процессов, что отразилось в изменениях действовавших законов⁷ «Об образовании» и «О науке и государственной научно-технической политике». А с принятием в 2009 г. ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» появилось определение научно-образовательных центров, их стали рассматривать как «структурные подразделения (или часть структурного подразделения, или совокупность структурных подразделений) научной или образовательной организаций, осуществляющих проведение научных исследований по общему научному направлению, подготовку кадров высшей квалификации».

В ряде научных учреждений РАН и вузов продолжалась отработка форм взаимодействия. Примером такой системы может служить союз Российской академии наук и Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Первым высшим учебным заведением, реализовавшим систему «школа – вуз – аспирантура», стал созданный на базе специального факультета МГУ Московский физико-технический институт (МФТИ), в котором была разработана особая система обучения, известная теперь под названием «система Физтеха». В нее входят три основополагающих и неразрывно связанных компонента:

– целенаправленный отбор во всех регионах страны талантливых школьников для поступления в МФТИ через разветвленную систему довузовской под-

готовки (Заочная физико-техническая школа, олимпиады, выездные приемные комиссии и т.д.);

– фундаментальность общего естественнонаучного и гуманитарного образования на первом–третьем курсах;

– углубленная профессиональная подготовка на втором–шестом курсах в рамках специализированных факультетских циклов и непосредственно на базовых кафедрах МФТИ при институтах и научных центрах РАН и ряде ведущих акционерных обществ и холдингов, занимающихся высокими технологиями.

Еще одним ярким примером интеграционного взаимодействия стал функционирующий с 1998 г. Научно-образовательный комплекс Физико-технического института им. А.Ф. Иоффе в Санкт-Петербурге (его основатель – нобелевский лауреат Ж.И. Алферов). В настоящее время он действует как Санкт-Петербургский академический университет – Научно-образовательный центр нанотехнологий РАН (Академический университет).

Словом, интеграция научно-образовательной деятельности двигалась шаг за шагом вперед, приобретая все более углубленные формы, создавая образцы для творческого повторения.

Предпосылки, идеи становления регионального научно-образовательного центра

История создания научно-образовательного центра при ИСЭРТ РАН имеет ряд значимых особенностей. Одна из них состоит в том, что в Вологодской области, несмотря на быстрое наращивание производства в 1960–1980 гг. продукции черной металлургии и химической промышленности в Череповце, машиностроения в Вологде, а также продукции лесного комплекса, вплоть до конца 1990 г. не имелось ни одной ячейки большой академической науки. И только в

⁷ Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам интеграции науки и образования» от 01.12.2007 г. №308.

конце 1990 г. в Вологде появился отдел академического Института экономических проблем Кольского научного центра. При поддержке РАН отдел к середине 1990-х гг. расширился и получил статус Вологодского научно-координационного центра ЦЭМИ РАН. Дальнейшее развитие молодого академического подразделения столкнулось с большими трудностями в пополнении квалифицированными кадрами. Не давало продвижения по этой же причине и создание собственной аспирантуры.

Тогда удалось привлечь к решению этих проблем руководство Вологодского государственного технического университета. На кафедре экономики и менеджмента экономического факультета университета, руководимой д.э.н., профессором А.П. Дороговцевым, была создана базовая секция региональной экономики. Имеющие ученую степень сотрудники ВНКЦ стали по совместительству преподавать экономические дисциплины для студентов базовой секции, а ведущие профессора кафедры – руководить диссертационными исследованиями аспирантов Центра. Процесс интеграции развивался также путем совместного выполнения исследований по федеральным грантам и программам. Но масштабы совместной деятельности увеличивались все же медленно. Росла необходимость такой организации, которая способствовала бы развитию интереса к научной деятельности в сфере экономики у выпускников средних школ.

В этот период сформировалась, с опорой на уже имеющийся опыт в стране, идея о создании при ВНКЦ регионального научно-образовательного центра. Практическая реализация идеи виделась в организации комплексной цепочки подготовки кадров высшей квалификации по алгоритму «школа – вуз – аспирантура»

путем объединения усилий научных, образовательных учреждений, органов региональной и муниципальной власти.

И эту идею удалось претворить в конкретные действия. Прежде всего, благодаря тому, что идею не просто поддержали, а активно включились в ее воплощение городское Управление образования (в частности, зам. начальника О.Ю. Линькова) Администрации Вологды (глава города А.С. Якуничев), руководители общеобразовательных школ (директор средней школы №32 г. Вологды Г.А. Маничева), Вологодского государственного технического университета (ректор д.э.н., профессор Р.В. Дерягин), Санкт-Петербургского государственного инженерно-экономического университета (ректор д.э.н., профессор А.И. Михайлушкин) и его филиала в г. Вологде. Крайне важной была поддержка губернатора Вологодской области. И особенно руководства Российской академии наук в лице ее вице-президентов В.В. Козлова и А.Д. Некипелова.

Большую роль сыграло совместное письменное обращение президента РАН Ю.С. Осипова и губернатора Вологодской области В.Е. Позгалева к Президенту России В.В. Путину, который поручил Правительству РФ проработать вопросы развития НОЦ совместно с руководством области. Это способствовало включению в инвестиционную программу РАН создания материально-технической базы НОЦ: строительство учебно-лабораторного корпуса, общежития для молодых ученых, современное технологическое оформление учебных лабораторий и т.п. Кроме того, поддержка Академии наук в рамках целевого финансирования по программе «Поддержка молодых ученых» позволила не только создать квалифицированный преподавательский состав НОЦ, но и активизировать разработку учебных

программ, расширить контингент обучающихся (за десять лет число школьников НОЦ возросло в 17 раз – с 34 до 590, студентов – в 8 раз – с 97 до 650), увеличить спектр учебных дисциплин, выйти на межрегиональный уровень, отработать методики работы с талантливыми детьми и молодежью.

Сегодня Научно-образовательный центр ИСЭРТ РАН представляет собой многоступенчатую систему подготовки и переподготовки специалистов высшей квалификации для науки, хозяйствующих субъектов и региональных органов власти, основная миссия которой заключается в создании условий для выявления и развития способностей талантливой молодёжи региона и привлечения её в научную сферу, воссоздании среды научного поиска. Последнее является основным приоритетом в деятельности НОЦ, так как, с одной стороны, способствует повышению эффективности усвоения знаний, умений и навыков, соответствующих образовательным стандартам и дальнейшей их генерации, т.е. путь приращенения знаний, с другой – является способом начальной профессиональной подготовки молодых учёных. Именно этот контекст, по нашему мнению, задаёт для ребят мотивацию на работу в высокоинтеллектуальных отраслях.

Внедрение современных форм и методов обучения в НОЦ

Контингент обучающихся в НОЦ представлен школьниками, студентами и аспирантами, что отвечает логике интеграционного взаимодействия науки и образования, в рамках которого образовательная деятельность (за исключением аспирантуры) осуществляется Институтом совместно с органами управления образованием и образовательными учреждениями.

География сотрудничества представлена как Вологодской областью, так и еще девятью российскими регионами (Ростовская, Мурманская, Ленинградская, Ярославская, Ивановская, Костромская, Новгородская области, Пермский край, Республика Карелия, г. Санкт-Петербург). На протяжении последних лет развиваются активные контакты с Республикой Беларусь (дистанционное обучение).

Практика организации научно-исследовательской деятельности в школьной подсистеме НОЦ ИСЭРТ РАН направлена на овладение исследовательскими компетенциями и осуществляется по следующим направлениям:

- освоение элективного курса «Основы исследовательской деятельности» в 5–11 классах экономического факультатива;
- участие школьников в конкурсах научно-исследовательских работ и эссе НОЦ ИСЭРТ РАН, завершающееся выступлением на конференции «Экономика региона глазами старшеклассников»;
- участие обучающихся во внешних конкурсах, конференциях и олимпиадах.

Кроме традиционных форм, способствующих всестороннему развитию способностей обучающихся (факультативные занятия по экономике для школьников с 5 по 11 классы и т.д.), в Научно-образовательном центре используются разные, в первую очередь творческие формы работы с молодёжью (Экономическая интернет-школа, научные семинары-дискуссии; олимпиады; дискуссионные клубы; деловые игры; летние научные школы и т.д.). То есть в деятельности НОЦ приоритетная роль принадлежит реализации технологий, способствующих развитию мышления, творческих способностей. Удельный вес активных форм обучения в совокупности составляет 50% [11, с. 30].

Особая важность в деятельности НОЦ придается организации воспитательной работы во всех звеньях образовательной цепочки, основными формами реализации которой являются дискуссионные клубы, интеллектуальные и деловые игры, летние научные школы в каникулярное время (в рамках «экономических» смен в детских оздоровительных лагерях), вечера посвящения в студенты и аспиранты и т.д. Практика показала, что организация, например, дискуссий вырабатывает у обучающихся не только умение активно выражать и отстаивать свою точку зрения, но и такие важные для формирования гражданского общества человеческие качества, как толерантность, корректность, умение слушать других, то есть формирует среду культурного общения. В период 2006–2013 гг. в заседаниях Дискуссионного клуба приняло участие более восьмисот человек (в среднем проводится 4 заседания в год, на каждом из которых присутствует около 30 человек) [3].

Одним из инновационных направлений Научно-образовательного центра экономики и информационных технологий является организация Экономической интернет-школы. Созданию ее предшествовал двухлетний опыт работы курсов дистанционного обучения экономике для учеников 10–11 классов г. Сокола, г. Грязовца, с. Устье-Кубенское Вологодской области. С 2010 г. в интернет-школе успешно обучилось более ста школьников [3], кроме того, с начала проекта численность дистанционно обучающихся возросла более чем в два раза (с 72 до 160 чел.), расширилась география ее участников: 120 школьников представляют образовательные учреждения 11 регионов России, 40 – Республику Беларусь. Нельзя не отметить, что опыт дистанционного обучения оказался не только полезным, но и

эффективным: за три года функционирования школы доля участников конкурсов и олимпиад из числа участников дистанционного обучения возросла в 2,7 раза, а количество призовых мест по их итогам – в 7,5 раза [11].

В рамках внеучебной деятельности в Научно-образовательном центре развиваются и другие формы работы: например, проводятся дни открытых дверей, организуется празднование дня рождения НОЦ. Опыт воспитательной работы, накопленный в НОЦ, результаты анализа мероприятий подтверждают необходимость продолжения поиска наиболее эффективных форм вовлечения молодежи в науку.

Но все же приоритетным направлением деятельности образовательной цепочки НОЦ является вовлечение талантливой молодежи в сферу научного поиска. В НОЦ непрерывно функционирует система внутренних конкурсов научно-исследовательских работ в области экономики как для школьников, так и для молодых ученых (студентов и аспирантов).

Принципиальным (новационным) моментом системной работы по вовлечению школьников в НИР является то, что в этом процессе активно задействованы аспиранты, которые на период обучения школьников в НОЦ закрепляются за ними в качестве научных руководителей. В период активной подготовки конкурсных работ и проведения НИР аспиранты встречаются со школьниками два раза в неделю, помогая выбрать им темы исследования, определиться с объектом и предметом анализа и т.д. Это позволяет увеличить время включенной научной работы юных исследователей (до 2 часов в неделю).

Таким образом, описанный выше методологический подход к вовлечению школьников в научную деятельность системно воздействует на формирование

среды развития научного интереса и осознанию практической значимости деятельности. Такая практика полезна и молодым ученым, т.к. позволяет приобрести навыки научного руководства исследовательской деятельностью: обучая других, они учатся и сами.

Для более глубокого овладения методологическими и методическими основами научно-исследовательской работы в рамках научных школ (их в Институте 4) организуются научные семинары-дискуссии, руководителями которых выступают ведущие ученые ИСЭРТ РАН. Эта форма работы весьма результативна: в среднем проводится до 100 подобных мероприятий в год с участием студентов вузов, школьников НОЦ, сотрудников организаций и предприятий г. Вологды. Значимость такого формата деятельности очень велика: аспиранты, молодые ученые приобретают навыки ораторского искусства, умения выдвигать и доказывать научные гипотезы, задавать вопросы, находить правильные ответы и т.д.

Основные итоги десятилетней работы НОЦ

В НОЦ ИСЭРТ РАН сложилась определенная система организации научно-исследовательской работы обучающихся. Важная роль здесь принадлежит совместной деятельности научной организации, вузов и школ, единству учебной и научно-исследовательской работы.

НОЦ – это открытая, не замкнутая на себе структура. Ее открытость, с одной стороны, проецируется на устоявшиеся формы организации образовательной деятельности (школы, вузы, учреждения дополнительного образования, с которыми активно взаимодействует НОЦ). С другой стороны, проект открыт для интеграции с иными структурами как внутри

Российской академии наук, так и с учреждениями и бизнес-организациями внутри региона.

Сегодня с полной уверенностью можно говорить о том, что научно-образовательный центр предоставляет всем его участникам широкие возможности для интеллектуального и профессионально-личностного развития. Очевидна большая социальная значимость НОЦ, поскольку создается благоприятная среда для проявления творческих способностей и личностного развития талантливой молодежи.

За десять лет в научно-исследовательскую деятельность было вовлечено около 500 школьников, обучающихся в НОЦ. Рост количества школьных исследований свидетельствует об эффективности проекта. Существенное значение для понимания практической роли Научно-образовательного центра ИСЭРТ РАН в генерации знаний талантливой молодежи региона имеет ежегодная оценка профессиональных способностей обучающихся⁸ и их лидерской активности. Исследования показывают, что за период обучения в НОЦ существенно возрастают коммуникативные способности ребят (например, в 1,4 раза за 2008–2013 гг.), причем очень высокий уровень их развития показало почти в 4 раза человек больше (с 11,1 до 42,8%). Значительно увеличивается и уровень организаторских склонностей: согласно оценкам, в 2,5 раза стало больше детей, показавших за исследуемый период высокий уровень (с 28,2 до 71,5%), и в 1,5 раза – показавших очень высокий уровень (с 14,2 до 21,4%).

⁸ Комплекс диагностических методов по психологическому тестированию включает методику В.В. Синявского и Б.А. Федоришина «Коммуникативные и организаторские склонности»; тест интеллектуальных и профессиональных способностей «ТИПС-5» Р. Амтхауэра; тест на определение степени толерантности В.В. Бойко и др.

Рисунок 3. Распределение ответов на вопрос: «Что Вам дало обучение в Научно-образовательном центре ИСЭРТ РАН?»⁹, %

Сформированные умения помогают школьникам в профессиональном определении, реализации своих возможностей в различных сферах деятельности, в частности, в научно-исследовательской, что отвечает как запросам современного общества, так и задачам НОЦ. Например, из 410 человек, прошедших обучение в НОЦ в период с 2003 по 2013 г., 90% (368) школьников поступили в вузы, 33% (135 чел.) — на экономические специальности⁹.

Формирование навыков научно-исследовательской работы выпускники очного факультатива НОЦ отмечают в качестве одной из наиболее важных возможностей, которые им были предоставлены в процессе обучения в Научно-образовательном центре. Так, по мнению выпускников 2004–2008 г., подготовка

по экономике способствовала, прежде всего, формированию у них навыков планирования и проведения научно-исследовательской работы (51%; 19 чел.), умения рационально мыслить (41%; 15 чел.). Выпускники 2009–2012 г. упоминали чаще навыки планирования и проведения научно-исследовательской работы — 82% (44 чел.; рис. 3).

Оценка, которую дают школьники возможностям, предоставляемым Научно-образовательным центром, показывают, что для большинства обучающихся 6–7 классов (86%) наиболее востребованным является участие в общественных мероприятиях, проводимых НОЦ (экскурсии, выставки, интеллектуальные игры). Возможность пользования Интернет-ресурсами (84%) также отмечается обучающимися как один из основных востребованных ресурсов НОЦ. Школьников 8–9 классов интересуют чаще всего такие ресурсы, как компьютерный класс (80%) и доступ к Интернету (93%), а для уча-

⁹ Научно-образовательный центр ИСЭРТ РАН: 10 лет. От идеи до реализации [Текст] / В.А. Ильин, А.А. Шабунова, В.И. Попова, Г.В. Леонидова, О.Ю. Гарманова, С.Ю. Егорихина, И.А. Королева, А.Б. Кулакова, Ж.В. Фомина. — Кн. 1: Подсистема дополнительного школьного образования. — Вологда: ИСЭРТ РАН, 2013. — С. 78.

щихся 10–11-х классов – доступ к ресурсам Интернета и общественные мероприятия (86 и 83% соответственно).

Практическая значимость работы со студентами заключается в том, что уже с первых курсов они непосредственно участвуют в научных исследованиях Института, выполняя анализ экономической информации по наиболее актуальным проблемам регионального развития, что составляет основу их будущих дипломных проектов. Данная форма работы важна тем, что следующим этапом образования для части из них является аспирантура (в период с 2008 по 2013 г. 21 выпускник филиала СПбГЭУ в г. Вологде поступил в аспирантуру ИСЭРТ РАН).

Наиболее важным показателем деятельности аспирантуры является число завершенных диссертационных исследований, имеющих экономическую направленность. Доля аспирантов, защитивших диссертацию, в общем числе окончивших аспирантуру составляет 41% (за период 1998–2012 гг.), и это достаточно высокий показатель по сравнению с общероссийскими данными (26%).

Важным для задачи наращивания интеллектуального потенциала региона индикатором деятельности аспирантуры является трудоустройство ее выпускников. Следует отметить, что 39% аспирантов после окончания аспирантуры ИСЭРТ РАН продолжили научную деятельность в Институте (21 чел. с 2000 по 2012 г.).

За 10 лет более 29% выпускников НОЦ (28 чел.) пополнили кадровый состав научных сотрудников ИСЭРТ РАН; 5% (5 чел.) – перешли на работу в управленческие структуры (Правительства области, Администрации города и т.д.); 20% (19 чел.) – осуществляют преподавательскую деятельность в университетах региона. В итоге численность исследовательского корпуса региона повысилась на 12% (52 чел.).

Значимость проекта для региона заключается в том, что происходит:

- гармоничное развитие талантливых школьников и студентов (интеллектуальное, нравственное, социальное);
- поддержка молодых ученых, освоение ими инновационных проектов в различных отраслях региональной экономики, трансфер их научных и экспериментальных разработок в реальную практику;
- повышение уровня фундаментальных исследований в регионе.

Усилия НОЦ по формированию собственной системы конкурсов в регионе и их распространение на соседние регионы, в том числе и Республику Беларусь, были отмечены на федеральном уровне. Так, в 2013 г. НОЦ ИСЭРТ РАН стал участником одного из элитных российских конкурсов для школьников – Межрегиональной экономической олимпиады имени Н.Д. Кондратьева (представители Центра со следующего года будут входить в жюри конкурса).

Задачи на перспективу

Подводя итоги, отметим, что созданная Институтами социально-экономического развития территорий РАН модель научно-образовательной интеграции на региональном уровне учитывает как экономические, так и административные инструменты воздействия на целенаправленное воспроизводство интеллектуального потенциала населения путем активизации научно-образовательной среды территории и решает социальную задачу преодоления технологической отсталости региона в среднесрочной перспективе. Со временем НОЦ может превратиться в своего рода «Царскоесельский лицей», где в конкурентной среде будут обучаться дети и из Вологды, и со всей области и соседних регионов. Таким образом, НОЦ сможет не только пополнить научные кадры региона, но и стать одним из механизмов и источников формирования совре-

менной управленческой элиты. При этом будет выполняться еще одно важнейшее требование времени – обеспечение преемственности профессиональных знаний «на протяжении всей жизни».

Институт готов сегодня еще активнее работать над созданием интегрированных структур, обеспечивающих связь между потребностями экономики и уровнем новейших достижений отечественной и мировой науки (своего рода «синергетических центров инновационного роста»). Одним из реализуемых проектов Института, получивших федеральную грантовую поддержку, является Центр кластерного развития. В разработках Института на ближайшую перспективу находится Центр коллективного доступа к высокотехнологичному оборудованию, создаваемый на базе отдела инновационной экономики ИСЭРТ РАН. Еще в 2005 г. в Институте был создан Центр трансфера технологий как ассоциированный член Российской сети. Только в 2008–2010 гг. ЦТТ было привлечено 12,5 млн. руб. инвестиций в разработку инновационных проектов предприятий и организаций региона.

Следует отметить практический вклад НОЦ в развитие научно-технического потенциала региона. В состав исследовательского корпуса региона за этот период вошло 52 выпускника НОЦ, что составляет 12,2% от его общей численности (424 чел. в 2012 г.). Можно с полной уверенностью говорить о том, что развитие интеграционных структур по типу НОЦ в вузах Вологодской области – это путь к наращиванию научно-технического потенциала, его интеллектуальной составляющей. Кстати, если бы реализовать типовую модель научно-образовательных центров при всех университетах региона (по различным направлениям подготовки: физико-математическое, есте-

ственнаучное и т.д.), обеспечить при поддержке региональных органов управления необходимый уровень их материально-технической базы, выработать общие методологические и методические подходы к поиску и выявлению наиболее способной части школьников, молодежи и доведению их до уровня требований инновационной экономики, это повысило бы эффективность регионального научно-образовательного пространства и обеспечило бы создание дополнительной базы для динамичного развития научно-технического потенциала региона.

Подобный механизм взаимодействия научных и образовательных учреждений, бизнеса и власти в научно-образовательном пространстве позволяет сделать выводы относительно его применимости в других регионах. Представляется, что в ближайшие 2–3 года развитие социально-экономической системы страны будет иметь серьезную положительную динамику, что создаст условия для дальнейшего развития НОЦ, которое позволит выйти на уровень освоения международных образовательных программ с обладанием всеми необходимыми российскими и международными сертификатами. Выполнению данной задачи будет способствовать и заключенное в декабре 2013 г. Соглашение НОЦ ИСЭРТ РАН с Московской школой экономики (МШЭ) МГУ, возглавляемой академиком А.Д. Некипеловым. Её целью является фундаментальное экономическое образование студентов, привитие им навыков исследовательской деятельности и профессионального общения с зарубежными коллегами. В планах руководства МШЭ – сделать школу ведущей не только в стране, но и мире.

В заключение следует сказать о том, что итоги десятилетней работы Научно-образовательного центра ИСЭРТ РАН пред-

ставлены в монографиях «Научно-образовательный центр ИСЭРТ РАН: первые 10 лет» и «Научно-образовательный центр

ИСЭРТ РАН: 10 лет. От идеи до реализации» (в 2-х книгах), которые были подготовлены к юбилею.

Литература

1. Science and Engineering Indicators: 2012. – Режим доступа: <http://www.nsf.gov/statistics/seind12/c3/c3h.htm>
2. Гарманова, О.Ю. Роль и место дистанционного обучения в системе экономического образования школьников [Электронный ресурс] / О.Ю. Гарманова // Вопросы территориального развития. – 2013. – №2. – Режим доступа: <http://vtr.isert-ran.ru/file.php?module=-Articles&action=view&file=article&aid=2698>
3. Гарманова, О.Ю. Организационно-методическое обеспечение дистанционного обучения (на примере Экономической интернет-школы НОЦ ИСЭРТ РАН) [Текст] / О.Ю. Гарманова // Проблемы развития территории. – 2012. – №5(61).
4. Индикаторы науки: 2013: стат. сб. – М.: НИУ ВШЭ, 2013. – 400 с.
5. Инновационная политика: Россия и Мир: 2002–2010 / под общ. ред. Н.И. Ивановой и В.В. Иванова; Российская академия наук. – М.: Наука, 2011. – 451 с.
6. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года.
7. Леонидова, Г.В. Научно-образовательный центр: системный подход к работе с талантливой молодежью / Г.В. Леонидова, А.В. Куликова, М.В. Кукушина. – Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2008. – 60 с.
8. Леонидова, Г.В. Региональный научно-образовательный центр / Г.В. Леонидова. – Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2007. – 99 с. с ил.
9. Модернизация системы управления развитием региональной научно-инновационной сферы [Текст]: заключительный отчет о НИР / исполн. С.В. Теребова, А.М. Вячеславов. – Вологда, 2013. – 207 с. – Инв. №02201356857.
10. Наука. Инновации. Информационное общество: 2012: кр. стат. сб. – М.: НИУ ВШЭ, 2012. – 80 с.
11. Научно-образовательный центр ИСЭРТ РАН: 10 лет. От идеи до реализации [Текст] / В.А. Ильин, А.А. Шабунова, В.И. Попова, Г.В. Леонидова, О.Ю. Гарманова, С.Ю. Егорихина, И.А. Королева, А.Б. Кулакова, Ж.В. Фомина. – Кн. 1: Подсистема дополнительного школьного образования. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2013. – 138 с.
12. Научно-образовательный центр ИСЭРТ РАН: 10 лет. От идеи до реализации [Текст] / В.И. Попова, С.Ю. Егорихина, Л.В. Жданова, И.А. Королева, А.Б. Кулакова. – Кн. 2: Подсистема послевузовского образования. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2013. – 138 с.
13. Расширенное воспроизводство научных кадров как ключевое звено поступательного развития территорий / В.А. Ильин, К.А. Гулин, Г.В. Леонидова // Приоритеты научно-технического развития Северо-Запада России. Материалы заседания Межведомственного Северо-Западного координационного совета при РАН по фундаментальным и прикладным исследованиям / под общей редакцией В.В. Окрепилова. – СПб.: ГУАП, 2011. – 422 с. – С. 144-161.
14. Стенографический отчёт о заседании президиумов Государственного совета, Совета по культуре и искусству и Совета по науке, технологиям и образованию. – 22.04.2010 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа (12.05.2010 г.): <http://www.kremlin.ru/transcripts/7530>
15. Фомина, Ж.В. Исследовательская деятельность обучающихся как элемент компетентностного подхода в образовании (на примере НОЦ ИСЭРТ РАН) [Текст] / Ж.В. Фомина // Проблемы развития территории. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2013. – №2(64). – С. 133-122.

О роли инвестиций в обеспечении устойчивого экономического роста

**Тамара Витальевна
УСКОВА**

доктор экономических наук, заместитель директора ИСЭРТ РАН
tvu@vscc.ac.ru

В статье поднимается одна из острейших проблем экономики – обеспечение устойчивого экономического роста. Обоснована актуальность рассматриваемой проблемы как для мировой, так и национальной и региональной экономик. Доказано, что для Российской Федерации задача обеспечения высоких темпов роста экономики является стратегической, ее решение позволяет России оставаться в числе лидеров мирового развития. Однако для этого прежде всего необходим переход от экспортносырьевой к инновационной модели экономики.

Показано, что в обеспечении устойчивого экономического роста главную роль играют инвестиции. Созданные эндогенные модели свидетельствуют о том, что для долгосрочного устойчивого роста экономики необходимы вложения в машины и оборудование, в человеческий капитал, в сектор знаний. При этом более предпочтительными являются инвестиции в человеческий капитал и знания.

Результаты представленного в статье анализа инвестиционных процессов позволили сделать ряд выводов относительно ситуации, складывающейся в Российской Федерации. В частности, происходит снижение доли инвестиций в машины, оборудование и транспортные средства; структура инвестиций в основной капитал является неоптимальной; удельный вес средств, инвестируемых в сельское хозяйство, обрабатывающие производства и строительство сокращается; крайне низкой является доля средств в машиностроительное производство – сферу, определяющую состояние производственного потенциала страны. Финансирование сектора знаний и отраслей, направленных на развитие человеческого капитала, осуществляется по остаточному принципу.

Складывающаяся ситуация во многом обусловлена недостатком собственных средств у хозяйствующих субъектов, невыгодными условиями кредитования банками реального сектора экономики, бюджетным кризисом, низкой привлекательностью экономики России для иностранных инвесторов.

В статье сделан вывод о том, что для изменения ситуации необходима корректировка социально-экономической политики, отказ от сырьевой модели экономического развития.

Экономический рост, модели эндогенного экономического роста, инвестиции, структура инвестиций, источники инвестиций, социально-экономическая политика.

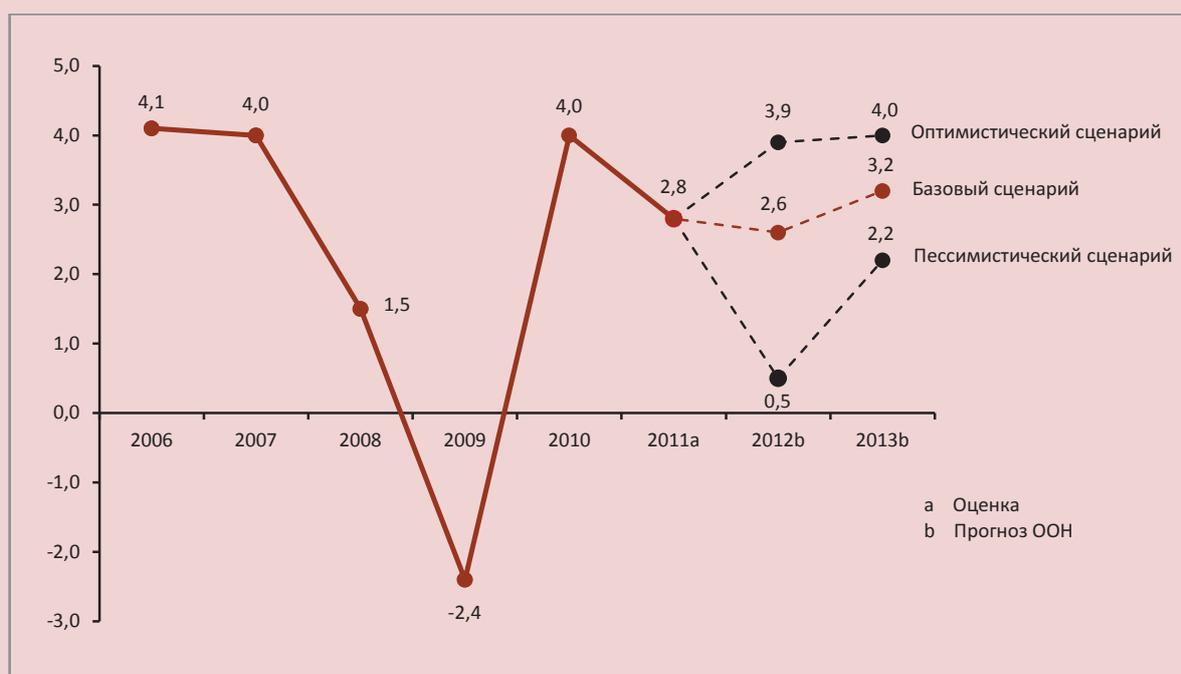
Достижение высоких темпов экономического роста — приоритетная задача любого государства. Успешное решение этой задачи позволяет обеспечивать устойчивое социально-экономическое развитие, повышение благосостояния населения, определяет место и роль страны в мировой экономике. Именно этим объясняется тот факт, что к проблеме роста экономики приковано внимание не только ученых-экономистов, но и политиков [23]. Остроту вопроса усиливают тревожные тенденции в глобальной экономике, приобретающие все большую устойчивость (рис. 1). После фазы восстановительного роста мировая экономика переживает этап очередного спада. Итоги 2011 и 2012 гг. показали, что рост мировой экономики действительно замедлился.

Вопрос роста является весьма острым и для российской экономики. Если в 2012 г. экономика России выросла на 3,4%, то

стагнация экономики в январе—сентябре 2013 г. стала причиной снижения прогнозируемого темпа роста ВВП РФ. В итоге прирост экономики России в 2013 г. составит всего чуть более одного процента.

Главная причина такого положения — сырьевой характер экономики, о негативных последствиях которого шла речь в докладе директора Института США и Канады РАН члена-корр. РАН Рогова С.М. на заседании Президиума РАН. «Сегодня почти половина (примерно 40%) ВВП России создается за счет экспорта сырья. У нас почти исчезла конкурентоспособная наукоемкая промышленность. Машиностроение, электроника и другие высокотехнологичные отрасли формируют 7–8% нашего ВВП. Экспорт высокотехнологичной продукции составляет всего 2,3% промышленного экспорта России. В США этот показатель составляет 32,9%, в Китае — 32,8%.

Рисунок 1. Мировой валовой продукт, темпы роста в % [16]

Удельный вес России в глобальном экспорте наукоемкой продукции не превышает 0,3%. На долю отечественного производства приходится не более 1% всех станков, закупаемых российским бизнесом. Степень износа основных фондов в 2009 году достигла 46%, а по машинам и оборудованию превышает 50%» [2].

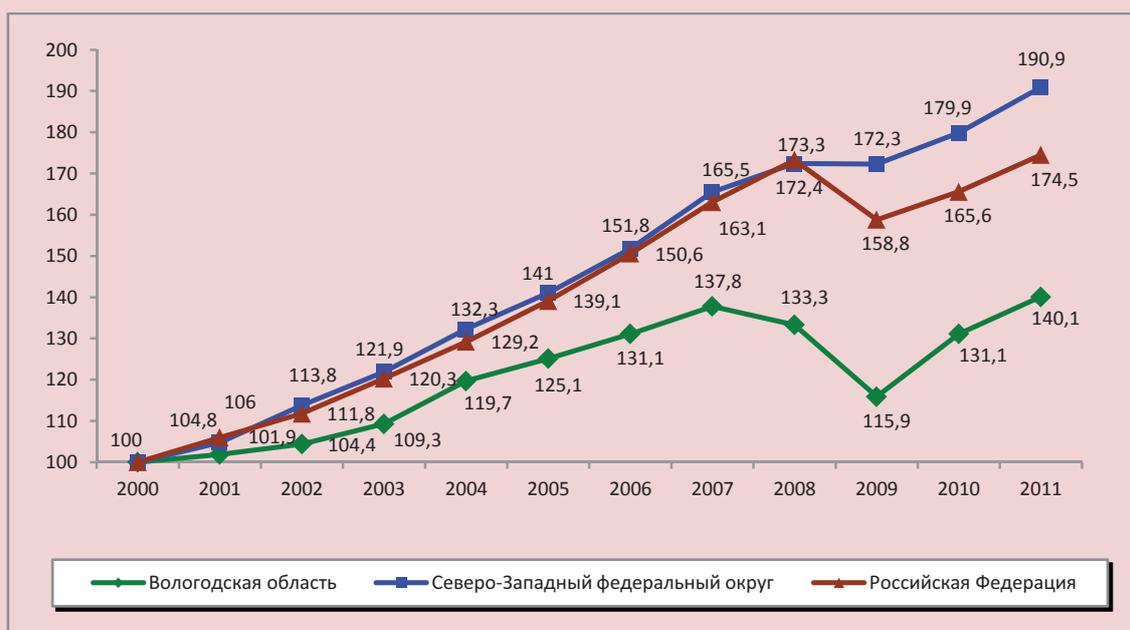
Решение стратегических для Российской Федерации задач сохранения статуса великой державы и самостоятельного центра силы для обеспечения благосостояния населения, развитие экономики до уровня передовых стран требуют достижения таких темпов экономического роста, которые превзошли бы мировые.

В начале 2012 года, будучи ещё премьер-министром, В.В. Путин подчеркивал, что «нужно умножать не просто физические объемы ВВП, а наполнить развитие новым качеством». Уже в должности Президента РФ, выступая 12 декабря 2012 года с Посланием к Федеральному Собранию, он вновь отметил: «Однобокая сырьевая экономика...

не просто уязвима для внешних шоков... И, наконец, резервы сырьевой модели исчерпаны, тогда как интересы развития России требуют ежегодного роста не менее 5–6% ВВП в ближайшее десятилетие» [17].

Об уязвимости сырьевой экономики наглядно свидетельствует динамика ВРП Вологодской области (рис. 2). Темпы роста её валового продукта существенно ниже, чем в Северо-Западном федеральном округе и в России в целом. Главная причина такой ситуации в регионе – зависимость от конъюнктуры внешнего рынка, где в последние годы спрос на сырьевые товары (в т.ч. на металл) падает. Отметим, что удельный вес металлургического и химического производств, т.е. первичного сектора экономики, очень высокий (около 80%). При этом доля производств, выпускающих высокотехнологичную продукцию, постоянно снижается. Так, в 2000 г. доля машиностроения составляла 6,2%, в 2011 г. – только 3,8%; доля деревообработки за этот период сократилась с 8,3 до 3,5%.

Рисунок 2. Индекс физического объема валового продукта, % к 2000 году [1]

Низкие темпы роста ВВП в условиях высоких мировых цен на сырье и продукцию первых переделов – свидетельство неэффективности выбранной экспортно-сырьевой модели экономики. Эти обстоятельства еще раз свидетельствуют об актуальности исследований проблем модернизации экономики, перевода ее на инновационный путь развития с целью достижения устойчивого роста.

Изучение теоретико-методологических основ обеспечения устойчивого экономического роста позволяет заключить, что главную роль в решении данной задачи играют инвестиции. Это показано в исследованиях, инициированных работами П. Ромера, Р. Лукаса и немного позже С. Ребело. Вклад П. Ромера и Р. Лукаса выразился в формировании нового направления долгосрочного экономического роста, получившего название теории эндогенного экономического роста [11, 22]. В зависимости от источников экономического роста и объектов инвестирования созданы эндогенные модели долгосрочного устойчивого роста экономики.

В моделях с накоплением физического капитала предполагается, что технологии

и знания, воплощенные в физическом капитале, становятся общественными благами и под влиянием эффекта распространения новшеств (*spillover effect*) оказывают влияние на рост производительности во всей экономике (*рис. 3*).

Предположение Р. Лукаса о возможности непрерывного экономического роста за счет вложений в человеческий капитал позволило ему создать модель, согласно которой инвестиции в человеческий капитал порождают эффект, увеличивающий уровень развития технологий быстрее, чем инвестиции в физический капитал (*рис. 4*).

Исследования происхождения технологического прогресса и структуры возникновения и реализации инноваций позволили сформировать модели, в которых представлены два основных сектора экономики, участвующих в формировании НТП: сектор производства и накопления знаний (идей), сектор производства товаров (вещей) – средств производства и конечного продукта. Идеи представляют собой инструмент производства товаров с большей добавленной стоимостью, а следовательно, выступают более значимым фактором экономического роста (*рис. 5*).

Рисунок 3. Модель экономического роста с инвестициями в физический капитал, порождающими *spillover effect*

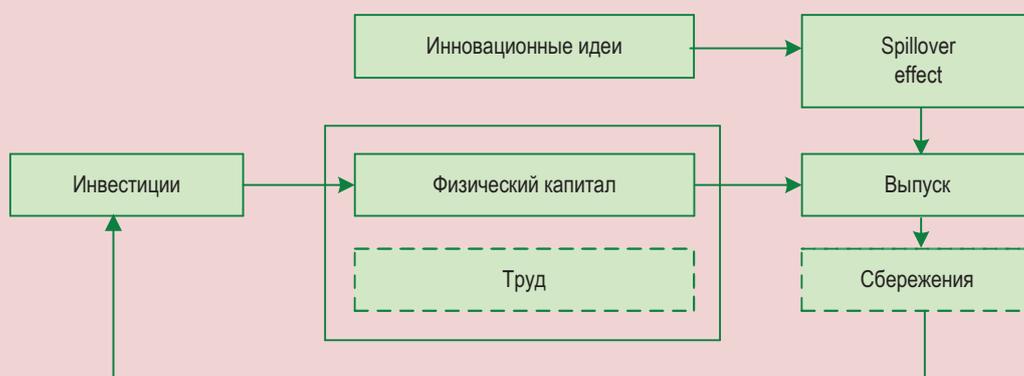

Рисунок 4. Модель экономического роста с инвестициями в человеческий капитал, порождающими spillover effect

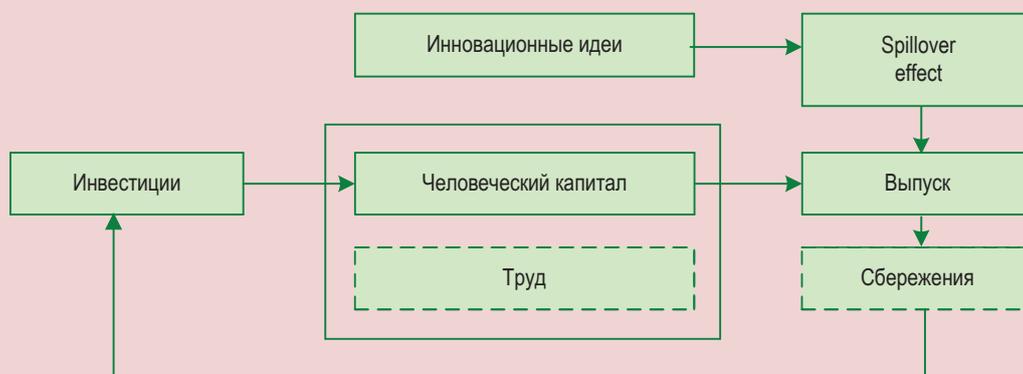
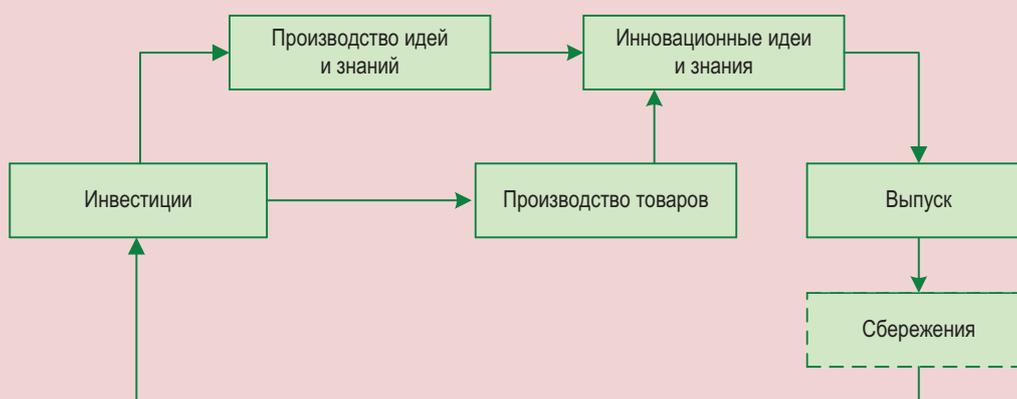

Рисунок 5. Модель экономического роста с инвестициями в сектор знаний

Таким образом, чтобы обеспечить устойчивый рост экономики, требуются инвестиции в физический капитал, в первую очередь в машины и оборудование, в человеческий капитал, в сектор знаний. При этом вложения в человеческий капитал и знания являются более предпочтительными ввиду того, что они создают предпосылки для появления научно-технических нововведений, которые, в свою очередь, выступают внутренними источниками постоянного экономического роста.

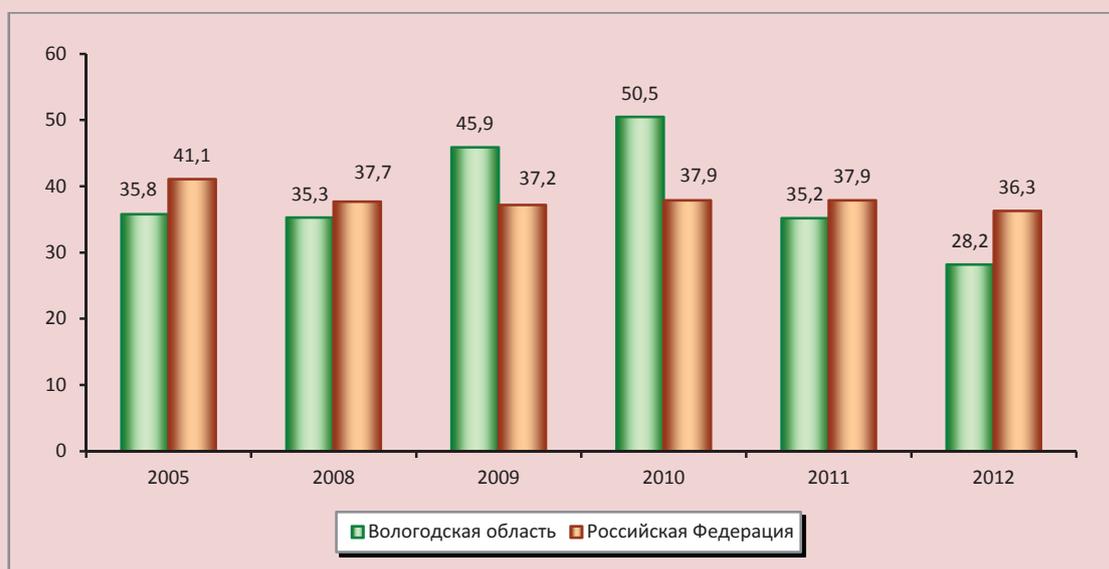
Вместе с тем анализ инвестиционных процессов в российской экономике позволяет утверждать, что доля инвестиций в

машины, оборудование и транспортные средства сокращается. Только с 2005 г. этот показатель в РФ снизился на 4,7 п.п., в Вологодской области еще более существенно – на 7,6 п.п. (рис. 6).

Главная причина складывающейся ситуации видится в недостатке собственных средств: в 2012 г. на это указывали 64% руководителей предприятий, участвовавших в опросе¹. В то же время финансовая система страны ориентирована в основном на финансирование достаточно узкого круга крупнейших компаний, встроенных

¹ Опрос руководителей предприятий ежегодно проводится ИСЭРТ РАН.

Рисунок 6. Доля инвестиций в машины, оборудование, транспортные средства в общем объеме инвестиций в основной капитал, % [7, 8]

в глобальную экономику. Развитие массового финансирования пока может опираться практически только на банковский кредит [17]. Однако условия кредитования остаются невыгодными для производителей в силу высокой ставки процента и повышенных требований к заемщикам (+5 п.п.).

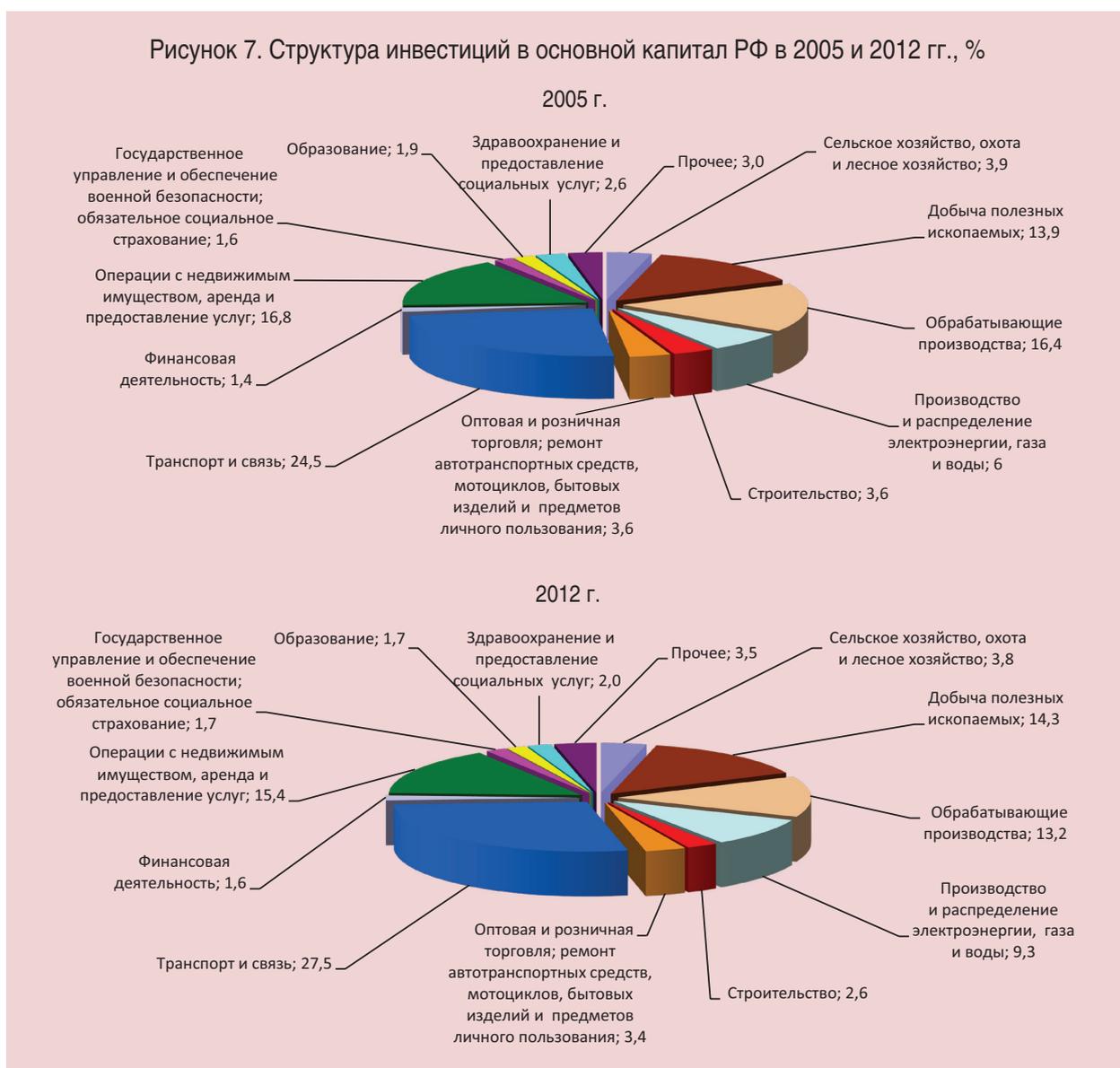
Так считают более половины опрошенных. В качестве основных проблем, которые имели место при получении кредита, руководители называли следующие: высокая ставка процента (68%); требования залога под обеспечение кредитов (32%); отказ банка в предоставлении долгосрочных кредитов (21%); сроки предоставления кредита (20%); длительность оформления кредита (17%).

Таким образом, многие крупные и подавляющее большинство средних производств остаются отрезанными от внешнего финансирования и лишены средств для модернизации материально-технической базы. В результате основные производ-

ственные фонды имеют высокий уровень физического и морального износа. На конец 2012 г. износ основных фондов в Вологодской области достиг 54,6% [18]. Это, в свою очередь, является фактором, определяющим низкие конкурентоспособность продукции и, как следствие, спрос.

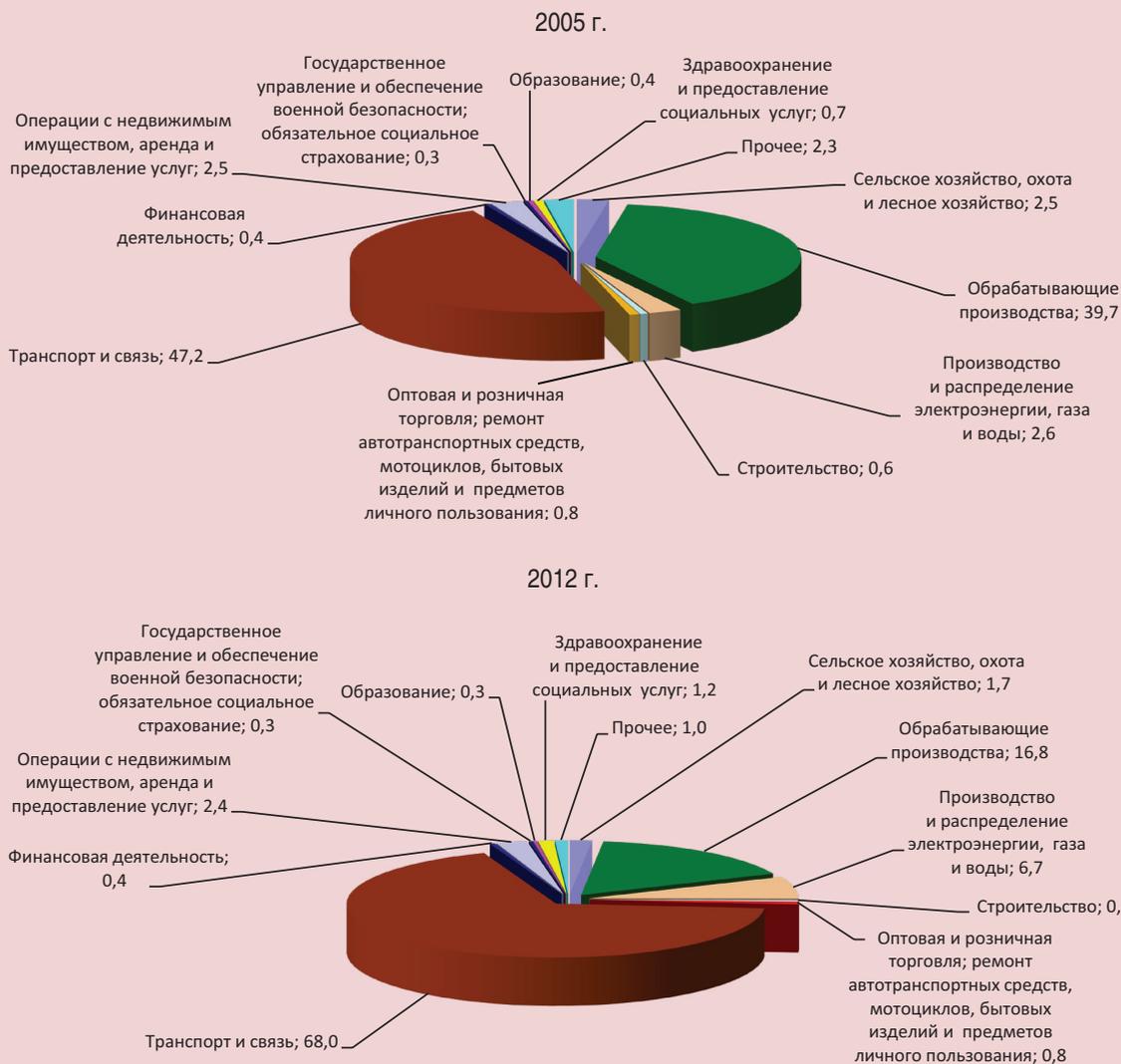
Неоптимальной является и структура инвестиций в основной капитал (рис. 7). Их основной объем, как и ранее, направляется в сырьевой сектор экономики. Доля средств, инвестируемых в сельское хозяйство, обрабатывающие производства и строительство, сокращается. Аналогичная картина и в российских регионах. Причем в ряде регионов ситуацию можно охарактеризовать как критическую. Например, в Вологодской области в 2012 г. 68% всех инвестиций в основной капитал приходилось на транспорт и связь, из них 61,4% — на транспортировку по трубопроводам, 1,5% — на связь. Следовательно, непосредственно в транспорт инвестировано всего около 5% (рис. 8).

Рисунок 7. Структура инвестиций в основной капитал РФ в 2005 и 2012 гг., %

Вид деятельности	2005 г.	2012 г.	Изменение, п.п.
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	3,9	3,8	-0,1
Добыча полезных ископаемых	13,9	14,3	+0,4
Обрабатывающие производства	16,4	13,2	-3,2
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	6,8	9,3	+2,5
Строительство	3,6	2,6	-1,0
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	3,6	3,4	-0,2
Транспорт и связь	24,5	27,5	+3,0
Финансовая деятельность	1,4	1,6	+0,2
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	16,8	15,4	-0,6
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; обязательное социальное страхование	1,6	1,7	+0,1
Образование	1,9	1,7	-0,2
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	2,6	2,0	-0,6
Прочее	3,0	3,5	+0,5

Рисунок 8. Структура инвестиций в основной капитал Вологодской области в 2005 и 2012 гг., %

Вид деятельности	2005 г.	2012 г.	Изменение, п.п.
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	2,5	1,7	-0,8
Обрабатывающие производства	39,7	16,8	-22,9
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	2,6	6,7	+4,1
Строительство	0,6	0,4	-0,2
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	0,8	0,8	-
Транспорт и связь	47,2	68,0	+19,8
Финансовая деятельность	0,4	0,4	-
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	2,5	2,4	-0,1
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; обязательное социальное страхование	0,3	0,3	-
Образование	0,4	0,3	-0,1
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	0,7	1,2	+0,5
Прочее	2,3	1,0	-1,3

Доля средств, направляемых в обрабатывающие производства, постоянно уменьшается. В целом по стране этот показатель за период с 2005 по 2012 г. сократился на 3,2 п.п. и на конец 2012 г. составил около 13%, из них в машиностроении — только 2,6%. В Вологодской области, например, удельный вес инвестиций в основной капитал обрабатывающих производств за тот же период снизился с 39,7 до 16,8%. При этом наибольшие объемы инвестиций предназначались металлургическому и химическому производствам, т.е. секторам первичной переработки сырья: в 2012 г. в них поступило 68% (24 и 44% в металлургию и химию соответственно) всех инвестиций, направляемых в обрабатывающие производства. В то же время удельный вес вложений в машиностроение не превышал 1% (рис. 9).

Вместе с тем машиностроение, призванное обеспечить производственным оборудованием ключевые сектора экономики, и в первую очередь обрабатывающие отрасли промышленности, определяет состояние

производственного потенциала страны. От уровня развития машиностроения зависят материалоемкость, энергоёмкость валового внутреннего продукта, производительность труда, промышленная безопасность и обороноспособность государства. Недоинвестирование этого сектора влечет за собой снижение производственного и интеллектуально-технологического потенциала страны и национальной безопасности, снижение конкурентоспособности экономики и отсутствие роста.

Как уже отмечалось, обеспечивать устойчивый рост экономики позволяют инвестиции в человеческий капитал. Заметим, что под человеческим капиталом понимается сформированный в результате инвестиций и накопленный человеком определенный запас здоровья, знаний, навыков, способностей, мотиваций, которые целесообразно используются в той или иной сфере общественного воспроизводства, содействуют росту производительности труда и эффективности производства и тем самым ведут к росту зарплаток данного человека [3].

Рисунок 9. Динамика инвестиций в обрабатывающие производства Вологодской области, % в общем объеме инвестиций в основной капитал [7, 8]

Следовательно, человеческий капитал – капитал, представленный в человеке потенциальной способностью приносить доход, основанной на врожденных физических и интеллектуальных способностях, а также знаниях и практических навыках, полученных в процессе социализации, образования и практической деятельности человека, – обладает способностью накапливаться и умножаться. Он формируется, прежде всего, за счет инвестиций в повышение уровня и качества жизни населения, в том числе в образование, здоровье, знания (науку), культуру, искусство и другие составляющие. Наибольшее влияние на его развитие оказывают такие сферы экономики, как образование и здравоохранение. А значит, инвестирование в эти сектора способствует развитию человеческого капитала. Однако и в этой сфере ситуация крайне неблагоприятная. Прирост инвестиций в основной капитал отраслей, направленных на развитие человеческого капитала, в 2011–2012 гг. замедлился. Если в 2010 г. рост составил 109,2%, то в 2011 г. – 107,5%, а в 2012 г. – только 102,9%. К началу 2013 года инвестиции данного сектора не достигли докризисного уровня 2008 года (составили 97,2%). Основным фактором, сдерживавшим рост в 2012 г., стало сокращение инвестиций в образовании (на 6,4% после прироста на 11,3% в 2011 г.), в основном за счет сокращения

инвестиций в основной капитал высшего профессионального образования (на 33% после прироста на 25,6% в 2011 г.). Что касается инвестиций в основной капитал здравоохранения, то в 2012 г. они увеличились – до 111,8% к предыдущему году. Хотя в целом доля средств, вкладываемых в развитие человеческого капитала, не достигает даже 4% и устойчиво снижается (табл. 1). Недостаточное финансирование указанных отраслей ведет к снижению численности экономически активного населения и занятых в экономике и, как следствие, к сокращению производства валового внутреннего продукта.

В последние десятилетия решающую роль в обеспечении экономического роста играют знания. Они создают основу для инноваций и формирования квалифицированной рабочей силы. Не случайно на долю наукоемких отраслей обрабатывающей промышленности и сферы услуг приходится значительная и все возрастающая часть валового внутреннего продукта ведущих индустриальных стран. Доля отраслей повышенного спроса на знания (высокотехнологичные отрасли, телекоммуникационной связи, финансовых и деловых услуг) в валовом внутреннем продукте в среднем составляет 30–35%. В России этот показатель равен 11,5–12%. Именно такие отрасли отличаются наиболее высокими темпами роста объемов производства,

Таблица 1. Удельный вес инвестиций в основной капитал отраслей, направленных на развитие человеческого капитала, в общем объеме инвестиций в основной капитал, % [7, 8]

Территория	Отрасль	2005 г.	2008 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	Изменение, п.п.
Российская Федерация	Образование	1,9	1,9	1,8	1,8	1,7	-0,2
	Здравоохранение и предоставление социальных услуг	2,6	2,4	2,1	2,0	2,0	-0,6
	Всего	4,5	4,3	3,9	3,8	3,7	-0,8
Вологодская область	Образование	0,4	1,0	0,9	0,4	0,3	-0,1
	Здравоохранение и предоставление социальных услуг	0,7	1,5	1,9	0,5	1,2	+0,5
	Всего	1,1	2,5	2,8	0,9	1,5	+0,4

занятости, инвестиций, внешнеторгового оборота. В развитых странах инвестиции в фундаментальные исследования рассматриваются как высокоэффективное направление расходования государственных средств [14, 15]. Поэтому инвестиции в знания в этих странах растут быстрее, чем инвестиции в основные фонды.

К сожалению, в Российской Федерации сектор знаний за период рыночных трансформаций существенно сжался. За два десятилетия (с 1992 по 2011 г.) количество научно-исследовательских организаций сократилось почти на 20% (с 4555 до 3682); количество промышленных организаций, имеющих научно-исследовательские и проектно-конструкторские подразделения – на 18% (с 340 до 280). Число конструкторских бюро сократилось в 2,4 раза (с 865 до 364), проектных организаций – в 13 раз (с 495 до 38) [20].

Наша страна занимает еще более низкие позиции по такому ключевому показателю, как удельный вес научных исследователей в структуре рабочей силы, который является одним из главных факторов интеллектуального развития общества. Если в 2000 г. на 10 000 занятых в экономике в России приходилось 78 научных исследователей, то в 2011 г. – только 63. За этот период данный показатель вырос в Южной Корее с 51 до 117, в Германии – с 65 до 81, во Франции – с 67 до 918. При этом мы

отстали не только от лидеров мирового научно-технического развития, но и таких государств, как Словения и Эстония [20]. Поэтому говорить о переходе российской экономики к инновационной модели развития преждевременно.

В то же время инвестирование сектора знаний в Российской Федерации носит остаточный характер. Вложения в объекты интеллектуальной собственности и затраты на НИОКР чуть превышают 1%. В ряде регионов ситуация еще более критическая. Например, в Вологодской области на этот сектор приходится 0,35% всех инвестиций, несмотря на то, что за период 2005–2012 гг. имел место рост доли инвестиций (табл. 2). При таком уровне вложений средств сектор знаний не может оказывать влияние на рост экономики.

В итоге, по данным Минэкономразвития, в общем объеме российского экспорта топливно-энергетические товары занимают почти 70% в стоимостном выражении, в том числе нефть и нефтепродукты – более 53%, газ – более 12%. Остальные статьи экспорта выглядят более скромно: машины, оборудование и транспортные средства – 4,2%; продовольствие, главным образом зерновые, – 2,2%, древесина и бумажно-целлюлозная продукция – 2,1%; другие товары – 7,1%. Аналогичная картина и в Вологодской области, где имеет место сырьевая направленность экспорта.

Таблица 2. Доля инвестиций в основной капитал сектора знаний в общем объеме инвестиций в основной капитал, % [7, 8]

Территория	Отрасль	2005 г.	2008 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	Изменение, п.п.
Российская Федерация	Инвестиции в объекты интеллектуальной собственности	0,8	0,5	0,4	0,5	0,5	-0,3
	Затраты на НИОКР	0,3	0,3	0,4	0,4	0,6	+0,3
	Всего	1,1	0,8	0,8	0,9	1,1	-
Вологодская область	Инвестиции в объекты интеллектуальной собственности	0,03	0,05	0,04	0,0	0,3	+0,27
	Затраты на НИОКР	0,0	0,0	0,04	0,0	0,05	+0,05
	Всего	0,03	0,05	0,08	0,0	0,35	+0,32

В структуре экспорта на черные металлы и продукцию химии приходится около 90%. Экспорт высокотехнологичной продукции остается незначительным. При этом в структуре импорта, напротив, преобладают высокотехнологичные товары. Сохранение экспортно-сырьевой модели, ускоренный рост импорта машиностроительной продукции не только негативно воздействуют на экономическую динамику, но и создают серьезную угрозу безопасности страны. Кроме того, «привычка жить за счёт экспорта по-прежнему тормозит инновационное развитие» [13]. Для сравнения: вторая по объему ВВП экономика мира – Китай вывозит преимущественно текстиль и электронику. Основу экспорта США составляет продукция машиностроения. Из развивающейся Индии везут по большей части транспортное оборудование, одежду и лекарства, сельскохозяйственную продукцию.

Главная проблема России состоит в нехватке бюджетных ресурсов. Из бюджетов субъектов Федерации на эти цели выделяется крайне мало средств. Ситуация, складывающаяся в регионах, позволяет говорить о бюджетном кризисе. В последние годы для субфедеральных бюджетов характерна высокая долговая нагрузка, которая ещё с 2009 г. превышает 20% объёма собственных доходов. Основной причиной роста долговой нагрузки подавляющего большинства субъектов РФ явилось падение налога на прибыль, обусловившее дефицит территориальных бюджетов. Спад собственной доходной базы поставил субъекты РФ в жёсткую зависимость от внешних источников финансирования расходов. Так, в Вологодской и Липецкой (металлургических) областях в 2009–2012 годах в среднем 25–33% объема принятых расходных обязательств обеспечивалось за счёт банковских и бюджетных кредитов

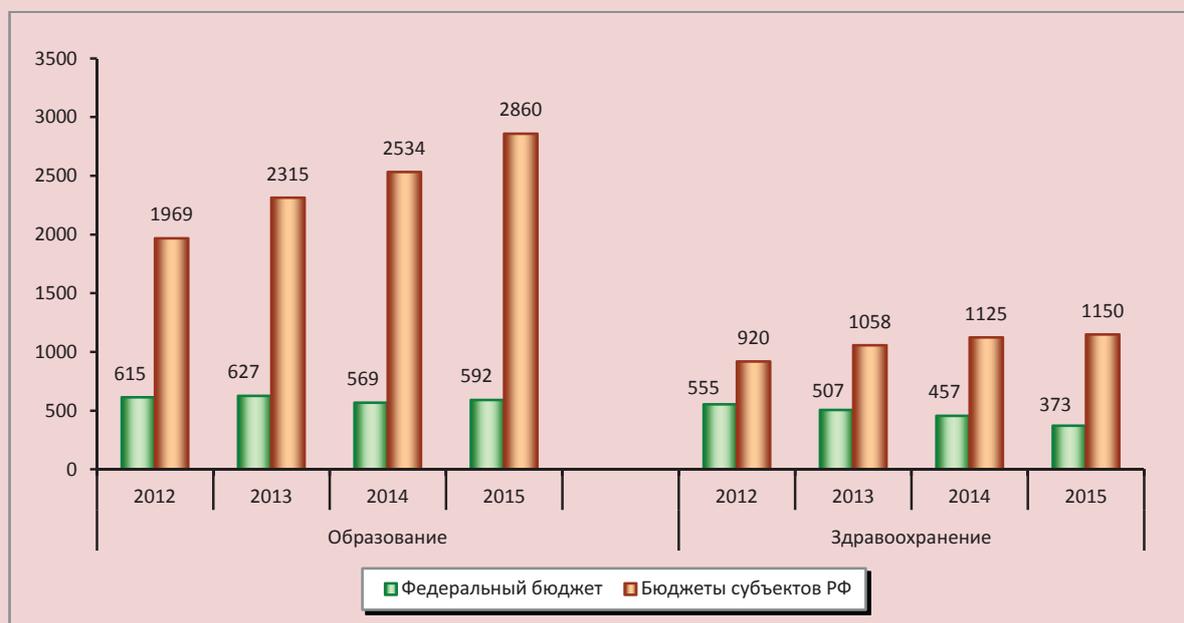
и безвозмездной финансовой помощи из федерального бюджета. Ситуация усугубляется еще и тем, что на субъекты Российской Федерации всё в большей степени перекладывается финансирование социальных обязательств. Об этом свидетельствуют прогнозные данные о расходах на образование и здравоохранение в консолидированном бюджете страны на 2013–2015 гг. (рис. 10).

В следующем бюджетном периоде основная доля бюджетных средств будет также направляться на финансирование социальной сферы. В Вологодской области это составит порядка 70%. В итоге объем бюджетных средств на развитие экономики будет неуклонно сокращаться: с 8,2 в 2013 г. до 5,9 млрд. руб. в 2016 г. (табл. 3).

Не способствует решению задачи инвестирования модернизации экономики и бюджетно-финансовая политика российского государства. Система государственного регулирования в этой сфере нуждается в существенной корректировке. Как показывают исследования ИСЭРТ РАН, повышение собираемости налогов и ряд непопулярных мер, прежде всего в среде крупного бизнеса, позволили бы привлечь в бюджетную систему страны 8–13 трлн. руб. в год [5, 6]. Однако практических шагов в этом направлении пока не сделано. Кроме того, в настоящее время не участвуют в решении приоритетных задач социально-экономического развития и мощные финансовые активы в виде средств резервного фонда, национального фонда благосостояния.

Что касается хозяйствующих субъектов, то они не спешат вкладывать средства в отечественную экономику. Их инновационная активность остается крайне низкой (доля инновационно активных предприятий составляет в РФ около 10% в развитых странах – превышает 70%) [9].

Рисунок 10. Прогнозные расходы консолидированного бюджета РФ* на образование и здравоохранение в 2012–2015 гг. (млрд. руб., в ценах 2011 г.)

* Без расходов государственных внебюджетных фондов.

Источник: данные Счётной палаты РФ.

Таблица 3. Структура расходов областного бюджета в 2011–2016 гг.*

Разделы	2011 г., факт		2012 г., факт		2013 г., оценка		2014 г., прогноз		2015 г., прогноз		2016 г., прогноз	
	млн. руб.	%	млн. руб.	%	млн. руб.	%	млн. руб.	%	млн. руб.	%	млн. руб.	%
ВСЕГО расходы	46519	100	45182	100	44756	100	44093	100	43857	100	46617	100
Общегосударственные вопросы	2053	4,4	1836	4,1	1995	4,5	2150	4,9	1865	4,3	1930	4,1
Национальная безопасность и правоохранительная деятельность	2449	5,3	493	1,1	445	1,0	420	1,0	326	0,7	317	0,7
Национальная экономика	6698	14,4	8239	18,2	8202	18,3	6280	14,2	5720	13,0	5952	12,8
ЖКХ**	1917	4,1	1848	4,1	393	0,9	1138	2,6	605	1,4	256	0,5
Охрана окружающей среды	236	0,5	164	0,4	145	0,3	185	0,4	149	0,3	146	0,3
Социальная сфера	27421	58,9	30013	66,4	27651	61,8	30869	70,0	31209	71,2	32866	70,5
образование	7043	15,1	8285	18,3	10180	22,7	12382	28,1	12616	28,8	13238	28,4
культура, кинематография	882	1,9	594	1,3	504	1,1	477	1,1	506	1,2	594	1,3
здравоохранение	6643	14,3	10265	22,7	6598	14,7	7750	17,6	7726	17,6	8361	17,9
социальная политика	10870	23,4	10331	22,9	9924	22,2	9966	22,6	10177	23,2	10486	22,5
физкультура и спорт	1764	3,8	431	1,0	289	0,6	118	0,3	117	0,3	130	0,3
СМИ	219	0,5	107	0,2	156	0,3	176	0,4	68	0,2	56	0,1
Обслуживание долга	789	1,7	1310	2,9	1930	4,3	1919	4,4	1739	4,0	1697	3,6

* В целях сопоставимости данных расходы за 2008–2010 гг. не приводятся, поскольку в этот период межбюджетные трансферты не включались в состав функциональных разделов бюджетной классификации.

** В 2013–2016 гг. расходы не включают безвозмездные поступления.

Источник: Проект закона Вологодской области «Об областном бюджете на 2014 год и плановый период 2015 и 2016 годов».

В результате на мировых рынках высокотехнологичной продукции Россия занимает менее 0,3% – это ниже более чем на 2 порядка доли США, на порядок – Мексики, втрое – Филиппин [12]. По оценкам экспертов, производства высокотехнологичной бытовой электроники, приборостроение и станкостроение оказались в зоне «некомпенсируемого технологического отставания» [21]. Стремительное разрушение современного технологического уклада означает разрушение основы устойчивого экономического роста, закрепление отсталости российской экономики.

Для иностранных инвесторов экономика России по-прежнему остается малопривлекательной. Для справки: прошлогодний объем иностранных инвестиций составил 51 млрд. долл., 2011 год принес экономике 55 млрд., а 2008-й – 75 млрд. долл. [10]. Несмотря на то, что в первом полугодии 2013 г. их приток в экономику РФ вырос на 32,1% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года (98,795 млрд. долл.), российские инвестиции за рубежом за это же время выросли в 1,8 раза, достигнув 126,4 миллиарда долларов. То есть сальдо инвестиций остается отрицательным – 27,6 млрд. долл. в первом полугодии 2013 г. Следовательно, в последние годы, при большой потребности регионов России во внутренних инвестициях для осуществления структурной перестройки экономики, значительные капиталы российского происхождения аккумулируются за рубежом [17]. Во многом это стало возможным после снятия в 2006 г. ограничений на трансграничное движение капитала [4].

Таким образом, вопросы модернизации экономики, преодоления на этой основе технической отсталости, обеспечения конкурентоспособности и достижения устойчивости экономического роста требуют существенных инвестиций, уровень которых в настоящее время явно недостаточен. В этой связи принципиально важным является формирование благоприятного инвестиционного климата, снижение инвестиционных рисков и тем самым повышение инвестиционной привлекательности российской экономики.

Решение актуальных для Российской Федерации проблем возможно только при изменении принципов социально-экономической политики на федеральном уровне, отказе от построения губительной сырьевой модели экономического развития, приводящей к финансовому банкротству и затяжной депрессии большинства регионов страны.

Складывающаяся ситуация диктует необходимость существенной корректировки социально-экономической политики государства, ориентации ее на приоритетное развитие отраслей пятого и шестого технологических укладов, расширение возможностей для инвестирования в технологическую и инженерную инфраструктуру, в человеческий капитал и сектор знаний. Речь в первую очередь идет о развитии массового кредита реальному сектору, и прежде всего – инвестиционному. Только реализация комплекса мер позволит добиться устойчивого экономического роста и вхождения Российской Федерации в группу стран-лидеров.

Литература

1. Валовой региональный продукт / Росстат [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gks.ru>
2. Доклад директора Института США и Канады РАН, члена-корр. РАН Рогова С.М. на заседании Президиума РАН (1 октября 2013 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://academcity.org/content/doklad-direktora-instituta-ssha-i-kanady-ran-chlen-korr-ran-rogoва-sm-na-zasedanii>

3. Дятлов, С.А. Основы теории человеческого капитала / С.А. Дятлов. – СПб.: Изд-во СПбУЭФ, 1994. – 160 с.
4. Ильин, В.А. Национальная и региональная безопасность: взгляд из региона [Текст] / В.А. Ильин // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2013. – №3(27). – С. 9-20.
5. Ильин, В.А. Новая повестка дня и эффективность государственного управления [Текст] / В.А. Ильин // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2013. – №2(29). – С. 9-13.
6. Ильин, В.А. Проблемы эффективности государственного управления. Бюджетный кризис регионов [Текст]: монография / В.А. Ильин, А.И. Поварова. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2013. – 128 с.
7. Инвестиции в нефинансовые активы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/investment/nonfinancial/#
8. Инвестиционные процессы в Вологодской области [Текст]: стат. сб. / Вологдастат. – Вологда, 2013. – 122 с.
9. Инновационный путь развития для новой России / отв. ред. В.П. Горегляд; Центр социально-экономических проблем федерализма Института экономики РАН. – М.: Наука, 2005. – 343 с.
10. Иностранные инвестиции в Россию продолжат сокращаться [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://delonovosti.ru/analitika/1759-inostrannye-investicii-v-rossiyu-prodolzhat-sokraschatsya.html>
11. Киршин, И.А. Трансформация представлений о действиях механизма возрастающей отдачи в теории экономического роста [Текст] / И.А. Киршин // Журнал экономической теории. – 2008. – №4. – С. 128-146.
12. Материалы к заседанию по конкурентоспособности / МЭРТ. – М., 2006.
13. Медведев, Д.А. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации, 12 ноября 2009 г. [Электронный ресурс] / Д.А. Медведев. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/transcripts/5979>
14. Мильнер, Б. Управление знаниями в современной экономике / Б. Мильнер // Проблемы теории и практики управления. – 2006. – №9. – С. 8-13.
15. Мильнер, Б.З. Управление знаниями в современной экономике / Б.З. Мильнер. – М.: Институт экономики РАН, 2008. – 76 с.
16. Мировое экономическое положение перспективы в 2012 году. Доклад Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.un.org/ru/development/surveys/docs/wesp2012.pdf>
17. Новая экономическая политика. Политика экономического роста / под ред. акад. В.В. Ивантера. – М.: ИНП РАН, 2013. – 54 с.
18. Основные фонды организаций Вологодской области [Текст]: стат. сб. / Вологдастат. – Вологда: Вологдастат, 2013. – 63 с.
19. Полный текст Послания В.В. Путина Федеральному Собранию 12 декабря 2012 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/news/17118>
20. Рогов, С.М. Новая шоковая терапия и «реформа РАН»: реалии российской науки / С.М. Рогов. – М.: Институт США и Канады РАН, 2013. – 60 с.
21. Сальников, В.А. Конкурентоспособность отраслей российской промышленности: текущее состояние и перспективы [Текст] / В.А. Сальников, Д.И. Галимов // Проблемы прогнозирования. – 2006. – №2.
22. Ускова, Т.В. Управление устойчивым развитием региона [Текст]: монография / Т.В. Ускова. – Вологда: Ин-т социально-экономического развития территорий РАН, 2009. – 355 с.
23. Uskova T.V. Reserves for Economic Growth: Regional Aspect // Sino-Russian Seminar on Regional Innovation System & Economic Growth, August, 2013. – Nanchang, 2013. – С. 76-87.

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

УДК 332.01

ББК 65.040

© Скуфьина Т.П.

Социально-экономическая дифференциация пространства: противоречия теории и практики регулирования*

В статье отмечается противоречие между значительностью усилий, направленных на разрешение проблемы дифференциации социально-экономического развития стран, регионов, и их малой результативностью. Проводится анализ теорий, касающихся проблематики асимметричности развития и сопутствующей реальности. Аргументируется вывод, что современная экономическая теория не дает ответа на вопрос, каким образом в рамках существующего мироустройства можно устранить проблему неравенств, которые потенциально способны привести к социальной напряженности и конфликтам. Отмечается специфика российского опыта исследований социально-экономической дифференциации: огромное количество научных работ, внешний интерес системы управления, недостаток теоретических построений, тенденциозность исследований. Критика базисных постулатов изучения и регулирования дифференциации в России позволила определить основную задачу — необходимость развития количественного анализа проблемы дифференциации.

Социально-экономическая дифференциация, глобализация, регионализация, экономическая теория, постулаты исследования.

**Татьяна Петровна
СКУФЬИНА**

доктор экономических наук, зав. отделом Института экономических проблем им. Г.П. Лузина Кольского НЦ РАН
skufina@iep.kolasc.net.ru

Одной из фундаментальных научных проблем современности является формирование экономически обоснованной модели регулирования проблемы неравномерности социально-экономического

развития. Целью конкретных теоретико-методологических и прикладных задач в рамках решения этой проблемы является сведение к минимуму тех неравенств, которые потенциально могут привести

* Работа выполнена при поддержке грантов: Минобрнауки по ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. — №2012-1.2.1-12-000-3002-007; РФФИ — №13-06-00030.

к нарастанию конфликтов, социальной напряженности, мешают сбалансированному экономическому развитию. Однако практические результаты регулирования межстрановых, межрегиональных и муниципальных отличий весьма скромны¹.

Это противоречие закономерно обуславливает целесообразность рассмотрения современных воззрений на проблематику социально-экономической дифференциации пространства. Но такое рассмотрение наталкивается на трудности. Проблема: фактически любое экономическое событие в мире, стране, регионе в конечном счёте влияет на соотношения показателей, меняет социально-экономическую дифференциацию. Следовательно, любое исследование, любое теоретическое описание этих событий, в той или иной мере, имеет отношение к проблематике дифференциации.

Конечно, каждый экономист знает, что «все зависит от всего», но полный смысл этого обобщения не осознается, пока не коснешься столь структурно сложного предмета исследования. Вместе с тем выявление теоретических конструктов, непосредственно касающихся проблемы неравномерности развития, а также соответствия (несоответствия) теории практическим результатам развития и регулирования проблемы представляются значимыми задачами. Именно решению этих задач и посвящена настоящая публикация.

¹ Недостаточная результативность в мирохозяйственном контексте отражается в актуальности воспроизводства вопросов: «Но какое место в процессах самой глобализации занимает выравнивание уровней экономического развития стран? Почему мировой рынок сопротивляется такому выравниванию?...» [11, с. 83]. О туиковом характере политики выравнивания бюджетной обеспеченности субъектов РФ см., напр., в [10, 12, 14, 21]; об отсутствии тенденций выравнивания базовых социальных и экономических статистических показателей регионов см. [1, 3, 20, 21]. Статистические оценки наглядно демонстрируют, что внутрирегиональные различия по основным социальным и экономическим индикаторам развития еще более резки, чем межрегиональные [2, 5].

Экономическая теория развитых и развивающихся стран о социально-экономической дифференциации

С теоретических позиций современные исследования асимметричности социально-экономического развития в развитых странах до сих пор базируются преимущественно на платформе теории «центр—периферия». Эта теория разработана в столь обширной литературе, что описать ее здесь не представляется возможным и целесообразным. Масса полезных сборников и учебников по экономической теории дает не только комплексное представление, но и твердое убеждение в малой реалистичности и некоторой догматичности предпосылок².

Однако широко разделяется постулат современности «теорию надо оценивать не по реалистичности предпосылок, по комплексности и значимости постановки проблемы». Это позволяет моделям «центр—периферия» использоваться как наглядное отображение неравномерности развития, в первую очередь в глобальном масштабе.

Что же касается регионального уровня, то при всем гигантском количестве работ какой-либо стройной теории описания или объяснения проблемы асимметричности развития в рамках теории «центр—периферия» до сих пор не просматривается. Однако можно выделить несколько крупных конгломератов построений. Например, первый из них базируется на идее развития конкуренции между «развитыми», «перспективными», «отстающими» регионами с целью выравнивания уровней экономического развития в системе «регион—центр—регион—периферия».

² Сумма идей, которую можно считать ретроспективным основанием и теории размещения, и теории «центр—периферия» (фактически образовавшейся из неактивной дискуссии этой самой теории размещения), наглядно представлена в [4, с. 568–585]. Современной спецификой можно считать отказ от постулата о неизменности международного разделения труда на основе статично понимаемого принципа сравнительных издержек.

Второй – предполагает развитие кооперации «города–центра» и «региона–периферии», а ядрами служат крупные фирмы, которые и дают импульсы развитию. Все эти теоретические построения характеризуются, обобщаются, многообразно синтезируются во вторичных источниках, в некоторых из которых даже приводятся результаты выделения центра и периферии конкретных регионов [16]. Но такие выделения в поисках практического смысла совершенно не помогают: невозможно не только поставить диагноз, но и использовать полученные результаты в прогностических разработках³.

Поэтому практика управления, в частности региональным развитием, традиционно базируется на стратегическом планировании, отличием которого от «центропериферийного» подхода является оптимизация параметров развития на основе разработанного алгоритма решений, нацеленных на достижение основной цели, то есть пространственный фактор не является важнейшим или строго заданным.

Экономические теории стран «третьего мира», непосредственно касающиеся проблемы асимметричности развития, отталкиваются от критики современного межстранового разделения труда, существующей системы разделения благ и от теоретических концепций развитых стран, закрепляющих этот порядок. Огромный интерес вызывают концепции развивающихся стран⁴: концепция периферийной экономики Р. Пребиш (Аргентина), Т. Дос Сантос и С. Фуртадо (Бразилия); концепция «арабского социализма» и практически

³ То есть совершенно неясно, например, хорошо это или плохо, что есть периферия? И если надо с ней бороться, то каковы, пусть не рецепты, но хотя бы принципы достижения всеобщей прогрессивности пространства? И т.д.

⁴ Вторичный источник этих концепций см., напр., в [13].

сменившая ее многовариантная «фундаменталистская альтернатива» («исламская альтернатива») и др. В каждой из них заложены реформистские программы, некие «проекты нации», в основе которых – обостренное внимание к проблеме неравноправных отношений между развитыми странами и периферийными, между «центром» и «периферией» внутри страны.

В основе латиноамериканских программ – различные способы изменения структуры национального продукта на базе определенных способов изменения спроса, т.е. способов удовлетворения потребления. Теоретические позиции очень сильные: выдвижение критерия максимизации душевого дохода, дополненного показателями эффективности, обеспечивающими замещение импорта, обоснование индустриализации и т.д.

При этом в латиноамериканских вариантах считалось и считается, что именно индустриализация в развивающихся странах приведет к структурной перестройке, что позволит не только ускорить экономический рост, но и решить проблему внутристрановой дифференциации доходов населения и межрегиональной дифференциации по уровню экономического развития. Практический результат известен: создание собственной промышленной базы усилило зависимость от мирового рынка, давление транснациональных корпораций возросло, межстрановое неравноправие закрепилось.

Что касается внутристрановой дифференциации, например, по доходам населения, то в латиноамериканских странах сокращения разрыва не произошло, наблюдается закрепление социальных слоев, т.е. с каждым годом возможность вертикальных движений индивида по социальным стратам сокращается. Справедливости ради отметим: последняя особенность характерна и для развитых стран.

Исследования, посвященные факторам закрепления межстрановой и межрегиональной дифференциации, крайне разнообразны. Архилох говорил: «Лисица знает много вещей, но ёж знает одну большую вещь». На наш взгляд, проблема — это сущность модели капитализма, в основе которой, как известно, лежит стяжательство и эксплуатация слабого. Если оставить в стороне политическую составляющую (однополярность мира, возможность военных и экономических санкций против стран третьего мира и т.д.), то с экономических позиций модель мироустройства такова: кто владеет капиталом, тот и определяет мирохозяйственные процессы. Таким образом, «большая вещь» — это капитал.

С точки зрения экономической теории можно обосновать, что капитал — единственный фактор производства. При модельном восприятии мира нам близка эта позиция. Учитывая внешнюю чудовищность такого тезиса, кратко поясним, сославшись на признанных теоретиков.

В фундаментальном труде М. Блауга «Экономическая мысль в ретроспективе» соединяются тезисы Фишера и Вальраса [4]. Фишер определял капитал как любой запас, который приносит поток услуг — землю, машины, сырье, природные ресурсы и трудовые навыки людей, а доход — как излишек этих услуг над затратами на восполнение запаса богатства. Следовательно, капитал — это единственный фактор производства, весь подлежащий распределению доход состоит из процента, заработная плата — это процентные платежи за человеческий капитал, а национальный доход состоит из потребительских расходов. Конечно, здесь Фишер в конструировании реальности пошел далеко, но для современных мирохозяйственных процессов крайне важен вывод, что фактически капитал является единственным фактором производства, что он представляет собой

однородный «вечный фон» производительной силы, что один капитальный актив может быть превращен в другой без ущерба для потребления. Именно это определяет имманентную сущность и логику глобализации, в первую очередь как финансовой глобализации.

Финансовая глобализация фиксирует и расширяет возможности мировых центров доминирования при ослаблении перспектив «периферии». Эта тенденция традиционно считается негативным последствием глобализации. Позитивными плодами считают не только рост доступности передовых технологий для всего населения и экономик периферии, но и диффузию, а скорее, экспорт западных идеологий⁵. При этом следует отметить, что современная политология и экономика формально лишены неких «цензурных механизмов», но по существу являются тенденциозными, проводя четкую границу между теми, кто «окультуривает», кого уже «окультуривают», и теми, кого надо «окультуривать». Как результат, в ряде исследований (см., например, [23]) считается, что даже и само деление на центр и периферию обусловлено не столько различиями в параметрах

⁵ Приведем одно из типичных определений: «Глобализация экономики — сложный и противоречивый процесс. С одной стороны, она облегчает хозяйственное взаимодействие между государствами, создает условия для доступа стран к передовым достижениям человечества, обеспечивает экономии ресурсов, стимулирует мировой прогресс. С другой — глобализация несет негативные последствия: закрепление периферийной модели экономики, потерю своих ресурсов странами, не входящими в «золотой миллиард», разорение малого бизнеса, распространение на слабые страны глобализации конкуренции, снижение уровня жизни и др. Сделать плоды глобализации доступными максимальному числу стран — одна из задач, стоящих перед мировым сообществом» (Экономический словарь. — <http://abc.informbureau.com/>). Последнее предложение-утверждение, являющееся также типичным, наглядно иллюстрирует метафизическую природу экономической доктрины глобализации. Уже в определении находится и поддержка, и отрицание «одной из задач» мирового сообщества. При этом нам никогда не объясняют, что же следует из этих противоречий? Каков механизм решения такой задачи?

социально-экономического развития, сколько глубиной проникновения европейских традиций в жизнь их народов.

Однако, на наш взгляд, трудно согласиться с тем, что для мировой системы капитала «базовым риском стал мировой кризис ментальности, чреватый войной между двумя основными цивилизациями — христианской и исламской» [11, с. 93]. Для мирового капитала важна общность институциональной среды, касающейся базисного единства условий движения и перелива капитала. Что касается привлечения ментальности, да еще в контексте «христианство-мусульманство», — это во многом наслоение, мешающее взглянуть на суть вещей.

Да, действительно, современная модель глобального развития, закрепляющая проблему межстрановой и внутривосточной дифференциации, закономерно приводит к идеям об альтернативном развитии стран, не считающихся «развитыми». Ответы сложившемуся миропорядку — региональные исламские проекты (наиболее четко механизм альтернативы отражен в «ливийской альтернативе» — «третьей мировой теории», сформулированной М. Каддафи) и проекты экономической интеграции арабских стран [19]. Реализация этих идей отодвинута современными военно-политическими результатами в арабских странах на много десятилетий, а при дальнейших усилиях демократических сил будет отодвинута навсегда. Но причина этого не «кризис ментальности», а установление и защита необходимой унификации глобальных правил поведения той самой «большой вещи» — капитала. Подтверждением «неисламского» характера альтернативных концепций развития служат не только история отношений Ливии и Венесуэлы, но и безусловное сходство «боливарианской доктрины» Уго Чавеса с идеологией Социалистической Народной Ливийской Арабской

Джамахирии в контексте приверженности «левым» ценностям [7]. Общим является и интеграционная идея. Так, ряд исследователей обоснованно считает социально востребованной и рациональной задачей всех государств Латинской Америки (без заметных исключений) формировать альтернативную экономическую систему, группируясь вокруг идей социальной концентрации и общеконтинентальной консолидации [22]. Однако, говоря о «рациональности», нужно сделать существенную оговорку — «нереализуемой рациональности».

Таким образом, современная экономическая теория не дает ответа на вопрос, каким образом в рамках современного мироустройства можно устранить проблему неравенств, которые потенциально могут привести к конфликтам. Поэтому зачастую строятся некие идеальные модели [11, 23, 24]. В них, без всяких внешних причин, принципиально меняются цели развития: от максимизации прибыли, экспансионных идей и т.д. до идей равенства, свободы развития каждого государства, каждой личности, построения идеальных моделей устойчивого развития⁶.

⁶ Эти теоретические концепции и производные от них конструкты (доминирующий пример — концепция устойчивого развития) порождены целым спектром взаимосвязанных причин. Перечислим лишь некоторые. Первая — политическая конъюнктура, то есть ряд «неудобств» и «противоречий», порождаемых современным глобальным капитализмом, рассасывается одномоментной трансформацией декларированных идей развития. Вторая — новые, «правильные» декларируемые ценности входят в противоречие с практическими шагами, в том числе правительств развитых стран — поборников западных общечеловеческих ценностей. Это закономерно порождает «реакцию отторжения» действительности, хотя бы на уровне экономической теории. Третья — при восприятии развития глобализации как поступательного линейного процесса действительно проявляется ее тупиковый характер. Отсюда закономерные попытки «доказать неотвратимость перехода от традиционного догоняющего развития к новой, более современной синергетической модели... В новой модели все субъекты хозяйства — от государства до каждого индивида — начинают играть по принципиально иным правилам. Следуя им, они выступают творческими партнерами и конкурентами как на национальном, так и на мировом рынке. Тем самым они получают равные шансы на успех» [11, с. 95].

Маловероятный характер этих концепций позволяет сделать главный вывод рассмотрения существующих теоретических конструкций, касающихся проблематики дифференциации социально-экономического развития. **Современные модели глобального разрешения противоречий крайне общи и вряд ли дают что-либо практике управления, кроме надежды на то, что как-нибудь, само собой все образуется. На региональном уровне концепции «центр–периферия» также мало применимы к решению практических проблем.**

Российский опыт исследования и регулирования социально-экономической дифференциации

Что касается отечественных исследований, то следует отметить огромное количество работ по указанной проблематике [1, 2, 3, 5, 6, 8, 17, 20, 21]. Достаточно существен и внешний интерес, демонстрируемый системой управления. Яркий пример – Федеральная целевая программа «Сокращение различий в социально-экономическом развитии регионов РФ (2002–2010 годы и до 2015 года)», так и не доведенная до завершения по срокам и результатам. Вместе с тем привлекает внимание крайняя скупость отражения теоретических построений по проблеме дифференциации социально-экономического развития.

На поверхности большинства исследований проблема социально-экономической дифференциации пространства России состоит из нескольких признанных тезисов.

Первый, широко распространенный тезис – о росте межрегиональной дифференциации в России. Специфика его применения находится нередко вне контекста того, что именно растет. Приведем фразы, типичные для вузовских учебников: межрегиональная дифференциация в России составляет 19 раз и продолжает расти; в

другом пособии цифры уже другие – 8 раз и так далее⁷. Типичен и пример констатации «главных современных трансформационных тенденций в российском экономическом пространстве: продолжающееся усиление межрегиональной социально-экономической дифференциации (неоднородности пространства)...» [8, с. 17]. При этом не приводится никаких критериев, показателей, по которым формулируются подобные утверждения.

Другая особенность применения тезиса о росте дифференциации заключается в частом использовании в научных исследованиях, учебных пособиях для вузов, формальных нормативно-правовых документах, в том числе и федерального уровня, всевозможных сравнений наименьшего и наибольшего значения какого-либо показателя в «наилучшем» и «наихудшем» регионе. Результатом исследований, основанных на таком сравнении, являются следующие выводы. Например: «Межрегиональная дифференциация к концу 2000 г. составляет по среднему душевому объему промышленной продукции почти 64 раза, по соотношению среднестатистических денежных доходов населения и величины прожиточного минимума – более чем 8 раз и т.д.» [17, с. 9–10]; «Дифференциация уровня развития регионов не только не снизится, но, наоборот, увеличится почти вдвое» [15, с. 40] (речь идет о трехлетнем периоде). Однако в представленных примерах фиксируется только размах между показателями и не оцениваются объективные тенденции развития межрегиональной дифференциации для всех регионов. Результат – искажение представлений о тенденции отдельными экстремальными значениями⁸.

⁷ Стандартную констатацию проблемы дифференциации в литературе для вузов см., напр., в [16, с. 147–148].

⁸ То есть фактически рассматривается дифференциация между двумя регионами РФ, а в стороне остаётся то, что имеется еще 81 субъект РФ (согласно современной системе федеративного устройства).

Второй незыблемый тезис — о том, что «межрегиональную дифференциацию в России надо сокращать», — приводится опять же вне контекста, что именно надо сокращать и почему. Типичный пример такой установки — вышеназванная Федеративная целевая программа, целью которой в её Паспорте обозначено «сокращение различий в социально-экономическом развитии регионов РФ, уменьшение разрыва по основным показателям социально-экономического развития между наиболее развитыми и отстающими регионами к 2010 году в 1,5 раза, а к 2015 году — в 2 раза».

Такие тезисы опасны своим чрезмерно общим характером. Опасность, конечно, умозрительна при реализации исследовательских задач, но реальна при выработке управленческих решений. Результат — формирование не менее размытых задач относительно ресурсных возможностей вышеназванной Программы. Например, такие задачи, как «формирование условий для развития регионов, социально-экономические показатели которых ниже среднего по стране; создание благоприятной среды для развития предпринимательской деятельности и улучшения инвестиционного климата; повышение эффективности государственной поддержки субъектов РФ», не сопоставимы с ресурсными возможностями. За период реальных сроков реализации Программы 2002–2006 годов фактическое финансирование составило 22 183 млн. руб.

В отношении постулата о необходимости сокращения межрегиональных отличий мы стоим на более прагматических позициях. С точки зрения любых пространственных социально-экономических систем дифференциация — неотъемлемое свойство компонентов системы, прослеживаемое по количественным признакам.

И базовая задача, которая позволит устранить проблему достоверности результатов исследования межрегиональной асимметрии, заключается в разработке методологии и корректных методов обобщения информации.

Некоторые выводы и перспективы исследований проблемы социально-экономической дифференциации в России

Таким образом, бесперспективность практического решения проблемы социально-экономической дифференциации пространства связана как минимум с тремя факторами. Во-первых, расплывчатость теоретических оснований проблемы асимметричности пространственного развития. Во-вторых, фантомность целей для практики регулирования. В-третьих, недостаточность использования существующих возможностей статистических методов в типовых схемах количественной оценки феномена дифференциации. То есть отсутствует та самая «совершенная простота», лежащая в основе мироустройства, позволяющая сложить мозаику разнообразия феномена неравномерности развития в целостную картину.

На наш взгляд, продуктивными усилиями раскрытия проблемы асимметричности социально-экономического развития, в частности, России является последовательное преодоление следующих ступеней. Первая — формирование методологии анализа социально-экономической дифференциации, включая разработку и формулировку ключевых методологических положений, обоснование использования типовых и разработку новых корректных методик сопоставлений. Вторая — интегрированная оценка специфики, тенденций, возможно, закономерностей развития феномена дифференциации. Третья ступень — проверка теоретических представлений результатами измерений. Чет-

вертая – формулировка перспективных научно-методических мер регулирования пространственного развития РФ, учитывающих новые соотношения социально-экономических характеристик, возможности и приоритеты.

Именно движение по этим ступеням позволит углубить теоретические представ-

ления об объективных предпосылках, направлениях, механизмах формирования асимметричности социально-экономического пространства РФ, определить действительные факты, причины, возможности и перспективы формирования системы сбалансированного развития субъектов РФ в новых экономических условиях.

Литература

1. Баранов, С.В. Динамика межрегиональной дифференциации 1998–2005 гг. / С.В. Баранов, Т.П. Скуфьина // *Федерализм*. – 2005. – №3. – С. 47-76.
2. Баранов, С.В. Комплексная оценка социально-экономического развития городов и районов Мурманской области / С.В. Баранов // *Вестник Кольского научного центра РАН*. – 2011. – №4. – С. 46-51.
3. Баранов, С.В. Комплексные оценки регионов Севера по уровню социально-экономического развития / С.В. Баранов // *Современные проблемы науки и образования*. – 2012. – №6.
4. Блауг, М. Экономическая мысль в ретроспективе / М. Блауг. – М.: Дело Лтд, 1994.
5. Ворошилов, Н.В. Дифференциация социально-экономического развития муниципальных образований Вологодской области 1991–2011 гг. / Н.В. Ворошилов // *Проблемы развития территорий*. – 2013. – №3(65). – С. 31-41.
6. Гасникова, А.А. Межрегиональная экономическая дифференциация на Севере и пути ее сглаживания / А.А. Гасникова, Ю.А. Волова // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. – 2012. – №47. – С. 9-13.
7. Голинжер, Е. Венесуэла: от заднего двора к многополярному миру / Е. Голинжер // *Геополитика: сборник статей, опубликованных в 2010–2011 гг. в информационно-аналитическом журнале «Геополитика»* / под. ред. А.Г. Дугина. – М.: Евразийское Движение, 2012. – С. 323-328.
8. Гранберг, А.Г. Экономическое пространство России: вечные проблемы, трансформационные процессы, поиск стратегий / А.Г. Гранберг // *Экономическое возрождение России: периодическое научное издание*. – 2004. – №1. – С. 16-22.
9. Грицай, О.В. Центр и периферия в региональном развитии / О.В. Грицай, Г.А. Йоффе, А.И. Трейвиш. – М.: Наука. – 1991. – 161 с.
10. Добрынин, Н. Бюджетный федерализм в России: генезис, эволюция, необходимость перемен / Н. Добрынин // *Федерализм*. – 2004. – №2. – С. 133-148.
11. Евстигнеева, Л. Тайна догоняющего развития / Л. Евстигнеева, Р. Евстигнеев // *Вопросы экономики*. – 2013. – №1. – С. 81-96.
12. Ильин, В.А. Бюджетный кризис регионов в 2013–2015 годах – угроза безопасности России / В.А. Ильин, А.И. Поварова // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. – 2012. – №6(24).
13. История экономических учений: (современный этап) / под ред. А.Г. Худокормовой. – М.: ИНФРА, 1999. – С. 701-720.
14. Лавровский, Б. Трансфертный механизм: преодолен ли кризис? / Б. Лавровский, Е. Постникова // *Вопросы экономики*. – 2005. – №5. – С. 84-96.
15. Лексин, В.Н. Государство и регионы. Теория и практика государственного регулирования территориального развития / В.Н. Лексин, А.Н. Швецов. – М.: Эдиториал УРСС, 2003.
16. Панасюк, М.В. Анализ развития системы «центр-периферия» региона (на примере Республики Татарстан) / М.В. Панасюк, А.В. Руденко // *Известия РАН Серия географическая*. – 2008. – №1. – С. 60-72.
17. Польшнев, А.О. Межрегиональная экономическая дифференциация: методология анализа и государственного регулирования / А.О. Польшнев. – М.: Эдиториал УРСС, 2003.
18. Пикулькин, А.В. Прогнозирование и планирование в условиях рынка / А.В. Пикулькин, Т.Г. Морозова. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 1999.

19. Рясов, А.В. Политическая концепция М. Каддафи в спектре «левых взглядов» / А.В. Рясов. — М.: Институт востоковедения РАН, 2008.
20. Самарина, В.П. Оценка неравномерности социально-экономического развития субъектов центрально-черноземного экономического района / В.П. Самарина // Региональная экономика: теория и практика. — 2008. — №8. — С. 33-38.
21. Скуфьина, Т.П. Проблема асимметричности экономического развития пространства в современных исследованиях / Т.П. Скуфьина // Фундаментальные исследования. — 2013. — №10-3. — С. 650-652.
22. Слинько, А.А. Неевклидова политика: трансформация политических процессов в Латинской Америке / А.А. Слинько. — Воронеж: Научная книга, 2010.
23. Уткин, А.И. Глобализация: процесс и осмысление / А.И. Уткин. — М.: Логос, 2001.
24. Regional Policy; Readings in Theory and Applications / Ed. By Friedman J, and Alonso W. — Cambridge, London, 1975.
25. Fredann J. Urbanization Planning and National Development. — Beverly Hills, London, 1973.

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОЙ АРКТИКИ

УДК 332.1(98)

ББК 65.04(211)

© Тоскунина В.Э., Губина О.В., Проворова А.А., Кармакулова А.В., Воронина Л.В.

Подходы к районированию и определению границ Арктической зоны Российской Федерации

**Вера Эдуардовна
ТОСКУНИНА**

доктор экономических наук, зав. отделом Архангельского научного центра Уральского отделения Российской академии наук
ver4741@yandex.ru

**Ольга Владимировна
ГУБИНА**

кандидат экономических наук, старший научный сотрудник
Архангельского научного центра УрО РАН
oei2@rambler.ru

**Анна Андреевна
ПРОВОРОВА**

научный сотрудник Архангельского научного центра УрО РАН
oei2@rambler.ru

**Анна Вячеславовна
КАРМАКУЛОВА**

аспирант, младший научный сотрудник Архангельского научного центра УрО РАН
oei2@rambler.ru

**Людмила Васильевна
ВОРОНИНА**

аспирант, младший научный сотрудник Архангельского научного центра УрО РАН
oei2@rambler.ru

Статья посвящена исследованию подходов к районированию Российской Федерации на предмет выделения южной границы Арктической зоны. На основе анализа нормативно-правовых документов, а также научной литературы, посвященной обоснованию зоны Арктики, выявлена проблема отсутствия четких критериев, позволяющих определить перечень территорий, входящих в эту зону. В результате исследования разработаны рекомендации по обоснованию включения конкретных административно-территориальных образований Российской Федерации в зону Арктики.

Арктическая зона Российской Федерации, регион, районирование, критерии.

Арктические территории, обладая значительным природно-ресурсным потенциалом, представляют собой зону повышенного внимания со стороны мирового сообщества. Именно с освоением уникальных ресурсов Арктики связывают свое стратегическое экономическое развитие и укрепление геополитического положения ряд крупных мировых держав. Это обусловило активизацию процессов совершенствования нормативно-правовой базы в сфере регулирования развития арктических территорий. В России данный процесс сопровождался принятием таких документов, как «Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу» [23] и «Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности» [29]. Тем не менее объект государственного регулирования — Арктическая зона Российской Федерации до сих пор не имеет четко определенных территориальных границ. За последние 15 лет был предпринят ряд попыток законодательного утверждения южной границы Арктической зоны России, в результате которых ее территориальный состав претерпевал постоянные изменения. На наш взгляд, одной из ключевых причин сложившейся ситуации стало отсутствие научно обоснованного подхода к выделению четкого перечня критериев, на основании которого возможно определение границ Арктической зоны Российской Федерации.

Сложность выявленных проблем и важность их решения для социально-экономического развития арктических территорий не ставят под сомнение актуальность настоящего исследования, целью которого является обоснование подхода к определению южной границы Арктической зоны Российской Федерации.

В отечественной и мировой практике научных исследований существует ряд подходов к районированию северных территорий и выделению зоны Арктики.

Научное обоснование районирования северных территорий СССР было дано в 30-х гг. XX в. С.В. Славиным, который предложил схему районирования, учитывающую две категории признаков: природно-климатические и экономико-географические. К Северу он относил малонаселенные и слабоосвоенные районы, расположенные к северу от старообжитых экономически развитых районов. В качестве важнейших признаков Севера С.В. Славин называл низкую плотность населения (не более 5 чел./км²) и суровость климатических условий, накладывающую ограничения на выращивание злаковых культур. В зависимости от выраженности этих признаков Север подразделялся на Ближний и Дальний [26, 27].

Попытки районирования северных территорий были сделаны в трудах зарубежных исследователей. Так, в 1955 г. в труде Американского географического общества к Северу были отнесены не только высокоширотные территории СССР, но и юг

Сибири и Ленинградская область, а также некоторые территории на юге Канады. В 1950–1970 гг. зарубежные исследователи (К. Дж. Ри, Р. Гайда) придерживались территориально-административного принципа, относя к северным территории, расположенные выше 60° с.ш. [28]. В 1964 г. канадский исследователь Л.Э. Амлен, используя количественные балльные оценки, определил 6 природно-географических и 4 экономико-географических признака районирования, на основе которых выделил Средний, Дальний и Крайний Север [7].

В фундаментальном труде Т. Армстронга, Дж. Роджера и Д. Роулея к Северу были отнесены географически детерминированные Арктика и Субарктика. В столь широком смысле Север занимает 5% площади Мирового океана и 15% суши Земли [1].

В разработанных в США в середине 1980-х гг. планах освоения Арктики к арктическим территориям были отнесены регионы, расположенные севернее Северного полярного круга ($66,33^\circ$ с.ш.).

По мнению В.С. Селина и В.В. Васильева [28], наиболее научно обоснованные на данный момент подходы зарубежных исследователей к районированию северных территорий разработаны в целях совершенствования реализации региональной политики (например, в Швеции – субсидирование территорий).

В принятом в Канаде в 1991 г. «Положении об изолированных населенных пунктах» [17] установлены льготы и надбавки сотрудникам организаций, работающим в Арктике и на севере Канады. В документе учтены такие группы надбавок: за качество окружающей среды, за различие в стоимости проживания, стоимости топлива и коммунальных услуг, за специальное месторасположение и временное раздельное проживание.

Анализ подходов к районированию территории и выделению зоны Арктики позволил выявить астрономический, климатический, физико-географический, биоклиматический, хозяйственный, административный, медико-биологический и комплексный подходы.

Главным критерием выделения зоны Арктики в астрономическом подходе [20] является Северный полярный круг – $66,33^\circ$ с.ш.

Согласно климатическому подходу, в качестве рекомендуемых критериев могут выступать:

- изотермы наиболее теплого месяца $+10^\circ\text{C}$ [15];

- критерий Норденшельда (отношение температуры июля к температуре самого холодного зимнего месяца) [24];

- радиационный баланс 10 ккал/см^2 [31] или 15 ккал/см^2 в год [18, 19];

- общеклиматические индексы, учитывающие скорость ветра в холодный период, среднюю температуру воздуха и сумму осадков за холодный период [5];

- летнее положение арктического климатологического фронта [2].

Физико-географический подход предполагает выделение зоны Арктики на основе базовых параметров ландшафтов и определяет южную границу Арктики по южной границе тундры [12, 13].

Биоклиматический подход основан на понятии стресса, возникающего под влиянием окружающей среды вследствие недостатка солнечной радиации, преобладания низких температур воздуха с суровым ветром, высокой влажности и высокой вероятности выпадения снега в летний период, отсутствия древесно-кустарниковой растительности [20]. Принимая данный подход, можно определить границу зоны Арктики по совокупному биоклиматическому индексу, который включает индекс теплосодержания, индекс жест-

кости погоды Бодмана, индекс влажного ветрового охлаждения для среднемесячных характеристик климата зимой (январь) и переходных сезонов (среднее между апрелем и октябрём). Авторы данного подхода выделяют Высокую Арктику и Субарктику.

В рамках биоклиматического подхода следует также рассмотреть метод районирования, который предложен О.Р. Назаревским и согласно которому параметры природной среды учитываются с позиции оценки природных условий жизни населения. Все параметры условно подразделяются на внеклиматические (продолжительность дня и ночи, годовые суммы солнечной радиации, абсолютная высота местности, глубина расчленения рельефа, сейсмичность и др.) и климатические (температурный режим зимы и лета, продолжительность экстремального периода, сила ветра и др.) условия [21].

К биоклиматическому подходу, на наш взгляд, необходимо отнести зонирование территорий Севера, предложенное А.Н. Кренке и А.Н. Золотокрылиным и основанное на учете зональных и азональных критериев дискомфорта жизни природно-климатических условий жизни человека. В результате совершенствования подхода авторами (А.Н. Золотокрылин, А.Н. Кренке, В.В. Виноградова) была предложена современная система независимых (или слабосвязанных между собой) показателей. Кроме того, были обоснованы пороговые значения показателей для выделения южной границы зоны Севера и определена абсолютно дискомфортная зона Севера России [10, 11].

Для определения границ Арктической зоны некоторыми авторами рекомендуется также использовать биоклиматический индекс суровости метеорежима (БИСМ), который учитывает комплекс климатических показателей: температуру воздуха; скорость ветра; влажность воздуха; атмосферное

давление; уровень прямой солнечной радиации. В этом случае к зоне Арктики (авт. арктический Север) относится зона, для которой значения БИСМ составляют 4–4,99 балла [28].

Хозяйственный подход к районированию территорий основывается на учете приоритетных стратегических ориентиров социально-экономического развития отдельных регионов. Так, И.С. Грамбергом, И.А. Додиним и др. на основе закономерностей размещения месторождений полезных ископаемых определены границы российского сегмента Арктического планетарного минерагенического пояса с перечнем территорий, входящих в зону Арктики [3].

Административный подход используется при обосновании зоны Арктики в нормативно-правовых документах, регулирующих социально-экономическое развитие регионов, входящих в эту зону. За десятилетия формирования законодательной базы не прослеживалось единства в обосновании перечня регионов, входящих в зону Арктики, а также, по нашему мнению, не существовало научно обоснованных критериев их отбора.

Основываясь на Решении государственной комиссии при Совете Министров СССР по делам Арктики от 22.04.1989 г. (далее – Решение), можно предположить, что главным критерием для отнесения территорий к Арктической зоне стал их выход к морям Северного Ледовитого океана. Однако, исходя из состава административно-территориальных образований Арктической зоны, в данном подходе не были учтены территории, имеющие выход к Белому морю бассейна Северного Ледовитого океана. В результате чего в состав Арктической зоны не вошли территории Мурманской и Архангельской областей, Республики Карелия. В связи с изменением административно-территориального деления и созданием муниципальных

образований в составе Ямало-Ненецкого и Чукотского автономных округов (в соответствии с Решением полностью входящих в Арктическую зону) вне данной зоны оказались муниципальные районы, не имеющие выхода к акватории Северного Ледовитого океана.

Те же недостатки отмечены в ряде документов, опирающихся на рассматриваемое Решение:

– Проект Концепции устойчивого развития Арктической зоны Российской Федерации [16];

– Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу [23];

– Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности [29].

В проекте Федерального закона «Об Арктической зоне Российской Федерации» [22] состав территорий, относящихся к Арктической зоне, остался прежним, за исключением двух добавленных городов Мурманской области (Североморск и Полярный).

В последующих вариантах проектов федеральных законов «Об Арктической зоне Российской Федерации», инициированных Госкомсевером (1999 г.) и Советом Федерации (1998, 1999 гг.), критерии отнесения территорий к Арктической зоне не были четко определены. Согласно проектам законов, к Арктической зоне РФ, помимо территориальных образований, выделенных Решением государственной комиссии при Совете Министров СССР по делам Арктики от 22.04.1989 г., в разные годы относились г. Красноярск Красноярского края, Корякский автономный округ Камчатского края, Пинежский и Лешуконский районы Архангельской области. Эти территории находятся южнее Северного полярного круга и не имеют выхода к акватории Северного Ледовитого океана.

В проекте Федерального закона «Об Арктической зоне Российской Федерации» от 23.01.2013 года, разработанном Министерством регионального развития России, на наш взгляд, была предпринята попытка использовать два основных критерия отнесения территории к Арктической зоне: прибрежное положение (моря бассейна Северного Ледовитого океана) и расположение территории к северу от Северного полярного круга. Однако некоторые административно-территориальные образования, значительная часть которых расположена севернее Северного полярного круга, такие как Эвенкийский район Красноярского края, Усть-Цилемский, Усинский и Интинский районы Республики Коми, не были включены в Арктическую зону России.

В медико-биологическом (физиологическом) подходе обосновываются критерии (факторы) районирования северных территорий, обладающие выраженным биологическим эффектом. Авторами отмечается резко отрицательное воздействие неблагоприятных факторов на физиологическое развитие, обменные процессы организма, иммунную систему людей, проживающих на Севере [8, 9, 30].

Комплексный подход позволяет, на наш взгляд, учесть различные аспекты дискомфорта проживания населения на Севере: природно-климатические, экономико-географические, социально-экономические и риск проживания [28]. Используемый подход позволяет учесть специфику не только природно-климатических северных условий, но и социально-экономические особенности, присущие регионам Севера. Принцип комплексности усиливает достоверность результатов, однако использование социальных и экономических факторов требует регулярного обновления показателей и уточнения границ выделенных зон.

Кроме того, методически сложным является учет сочетания природных, социальных и экономических показателей. Достоинством данного подхода можно считать выделение зоны Арктики в абсолютно дискомфортной зоне Севера.

Проведенный авторами анализ подходов к выделению зоны Арктики и определению ее южной границы позволяет сделать заключение о сложности их применения при установлении на законодательном уровне четкого перечня территорий, входящих в эту зону. Применение такого ключевого критерия выделения Арктической зоны, как дискомфортность жизнедеятельности населения, является очень важным. Тем не менее наличие географически удаленных от Арктики территорий с дискомфортными климатическими условиями накладывает определенные ограничения на его использование и приводит к недостаточно обоснованному расширению границ Арктики (например, высокогорные районы в центральной и южной части Сибири). Комплекс предлагаемых нами базовых критериев, сочетающих географические и экономические признаки, позволяет четко и однозначно отнести ту или иную территорию к Арктической зоне России.

К базовым критериям выделения Арктической зоны Российской Федерации следует отнести: Северный полярный круг, выход к акватории Северного Ледовитого океана, связь административно-территориальных образований с акваторией Северного морского пути.

Для определения состава территорий Арктической зоны Российской Федерации предлагаем руководствоваться базовыми критериями, с учетом следующих методических положений:

- соблюдение при районировании принципа целостности (неделимости) административно-территориального образования;

- соответствие административно-территориального образования хотя бы двум из базовых критериев.

Использование *Северного полярного круга* в качестве критерия для определения южной границы Арктики является устоявшимся в науке и часто используется отечественными и зарубежными исследователями [20]. В зону Арктики, согласно предлагаемому нами подходу, входят территории, расположенные к северу от Северного полярного круга ($66^{\circ}33'$ с.ш.), а также административно-территориальные образования, по территории которых проходит Северный полярный круг.

При использовании данного критерия в Арктическую зону РФ входят следующие административно-территориальные образования:

- Мурманская область (все административно-территориальные образования);

- Ямало-Ненецкий, Ненецкий и Чукотский автономные округа (все административно-территориальные образования);

- Республика Коми (Усть-Цилемский, Усинский, Воркутинский, Интинский районы);

- Красноярский край (Таймырский Долгано-Ненецкий, Эвенкийский и Туруханский районы);

- Республика Саха (Анабарский, Булунский, Усть-Янский, Аллаиховский, Нижнеколымский, Жиганский, Абыйский, Среднеколымский, Верхнеколымский улусы, Оленёкский эвенкийский национальный район, Верхоянский, Эвено-Бытантайский, Момский районы).

Вторым базовым критерием отнесения к зоне Арктики является *выход административно-территориального образования к акватории Северного Ледовитого океана*.

Недостатком критерия является то, что ряд муниципальных образований, фактически находящихся внутри районов с

выходом к акватории Северного Ледовитого океана, оказываются вне Арктической зоны России (например, некоторые закрытые административно-территориальные образования, городские округа).

При использовании данного критерия в Арктическую зону РФ входят следующие административно-территориальные образования:

– Мурманская область (Кандалакшский, Кольский, Ловозерский, Печенгский, Терский районы, ЗАТО Александровск, ЗАТО пос. Видяево, ЗАТО г. Заозерск, ЗАТО г. Островной, ЗАТО г. Североморск, г. Мурманск);

– Республика Карелия (Лоухский, Кемский, Беломорский районы);

– Архангельская область (Приморский, Онежский, Мезенский районы, городской округ Новая Земля, г. Северодвинск, г. Архангельск);

– Ненецкий автономный округ (все административно-территориальные образования);

– Ямало-Ненецкий автономный округ (Ямальский, Тазовский, Приуральский, Надымский, Пуровский районы);

– Красноярский край (Таймырский Долгано-Ненецкий район);

– Республика Саха (Анабарский, Булунский, Усть-Янский, Аллаиховский, Нижнеколымский улусы);

– Чукотский автономный округ (Чукотский, Билибинский, Иультинский, Чаунский районы).

Поскольку одним из стратегических направлений деятельности государства в Арктике является освоение ее природных ресурсов, важнейшим критерием отнесения административно-территориального образования к Арктической зоне РФ служит наличие на ее территории относительно крупных населенных пунктов с развитой производственной и транспортной инфраструктурой, трудовыми ресурсами.

Так как главной судоходной магистралью России в Арктике является Северный морской путь, обеспечивающий темпы промышленного освоения и успешное функционирование хозяйственных комплексов, для определения южной границы Арктической зоны РФ считаем обоснованным применение такого критерия, как *связь административно-территориальных образований с акваторией Северного морского пути*. При отнесении, в соответствии с этим критерием, того или иного административно-территориального образования к зоне Арктики оценивается наличие на данной территории портовой и транспортно-логистической инфраструктуры, обеспечивающей обслуживание судов, доставку и перераспределение грузов и др.

Использование данного критерия позволяет выделить следующие административно-территориальные образования, входящие в Арктическую зону РФ:

– Мурманская область (г. Мурманск, Кандалакшский район);

– Архангельская область (Онежский район, г. Архангельск);

– Ненецкий автономный округ (все административно-территориальные образования);

– Ямало-Ненецкий автономный округ (городские округа Салехард и Лабытнанги, Ямальский, Надымский, Пуровский районы);

– Красноярский край (Таймырский Долгано-Ненецкий, Туруханский районы);

– Республика Саха (Булунский, Усть-Янский улусы);

– Чукотский автономный округ (Иультинский, Чаунский, Анадырский, Провиденский районы).

Регионы и муниципальные образования, соответствующие одному, двум и более критериям отнесения к Арктической зоне Российской Федерации, представлены в *таблице*.

Регионы и муниципальные образования, соответствующие одному или двум критериям отнесения к Арктической зоне Российской Федерации

<p>Регионы и муниципальные образования, соответствующие двум (и более) критериям отнесения к Арктической зоне Российской Федерации</p>	<p>Кандалакшский, Кольский, Ловозерский, Печенгский, Терский районы, ЗАТО Александровск, ЗАТО пос. Видяево, ЗАТО г. Заозерск, ЗАТО г. Островной, ЗАТО города Североморск и Мурманск (Мурманская область); Городской округ Новая Земля, Онежский район, г. Архангельск (Архангельская область); Ненецкий автономный округ; Ямальский, Тазовский, Приуральский, Надымский, Пуровский районы, городские округа Салехард и Лабытнанги (Ямало-Ненецкий автономный округ); Таймырский Долгано-Ненецкий, Туруханский районы (Красноярский край); Анабрский, Булунский, Усть-Янский, Аллаиховский, Нижнеколымский улусы (Республика Саха (Якутия)); Чукотский автономный округ.</p>
<p>Муниципальные образования, соответствующие одному критерию отнесения к Арктической зоне Российской Федерации</p>	<p>Красноселькупский, Шурушканский районы, городские округа Губкинский, Муравленко, Новый Уренгой, Ноябрьск (Ямало-Ненецкий автономный округ); Лоухский, Кемский, Беломорский районы (Республика Карелия); Эвенкийский район (Красноярский край); Усть-Цилемский, Усинский, Воркутинский, Интинский районы (Республика Коми); Города Апатиты, Кировск, Мончегорск, Оленегорск, Полярные Зори, Ковдорский район (Мурманская область); Приморский и Мезенский районы, г. Северодвинск (Архангельская область); Жиганский, Абыйский, Среднеколымский, Верхнеколымский улусы, Оленёкский эвенкийский национальный район, Верхоянский, Эвено-Бытантайский, Момский районы (Республика Саха (Якутия)).</p>

Для муниципальных образований, которые отвечают только одному из критериев, на наш взгляд, необходимо дополнительное обоснование для включения их в зону Арктики.

Дополнительное обоснование считаем целесообразным проводить с использованием следующих групп критериев.

I. Группа природно-климатических критериев, характеризующих дискомфортность природно-климатических условий для жизни населения:

1. *Продолжительность дня (ночи)*. Контрастная динамика продолжительности светового дня в течение года в высоких широтах отрицательно влияет на здоровье населения. Заметное неблагоприятное влияние показателя на население проявляется с 62° с.ш. На этой широте продолжительность дня в начале января составляет около 4 часов [10, 11, 21].

2. *Период с недостатком солнечной ультрафиолетовой радиации в году*. Показатель отражает дефицит биологически активной ультрафиолетовой радиации Солнца, приводящий к развитию патологических реакций человека, нарушению обмен-

ных процессов, обострению хронических заболеваний, к снижению устойчивости к инфекции; к торможению физического развития. Ультрафиолетовая недостаточность более одного месяца отмечается севернее 62° с.ш. [4, 10, 11, 21, 30].

3. *Продолжительность зимнего периода (дни)*. При работе на открытом воздухе в холодный период резко возрастает вероятность обморожения открытых частей тела. Прекращается также эксплуатация некоторых видов техники из-за отказа и поломок [10, 11, 21, 25].

4. *Распространение многолетней мерзлоты*. Во внимание принимается положение границы между сплошной, прерывистой и островной мерзлотой [10, 11].

5. *Средняя продолжительность безморозного периода в году*.

6. *Сумма активных температур за вегетационный период с устойчивой температурой выше +10° С*. Характеризует запасы тепловых ресурсов за сезон активной вегетации [14]. Для полного развития растений каждого вида или сорта сельскохозяйственных культур необходима сумма активных температур за вегетационный сезон,

закрывающаяся в определенных пределах, например для ржи – 1600-1700° С, яровой пшеницы – 1700-1900° С. Граница суммы температуры 1600° С принимается некоторыми исследователями в качестве границы Севера.

7. *Индекс жесткости погоды Бодмана* – показатель ощущения человеком холода в сочетании с ветром [6, 10, 11]. Количественные показатели индекса Бодмана определяются в относительных единицах, которые в середине зимы изменяются от 6,5 на арктических островах до 2,5–3,0 в средней полосе России.

II. Социально-экономические критерии, характеризующие дискомфортность проживания населения с позиции сформировавшихся социальных и экономических условий:

1. *Плотность населения* (чел./км²) – характеризует заселенность территории.

2. *Транспортная освоенность территории* – характеризует в совокупности с показателем плотности населения хозяйственную освоенность территории. Для оценки критерия используется показа-

тель густоты автомобильных дорог общего пользования с твердым покрытием (км дорог/1 тыс. км²).

3. *Удорожание стоимости жизни*. Северное удорожание проявляется в повышении цен на потребительские товары и услуги вследствие воздействия факторов периферийности, слабой транспортной освоенности, экстремальности природно-климатических условий. Для оценки используется показатель соотношения стоимости фиксированного набора товаров и услуг (в % от среднероссийской стоимости).

Таким образом, учитывая возросший интерес к Арктической зоне Российской Федерации и наметившиеся пути хозяйственного освоения, можно подчеркнуть стратегическую важность законодательного определения границ этой территории. Конкретизация соответствующих критериев в рамках предлагаемого подхода позволит определить конкретный и строго ограниченный перечень административно-территориальных образований, входящих в зону Арктики.

Литература

1. Armstrong, T. The Circumpolar North. A political and economic geography of the Arctic and Sub-Arctic [Текст] / T. Armstrong, G. Rogers, G. Rowley. – London: Methuen and Company, 1978. – 273 p.
2. Алисов, Б.П. Климат СССР / Б.П. Алисов. – М.: Изд-во МГУ, 1956. – 126 с.
3. Арктика на пороге третьего тысячелетия (ресурсный потенциал и проблемы экологии) / под ред. И.С. Грамберга, Н.П. Лаврова. – СПб.: Наука, 2000. – 247 с.
4. Белинский, В.А. Ультрафиолетовая радиация Солнца и неба – важный элемент географической среды / В.А. Белинский // Вопросы географии. – Москва: Мысль, 1972. – Вып. 89. – С. 17-28.
5. Брызгин, Н.Н. Метеорологические индексы как количественные показатели границы Арктики // Факторы и принципы физико-географического районирования полярных областей Земли / Н.Н. Брызгин, Ц.А. Швер. – Л., 1974.
6. Визе, В.Ю. Климат морей Советской Арктики / В.Ю. Визе. – М.: Изд-во Главсевморпути, 1940. – 125 с.
7. Витязева, В.А. Социально-экономическое развитие Российского и зарубежного Севера: уч. пособие / В.А. Витязева, Е.С. Котырло. – Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2007. – 299 с.
8. Добродеева, Л.К. Иммунологическое районирование / Л.К. Добродеева. – Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2001. – 111 с.
9. Ефремов, А.А. О существующих подходах к районированию северных территорий России / А.А. Ефремов, А.В. Ткачев // Материалы всероссийской научной конференции «Стратегия развития северных регионов России». – Архангельск: Архангельский филиал Института экономики УрО РАН, 2003. – С. 48-57.

10. Золотокрылин, А.Н. Новое районирование территории Севера Российской Федерации по природным условиям для жизни населения / А.Н. Золотокрылин, А.Н. Кренке, В.В. Виноградова // Известия РАН. Серия географическая. – 2012. – №1. – С. 7-13.
11. Золотокрылин, А.Н. Районирование России по природным условиям жизни населения / А.Н. Золотокрылин, А.Н. Кренке, В.В. Виноградова. – М.: Геос, 2012. – 156 с.
12. Исаченко, А.Г. Оценка и картографирование экологического потенциала ландшафтов России / А.Г. Исаченко // Известия ВГО. – 1991. – №6. – С. 457-472.
13. Исаченко, А.Г. Экологический потенциал ландшафта / А.Г. Исаченко // Известия ВГО. – 1991. – №4. – С. 305-315.
14. Климатический атлас СССР. – М.: ГУГК СССР при СМ СССР, 1960.
15. Комплексные климатические стратегии для устойчивого развития регионов российской Арктики в условиях изменения климата (модельный пример Мурманской области). – М.: РРЭЦ, ПРООН, 2009.
16. Концепция устойчивого развития Арктической зоны Российской Федерации (Проект): разработана в соответствии с решением Совета по проблемам Крайнего Севера и Арктики при Правительстве Российской Федерации (протокол от 26.11.2002 г. №1) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
17. Коренные народы Канады, нефть и закон: сб. / Департамент по делам Севера Минэкономразвития России; Федеральный экономический фонд. – М., 2002. – С. 264.
18. Короткевич, Е.С. Географические границы действия экологических систем в Арктике / Е.С. Короткевич // Проблемы экологии полярных областей. – М.: ГИМИЗ, 1983. – С. 11-16.
19. Короткевич, Е.С. Полярные пустыни / Е.С. Короткевич. – М.: ГИМИЗ, 1972.
20. Методология районирования территорий для управления формированием трудовых ресурсов в северных районах / Г.П. Лузин [и др.]. – Апатиты: Кольский научный центр ИЭП РАН, 1996. – 98 с.
21. Назаревский, О.В. Карта оценки природных условий жизни населения СССР / О.В. Назаревский. – М.: ИГ РАН, 1984.
22. О проекте Федерального закона «Об Арктической зоне Российской Федерации»: постановление Совета Федерации РФ от 10.07.1998 г. №323-СФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.consultant.ru>.
23. Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу: утв. Президентом Российской Федерации 18 сентября 2008 г. (Пр. – 1969) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2009/03/30/arktika-osnovy-dok.html>.
24. Петров, Л.С. Граница Арктики и принципы ее определения // Труды Арктического и Антарктического НИИ. – Т. 304. Проблемы физико-географического районирования полярных стран / Л.С. Петров. – Л.: ГИМИЗ, 1971. – С. 18-35.
25. Селин, В.С. Взаимодействие глобальных, национальных и региональных экономических интересов в освоении Севера и Арктики / В.С. Селин, В.В. Васильев; Ин-т экон. проблем Кольского научного центра РАН. – Апатиты: ИЭП КНЦ РАН 2010. – 191 с.
26. Славин, С.В. Промышленное и транспортное освоение Севера СССР / С.В. Славин. – М.: Экономиздат, 1961. – 304 с.
27. Славин, С.В. К вопросу о методах и формах управления процессом социалистического освоения Севера СССР / С.В. Славин // Проблемы Севера. – 1958. – Вып. 1. – С. 229-243.
28. Совершенствование системы государственного экономического регулирования в регионах Севера России / коллектив авторов под рук. В.С. Селина, В.В. Васильева. – Апатиты: ИЭП КНЦ РАН, 2002. – 224 с.
29. Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
30. Физиологические закономерности гормональных, метаболических, иммунологических изменений в организме человека на Европейском Севере / А.В. Ткачев, Л.К. Добродеева, И.В. Кляркина и др. – Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 1997. – 160 с.
31. Физико-географический атлас мира. – М.: Академия наук СССР, Главное управление геодезии и картографии ГК СССР, 1964. – 298 с.

УДК 332.145

ББК 65.59

© Гайнанов Д.А., Кириллова С.А., Кузнецова Ю.А.

Российская Арктика в контексте устойчивого развития *

**Дамир Ахнафович
ГАЙНАНОВ**

доктор экономических наук, профессор, директор Института социально-экономических исследований Уфимского научного центра РАН
2d2@inbox.ru

**Светлана Александровна
КИРИЛЛОВА**

кандидат экономических наук, доцент, ученый секретарь ИСЭИ УНЦ РАН
kirillova_sa@mail.ru

**Юлия Александровна
КУЗНЕЦОВА**

кандидат экономических наук, научный сотрудник ИСЭИ УНЦ РАН
asanaia2005@yandex.ru

В статье, с использованием данных стандартной статистической отчетности за 1990–2011 гг., выполнен анализ социально-экономического потенциала регионов российской Арктики. В основу анализа положен метод предельно критических показателей, позволивший выявить и получить объективную оценку протекающих в мегарегионе процессов. В результате выполненного анализа установлено, что ситуация, сложившаяся в арктических регионах, фиксирует развитие мегарегиона в рамках ресурсоориентированной парадигмы. Сохранение существующих тенденций не создает возможности даже простого воспроизводства, накладывая значительные ограничения на переход к устойчивому развитию территорий.

Устойчивое развитие, предельно критические показатели, социальный и экономический потенциал, воспроизводство, арктические регионы России.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 12-32-06001 «Российская Арктика: современная парадигма развития»).

Уникальный потенциал российской Арктики, формируемый богатейшими природными ресурсами и географическим положением, обеспечивает возможность устойчивого развития не только для арктических территорий, но и для страны в целом. Вместе с тем арктические регионы, как и другие субъекты Российской Федерации, являются носителями всех характерных для страны особенностей современного этапа экономического развития. Происходящие в последние годы процессы, в частности усиление глобализации и регионализации, вступление России в ВТО, изменение взаимоотношений между центром и регионами, обуславливают наличие ограничений экономического, социального и экологического характера, в значительной степени сужающих возможности макрорегиона по переходу к устойчивому развитию.

Оценка этих возможностей вызывает необходимость детального анализа соответствия развития арктических регионов императивам устойчивого развития, а именно его сбалансированности, безопасности и эффективности, обеспечивающим достижение намеченных целей и приоритетов социального, экологического и экономического характера, определяющих жизнеспособность региональной системы [6].

Последнее предполагает, во-первых, проверку выполнения требования развития основных подсистем региона — экономической, социальной и экологической на паритетной основе, а во-вторых, — сопоставление результирующих параметров развития этих подсистем с некими пороговыми значениями, определяющими, насколько безопасным оно является.

Что касается выполнения первого требования, то очевидно следующее: безусловный приоритет развития экономической сферы российских регионов в ущерб

социальной и экологической подсистемам общественного воспроизводства не позволяет считать такое развитие сбалансированным. В отношении второго императива следует отметить, что в качестве порога безопасности, в пределах которого воздействие на регионы не наносит серьезного ущерба его развитию, могут рассматриваться предельно критические (пороговые) показатели¹, давно и успешно применяющиеся в различных областях науки и техники.

Динамика социального потенциала регионов российской Арктики с позиций безопасного развития

Изменение prime-императива при определении содержания устойчивого развития с экологического на социально-экономический обуславливает необходимость исследования набора факторов, как способствующих, так и ограничивающих возможности арктических регионов, прежде всего в разрезе социальной и экономической его составляющих.

Не требует доказательства утверждение, что именно человек является важнейшим объектом развития, именно качество жизни определяет уровень развития региона, по результирующим параметрам которого следует судить об успешности функционирования экономики, эффективности принимаемых управленческих решений, в конечном счете обуславливающих устойчивость регионального развития. Увеличение количественных параметров экономического роста при этом рассматривается не как самоцель, а, прежде всего, как возможность реализации эффективной социально ориентированной политики.

¹ Под предельно критическим понимается такое значение показателя, превышение которого свидетельствует о возникновении угрозы функционированию той или иной сферы — социальной, экономической, управления экономикой и др.

Таблица 1. Значение коэффициента рождаемости в арктических регионах в 1990, 2000, 2011 гг., промилле (ПКЗ=22 промилле) [3, с. 48; 4, с. 56; 5, с. 74]

Регион	Значение коэффициента рождаемости			Отношение фактического значения (за 2011 г.) к предельно критическому, раз
	1990 г.	2000 г.	2011 г.	
Российская Федерация	13,4	8,7	12,6	Ниже в 1,75
Архангельская область	13,5	8,8	12,2	Ниже в 1,80
в т.ч. Ненецкий ОА	16,7	13,2	15,2	Ниже в 1,45
Мурманская область	11,5	8,6	11,5	Ниже в 1,91
Ямало-Ненецкий АО	16,3	11,7	15,6	Ниже в 1,41
Красноярский край	14,3	9,3	13,5	Ниже в 1,63
Республика Саха (Якутия)	19,6	13,7	17,1	Ниже в 1,29
Чукотский АО	14,3	11,5	13,6	Ниже в 1,62

Таблица 2. Значение коэффициента смертности в арктических регионах в 1990, 2000, 2011 гг., промилле (ПКЗ=12,5 промилле) [3, с. 50; 4, с. 58; 5, с. 76]

Регион	Значение коэффициента смертности			Отношение фактического значения (за 2011 г.) к предельно критическому, раз
	1990 г.	2000 г.	2011 г.	
Российская Федерация	11,2	15,3	13,5	Выше в 1,08
Архангельская область	9,8	16,3	13,9	Выше в 1,11
Ненецкий АО	7,0	12,9	10,5	Ниже в 1,19
Мурманская область	6,0	11,6	11,5	Ниже в 1,09
Ямало-Ненецкий АО	3,3	5,6	5,4	Ниже в 2,31
Красноярский край	9,6	14,8	13,0	Выше в 1,04
Республика Саха (Якутия)	6,8	9,7	9,4	Ниже в 1,33
Чукотский АО	3,9	9,6	11,1	Ниже в 1,13

Так, сравнение параметров воспроизводства человеческого потенциала Арктики с предельно критическими значениями (далее – ПКЗ) [1, с. 590] свидетельствует о том, что по ключевым показателям, характеризующим демографическую обстановку в регионах, – коэффициентам рождаемости и смертности – все регионы арктической зоны, как и Россия в целом, в последние 20 лет находятся далеко за критическими пределами (табл. 1 и 2).

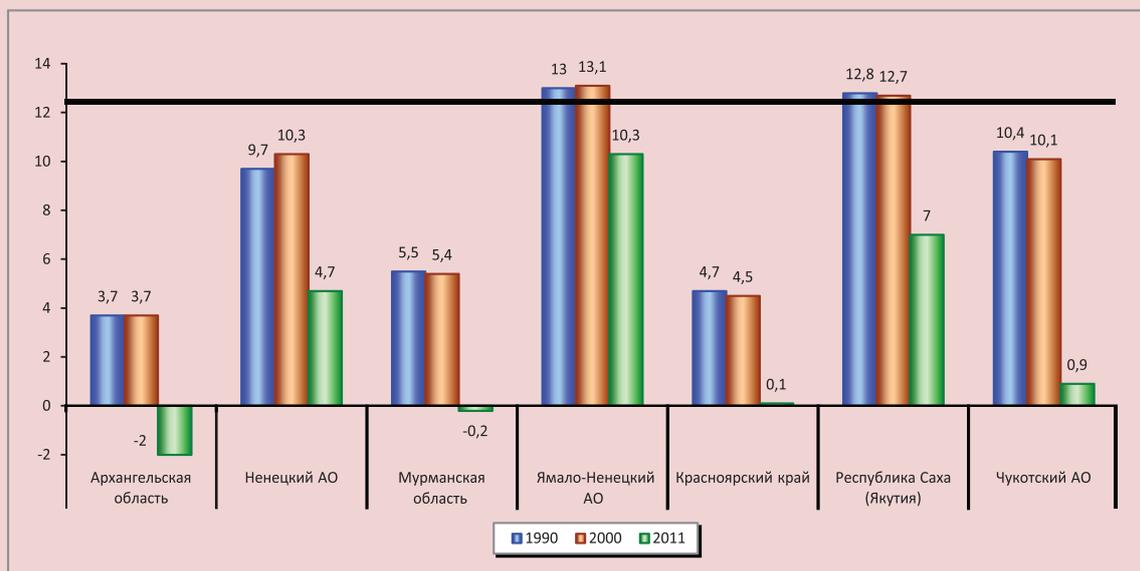
Усугубляет ситуацию в сфере демографического воспроизводства отрицательное сальдо миграции во всех регионах Арктической зоны, за исключением Ямало-Ненецкого АО, в котором в течение последнего десятилетия, напротив, отмечался интенсивный приток населения (максимум – в 2011 г.). Особенно интенсивный отток

населения наблюдался в Чукотском АО с пиком в -70,4 чел. на 1000 чел. населения в 2000 г.

В результате указанных тенденций, отражающих развитие территорий в режиме суженного воспроизводства населения, не компенсируемого механическим притоком, уровень естественного прироста населения намного ниже критического (рис. 1).

Анализ представленных данных свидетельствует о сохранении в регионах российской Арктики в последние 20 лет негативной тенденции убыли населения, характеризующейся, впрочем, не столь закритическим превышением пороговых значений, как в целом по России. Исключение составляет Архангельская область, рождаемость в которой одна из самых низких в мега-регионе (13,5; 8,8 и 12,2 промилле соот-

Рисунок 1. Естественный прирост населения российских регионов Арктики в 1990, 2000, 2011 гг., промилле [3, с. 46; 4, с. 62; 5, с. 68]

Примечание. Здесь и далее сплошная черта на рисунке показывает уровень предельно критического значения.

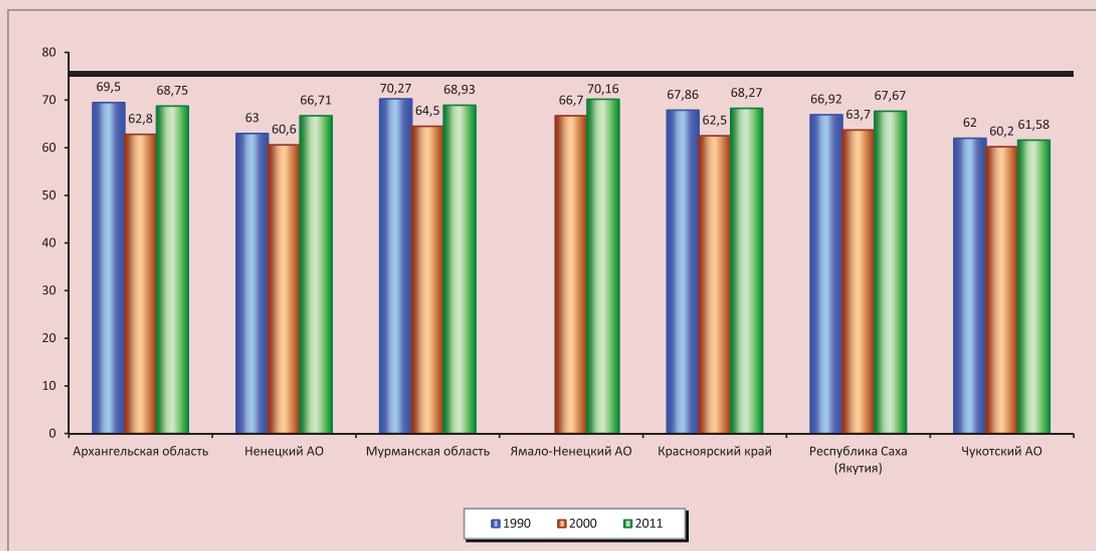
ответственно в 1990, 2000 и 2011 гг.) и самая высокая смертность (9,8, 16,3 и 13,9 промилле соответственно).

Как следствие – за время, прошедшее с начала рыночных трансформаций, доля населения мегарегиона в населении страны заметно снизилась. В 2011 г. его обширные территории заселяло 6,38 млн. чел. (4,46% населения России), что меньше на 699,3 тыс., чем в 2000 г., и на 1271 тыс., чем в 1990 г. Плотность населения здесь в 10 раз ниже средней по России (0,83 чел./ кв. км против 8,36 чел./ кв. км соответственно). За период, прошедший с 1990 г., численность населения увеличилась лишь в Ямало-Ненецком АО. Самое значительное в абсолютном выражении падение численности населения зафиксировано в Мурманской области и Красноярском крае (соответственно 401,0 и 325,0 тыс. чел.). В процентном соотношении более всех пострадал Чукотский АО, население которого за тот же период сократилось более чем вдвое (на 67,7%).

Высокая стоимость жизни, неблагоприятные климатические условия, недостаточная обеспеченность социальной инфраструктурой и ее значительная пространственная дифференциация обуславливают значения показателя ожидаемой продолжительности жизни в Арктике ниже среднероссийского уровня. Исключение составляет Ямало-Ненецкий АО: здесь стабильное превышение среднероссийского уровня связано с большим оттоком людей старшего возраста на территории с более благоприятными климатическими условиями – так называемым «вывозом смертности», характерным для регионов с ресурсно-сырьевой направленностью экономики (рис. 2).

Самая низкая за последние десятилетия ожидаемая продолжительность жизни в группе арктических регионов наблюдается в Чукотском АО (64,72 года в 1992 г.). Частично это связано с высокой долей коренных малочисленных народов Севера среди сельского населения округа, под-

Рисунок 2. Ожидаемая продолжительность жизни населения регионов российской Арктики в 1990, 2000, 2011 гг., лет [3, с. 56; 4, с. 64; 5, с. 84]

держка которых требует проведения специальной и достаточно затратной социально-экономической политики.

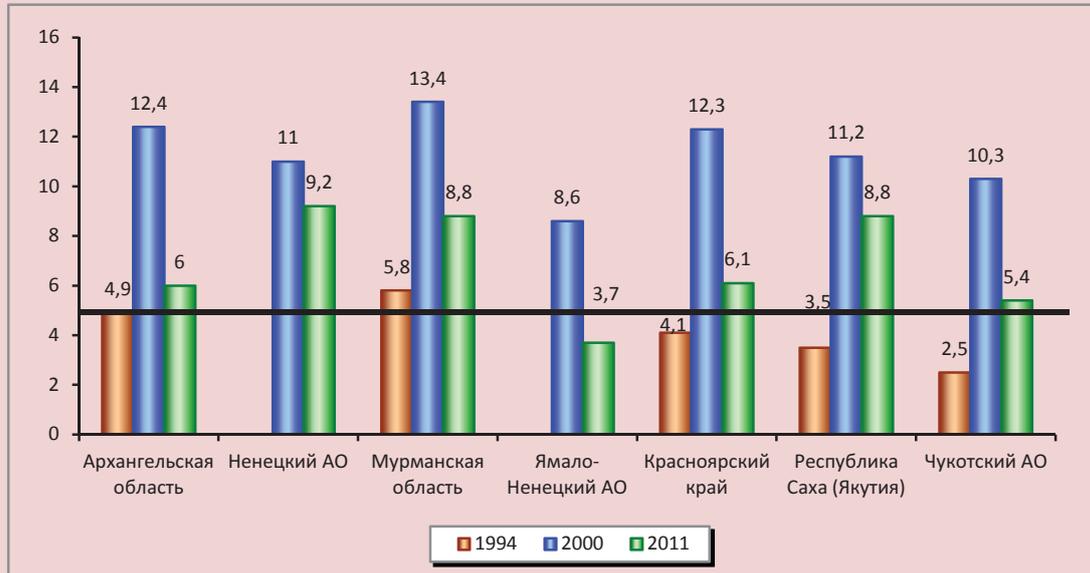
В целом следует отметить восстановление к 2011 г., после «провала» 2000-х гг., позиций по данному показателю до уровня 1990 г. Изменение тренда снижения продолжительности жизни на тренд роста имеет очень важное значение для социального развития регионов, однако говорить о достижении хотя бы предельно критического уровня еще рано.

Ситуация на рынке труда в сильной степени зависит от состояния экономики и происходящих на территории демографических и миграционных процессов. Анализ уровня безработицы в регионах Арктической зоны свидетельствует о совпадении в целом с общероссийскими тенденциями, а именно о его значительном снижении за 2000–2011 гг. практически до уровня 1992 г. – с максимального (13,4%) в Мурманской области до 3,7% в Ямало-Ненецком АО (в Российской Федерации – с 10,6%

в 2000 г. до 6,6% в 2011 г.). Сопоставление с предельно критическим значением (5%) указывает на то, что на протяжении практически всего исследуемого периода уровень безработицы был ниже критического лишь в Чукотском АО и в последние годы в Ямало-Ненецком АО (рис. 3).

Максимальные значения уровня безработицы отмечены в Мурманской области, Ямало-Ненецком АО и Красноярском крае. Наличие этих максимумов обусловлено как воздействием негативных общемировых и российских тенденций экономического развития, выразившихся в снижении добычи полезных ископаемых и объемов обрабатывающих производств, изменении цен на некоторые виды прежде востребованного на мировом рынке сырья, так и спецификой возрастной и качественной (профессиональной) структуры высвобождаемых работников (высокая доля молодежи, работников сферы образования, предприятий военно-промышленного комплекса).

Рисунок 3. Уровень безработицы в российских арктических регионах, по методологии МОТ, в 1994, 2000, 2011 гг., % [3, с. 89; 4, с. 115; 5, с. 120]

Важным показателем, характеризующим уровень жизни населения, являются его среднедушевые доходы. Их уровень в целом в арктических регионах выше среднероссийского (регионы арктической группы занимают верхние позиции в российском рейтинге²). Исключение составляет Красноярский край, в котором доходы населения лишь в 2010, 2011 гг. были несколько ниже, чем в среднем по России (соответственно 18 262 и 20 145 руб./чел. в месяц). Следует отметить, что по данному показателю Ненецкий АО лидирует с 2007 г., опережая Москву (в 2011 г. 54 632 руб./чел. в месяц против 20 755 руб./чел. соответственно). Данная ситуация во многом обусловлена наличием на территории округа крупных месторождений углеводородного сырья, которые отличаются высокой степенью изученности нефтегазо-

носных площадей, достаточно компактным размещением и близостью к европейским рынкам сбыта [7]. Степень выработанности здесь разведанных запасов нефти не превышает 10%, а свободного газа составляет менее 1% [2].

Высокий уровень среднедушевых доходов, тем не менее, не является гарантом социального равенства. Показатель «доля населения с доходами ниже величины прожиточного минимума» во всех регионах, за исключением Ямало-Ненецкого, Ненецкого и Чукотского автономных округов, находится далеко за границей предельно критического значения (7%), несмотря на заметное снижение уровня социального неравенства за период с 1994 г. (табл. 4).

По сравнению с 1994 г., а тем более с 2000 г. доля населения с доходами ниже величины прожиточного минимума сократилась по всем арктическим регионам, за исключением Красноярского края. Максимальное снижение значения показателя зафиксировано в Чукотском АО – с 50,1% в 2000 г. до 9% в 2011 г.

² В рейтинге российских регионов 2011 г. места распределились следующим образом: 1-е – Ненецкий АО; 2-е – г. Москва; 3-е – Ямало-Ненецкий АО; 4-е – Ямало-Ненецкий АО; 11-е – Республика Саха (Якутия); 13-е – Мурманская область; 18-е – Архангельская область; 21-е – Красноярский край.

Таблица 4. Доля населения с доходами ниже величины прожиточного минимума в регионах российской Арктики в 1994, 2000, 2011 гг., в % от общей численности населения субъекта (ПКЗ=7,0%) [3, с. 116; 4, с. 148; 5, с. 190]

Регион	Показатель			Фактическое значение за 2011 г. к предельно критическому, раз
	1994 г.	2000 г.	2011 г.	
Российская Федерация	22,4	29,0	12,1	Выше в 1,73
Архангельская область	20,8	33,5	14,4	Выше в 2,06
Ненецкий АО	-	37,9	7,7	Выше в 1,10
Мурманская область	19,1	24,9	13,6	Выше в 1,94
Ямало-Ненецкий АО	-	11,1	7,5	Выше в 1,07
Красноярский край	18,3	24,4	18,1	Выше в 2,59
Республика Саха (Якутия)	22,7	28,3	18,6	Выше в 2,66
Чукотский АО	18,2	50,1	9,0	Выше в 1,29

Наибольшая социальная стратификация по макрорегиону отмечается в Ненецком и Ямало-Ненецком АО, Красноярском крае, в которых коэффициент фондов стабильно выше, чем в среднем по России. Достигнув максимальных за 2002–2010 гг. отметок в кризисном 2008 г., степень социального расслоения в этих регионах к 2011 г. снизилась и составила соответственно 19,3; 17,1 и 17,3 при среднем по России значении 16,2. В остальных регионах соотношение между средними уровнями денежных доходов децильных групп населения с самыми высокими и самыми низкими доходами не превышает среднероссийского уровня. Процессы социального расслоения, характеризующиеся коэффициентом Джини, устойчиво повышающимся и превышающим предельно критический уровень (0,3) на протяжении всего исследуемого периода, также свидетельствуют о наличии негативных тенденций, общих и для арктических регионов, и для страны в целом (рис. 4).

Таким образом, анализ тенденций, складывающихся в социальной подсистеме мегарегиона в последние 20 лет, указывает на деградацию его социального потенциала, который не соответствует требованиям сегодняшнего дня в части обеспечения

развития преимущественно за счет человеческого капитала и его качества. Анализ указывает также на наличие значительных ограничений его развития, подтверждающая правомерность вывода, сделанного С.Ю. Глазьевым и В.В. Локосовым в отношении того, что сохранение сложившихся тенденций лишает российское общество возможностей даже простого воспроизводства, не говоря уже о возможности перехода к устойчивому развитию [1, с. 591].

Развитие экономического потенциала Арктического мегарегиона

Одним из факторов, формирующих объемные параметры социального потенциала Арктики, является её богатейший ресурсный потенциал. Однако развитие макрорегиона, осуществляющееся в рамках ресурсоориентированной парадигмы, обуславливает высокую зависимость от спросовых и ценовых характеристик мировых рынков тех или иных видов сырья. Так, падение мировых цен на олово и вольфрам в 90-х годах прошлого века явилось причиной прекращения их добычи в Чукотском АО. Это определяет эффективность добычи стратегических видов ресурсов и их первичной переработки, а значит, конкурентоспособность промышленного сектора российской Арктики.

Рисунок 4. Коэффициент Джини в регионах российской Арктики в 2002¹, 2011 гг. [4, с. 128; 5, с. 162]

* Значения коэффициента Джини в официальной статистической отчетности публикуются с 2002 г.

В связи с этим на уровень и темпы инвестиций в основной капитал арктических регионов повлияла прежде всего значительная востребованность углеводородного сырья. Стабильно высокие объемы инвестиций по отношению к ВРП, намного превышающие предельно критический уровень, наблюдались в Ямало-Ненецком АО в течение всего анализируемого периода, в Ненецком АО — вплоть до 2008 г., в Чукотском АО — в период создания (2000-е гг.) нефтегазовой промышленности. В Республике Саха (Якутия) реализация крупных инвестиционных проектов, в частности, в сферах транспортной инфраструктуры и топливно-энергетического комплекса в 2005–2011 гг. позволила сохранить высокий уровень инвестиционной активности, направленной на значительное улучшение конкурентных позиций этих сфер. Если в 1994 г. удельный объем инвестиций в основной капитал превышал среднероссийские значения лишь в одном арктическом регионе — Республике Саха (Якутия), то к 2011 г. показатели выше среднего по России уровня (23,81%), были зафиксированы уже в трех арктических регионах и были выше предельно критических (табл. 5).

Относительно высокие объемы инвестиций в основной капитал регионов российской Арктики, тем не менее, не обеспечивают диверсификации региональной экономики, значительных прогрессивных изменений ее структуры и адекватного роста производственно-технологического потенциала. Это обусловлено, в частности, сильной степенью износа основных фондов, которая либо превышает предельно критическую, либо приближается к ней, хотя в целом по мегарегиону уровень износа основных фондов, кроме Ямало-Ненецкого АО (выше критических значений в 1,42 раза), не превышает среднероссийский (табл. 6).

Высокая степень износа основных фондов, свидетельствующая об отсутствии внедрения современных промышленных технологий, не только понижает устойчивость функционирования производственных систем и увеличивает угрозу техногенных и экологических катастроф, но и уменьшает производственно-технологический потенциал и конкурентоспособность промышленных объектов, а также территорий, на которых они расположены.

Таблица 5. Объем инвестиций в основной капитал, % к ВВП (ПКЗ=25%) [3, с. 726; 4, с. 834; 5, с. 928]

Регион	Показатель			Фактическое значение (за 2011 г.) к предельно критическому, раз
	1994 г.	2000 г.	2011 г.	
Российская Федерация	17,82	20,25	23,81	Ниже в 1,05
Архангельская область	13,05	16,94	30,25	Выше в 1,21
в т.ч. Ненецкий АО	-	22,32	16,58	Ниже в 1,51
Мурманская область	15,18	13,04	23,80	Ниже в 1,05
Ямало-Ненецкий АО	-	70,24	60,47	Выше в 2,42
Красноярский край	15,25	11,86	13,55	Ниже в 1,85
Республика Саха (Якутия)	21,79	19,29	32,43	Выше в 1,30
Чукотский АО	14,29	17,83	4,28	Ниже в 5,84

Таблица 6. Износ основных фондов, % (ПКЗ=40%) [3, с. 279; 4, с. 341; 5, с. 419]

Регион	Показатель			Фактическое значение (за 2011 г.) к предельно критическому, раз
	1996 г.	2000 г.	2011 г.	
Российская Федерация	40,5	43,5	46,3	Выше в 1,16
Архангельская область	43,4	51,1	38,4	Ниже в 1,04
в т.ч. Ненецкий АО	29,4	39,8	31,1	Ниже в 1,29
Мурманская область	40,2	41,8	42,8	Выше в 1,07
Ямало-Ненецкий АО	35,3	33,7	56,9	Выше в 1,42
Красноярский край	35,7	37,3	38,4	Ниже в 1,04
Республика Саха (Якутия)	31,0	38,9	40,1	Выше в 1,003
Чукотский АО	39,3	31,7	40,8	Выше в 1,02

Таблица 7. Доля обрабатывающих отраслей в промышленности, %
(ПКЗ=70%) [3, с. 328-332; 4, с. 414-418; 5, с. 466, 472]

Регион	Показатель			Фактическое значение (за 2011 г.) к предельно критическому, раз
	1997 г.	2001 г.	2011 г.	
Российская Федерация	43,1	69,1	73,8	Выше в 1,05
Архангельская область	17,6	77,2	33,21	Ниже в 2,11
в т.ч. Ненецкий АО	0,6	3,0	0,49	Ниже в 142,86
Мурманская область	67,0	81,8	39,92	Ниже в 1,75
Ямало-Ненецкий АО	0,6	2,1	12,14	Ниже в 5,77
Красноярский край	64,8	90,1	63,43	Ниже в 1,10
Республика Саха (Якутия)	55,2	79,3	7,85	Ниже в 8,92
Чукотский АО	41,8	68,1	1,66	Ниже в 42,17

О снижении производственно-технологического потенциала и стагнировании высокотехнологичной индустрии свидетельствует также повсеместная деградация структуры промышленности, характеризующейся снижением в ней доли обрабатывающих отраслей (табл. 7).

На значительное отставание экономики российской Арктики от мировой эконо-

мики указывает недостаточно высокий уровень применяемых технологий, выпуск продукции с низкой долей добавленной стоимости, обусловленных низкой долей инновационно-активных предприятий, а также невысокой долей инноваций в ВРП, несмотря на позитивную в целом динамику роста значений данных показателей (рис. 5, табл. 8).

Рисунок 5. Доля инновационно-активных предприятий, % [3, с. 682; 4, с. 764; 5, с. 812]

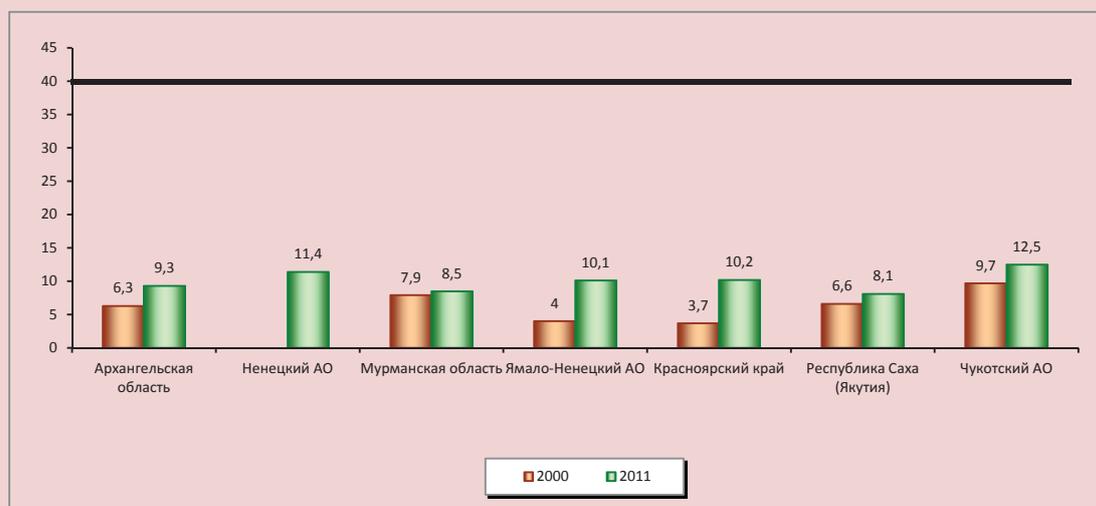

Таблица 8. Доля инноваций, % к ВРП (ПКЗ=4,2%) [3, с. 690; 4, с. 768; 5, с. 814]

Регион	Показатель			Фактическое значение (за 2011 г.) к предельно критическому
	1995 г.	2006 г.	2011 г.	
Российская Федерация	0,47	5,50	6,30	Ниже в 1,50
Архангельская область	0,05	0,30	0,20	Ниже в 21,00
в т.ч. Ненецкий АО	-	0,10	0,00	
Мурманская область	0,10	0,30	0,20	Ниже в 21,00
Ямало-Ненецкий АО	-	0,004	1,50	Ниже в 2,80
Красноярский край	0,38	2,00	1,10	Ниже в 3,82
Республика Саха (Якутия)	0,02	0,20	0,40	Ниже в 10,50
Чукотский АО	-	-	0,00	

Сложившаяся ситуация, фиксирующая экспортносырьевое направление развития Арктического мегарегиона, накладывает значительные ограничения на экономическое и социальное развитие территорий, не обладающих сырьевыми ресурсами, которые пользуются высоким спросом на мировом рынке. Кроме того, усиливается уязвимость экономики мегарегиона перед ценовыми параметрами мирового рынка энергоносителей. Колебания цен на них в средне- и долгосрочной перспективе вполне прогнозируемы.

Богатейшие природные ресурсы Арктики предоставляют уникальные возможности формирования политики, ориентированной на переход к устойчивому развитию, тем самым способствуя росту экономического и социального потенциала. Экономический рост при этом должен осуществляться не столько за счет добывающих производств и увеличения экспортных поставок сырья, сколько за счет роста качества человеческого капитала и эффективного его использования.

Литература

1. Глазьев, С.Ю. Оценка предельно критических значений показателей состояния российского общества и их использование в управлении социально-экономическим развитием / С.Ю. Глазьев, В.В. Локосов // Вестник Российской академии наук. – 2012. – Т. 82. – №7. – С. 587-614.
2. Официальный сайт Администрации Ненецкого АО. – Режим доступа: <http://www.admnao.ru/?show=statics&id=39>, свободный – Загл. с экрана.
3. Регионы России. Социально-экономические показатели. 1998: стат. сб. / Госкомстат России. – М., 1998. – 797 с.
4. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2003: стат. сб. / Госкомстат России. – М., 2003. – 895 с.
5. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2011: стат. сб. / Росстат. – М., 2011. – 990 с.
6. Цапиева, О.К. Устойчивое развитие региона: теоретические основы и модель / О.К. Цапиева // Проблемы современной экономики. – 2010. – №2(34). – С. 46-49.
7. Юшкин, Н.П. Арктика в стратегии реализации топливно-энергетических перспектив / Н.П. Юшкин; под ред. В.Е. Фортова, Ю.Г. Леонова. – М.: Наука, 2006. – С. 254.

ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА

УДК 631.001:338.436 (470.13)

ББК 65.32(21)

© Иванов В.А., Пономарева А.С.

Особенности и состояние модернизационных процессов в сельском хозяйстве периферийных северных территорий *

Игнорирование специфики управления развитием сельского хозяйства удаленных северных территорий сдерживает модернизационные процессы в отрасли. В статье раскрыты понятие модернизации аграрного сектора, её необходимость. Выявлены особенности, возможности и ограничения технико-технологического и социально-экономического развития аграрной сферы периферийных сельских территорий Республики Коми. Рассмотрено состояние модернизации сельского хозяйства в 1960–1980 гг. и в условиях рыночных преобразований. Показано влияние рыночной реформы на изменение экономических и социальных условий функционирования аграрной экономики периферийных районов северного региона. Для активизации модернизации аграрного производства предложен программно-целевой метод управления сельским хозяйством периферийных территорий.

Модернизация, сельское хозяйство, периферийные районы, Республика Коми, факторы, условия, тенденции развития.

**Валентин Александрович
ИВАНОВ**

доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник
Института социально-экономических и энергетических проблем Севера
Коми НЦ УрО РАН
ivanov@iespn.komisc.ru

**Анна Сергеевна
ПОНОМАРЕВА**

младший научный сотрудник ИСЭ и ЭПС Коми НЦ УрО РАН
anita-85_07@mail.ru

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ и Правительства Республики Коми (проект №13-12-11001 а/С и научный проект УрО РАН №12-У-7-1013).

Необходимость модернизации сельскохозяйственного производства в периферийных (удалённых) районах Севера диктуется преодолением отсталости его технико-технологического уровня, усилением позиций в продовольственном обеспечении населения, формированием конкурентных преимуществ на локальном и региональном рынках, рациональным использованием природного и человеческого капитала, повышением уровня и качества жизни крестьян, закреплением молодёжи на селе, необходимостью ликвидации существенной дифференциации в социально-экономическом развитии удалённых и пригородных территорий.

В период трансформации рыночных отношений и аграрных преобразований в периферийных северных территориях произошло разрушение материально-технической базы сельского хозяйства, уменьшение посевных площадей, поголовья крупного рогатого скота, численности работников сельхозорганизаций, производства всех видов сельскохозяйственной продукции, снижение уровня жизни крестьянского сообщества. Реальные тенденции в аграрном секторе могут привести к его ликвидации и сокращению веками обжитых сельских территорий. Ключевым направлением выхода из кризисного положения сельского хозяйства является его модернизация.

Для решения проблемы модернизации аграрного сектора анализируемых территорий необходимы огромные финансовые ресурсы. Собственных источников инвестиций из-за низкой доходности нет. Было бы неправильно подходить к развитию местного агропроизводства с позиции получения прибыли, достаточной для расширенного воспроизводства. Сельское хозяйство на Севере в силу его особенностей тяготеет к социальной сфере и может развиваться лишь при государственной

поддержке. Поэтому без помощи государства сельхозпроизводители не могут осуществлять технико-техническое совершенствование и инновационное развитие.

Цель исследований – учёт специфических особенностей, выявление факторов и условий, оценка модернизации аграрной сферы удалённых территорий Республики Коми.

Понятие модернизации

В современной науке существует множество подходов к определению модернизации. В «Большом словаре иноязычных слов» модернизация трактуется как «изменение чего-либо в соответствии с современными требованиями, вкусами» [1]. В «Современном экономическом словаре» и «Экономической энциклопедии» под модернизацией понимается усовершенствование, улучшение, обновление объекта, приведение его в соответствие с новыми требованиями и нормами, техническими условиями, показателями качества. Модернизации подвергаются в основном машины, оборудование, технологические процессы [9, 13]. Модернизацию как синоним всех прогрессивных изменений, обновление, усовершенствование реального объекта в соответствии с передовыми достижениями и стандартами рассматривает Г. Вечканов [3, с. 39]. В наиболее общем смысле модернизация трактуется как совокупность всех прогрессивных изменений, рычаг развития различных сторон общества.

В начале 1990-х гг. П. Штомпка сделал попытку конкретизировать понятие модернизации и определил следующие три ее значения: 1) это синоним всех прогрессивных социальных изменений, когда общество движется вперёд в своём развитии; 2) модернизация = современность; 3) «модернизация» относится к отсталым или слаборазвитым обществам (странам третьего блока и советского пространства)

и описывает их движение от периферии к центру современного общества [12]. Понятие модернизации как движения от периферии к центру современного общества определяется в научной литературе как «догоняющая модернизация» [10, с. 3].

В более широком смысле модернизация рассматривается как процесс позитивных изменений государства и общества, основанный на экономических, политических и культурных инновациях и ведущий в конечном счете к смене типа его экономической и социальной структуры, политической организации, к повышению благосостояния всех слоёв населения, развитию культуры, науки и техники и сбережению природы [10, с. 5].

По мнению В.Г. Федотовой, модернизация представляет собой переход из традиционного общества в современное, которое включает в себя прежде всего коренное отличие от традиционного — ориентацию на инновации [11, с. 192].

В качестве благоприятного сценария развития российской модели модернизации в современных условиях выступают «новая индустриализация» [2, с. 440] и «инновационная индустриализация» [6].

Модернизация аграрного сектора представляет собой тип экономического развития, основанный на постоянном технико-технологическом совершенствовании, применении новых сортов растений, пород и видов скота и кроссов птицы, новых форм организации и управления, социальных и экологических инноваций. Нынешняя модернизация — это процесс глубоких изменений различных сторон жизни на селе, она должна быть комплексной и не может сводиться к технологическому и экономическому аспекту. Её целями являются не только достижение роста аграрного производства, но и преодоление бедности сельского населения, повышение его благосостояния.

Инновационную модернизацию следует осуществлять как для коллективных и крестьянских (фермерских) хозяйств, так и сельских домохозяйств, роль которых в условиях циклических экономических кризисов велика. «Формирование на сельском подворье и в домохозяйстве современного технологического уклада, — утверждает В.В. Пациорковский, — должно рассматриваться в составе задач по модернизации и инновационному развитию экономики» [7, с. 504].

Особенности, факторы и условия модернизации аграрного производства

Исходя из удаленности, слабых заселенности, инфраструктурной обустроенности и транспортной доступности, а также неразвитости институтов аграрного и сельского развития, низкого уровня жизни [4], к периферийным сельским территориям республики отнесены Усть-Цилемский, Ижемский, Удорский, Троицко-Печорский, Усть-Куломский и Койгородский районы.

Периферийные сельские районы занимают 42% территории республики, имеют 146,8 тыс. га сельскохозяйственных угодий (35% республиканского фонда), в составе которых 21 тыс. га пашни (20,5%), преобладают естественные сенокосы и пастбища. По сравнению с республикой в этих районах в целом на одного жителя приходится больше сельхозугодий в 3,1 раза, пашни — 1,8, крупного скота — 2,7, коров — 3,3, овец — в 4 раза. Отметим также насыщенность данных территорий лесными, минерально-сырьевыми и водными ресурсами. На долю периферийных районов приходится 49% сельского населения республики. Здесь имеется 239 сельских населённых пунктов или 33% их общей численности в республике. В дореформенный период (1990 г.) доля этих районов в производстве сельхозпродукции составляла 22%.

В 2011 г. производством сельхозпродукции занимались 46 сельскохозяйственных организаций, 210 крестьянских (фермерских) хозяйств и 39,7 тыс. хозяйств населения. Домохозяйства доминируют в производстве всех видов продукции.

Сельхозорганизации представлены в основном обществами с ограниченной ответственностью (ООО) и сельскохозяйственными производственными кооперативами (СПК). Доля ООО среди аграрных предприятий составляет 54%, СПК – 42%.

Удалённые сельские районы Республики Коми располагают благоприятными возможностями для развития скотоводства (крупные массивы пойменных лугов позволяют получать свыше 12 тыс. т корм. ед.). Эта отрасль имеет важное и многофункциональное значение, обеспечивая круглогодичную занятость населения, снабжая его свежими молочно-мясными продуктами, а также позволяя наиболее рационально использовать сенокосы, пастбища и лесные участки. Скотоводство следует рассматривать в качестве стратегического направления в развитии аграрного сектора. Важность ускоренной модернизации этой отрасли связана с тем, что в 2011 г. в республике в расчёте на человека в год производилось 70 кг молока, а говядины – лишь 3,4 кг, что составляет соответственно 16 и 8% от научно обоснованной нормы потребления.

Исследуемые районы располагают возможностями для производства органической продукции и формирования соответствующего рыночного сегмента. От реализации экологически безопасной продукции можно получать своего рода рентный доход. Преимущества северного сельского хозяйства для производства экологичных продуктов питания успешно используют скандинавские фермеры. Финляндия объявила сельское хозяйство всей страны отраслью, производящей только экологи-

чески чистую продукцию по стандартам Европейского союза (ЕС). На производство такой продукции Централизованный фонд ЕС выделяет Финляндии более высокие субсидии, чем на производство продукции по традиционным технологиям [8].

К числу основных проблем и трудностей при проведении модернизации аграрного сектора в периферийных районах Севера можно отнести следующие:

- сокращение численности населения за счёт оттока и естественной убыли (за 1990–2011 гг. численность населения сократилась почти на треть);
- высокий уровень безработицы и слабая социальная защищённость сельских жителей (на конец 2011 г. в этих районах состояло на учёте 2,4 тыс. граждан, не занятых трудовой деятельностью, или 40% общей численности безработных, зарегистрированных в сельской местности Республики Коми);
- значительное отставание удалённой сельской местности от городской и пригородных районов по развитию социальной инфраструктуры, качеству сферы услуг (так, доля ветхого и аварийного жилья в Троицко-Печорском районе составляет 41%, Койгородском – 35% и Усть-Куломском районе – 34%);
- слабая для сельского населения транспортная доступность и недостаточные возможности получения основных видов социальных благ: образования, здравоохранения, культуры, бытового обслуживания (из шести периферийных районов лишь два – Койгородский и Усть-Куломский – имеют транспортную связь с г. Сыктывкар по дорогам с твёрдым покрытием; абсолютное большинство населённых пунктов связаны с районными центрами грунтовыми дорогами);
- крайне неудовлетворительное состояние материально-технической базы сельского хозяйства;

- недостаток специалистов и квалифицированных кадров массовых профессий;
- низкая конкурентоспособность и эффективность отрасли;
- неустойчивость сбыта аграрной продукции;
- низкая инвестиционная привлекательность аграрного сектора. Экономическая оценка строительства молочных ферм на 100 и 200 коров в удалённых районах свидетельствует, что при существующей господдержке инновационно-инвестиционной деятельности и доходов сельхозпроизводителей проекты окупятся через 12,5 и 11,3 года при сроке предоставляемого кредита 8 лет [5].

Судя по данным анкетного опроса руководителей и специалистов сельского хозяйства периферийных районов, факторами, сдерживающими модернизацию и инновационное развитие, являются: диспаритет цен на сельскохозяйственную и промышленную продукцию (55% респондентов); слабая материально-техническая база (52%); недостаток квалифицирован-

ных кадров и слаборазвитая инженерная и транспортная инфраструктура сельской местности, в том числе плохие дороги (43%), низкий уровень государственной поддержки (41%), недостаток средств на инвестиции и инновации (36% респондентов).

Модернизационные процессы в дореформенный период

В предреформенный период модернизационные процессы в сельском хозяйстве периферийных территорий, как и других районов Республики Коми, включали прогрессивные изменения технико-технологического, экономического, социального и организационного характера. Стратегия развития сельского хозяйства в эти годы определялась интенсификацией производства на основе укрепления материально-технической базы. За 1980–1990 гг. объем капиталовложений в отрасли периферийных районов и фондооснащенность сельскохозяйственных предприятий (основные производственные фонды на 100 га сельхозугодий) увеличились соответственно в 4,7 и 2,1 раза (рис. 1).

Рисунок 1. Объем капиталовложений в сельское хозяйство и фондооснащенность сельхозорганизаций периферийных районов Республики Коми за 1980–1990 гг. (1980 = 100%)

В отрасли использовались севообороты, новые сорта и технологии возделывания сельскохозяйственных культур, осуществлялись меры по повышению плодородия земли, применялись научно обоснованные системы земледелия, системы интенсивного кормопроизводства, прогрессивные технологии заготовки кормов, механизированные технологии производства семян и трав и т.д. В скотоводстве применялись новые породы животных, интенсивный откорм и нагул крупного рогатого скота, комплексная механизация на фермах, новые технологии приготовления полноценных кормовых смесей для скота, пактоцервикальный метод искусственного осеменения.

В дореформенный период многое было сделано для развития оленеводства. Активно использовалось авиационное обслуживание оленеводческих бригад, усилилась борьба с болезнями оленей, обработка оленей против овода, улучшилось культурно-бытовое и торговое обслуживание оленеводов.

Совершенствовались специализация и концентрация производства, внутрихозяйственные экономические отношения, применялись новые формы организации и материального стимулирования труда (подрядные и арендные отношения), цеховая структура управления и диспетчеризация хозяйств, росли масштабы подготовки и переподготовки квалифицированных кадров. В ценообразовании происходили положительные изменения на основе повышения закупочных цен на продукцию сельского хозяйства.

Важнейшим направлением социальной политики в дореформенный период было сближение условий и уровня жизни городского и сельского населения. Неуклонно возрастали совокупные доходы сельских семей, их уровень постепенно приближался к городским параметрам. Чётко просле-

живалась тенденция повышения уровня обеспечения сельского населения различными видами услуг социально-бытового назначения, велась комплексная застройка центральных усадеб хозяйств, как опорных пунктов сельских территорий.

Всё это способствовало улучшению основных производственных показателей сельского хозяйства. До начала 1990-х гг. динамика производства продукции растениеводства и животноводства по периферийным районам была положительной (за исключением производства овощей в 1980–1990 гг.). Производство картофеля в 1990 г. по сравнению с 1965 г. увеличилось в 1,9 раза, мяса – 3,8, молока – 2,2, яиц – в 4,4 раза. Изменение объёмов производства молока и мяса (в живом весе) в дореформенный период показано на *рис. 2*.

В рассматриваемый период все совхозы и основные виды производимой в них продукции были рентабельны. Уровень рентабельности хозяйственной деятельности колебался от 24% в Койгородском до 51% в Усть-Цилемском районе. Высокой рентабельностью отличалась продукция скотоводства, особенно молоко и молокопродукты (*табл. 1*).

Таким образом, модернизация сельского хозяйства периферийных районов Республики Коми в дореформенный период способствовала увеличению производства картофеля и продукции животноводства. Их доля в общереспубликанском производстве картофеля возросла с 8% в 1965 г. до 21% в 1990 г., мяса – с 14 до 22% и молока с 18 до 30%. Все сельскохозяйственные предприятия были рентабельны. Уровень рентабельности агропроизводства позволял осуществлять процесс расширенного воспроизводства. Происходили положительные изменения в сближении условий и уровня жизни сельского и городского населения.

Рисунок 2. Производство молока и мяса в хозяйствах всех категорий периферийных районов Республики Коми за 1965–1990 гг., тыс. т

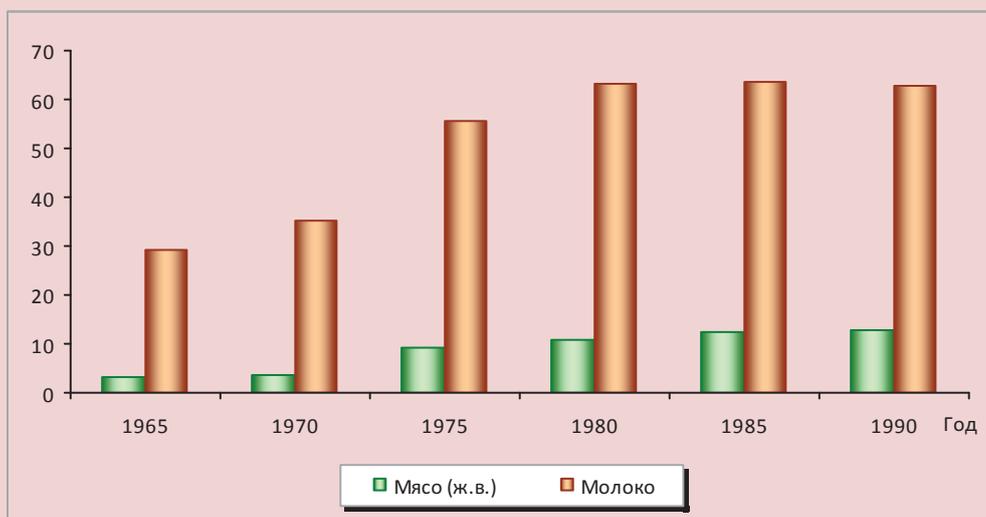

Таблица 1. Прибыль и рентабельность производства продукции в сельхозорганизациях периферийных районов Республики Коми за 1989 г.

Показатель	Район					
	Ижемский	Койгородский	Троицко-Печорский	Удорский	Усть-Куломский	Усть-Цилемский
Прибыль, тыс. руб.	6109	543	672	2865	3594	6145
Рентабельность (убыточность -) – вся деятельность, %	46,0	24,2	46,3	46,1	32,7	51,1
Растениеводство	29,8	-3,7	-9,8	-26,7	13,4	12,7
Животноводство	46,3	26,9	50,7	47,2	34,9	51,4
Молоко и молочная продукция	64,3	42,7	52,0	74,0	59,9	66,0
Мясо всех видов	30,2	12,0	52,3	22,2	13,0	33,5
Говядина	29,4	15,2	55,8	23,7	17,0	34,3

Источник: Основные показатели хозяйственной деятельности совхозов за 1989 г. / Коми республиканское управление статистики. – Сыктывкар, 1990.

Однако в дореформенный период в удаленных районах не была завершена интенсификация сельхозпроизводства, не осуществлялся переход на индустриальные технологии. Лишь вблизи городов и в пригородных районах работали на промышленной основе с 1970-х гг. птицефабрики, ряд молочных комплексов и тепличных комбинатов.

Влияние аграрных преобразований на модернизацию сельского хозяйства

В ходе рыночной реформы на селе происходят противоречивые социально-экономические процессы. За последние годы в основном созданы правовые и организа-

ционные условия для функционирования различных форм собственности и хозяйствования, заложены основы включения рыночных механизмов развития. Ликвидирована государственная монополия на землю. Подавляющая часть сельскохозяйственного производства и вся сфера переработки и реализации сельхозпродукции приватизированы. Товаропроизводители получили право выбора форм хозяйствования, полную свободу в реализации произведённой ими продукции, приобретении материально-технических ресурсов и использовании доходов.

В настоящее время большинство жителей села обрели право собственности на землю. В собственность крестьян переданы имущественные и земельные паи, увеличены размеры личного землепользования и сняты ограничения с личного подсобного хозяйства, жилищного и подворного строительства. Доступ к земле открыт и для горожан. В условиях структурной перестройки экономики и связанного с этим роста числа безработных, ухудшения материального положения наделение горожан землёй для ведения товарного и домашнего хозяйства является важным элементом социальной защиты населения.

Создана новая социально-экономическая структура агропромышленного производства, характеризующаяся наличием частных, коллективных и индивидуальных организационно-правовых форм хозяйствования.

В ходе экономических преобразований в аграрной сфере роль личного подсобного и фермерского хозяйства возросла, роль коллективного сектора резко упала. Если в 1990 г. на долю сельхозорганизаций приходилось 78% производства молока, то в 2011 г. – 29%, мяса – соответственно 70 и 17%, картофеля – 29 и 1%, овощей – 55 и 0,2%. Доля хозяйств населения в производстве молока возросла с 23 до 61%, мяса – с 31 до 75%, картофеля – с 70 до 98%, овощей – с 45 до 99% (табл. 2).

Сельхозорганизации доминируют в производстве молока лишь в Койгородском и Удорском районах. Крестьянские (фермерские) хозяйства не играют существенной роли в производстве аграрной продукции, особенно растениеводческой. В периферийных районах доля производства молока фермерами увеличилась с 0,3% в 1995 г. до 10,0% в 2011 г., мяса – соответственно с 0,7 до 8,2%.

Реформирование аграрного сектора сопровождалось резким сокращением его господдержки, объёмов инвестиций, ускоренной либерализацией цен на материально-технические ресурсы, приведшей к диспаритету цен. Это затруднило технико-технологическое переоснащение сельскохозяйственного производства, социальные преобразования на селе. Парк тракторов в сельхозорганизациях периферийных районов республики за 1990–2011 гг. сократился в 8,5 раза, машин для посева – 13,6, пресс-подборщиков – 4,8, кормоуборочных комбайнов – 9,7, машин для внесения твёрдых удобрений – 36,7, машин для внесения жидких органических удобрений – 52 (данные за 1991–2009 гг., т.к. с середины 2000-х гг. эти машины не используются), доильных установок – 7, объём энергетических мощностей – в 9,2 раза (табл. 3).

Имеющаяся техника катастрофически стареет. Данные Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 г. показали,

Таблица 2. Соотношение доли различных типов хозяйств в производстве продукции в периферийных районах Республики Коми, %

Тип хозяйства	Картофель		Овощи		Молоко		Мясо (ж.в.)	
	1990 г.	2011 г.	1990 г.	2011 г.	1990 г.	2011 г.	1990 г.	2011 г.
Периферийные районы	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Сельскохозяйственные организации	29,0	1,2	55,0	0,2	77,5	28,7	69,5	16,5
Хозяйства населения	70,2	97,8	45,0	99,2	22,5	61,3	30,5	75,3
Крестьянско-фермерские хозяйства	0,8	1,0	-	0,6	0,0	10,0	-	8,2

Рассчитано: 1. Сельское хозяйство Республики Коми. 2001: стат. сб. / Госкомстат Республики Коми. – Сыктывкар, 2001.
2. Сельское хозяйство Республики Коми. 2012: стат. сб. / Комистат. – Сыктывкар, 2012.

Таблица 3. Наличие основных видов техники в сельскохозяйственных организациях периферийных районов Республики Коми на конец года, шт.

Виды техники	1991 г.	1999 г.	2000 г.	2004 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.
Тракторы всех марок	1752	971	879	401	231	231	212	207
Тракторные прицепы	905	428	379	193	85	85	79	77
Плуги	282	110	91	57	33	33	32	32
Культиваторы	169	28	26	13	7	7	10	9
Машины для посева	136	61	65	35	12	10	10	10
Косилки	738	352	323	178	77	84	77	78
Грабли тракторные	409	148	136	72	28	30	29	30
Пресс-подборщики	173	98	92	70	44	35	36	36
Комбайны: кормоуборочные	58	37	35	12	4	7	5	6
картофелеуборочные	40	14	11	3	-	-	-	-
Машины для внесения удобрений: твёрдых	367	98	93	32	12	11	10	10
жидких	52	14	13	1	-	-	-	-
Доильные установки и агрегаты	314	150	138	54	18	18	17	17
В том числе с молокопроводом	-	4	4	4
Энергетические мощности, тыс. л.с.	351,0	182,5	157,3	50,4	35,0	34,8	32,4	38,3
Источник: Данные Комистата.								

что в сельхозорганизациях рассматриваемых районов лишь 3% тракторов в возрасте до 3 лет, доля техники в возрасте 9 и более лет составляет 84%. Основные фонды в скотоводстве изношены более чем на 70%.

Говоря о растениеводстве, отметим произошедшее за годы реформ ухудшение агрохимических и водно-физических свойств почвы, увеличение площадей заболоченных и закустаренных земель в связи с разрушением осушительных систем и прекращением с начала 2000-х гг. мелиоративных работ. Резко уменьшилось внесение минеральных и органических удобрений (рис. 3).

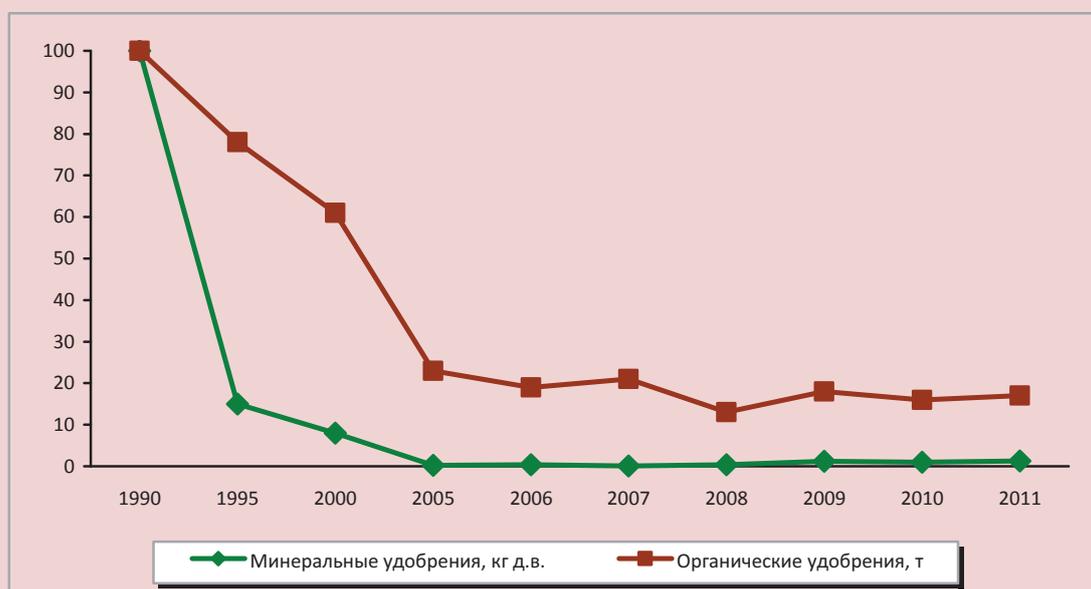
За 1990–2011 гг. внесение минеральных удобрений в перерасчёте на 100% питательных веществ на 1 га посева сократилось со 199 до 2,6 кг, органических удобрений – с 18 до 3 т. В Ижемском, Троицко-Печорском, Удорском и Усть-Цилемском районах в последние годы не вносятся под посевы сельхозкультур минеральные удобрения, а в Ижемском, Троицко-Печорском и

Усть-Цилемском – органические удобрения. В результате в сельхозорганизациях этих районов вынос питательных веществ с урожаем из почвы не компенсируется их внесением.

За годы реформ возрос отток из отрасли квалифицированных кадров. Если в 1980-х годах на один совхоз приходилось в среднем по 8 специалистов с высшим и 40 специалистов со средним специальным образованием, то в настоящее время на одну сельскохозяйственную организацию приходится только 1 специалист с высшим и 5 специалистов со средним профессиональным образованием. Среди работников, занимающих должности руководителей и специалистов, 27% не имеют высшего или среднего профессионального образования, среди руководителей среднего звена – 57%.

Низок уровень квалификации и кадров рабочих профессий. По данным анкетного опроса, в 2012 г. из 64 животноводов сельхозорганизаций Удорского и Усть-Куломского районов звание «Мастер животноводства первого класса» имел

Рисунок 3. Внесение удобрений на 1 га посева в сельхозорганизациях периферийных районов Республики Коми (1990=100%)

только один человек, а второго класса — лишь пять. Численность занятых в аграрном производстве сократилась в 8 раз, из сельхозорганизаций высвобождено более 10 тыс. чел.

Рыночные преобразования сопровождались спадом производства продукции. За 20 лет производство молока во всех категориях хозяйств сократилось в 3,2 раза, мяса (в живом весе) — в 4,2 раза (рис. 4). Особенно сильное падение производства продукции наблюдалось в коллективных хозяйствах. За этот период производство молока снизилось в 9,2 раза, мяса — 22,5, картофеля — 30,1, овощей — в 108,3 раза.

В исследуемый период посевные площади во всех категориях хозяйств сократились в 1,9 раза, в том числе под кормовыми культурами — в 3 раза. Сейчас пашня используется лишь на 35%. поголовье крупного рогатого скота уменьшилось в 4,7 раза, свиней — 5,8, овец и коз — 2,6 раза.

Барьером на пути модернизации сельского хозяйства удаленных районов является отсутствие собственных источников

инвестиций из-за низкой доходности отрасли. Без учёта субсидий все виды продукции остаются убыточными. Уровень рентабельности хозяйственной деятельности сельхозорганизаций, даже с учётом субсидий, в три раза ниже нормы, необходимой для осуществления расширенного воспроизводства. Крайне недостаточна доходность молока, а производство говядины убыточно. Невысоким уровнем рентабельности (с учётом субсидий) отличается мясо оленей (табл. 4).

Анализ финансовой устойчивости в 2011 г. сельхозорганизаций периферийных районов показал, что в кризисном состоянии находится 61% хозяйств. Абсолютно финансово устойчивыми являются только четыре организации.

Сельхозтоваропроизводители не могут осуществлять без помощи государства модернизационные процессы, требующие огромных финансовых ресурсов. Существующие размеры господдержки аграрной сферы периферийных сельских районов не позволяют не только развивать

Рисунок 4. Динамика производства продукции скотоводства в периферийных районах Республики Коми за 1990–2011 гг. (1990 г.=100%)

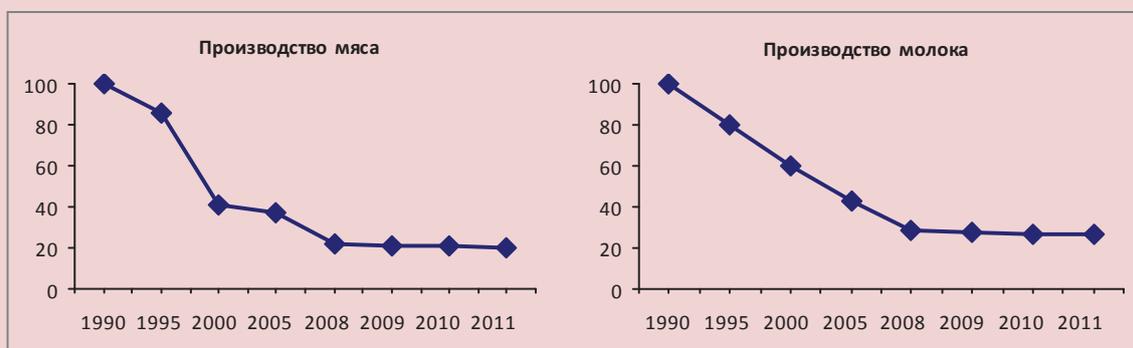

Таблица 4. Рентабельность, убыточность (-) производства продукции в сельхозорганизациях периферийных районов Республики Коми за 2011 г., %

Производимая продукция	Без учёта субсидий	С учётом субсидий
Вся деятельность	-27,3	12,8
Молоко	-33,2	6,5
Говядина	-24,7	-15,7
Оленина	-31,0	18,8

её на инновационной основе, но и остановить падение производства продукции. В 2011 г. из общей суммы субсидий (1253,5 млн. руб.) аграрному сектору Республики Коми, сельскому хозяйству периферийных районов выделено только 9,9% (123,5 млн. руб.) при их доле в объёме валовой сельхозпродукции 18,5%. Чтобы поднять рентабельность и повысить инвестиционные возможности аграрного производства удаленных территорий, требуется увеличить прямую господдержку в 3–4 раза. Для привлечения бюджетных ресурсов каждому сельскому муниципальному образованию, хозяйствующему субъекту необходимо иметь, помимо трудового, производственного потенциалов, стратегию развития, инвестиционные проекты, содержащие инновации.

Целесообразно также освободить сельхозорганизации и крестьянские (фермерские) хозяйства от всех налогов на 5 лет и повысить роль долгосрочного кредита.

Льготный кредит на строительство и модернизацию животноводческих помещений в условиях Севера следует предоставлять на 20–25 лет, а на приобретение техники и оборудования – на 6–8 лет.

Одной из проблем аграрной сферы периферийных районов остается неустойчивость сбыта аграрной продукции, вытеснение местных сельхозпроизводителей с продовольственных рынков. В целях повышения конкурентоспособности сельхозорганизаций и крестьянско-фермерских хозяйств региональным и муниципальным органам власти, руководству аграрных хозяйствующих субъектов необходимо активизировать внутренний спрос. Для этого должны быть налажены контрактная система, обеспечивающая приоритет местной продукции при закупках продукции в региональный и муниципальные фонды, бесплатное питание детей и школьников, введены продовольственные талоны для малоимущих.

Потребуется также ликвидация монополии заготовительных, посреднических и перерабатывающих структур путем перевода на кооперативную основу цикла переработки и реализации продукции.

Выход из кризиса, стабилизация и развитие аграрной экономики с учетом осуществления инновационной модернизации связаны с целевым управлением сельским хозяйством периферийных районов. Нужен переход от политики развития агропродовольственного сектора к политике сельского развития. Стратегии и программы развития аграрной сферы и сельских территорий удаленных муниципальных образований должны сочетаться со стратегиями и программами развития всего аграрного сектора и сельских территорий Республики Коми и интегрироваться в общереспубликанские программы. Схема такого управления приведена на рис. 5.

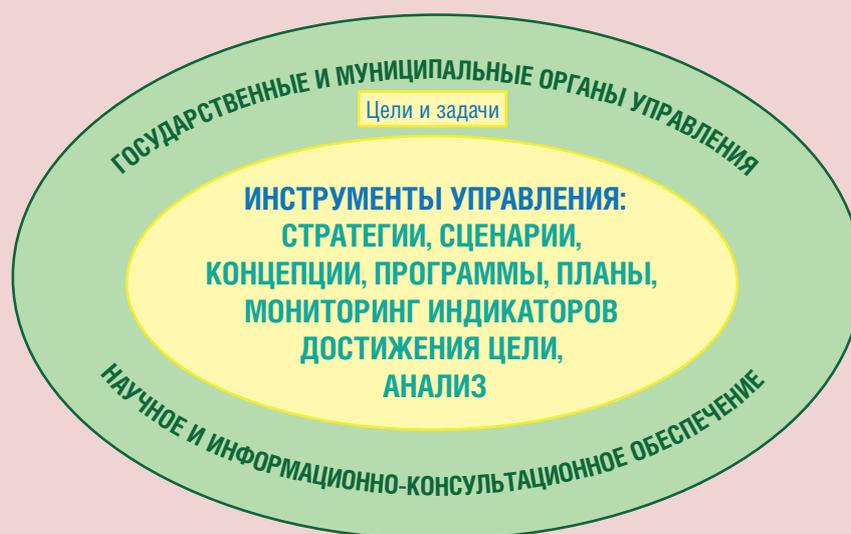
Ведущая роль в аграрном и сельском развитии принадлежит Министерству сельского хозяйства и продовольствия республики во взаимодействии с другими заинтересованными ведомствами и муниципальными органами управления.

Необходимо также широко вовлекать в этот процесс заинтересованные группы сельского населения. Проблема развития сельских районов и их базовой отрасли — аграрного сектора — является комплексной и требует привлечения региональной науки к исследованию различных аспектов пространственной организации сельской экономики, производственной, рыночной и социальной инфраструктуры. Нужен социальный заказ науке на концептуальную разработку различных сценариев возможного устойчивого социально-экономического развития сельских территорий.

Итак, изучение специфики, факторов и условий модернизационных процессов в аграрном секторе периферийных северных территорий позволяет сделать следующие выводы.

1. Необходимость модернизации сельского хозяйства удаленных территорий обусловлена приостановлением спада производства, обеспечением населения свежими биологически полноценными продуктами питания, рациональным использованием природного и человеческого капитала,

Рисунок 5. Схема целевого управления развитием аграрного сектора периферийных территорий

повышением уровня и качества жизни крестьян, закреплением молодёжи на селе, необходимостью ликвидации существенной дифференциации в социально-экономическом развитии периферийных и пригородных районов.

2. Для технико-технологического и социально-экономического развития аграрной сферы периферийных сельских районов имеются предпосылки: наличие трудовых ресурсов, естественной кормовой базы (крупные массивы пойменных лугов), возможность производства органической продукции, спрос на свежие молочно-мясные продукты.

3. Главными сдерживающими факторами модернизации и инновационного развития аграрного сектора остаются низкая инвестиционная привлекательность отрасли, ограниченность собственных финансовых ресурсов у хозяйствующих субъектов, недостаточные размеры господдержки аграрной сферы, нехватка квалифицированных кадров, низкий уровень менеджмента, слабое развитие производственной, рыночной и социальной инфраструктуры.

4. Модернизация сельского хозяйства в 1960-х–1980-х гг. связана с прогрессивными технико-технологическими, экономическими и социальными изменениями. Она способствовала положительной динамике производства аграрной продукции.

В предреформенный период уровень рентабельности сельхозорганизаций соответствовал оптимальной норме, позволявшей осуществлять процесс расширенного воспроизводства. Переход к рыночным отношениям свернул технико-технологические преобразования в отрасли.

5. Аграрные хозяйствующие субъекты периферийных сельских районов утратили возможности саморазвиваться и без ведущей роли государства не могут осуществлять модернизационные процессы. Сельское хозяйство рассматриваемых территорий в силу его специфики и роли в обеспечении биологически полноценными продуктами питания следует рассматривать в качестве социального сектора, который не обязан приносить прибыль.

6. Для предотвращения развития кризисного сценария нужен переход от управления сельским хозяйством в целом по республике к адресному целевому управлению аграрным сектором каждой периферийной территории. Ведущая роль в модернизации аграрного производства принадлежит Министерству сельского хозяйства и продовольствия Республики Коми во взаимодействии с другими заинтересованными ведомствами, муниципальными органами управления. Необходимо также широко вовлекать региональную науку и заинтересованные группы сельского населения в этот процесс.

Литература

1. Булько, А.Н. Большой словарь иноязычных слов / А.Н. Булько. — М.: Мартин, 2004. — С. 368.
2. Вдовенко, З.В. Дифференциация доходов населения России как барьер инновационного и технологического развития / З.В. Вдовенко, А.В. Корсун // Россия: тенденции и перспективы развития: Ежегодник. — Вып. 7 / РАН. ИНИОН. — М., 2012. — Ч. 2. — С. 439-443.
3. Вечканов, Г. Неоиндустриализация и модернизация / Г. Вечканов // Экономист. — 2012. — №9. — С. 39-47.
4. Дмитриева, Т.Е. Территориальная организация северного региона: масштабы периферии / Т.Е. Дмитриева // Север: проблемы периферийных территорий / отв. ред. В.Н. Лажинцев. — Сыктывкар, 2007. (Научный совет РАН по вопросам регионального развития; Коми научный центр УрО РАН). — С. 57-87.
5. Иванов, В.А. Оценка инновационно-инвестиционных проектов развития муниципального образования северного региона / В.А. Иванов, А.С. Пономарева // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2012. — №3(21). — С. 155-166.

6. Ивантер, В.В. Основные положения концепции инновационной индустриализации России / В.В. Ивантер, Н.И. Комков // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2012. – № 5(23). – С. 21-32.
7. Пациорковский, В.В. Семейные хозяйства и воспроизводство населения в инновационном и технологическом развитии регионов / В.В. Пациорковский // Регионы России: Стратегии и механизмы модернизации, инновационного и технологического развития: Тр. Седьмой междунар. науч.-практ. конф. / РАН. ИНИОН, отд. науч. сотрудничества и междунар. связей; отв. ред. Ю.С. Пивоваров. – М., 2011. – Ч. 1. – С. 498-505.
8. Пошкус, Б.И. Что нового в системе поддержки сельского хозяйства в странах Европейского Союза / Б.И. Пошкус // Глобализация и аграрная экономика России: тенденции, возможные стратегии и риски. – М.: ВИАПИ им. А.А. Никонова: «Энциклопедия российских деревень», 2011. – С. 197-200.
9. Райзберг, Б.А. Современный экономический словарь. – 2-е изд., испр. / Б.А. Райзберг, Л.Ш. Лозовский, Е.В. Стародубцева. – М.: Инфра, 1999. – С. 198.
10. Соколова, Г.Н. Модернизация как технологический и социальный феномен: Беларусь – Россия / Г.Н. Соколова // Социологические исследования. – 2012. – №5. – С. 3-13.
11. Федотова, В.Г. Глобализация и модернизация / В.Г. Федотова // Глобалистика. Энциклопедия. – М.: ЦНПП Диалог; Радуга, 2003. – С. 192.
12. Штомпка, П. Социология социальных изменений: пер. с англ. под ред. В.В. Ядова / П. Штомпка. – М.: Аспект Пресс, 1996.
13. Экономическая энциклопедия / науч.-ред. совет изд-ва «Экономика»; Ин-т экон. РАН; гл. ред. Л.И. Абалкин. – М.: ОАО «Экономика», 1999. – С. 439.

УДК 338.43(2Рос)

ББК 65.32(470)

© Чекавинский А.Н.

Организационно-экономический механизм государственной поддержки проектов модернизации сельского хозяйства

**Александр Николаевич
ЧЕКАВИНСКИЙ**

младший научный сотрудник ИСЭРТ РАН
chan@bk.ru

В статье обоснованы предпосылки модернизации сельского хозяйства России. Дана краткая характеристика и оценка результативности мер, принятых органами власти для стимулирования перевода отрасли на интенсивный путь развития. Определены основные недостатки организационно-экономического механизма модернизации производства в агросекторе, заключающиеся в разнонаправленности действия инструментов регулирования АПК, отсутствии учета природно-климатических условий и отраслевой специализации. Предложены методические рекомендации по распределению средств бюджетной поддержки между различными типами сельхозтоваропроизводителей в зависимости от их восприимчивости к использованию достижений научно-технического прогресса.

Сельское хозяйство, модернизация, организационно-экономический механизм, восприимчивость к использованию достижений научно-технического прогресса.

В настоящее время в России сложились объективные предпосылки для перевода сельского хозяйства на интенсивный путь развития. Во-первых, имеется потребность в увеличении собственного производства сельхозпродукции. Для обеспечения продовольственной безопасности страны необходимо снизить в общем объеме потребления долю импорта молока и мяса, которая в 2012 году составила 21,5 и

25,6% соответственно. Во-вторых, требуется в сжатые сроки поднять конкурентоспособность отечественной продукции и производительность труда в агросекторе до уровня лучших зарубежных фермеров. В противном случае последние могут занять существенную долю национального продовольственного рынка. Достаточно отметить, что в результате высокой открытости экономики вследствие вступления

России в ВТО только за прошлый год объем импорта сливочного масла увеличился на 50%, свинины – на 9,2%, мяса птицы – на 7%, рыбы – на 4,5% [3]. В-третьих, необходимо достичь амбициозных целей, обозначенных в ряде стратегических документов, в которых сельское хозяйство рассматривается в качестве одной из приоритетных отраслей экономики.

В то же время очевидно, что в условиях ежегодного выбытия из оборота посевных площадей, ухудшения агрохимических характеристик почвы и низкого уровня развития материально-технической базы большинства сельхозтоваропроизводителей увеличить объем выпускаемой ими продукции возможно лишь при активном использовании достижений научно-технического прогресса и создании благоприятной среды для масштабного привлечения в отрасль инвестиций.

В целях модернизации сельского хозяйства органами государственной власти принимается ряд мероприятий. В частности, для расширения доступа субъектов агробизнеса к кредитным ресурсам в период с 2008 по 2012 г. был увеличен на 160,3 млрд. руб. уставной капитал ОАО «Россельхозбанк». Для создания дополнительных возможностей технической модернизации производства в 2011 году принято решение о поставках со складов ОАО «Росагролизинг» сельхозтехники с 50%-ной скидкой. Законодательно установлена нулевая ставка налога на прибыль субъектов агросектора. Снижена до 10% ставка налога на добавленную стоимость при реализации племенных животных.

Следует отметить, что использование имеющихся инструментов позволило «запустить» процессы модернизации в сельхозпроизводстве. Так, за последние пять лет введено 73 новых и реконструировано 200 действующих объектов в бройлерном птицеводстве, построено 417 новых

молочных ферм и комплексов, модернизировано – 891. Сельхозтоваропроизводителями России за 2008–2012 гг. приобретено более 100 тыс. тракторов, 35 тыс. зерноуборочных и 10 тыс. кормоуборочных комбайнов. При этом произошли и качественные изменения в машинно-тракторном парке: доля техники со сроком эксплуатации до 3 лет по сравнению с уровнем 2006 года увеличилась на 5-6 процентных пунктов [3]. Вместе с тем данные процессы идут «локально», не затрагивая большинство сельхозтоваропроизводителей.

Медленные темпы модернизации отрасли обусловлены в основном тем, что отдельные инструменты организационно-экономического механизма не работают. В связи с этим резко снижается эффективность других его составляющих. Так, органам власти пока не удается отрегулировать ценообразование на рынках продукции АПК. Согласно данным Росстата, в 2012 г. аграрии продавали морковь, капусту и картофель дешевле, чем в 2008 г. Выше стали лишь цены реализации птицы, молока и пшеницы. При этом инсектициды удорожали в 1,8 раза, электроэнергия – в 1,6 раза, трактора – на 44%, азотные удобрения – на 32% (табл. 1).

К сожалению, использование инструментов государственных закупок и товарных интервенций сельхозпродукции пока не оказывает существенного корректирующего влияния на цену, а соответственно, и выручку производителей. Это обусловлено тем, что на биржах страны реализуется в год ничтожно малый объем продукции агросектора, а сроки начала интервенции зачастую затягиваются, вследствие чего рыночные цены успевают опуститься до слишком низкого уровня или, наоборот, необоснованно повыситься.

Кроме проведения товарных и закупочных интервенций органами власти принимаются и другие меры по регулированию

Таблица 1. Средние цены реализации сельскохозяйственной продукции и приобретаемых аграриями промышленных товаров и услуг по Российской Федерации, тысяч рублей за единицу

Продукция	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2012 г. к 2008 г., %
Морковь столовая, т	9,5	10,2	11,3	12,2	7,5	78,8
Капуста, т	8,0	6,9	11,0	10,8	6,5	81,6
Картофель, т	8,2	8,3	9,5	10,3	7,6	93,2
Томаты, т	44,1	48,5	52,6	47,0	47,7	108,2
Яйца куриные, тыс. шт.	2,5	2,4	2,3	2,5	2,7	109,4
Птица, т	45,1	54,2	53,0	54,5	55,2	122,4
Молоко сырое, т	11,0	10,4	12,4	14,1	13,6	123,5
Пшеница, т	5,1	4,3	3,9	5,1	6,4	125,6
Свины, т	61,0	69,3	69,7	76,4	83,2	136,5
Удобрения азотные минеральные или химические, т	22,6	18,5	21,8	25,7	29,8	131,9
Тракторы сельскохозяйственные универсально-пропашные, шт.	2049,5	2554,7	2054,2	2193,9	2946,1	143,7
Масла смазочные всех видов, т	33,4	34,9	31,9	40,0	51,0	152,9
Электроэнергия, МВт.-ч	2,2	2,8	3,4	3,8	3,5	161,9
Инсектициды, кг	0,8	0,8	0,9	1,1	1,5	179,7
Источник: данные Росстата. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstatsite/main/price/#						

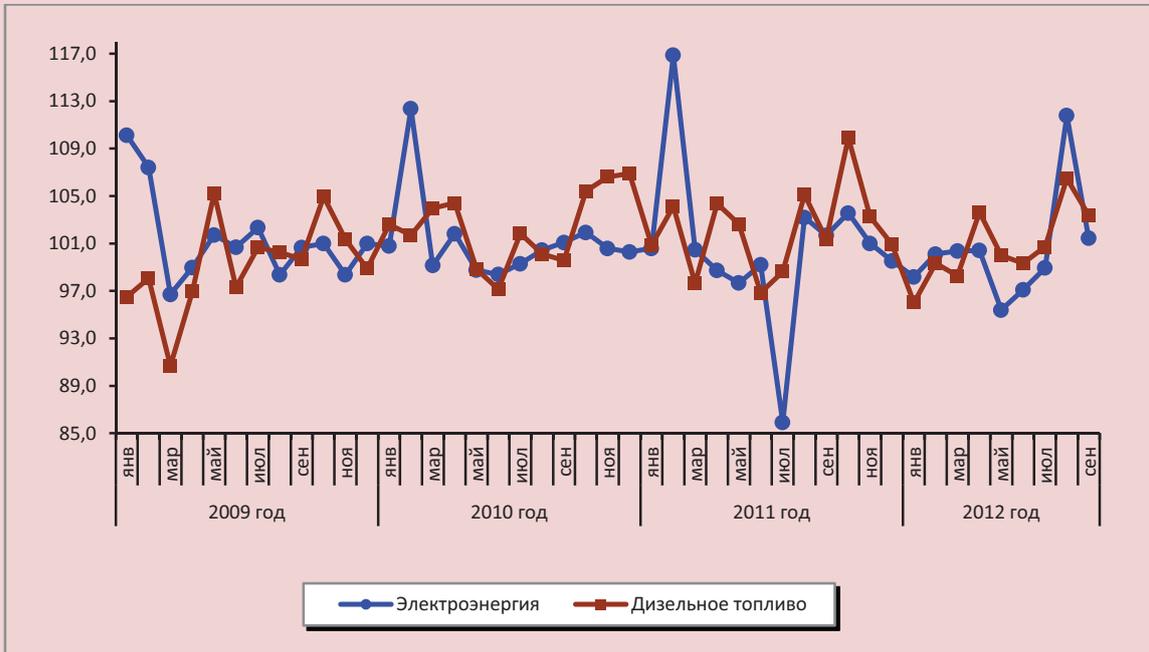
конъюнктуры продовольственного рынка: организуются сельскохозяйственные ярмарки, стимулируется создание и продвижение региональных брендов. Однако в целом это не решает проблему сбыта продукции по приемлемым для крестьян ценам. Причина сложившейся ситуации в том, что доля иностранного капитала в пищевой промышленности остается высокой. В настоящее время иностранным компаниям принадлежит почти 60% рынка переработки молока, 70% рынка соковой продукции, более 80% рынка замороженных овощей, фруктов и пивоварения и около 90% рынка плодовоовощных консервов [4]. Такие транснациональные корпорации, как PepsiCo, Carlsberg, Coca-Cola, Danone, активно скупают российские бренды, увеличивая тем самым уровень монопольной власти в пищевой промышленности и получая возможность влиять на уровень цен на сельхозсырье.

С помощью имеющихся инструментов органам власти не удастся отрегулировать и сезонные колебания цен на рынке про-

дукции АПК. Анализ данных Росстата позволяет утверждать, что рост цен (тарифов) на приобретаемые сельхозтоваропроизводителями дизельное топливо и электроэнергию в 2009–2012 гг., как правило, совпадал с началом полевых работ (рис. 1). При этом ежегодно цена реализации молока зимой и весной падает, а увеличивается только в летние и осенние месяцы (рис. 2). В данной ситуации у большинства субъектов агробизнеса наблюдается дефицит собственных средств на проведение посевной и кормозаготовительной кампании, что требует привлечения займов, а следовательно, сопряжено с дополнительными расходами на их обслуживание.

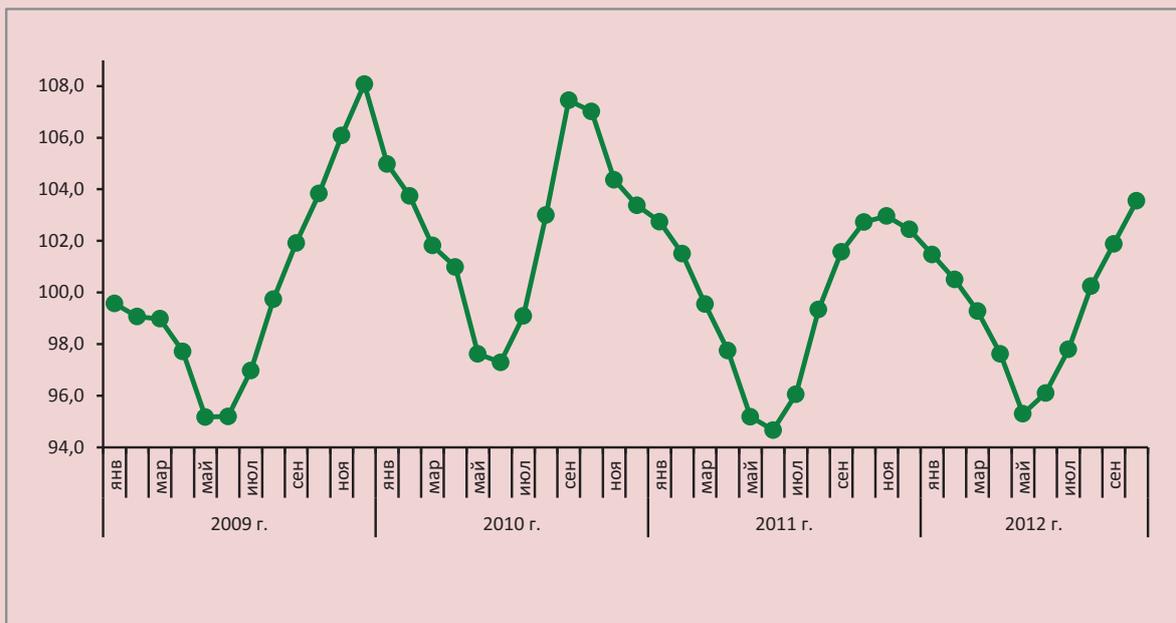
Следствием того, что комплекс инструментов рыночного регулирования не работает, является низкая доходность и инвестиционная привлекательность сельхозпроизводства. Так, по данным бухгалтерской отчетности Минсельхоза России, в 2012 г. уровень рентабельности сельхозорганизаций по всей деятельности, даже с учетом субсидий, составил всего 14,6%.

Рисунок 1. Темпы роста (снижения) средних по России цен на приобретаемые сельхозтоваропроизводителями дизельное топливо и электроэнергию, в % к предыдущему месяцу

Источник: расчеты автора; данные Росстата. – Режим доступа: <http://www.fedstat.ru/indicator/data.do>

Рисунок 2. Темпы роста (снижения) средних по России цен реализации сельхозтоваропроизводителями молока, в % к предыдущему месяцу

Источник: расчеты автора; данные Росстата. – Режим доступа: <http://www.fedstat.ru/indicator/data.do>

В целях снижения потерь от «провалов рынка» государство компенсирует часть производственных и инвестиционных затрат аграриев. Однако, во-первых, объем бюджетной поддержки остается низким. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что в России на сельское хозяйство выделяется только 0,58% ВВП, тогда как в США — 1,3%, в ЕС — 2,8%. Во-вторых, основная часть бюджетных средств в последние годы направляется на компенсацию части затрат по уплате процентной ставки по кредитам, т.е. фактически не на развитие производства, а на создание и развитие рыночной инфраструктуры, которая связана с финансовыми институтами. При этом в условиях убыточности и закредитованности большинства хозяйствующих субъектов, низкой ликвидности имеющихся активов привлекательность аграрного сектора для банка остается низкой. Поэтому сложившимися инструментами государственной поддержки могут воспользоваться лишь ограниченное количество хозяйств.

Следовательно, меры экономической стабилизации и развития аграрного сектора России оказывают незначительное влияние на его состояние и далеко не в полной мере учитывают особенности процессов модернизации.

Как справедливо отмечает академик Россельхозакадемии И.Г. Ушачев, еще одним недостатком сформировавшегося механизма является то, что он не дифференцирован по каждой группе товаропроизводителей, не учитывает природно-экономические различия регионов, а также отраслевую специализацию [5].

Следует добавить, что требуют корректировки и существующие принципы выделения бюджетных средств. В большинстве случаев для определения субъектов агросектора, которые могут быть получателями субсидий (грантов), уполномоченным

органом исполнительной власти проводится конкурс на их включение в ту или иную программу, т.к. все средства выделяются на программно-целевой основе. При этом решение принимается на основании таких показателей, как: количество созданных рабочих мест; наличие производственных фондов; поголовье сельскохозяйственных животных; площадь земель; отсутствие задолженности по налогам; срок окупаемости инвестиционного проекта.

Однако конкурсной комиссией недостаточно учитываются индикаторы, характеризующие восприимчивость сельхозтоваропроизводителей к использованию новшеств. Следовательно, неясно, кто из участников, подавших заявки, имеет больше возможностей для модернизации производства. В связи с этим полагаем целесообразным расширить используемую систему показателей и проводить данную оценку по двум критериям — ресурсному и результативному (табл. 2). Первый из них отражает обеспеченность активами (средствами) для производства сельхозпродукции, возможность интенсификации. Второй — характеризует результативность использования активов (средств), т.е. их качество.

Обобщение имеющихся научных разработок показало, что восприимчивость аграриев к использованию достижений НТП до сих пор оценивается с помощью различных частных индикаторов. Вследствие этого отсутствует возможность получения комплексного представления о происходящих в агроэкономике процессах и их причинах. Кроме того, затрудняется проведение типологизации сельхозтоваропроизводителей и выработка дифференцированных мер поддержки. Исходя из указанных обстоятельств считаем необходимым рассчитывать значение интегрального показателя по методике, состоящей из четырех этапов.

Таблица 2. Критерии и показатели оценки восприимчивости использования достижений НТП в сельском хозяйстве

Ресурсный критерий	Результативный критерий
Стоимость основных фондов на 100 га пашни, тыс. руб.	Затраты труда на производство 1 ц продукции, чел.-часов
Размер энергетических мощностей на 100 га пашни, л.с.	Стоимость сельхозпродукции на единицу материальных затрат на производство, руб. / руб.
Потребление электроэнергии на 100 га пашни, кВт-ч	Прирост урожайности сельхозкультур с 1 га, %
Объем внесения минеральных удобрений на 1 га посевной площади, кг д.в.	Прирост продуктивности 1 головы скота, %
Расход кормов на производство 1 ц продукции, ц. корм. ед.	Сокращение потерь при выращивании и уборке сельхозкультур и скота, %
Удельный вес специалистов, имеющих высшее образование, в общем числе специалистов, %	Повышение качественных характеристик продукции (например, жирности, содержания белка в молоке), %
	Удельный вес площадей, засеянных элитными семенами сельхозкультур, %
	Удельный вес племенных животных в их общем поголовье, %
	Количество голов скота, приходящихся на 1 оператора
	Уровень комфортности сельхозмашин, выполнения технологических операций
	Средний показатель гумуса, %
	Удельный вес кислых почв, %

I этап – обоснование состава показателей. При отборе частных показателей следует учитывать несколько важных требований. Во-первых, они должны отражать все стороны объекта исследования и быть совместимыми с действующей системой учета и статистики. Во-вторых, показатели должны характеризовать специализацию региона на производстве сельхозпродукции. В-третьих, желательно использовать те из них, которые оказывают определяющее воздействие на восприимчивость субъектов агробизнеса к использованию достижений НТП. С учетом всех вышеназванных требований были определены частные индикаторы, которые могут быть применены для регионов, занимающихся преимущественно ведением молочного скотоводства. К таким индикаторам относятся:

- размер энергетических мощностей, л.с. на 100 га пашни;
- объем внесения минеральных удобрений, кг д.в. на 1 га посевов;
- удельный вес племенных коров в общем поголовье, %;
- количество коров на одного оператора машинного доения, голов;
- стоимость основных фондов, тыс. руб. на 100 га пашни;

- удельный вес специалистов, имеющих высшее образование, в общем числе специалистов, %;
- стоимость сельхозпродукции на единицу материальных затрат на производство, руб. / руб.

II этап – расчет частных индексов в виде нормализованных данных, выполняемый методом многомерного сравнительного анализа (посредством соотнесения фактических значений с наилучшими в выборке). При положительном влиянии индикатора на размер частного индекса (I_k) соотносим фактическое значение (Z_{ϕ}) с максимальным (Z_{max}) по совокупности, при отрицательном – определяем отношение между минимальным значением (Z_{min}) и фактическим:

$$I_k = \frac{Z_{\phi}}{Z_{max}} \quad I_k = \frac{Z_{min}}{Z_{\phi}} \quad (1)$$

III этап – расчет интегрального показателя ($I_{И}$) как суммы частных индексов:

$$I_{И} = \sum_{k=1}^n I_k \quad (2)$$

IV этап – интерпретация интегральной оценки восприимчивости сельхозтоваропроизводителей к использованию достижений НТП. В соответствии с законом нормального распределения выделено пять уровней восприимчивости: *низкий* ($I_{и} < 1,4$), *ниже среднего* ($1,4 < I_{и} < 2,8$), *средний* ($2,8 < I_{и} < 4,2$), *выше среднего* ($4,2 < I_{и} < 5,6$), *высокий* ($I_{и} > 5,6$).

Результаты апробации предложенной методики на материалах Вологодской области свидетельствуют, что в группе с высоким уровнем стабильно находились сельхозорганизации преимущественно Вологодского и Череповецкого районов, в группе с уровнем «выше среднего» – Шекснинского и Грязовецкого. Они же являлись и основными получателями бюджетных средств (табл. 3).

К стабильным аутсайдерам рейтинга относятся хозяйства Сямженского, Нюксенского, Бабушкинского и Вытегорского районов. В них, например, были ниже, чем у лидера, фондообеспеченность – от 10 до 27 раз, а энергообеспеченность – от 3 до 7,5 раза.

В соответствии с полученными результатами считаем целесообразным основной объем бюджетной поддержки (50–60%

средств) предоставлять 15% организаций, которые получили самые высокие значения интегрального показателя, т.е. являются наиболее восприимчивыми к использованию новшеств – точками концентрации производства. В них сосредоточен основной потенциал развития отрасли, а потому высока вероятность того, что вложенные в модернизацию средства дадут значимый эффект. В настоящее время объем бюджетной поддержки агросектора «размывается» между производителями. В 2011 г., например, 55% средств аккумулировалось в 36% организаций (табл. 4). С нашей точки зрения, вследствие этого не происходит и существенных положительных изменений в состоянии их материально-технической базы.

Сельхозорганизации, наиболее восприимчивые к использованию новшеств, должны иметь право на получение дополнительных субсидий в течение 5–7 лет. При этом данные хозяйства не смогут участвовать в следующем отборе, который состоится через 2 года. Организованная на указанных принципах система распределения бюджетных средств предполагает возможность ежегодно поддерживать от 30 до 45% сельхозорганизаций начиная с третьего конкурса.

Таблица 3. Распределение субсидий, предоставленных сельхозорганизациям в 2012 г., в разрезе муниципальных образований Вологодской области

Район	Доля района					
	в объеме субсидий		в числе сельхозорганизаций		в объеме производства сельхозпродукции	
	Млн. руб.	В % к итогу	Ед.	В % к итогу	Млн. руб.*	В % к итогу
1. Вологодский	203,0	25,7	29	12,4	125,6	35,3
2. Череповецкий	74,2	9,4	24	10,3	71,2	20,0
3. Шекснинский	63,2	8,0	16	6,9	35,0	9,8
4. Грязовецкий	122,3	15,5	11	4,7	33,9	9,5
Итого (1-4)	462,6	58,6	80	34,3	265,7	74,6
Остальные районы	327,2	41,4	153	65,7	90,6	25,4
Всего	789,8	100,0	233	100,0	356,2	100,0

* В сопоставимых ценах 1994 г.

Таблица 4. Распределение субсидий сельхозтоваропроизводителей Вологодской области

Без учета уровня восприимчивости сельхозтоваропроизводителей к использованию достижений НТП		С учетом уровня восприимчивости сельхозтоваропроизводителей к использованию достижений НТП		
Факт (2011 г.)		Прогноз		
Доля в количестве организаций, получающих субсидии, %	Доля в объеме полученных бюджетных средств, %	Значения I_{II}	Доля в количестве организаций, получающих субсидии, %	Доля в объеме полученных бюджетных средств, %
36,2	54,8	$I_{II} > 5,6$	15	50–60
27,6	22,3	$4,2 < I_{II} < 5,6$	20	15–20
17,7	16,5	$2,8 < I_{II} < 4,2$	30	10–15
11,2	5,7	$1,4 < I_{II} < 2,8$	20	6–9
7,3	0,8	$I_{II} < 1,4$	15	4–7

Конечно, ускорение модернизации агросектора требует изменения не только методических подходов к распределению средств бюджетной поддержки. Полагаем, что для решения этой задачи крайне важно рационализировать ценовые соотношения в межотраслевом обмене, повысить эффективность инструментов регулирования рынка сельхозпродукции, сырья и продовольствия, стимулировать развитие потребительской кооперации.

Не вызывает сомнения и точка зрения ученых [2, 6], которые в качестве необходимого условия ускорения модернизации сельхозпроизводства называют развитие инновационной инфраструктуры. Мировой и отечественный опыт доказывает, что в тех регионах, где эффективно функционируют, например, агротехнопарки, информационно-консультационные службы, удается объединить усилия по организации учебной, научно-исследовательской, инновационной деятельности, повысить качество подготовки специалистов для АПК, обеспечить трансфер новшеств в производство.

Безусловно, перевод сельского хозяйства России на интенсивный путь развития не может осуществляться преимущественно на базе зарубежной техники и технологий, при том что отечественной

аграрной наукой для производителей подготовлены новшества, соответствующие 5–6 технологическому укладу. В контексте этого очевидна необходимость создания благоприятных условий для коммерциализации разработок и их массового распространения. Главенствующую роль в данном процессе должно сыграть государство. Как справедливо отмечает академик РАН С.Ю. Глазьев, «в условиях становления «экономики знаний» оно не может не брать на себя функции интеллектуально-информационного центра регулирования и стратегического планирования развития экономики, поддержания соответствующей научно-технологической среды, включающей базу фундаментальных знаний и поисковых изысканий, институты прикладных исследований и опытно-конструкторских разработок, сеть опытных производств и механизмы внедрения новых технологий» [1, с. 13].

Для создания благоприятных макроэкономических условий модернизации сельского хозяйства России у органов власти имеются инструменты бюджетно-налоговой, денежно-кредитной, ценовой, антимонопольной и внешнеэкономической политики. Крайне важно, чтобы каждый из них был адекватен задачам перевода отрасли на интенсивный путь развития.

Литература

1. Глазьев, С.Ю. Снова к альтернативной системе мер государственной политики модернизации и развития отечественной экономики (предложения на 2013–2014 гг.) / С.Ю. Глазьев // Российский экономический журнал. – 2013. – №3. – С. 3-37.
2. Карташов, Е.Ф. Модернизация сельскохозяйственного производства на основе трансфера инновационных технологий / Е.Ф. Карташов // Фундаментальные исследования. – 2012. – №11. – С. 493-497.
3. О ходе и результатах реализации в 2012 году Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2008–2012 годы: национальный доклад. – М.: Министерство сельского хозяйства Российской Федерации, 2013. – 283 с.
4. Участие иностранного капитала в пищевой промышленности России. – М.: Министерство сельского хозяйства Российской Федерации. – Режим доступа: <http://mcsx-consult.ru>
5. Ушачев, И.Г. Экономический механизм технической и технологической модернизации сельского хозяйства / И.Г. Ушачев // Владимирский земледелец. – 2010. – №4(54). – С. 6-7.
6. Ходос, Д.В. Экономический механизм инновационного развития сельского хозяйства региона / Д.В. Ходос, З.Е. Шапорова // Управление экономическими системами. – 2013. – №3. – Режим доступа: <http://uecs.ru/uecs-51-512013/item/2011-2013-03-05-06-41-03>
7. Чекавинский, А.Н. Современный уровень и проблемы внедрения достижений научно-технического прогресса в сельском хозяйстве Вологодской области: монография / А.Н. Чекавинский, Е.Г. Гуляев, В.Н. Туваев. – Вологда–Молочное: ИЦ ВГМХА, 2010. – 48 с.

УДК 338.43(2Рос)

ББК 65.32(470)

© Трудов Ю.Н.

Оценка туристического потенциала охотничьего хозяйства региона (на примере Вологодской области)

**Юрий Николаевич
ТРУДОВ**

заместитель директора по общим вопросам ИСЭРТ РАН
trudov.y@mail.ru

Автор, используя собственную методику, на примере Вологодской области выявляет основные параметры валового оборота охотничьего хозяйства в части услуг по организации охоты; представляет методический инструментарий для расчета величины валового оборота туристических услуг в охотничьем хозяйстве, определяет степень развития и перспективы туристического потенциала охотничьего хозяйства, роль охотничьего туризма в экономическом развитии региона.

Вологодская область, охотничье хозяйство, туристические услуги, оценка объема услуг, перспективы развития.

Одна из отличительных особенностей охотничьего хозяйства состоит в том, что уровень его товарности увеличивается крайне медленно и товарно-денежные отношения никогда не охватят всю эту отрасль целиком. Значительная часть ее всегда будет основываться на принципах натурального хозяйства, когда охота является для самих охотников источником продукции, используемой для внутрисемейного потребления. При этом охоту они организуют самостоятельно, не прибегая к услугам специальных охотничьих организаций. Существующие традиции и зако-

нодательство закрепляют такое состояние. В частности, действующими в настоящий период правовыми актами установлено, что не менее 20% охотничьих угодий каждого субъекта РФ должны оставаться общедоступными и не могут передаваться в пользование юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям для ведения охотничьего хозяйства [1].

Следует заметить, что сказанное выше не относится к тем особым формам организации охотничьего хозяйства, которые существовали в советскую эпоху и были представлены государственными промыс-

ловыми хозяйствами, крупными специализированными заготовительными организациями и плановым товарным отстрелом животных. Уровень товарности охотничьего хозяйства был, конечно, значительно выше, как и степень использования охотничьих ресурсов, но теперь, с переходом России к рыночным отношениям, эти формы практически полностью утратили свое значение [2].

Тем не менее общие тенденции социально-экономического развития общества находят свое отражение и в этой отрасли, и все возрастающая часть охотничьего хозяйства охватывается рыночными отношениями. Большое влияние на увеличение товарности охотничьего хозяйства оказал принятый в 2009 г. ФЗ «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», некоторые статьи которого направлены на улучшение инвестиционной привлекательности отрасли и усиление конкуренции в ней.

Степень товарности охотничьего хозяйства определяется долей товарной продукции (стоимости мяса диких животных, их шкур, рогов, субпродуктов и дериватов) и долей платных услуг в общем объеме производства. С точки зрения отраслевой классификации услуги в сфере охотничьего хозяйства рассматриваются как туристическая деятельность, поскольку оказание их осуществляется в определенные отрезки времени и вне места постоянного проживания потребителей [3], а возможный объем этих услуг, который мог бы при определенных условиях быть создан, — как туристический потенциал.

К сожалению, дать стоимостную оценку туристического потенциала в настоящее время непросто, так как фактически отсутствует информация об обороте услуг. Единственным доступным источником

являются сведения, представляемые юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями — долгосрочными пользователями охотничьих угодий (далее — охотпользователи) в отчетах для государственного наблюдения по форме №2 ТП (охота) [4], в которой разделом 4 предусматривается сбор сведений о выручке от реализации продукции и услуг по видам охот. Но указанная форма не дифференцирует, во-первых, обороты реализации товаров и услуг, а во-вторых, различные виды услуг — по организации охоты, размещению охотников, организации питания, по первичной обработке трофеев, а также транспортные и таксидермические услуги. Кроме того, данные официальной статистики не содержат поправок на теневой оборот. Следовательно, материалы государственной статистики не служат достоверным источником для стоимостной оценки оборота услуг в охотничьем хозяйстве. Поэтому для достижения целей исследования необходимо использовать методы косвенной оценки.

Нами предпринята попытка определения туристического потенциала отрасли на примере Вологодской области.

Вологодская область является одной из областей РФ, где охотничье хозяйство наиболее развито. Это утверждение базируется на данных о численности видов охотничьих животных, численности охотников, а также на оценках, полученных областью на международных и трофейных выставках, и разделяется большинством авторов в СМИ охотничьей тематики (см., например: <http://vologdatourinfo.ru/hunting-fishing>). Вместе с тем по уровню развития товарно-денежных отношений в охотничьей отрасли Вологодская область отстает от большинства других. Это отставание выражается прежде всего в сравнительно малой доле охотничьих угодий, переданных в долгосрочное пользование (*табл. 1*).

Таблица 1. Закрепление охотничьих угодий за долгосрочными пользователями в отдельных субъектах РФ*

Субъект РФ	Общая площадь охотничьих угодий, га	Площадь закрепленных угодий, га	Доля закрепленных угодий, %
Вологодская обл.	14 2910 400	5 482 305	38,36
Ленинградская обл.	7 439 000	6 869 000	92,34
Ярославская обл.	3 293 700	2 904 700	88,19
Новгородская обл.	4 872 914	4 046 340	83,04
Костромская обл.	5 677 900	3 089 600	54,41
Псковская обл.	4 943 810	2 162 496	43,74
Респ. Карелия	17 532 600	7 555 140	43,09
Тверская обл.	8 000 000	7 398 800	92,49

*По состоянию на 1 января 2011 г.
 Источник: Данные доклада Министерства природных ресурсов и экологии (http://www.mnr.gov.ru/news/detail.php?ID=127672&sphrase_id=268034)

Можно добавить, что политика властей в последнее время направлена на увеличение доли общедоступных угодий. Как отмечено в публичном докладе специально уполномоченного в этой сфере государственного органа – Департамента по охране, развитию и регулированию использования объектов животного мира Вологодской области (далее – Охотдепартамент), – во исполнение поручения губернатора об оптимизации предоставленных в долгосрочное пользование угодий с целью перевода в общедоступные для населения, проведена работа по увеличению их площади более чем на 400 тыс. га.

Тем не менее в том же докладе отмечается, что закрепление угодий полностью не прекращено. В 2012 г. Охотдепартаментом организована работа по проведению двух аукционов на право заключения охотхозяйственных соглашений в отношении охотничьих угодий в Междуреченском районе (площадью 29,4 тыс. га) и в Череповецком районе (площадью 14,2 тыс. га) [5].

По данным на 1 января 2013 г. на территории области осуществляют деятельность 56 охотпользователей – юридических лиц, за которыми закреплено 5232,6 тыс. га охотничьих угодий. Самым крупным охотпользователем является Региональная общественная организация «Вологодское областное общество охотников и рыболовов».

За ней закреплено около 2,8 млн. га, что составляет 53% общей площади охотугодий, переданных в пользование. Данная организация представлена в 19 районах области и имеет 10 районных отделений со статусом юридического лица. К другим крупным охотпользователям относятся: ООО «Вологодская охота» (180,5 тыс. га охотничьих угодий), Вологодская региональная общественная организация «Общество охотников и рыболовов ветеранов МВД» (132,3), Вологодская областная общественная организация «Клуб охотников и рыболовов «Хантер» (128,6), ООО «Центр 911» (119,9) и ООО «Гора» (94) [5].

Охотпользователи имеют различные организационно-правовую форму, площади закрепленных охотничьих угодий, материально-техническую и кадровую обеспеченность и различные цели своей деятельности. В ходе работы XI Межрегиональной выставки туристского сервиса и технологий гостеприимства «Ворота Севера» (2012 г.) на круглом столе «Вопросы организации охотничьего и рыболовного туризма Вологодской области», организованном Охотдепартаментом, мы провели опрос среди руководителей пользователей охотничьих угодий. В ходе опроса респондентам было предложено выбрать без ранжирования по значимости возможные цели создания их охотничьих хозяйств (табл. 2).

Таблица 2. Результаты опроса о целях деятельности охотничьих хозяйств

Цель создания охотничьего хозяйства	Количество ответов, %	Площадь территории, тыс. га	Доля в охотугодьях области
Обслуживание учредителей хозяйства	5	108,3	0,8
Ведение предпринимательской деятельности	9	311,0	2,1
Налаживание деловых контактов по основной деятельности организации	3	264,8	1,9
Обслуживание учредителей хозяйства и ведение предпринимательской деятельности	29	3 262,0	22,8
Налаживание деловых контактов по основной деятельности организации и ведение предпринимательской деятельности	17	297,6	2,1
Обслуживание учредителей, налаживание деловых контактов по основной деятельности организации	6	315,1	2,2
Все варианты ответов	28	675,7	4,7
Без ответа, затрудняюсь ответить	3	94,1	0,7
Итого:	100	5328,6*	37,3

*Площадь, закрепленная за пользователями, по состоянию на 1 февраля 2012 г. [6].

Как видим, только у 9% опрошенных руководителей хозяйств целью их создания была предпринимательская деятельность. Вместе с тем 83% пользователей, за которыми закреплено 33,9% всех охотугодий области, сочетают достижение своей основной цели с ведением предпринимательской деятельности. Кроме того, нужно учитывать, что даже те пользователи, которые не осуществляют, по их мнению, предпринимательскую деятельность, выдают разрешения и путевки на добычу общедоступных видов охотничьих ресурсов, таких как утка, гусь, заяц, всем обратившимся за разрешением (за исключением случаев, когда может быть превышена пропускная способность угодий). Экономическим содержанием путевки, форма которой утверждена в установленном законом порядке, является оказание услуг охотникам, прибывающим на территорию хозяйства. Согласно упомянутому выше публичному отчету Охотдепартамента, таких путевок в 2012 г. было выдано – по числу разрешений – 32 978 [5].

В ходе опроса, в соответствии с целью исследования, помимо вопроса о целях создания хозяйств были заданы вопросы о доле охот, проводимых с целью их продажи,

в общем объеме охот по каждому виду охотничьих животных; о доле охот, при производстве которых предоставляются дополнительные услуги (трансфер, сопровождение егеря, размещение на базе, питание, первичная обработка трофея, таксидермия), а также о том, учитываются ли (и как именно) при подведении итогов охоты трофейные качества добытых животных.

Ввиду различий в подходах пользователей к способам оценки трофейных животных при обработке результатов опроса использовался следующий инструментарий.

Поскольку трофейные качества медведя в Вологодской области чаще оценивают по его весу, в тех случаях, когда в рекламном предложении пользователями приводится оценка по системе Международного совета по охоте и охране животного мира (CIC), производился ее приблизительный перевод к весу. Такой перевод допустим, т.к. животные достигают определенных трофейных качеств к определенному возрасту и имеют к этому возрасту достаточно стандартный вес.

В связи с тем что при оценке лося «на реву» и кабана чаще применяется оценка CIC, использовалось среднее значение

рекламных предложений по этой оценке. Если в рекламных предложениях оценки давались исходя из веса рогов лося или длины клыков кабана, производилось определение приблизительной оценки СИС исходя из возраста добываемого животного и из веса рогов лося или длины клыков кабана.

Средний возраст добываемых животных был определен по заполненным корешкам разрешений на добычу животных, сдаваемых в соответствии с установленным порядком в Охотдепартамент. В этих корешках указывается вес, пол и возраст добытого животного. Исходя из среднего возраста добытых медведей, можно определить их средний вес, а исходя из возраста лося и кабана – приблизительную оценку по СИС.

В сезоне 2012 года средний вес добытых медведей составил 124,5 кг и меньше 51 балла СИС, возраст добытых лосей «на реву» – 4,5 года и приблизительно 260 баллов и длина клыков кабанов – приблизительно 26 см и около 118 баллов.

Параллельно с проведением опроса нами были проанализированы рекламные предложения в сети Интернет от пользователей охотничьих угодий. Собственные сайты с коммерческими предложениями имеют 3 пользователя; предложения с подробным описанием видов услуг и указанием их стоимости, размещенные на сайтах туристических организаций, – 9 пользователей; упоминаются на различных сайтах как организации, предоставляющие услуги в сфере охотничьего хозяйства, 19 пользователей. Доля охотугодий, закрепленных за тремя названными категориями пользователей, составляет 31% общей площади охотугодий области. Необходимо отметить также, что в Интернете размещены рекламные предложения об организации охоты лицами, не входящими в реестр пользователей.

Результаты обработки данных опроса и оценки стоимости услуг по рекламным предложениям сведены в *таблицу 3*.

Таким образом, стоимость всей коммерческой охоты, осуществляемой пользователями в Вологодской области по указанным в таблице 3 видам, можно оценить в 43,8 млн. рублей. К этому еще нужно добавить стоимость путевок, выданных пользователями за оплату добычи общедоступных видов животных. Стоимость путевок различается по сезону охоты (весенний, осенне-зимний сезон) и по пользователям. Информацию о стоимости легко получить методом телефонного опроса перед началом каждого сезона. В нашем случае в 2012 году средняя стоимость путевки составила 1250 руб. Значит, пользователи получили еще приблизительно 41,2 млн. руб., а их общий доход составил 85 млн. руб.

Учитывая, что за пользователями закреплено 5232,7 тыс. га угодий, можно определить, что их доход на 1 га составляет 16,24 руб. Следует заметить, что этот доход за один год значительно выше установленной Правительством РФ платы за заключение охотхозяйственного соглашения – 10 р. за 1 га угодий одновременно при заключении соглашения на срок от 25 до 49 лет. Не случайно отмечено увеличение цены аукциона за право заключения охотхозяйственных соглашений и увеличение числа предложений о заключении охотхозяйственных соглашений организациями, имеющими долгосрочные лицензии [5].

Исходя из величины валового дохода охотпользователей, можно дать приблизительную оценку туристического потенциала охотничьего хозяйства. Этот потенциал равен фактическому доходу и его возможному увеличению в обозримом будущем.

Трудно рассчитывать на то, что в короткое время изменится степень товарности отрасли и возрастет доля коммерческих охот. Однако в случае изменения позиции

Таблица 3. Оценка стоимости услуг охотничьего хозяйства Вологодской области, 2012 г.

Вид животного	Доля коммерческой охоты* в общей добыче по данным опроса, %	Официальная добыча, особей	Количество добытых животных, особей	Средняя стоимость трофея по данным рекламных предложений, тыс. руб.	Средняя стоимость услуг по данным рекламных предложений, тыс. руб.**	Стоимость трофея с дополнительными услугами	Итого стоимость охоты на закрепленную территорию, тыс. руб.
Медведь	54,3	372	201	45,5	9,0	54,5	10954,5
Лось	27,1	1187	321	37,2	12,3	49,5	15889,5
Кабан	24,7	1427	352	16,5	9,8	26,3	9257,6
Волк	12,2	232	28	35,1	18,0	53,1	1486,8
Лось «на реву»	64,2	94	60	38,8	9,3	48,1	2886,0
Тетеревиные на току	12,1	1217	127	9,3	8,2	26,5	3365,5
Всего							43839,9

* В практике Вологодской области устоялось определение охоты, проводимой для охотников-туристов, как «коммерческой» охоты (в отличие от «спортивной», которая предполагает проведение охоты без платы за нее или с номинальной оплатой в размере сборов и пошлин). Это наименование достаточно точно отражает содержание явления, поэтому мы и будем его использовать.

** Без учета коэффициента успешности охот. Не все охоты заканчиваются результативно. Если охота не успешна, оплачивается только стоимость услуг. В таком случае на стоимость одного трофея будет приходиться большая стоимость дополнительных услуг. Этот коэффициент различен по разным видам животных, и при организации охоты специалистами охотничьих хозяйств он выше, чем в среднем по региону. При необходимости его также можно учесть, но мы этого делать не будем, поскольку погрешность в целом увеличивается незначительно. Прочими видами охот, такими как охота на рысь, охота на бобра, охота на тетерева и глухаря зимой, загонными охотами на зайца и лису, можно также пренебречь ввиду их незначительного распространения.

региональной власти в отношении закрепления охотничьих угодий доля общедоступных угодий, в соответствии с законом, может быть уменьшена ею до 20%. Следовательно, может быть закреплено еще 6200,4 тыс. га охотничьих угодий. При доходе 16,24 руб. с 1 га общий доход охотопользователей может составить 185,8 млн. руб., что будет соответствовать приблизительно 0,1% валового регионального продукта области.

Выполненные нами оценки туристического потенциала охотничьего хозяйства области могут быть сопоставлены с резуль-

татами, полученными в отдельных охотничьих хозяйствах, занимающихся предпринимательской деятельностью по организации охотничьего туризма (из находящегося в открытом доступе см., например, <http://wildlife.by/node/962>). Эти сравнения показали, что предложенная методика, основанная на проведении опроса и изучении рекламных предложений охотопользователей, позволяет решить поставленную в настоящем исследовании задачу – с высокой степенью точности оценить современный уровень развития и туристический потенциал охотничьего хозяйства области.

Литература

1. Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 24.07.2009 №209 (ред. от 06.12.2011).
2. Сухомлинов, Г.И. Совершенствование организации и управления охотничьим хозяйством России / Г.И.Сухомлинов // Вестник охотоведения. – Т. 7. – №1.
3. Биржаков, М.Б. Введение в туризм: учеб. пособие / М.Б. Биржаков. – СПб: ИД «Герда», 2004.
4. Об утверждении формы №2-ТП (охота): приказ Росстата от 09.08.2012 №441.
5. Публичный доклад Департамента по охране, контролю и регулированию использования объектов животного мира Вологодской области [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://okuvshinnikov.ru/files/zip/kirillov.pdf>.
6. Реестр юридических лиц, осуществляющих пользование животным миром [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://vologdaoblak.ru/government/executive_power/index.php?id_16=90.

СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ

УДК 316.422

ББК 60.524.122.115

© Штомпка П.

Модернизация как социальное становление (10 тезисов по модернизации)*

В статье представлена тезисная характеристика модернизации в свете основных положений теории социального становления. Модернизация — это особый способ осуществления социального становления, обеспечивающий широкий доступ для населения к расширяющимся возможностям реализации человеческого потенциала. Важной задачей руководства, поддерживающего проект модернизации, является создание структурного и институционального поля, позволяющего людям в полной мере реализовать свой потенциал. В эпоху глобализации, когда происходит объединение многочисленных видов модернизации, особенно важна их взаимная адаптация и сохранение местных традиций и условий в рамках преобразований. Оптимальный ход модернизации — это смесь инноваций с социальной памятью и традициями. Важно понимать, что модернизация несет не только созидание нового, но и разрушение, поэтому необходимо соблюдать амбивалентный баланс.

Модернизация, теория социального становления, социальный, культурный, человеческий потенциал.

Пётр ШТОМПКА
профессор Ягеллонского университета
ussztomp@cvf-kr.edu.pl

Модернизация как важнейший тип макросоциальных изменений — это неоднозначное и спорное понятие. Социологическая теория рассматривает модернизацию, как и саму идею социальных изменений, с двух противоположных точек зрения.

Одна из них, характерная для эволюционизма или девелопментализма, преобла-

давшая в классической общественной мысли XIX века, делает акцент на её неизбежности, однолинейном характере её течения и единственно возможном результате. Другая точка зрения, возникшая из критики детерминизма, фатализма и финализма, допускает случайность, непредвиденные обстоятельства, мультилинейность модернизации и открытость её конца.

* Основной доклад на Первом международном форуме по модернизации, Пекин, 8 августа 2013 г.

С данной точки зрения модернизация рассматривается скорее как возможность, чем необходимость, скорее как достижение, чем неизбежность. И утверждения о том, достигнута ли данная возможность, зависят от действий, решений и выбора членов общества, а также от обстоятельств, способствующих мобилизации и ускорению этих действий. Случайный характер этих действий и обстоятельств приводит к появлению различных траекторий и предполагает множество результатов модернизации, иными словами, множество современностей.

Я придерживаюсь последней из двух названных точек зрения и в данной статье постараюсь применить к анализу модернизации свою общую теорию социального становления, изложенную в двух работах 1990-х гг.: в монографии издательства Polity Press, Cambridge (Штомпка, 1991) и в учебнике по социологии социальных изменений издательства Blackwell, Oxford (Штомпка, 1993), который вышел также на китайском языке и перевод которого осуществил профессор Линь Цзюйжэнь (Штомпка, 2011). Эта самая общая модель социального становления содержит некоторые выводы, которые были прямо или косвенно сформулированы в многочисленных трудах по модернизации. В данном случае я предлагаю собрать их вместе и представить комплексную картину в 10 тезисах по модернизации. Каждому из них могла бы быть посвящена отдельная статья, но в рамках имеющегося пространства я представлю только список, своего рода программу действий для будущих исследований.

Тезис 1. Модернизация – это особый способ реализации социального становления. Таким образом, источник вдохновения для теории модернизации можно найти в одном из важнейших высказываний в истории социологии: «Люди сами делают

свою историю, но они ее делают не так, как им вздумается, при обстоятельствах, которые не сами они выбрали, а которые непосредственно имеются налицо, даны им и перешли от прошлого». Полагаю, вы узнали автора: Карл Маркс. Применительно к модернизации, «создание истории» означает, что этот процесс происходит под воздействием преобразующего потенциала человеческой деятельности, понимаемого как комплексная сила, приписываемая обществу в целом. Такой преобразующий потенциал возникает в результате сочетания трех факторов:

а) Качество акторов, их способности (например: ориентированные на современность мотивации, стремления, убеждения, знания). Алекс Инкелес и Дэвид Смит (1974) составили идеальный тип современной личности, являющийся предпосылкой для возникновения модернизационных действий. Они называют такие качества, как готовность к новому опыту, открытость и толерантность в отношении множества мнений и взглядов, обращение с временем как с ценным ресурсом, планирование будущего, оптимизм и активная жизненная позиция. Главными условиями для становления такого типа личности являются социализация и образование.

б) Структурные обстоятельства, открывающие возможности для модернизационных действий (например, уровень развития технологий, экономический уклад, культурные ценности и нормы). В этом случае главными условиями для формирования промодернистских структур являются институциональные реформы и дальновидная политика.

в) Унаследованная от предков форма общества, созданная ими на ранних стадиях совокупного социального становления. Здесь главным условием является уважение, поддержание и сохранение исконной традиции.

Сочетание этих трех факторов ускоряет или замедляет модернизацию, решения, которые принимают акторы — индивидуальные, коллективные и властные. Это приводит к возникновению разнообразных путей модернизации и ее многочисленных результатов.

Тезис 2. Модернизация одна или их множество? Все три компонента (составляющие) модели: (а) личности членов общества, (б) экономические, политические и культурные институты и (в) унаследованные традиции — зависят от обстоятельств и могут меняться. Поэтому идея о множественных современностях, разработанная и обоснованная такими учеными, как Шмуэль Эйзенштадт (2003), Бьорн Витрок (2000), Йохан Арнасон (2000) и другие, явно вытекает из модели социального становления. Она ведет к релятивизации модернизационных процессов, где так называемая Западная (или Евро-Американская) современность оказывается лишь одной из исторических траекторий и результатов процесса модернизации. Этноцентризм ранних теоретиков модернизации, таких как Толкотт Парсонс (1966), Дэниел Лернер (1958), Марион Леви (1966), исключается логикой нашей модели.

Тезис 3. Является ли влияние многочисленных современностей равнозначным или некоторые из них доминируют? Как отмечают Роланд Робертсон (1992), Мануэль Кастельс (1996–1998) и многие другие ученые, корректирующим фактором является процесс глобализации, который позволил влиянию современности Запада проникнуть в другие части мира благодаря господствующей, экспансионистской силе — экономической, политической, военной, культурной — ведущих центров модернизации и распространения технических инноваций, массовой культуры и потребления. Но эпоха завоеваний и колониализма с навязываемой вестернизацией

осталась в прошлом. Кроме как в своем собственном, изначальном цивилизационном пространстве, современность Запада больше нигде не принимается полностью, а только выборочно. В эпоху глобализации происходит объединение многочисленных видов модернизации.

Тезис 4. Разве такое доминирование и такая гегемония не ведут к униформизации, гомогенизации модернизационных процессов (легендарная макдольнадизация (Ритцер, 2004), опровергая идею о многочисленных современностях? Нет, поскольку современность — это многомерное состояние: экономическое, политическое, культурное, религиозное, умственное, в котором различные измерения могут образовывать множественные конфигурации и трансформации. И глобализация, и навязанная гомогенизация, наряду с Западным синдромом «капитализм плюс демократия плюс индивидуализм плюс секуляризация», вызывают ответную защитную реакцию, направленную на сохранение самобытной формы модернизации, отвечающей местным традициям и условиям, при которой принимаются лишь некоторые элементы современности Запада. Ульф Ханнерц в своих работах рассматривал подобные альтернативные сценарии глобализации и модернизации, называя их гибридизацией, креолизацией или взаимной адаптацией (Ханнерц, 1996). Отличительной чертой модернизации должен быть открытый и расширенный диалог с другими видами модернизации.

Тезис 5. Но если существует множество траекторий модернизации, как понять, что в конкретном случае мы наблюдаем подлинную, истинную модернизацию? Есть ли какой-нибудь общий знаменатель, какие-либо универсальные критерии модернизации? Это, возможно, самый трудный вопрос, на который нельзя ответить, опираясь только на факты. Необходимо

привлечь различные суждения и идеологические убеждения, обратиться к философской антропологии и этике.

Для меня модернизация сама по себе не является ни ценностью, ни целью, но средством, инструментом для того, чтобы сделать больше людей счастливыми, обеспечить им полноценную и достойную жизнь. То есть это означает доступ все большего количества членов общества к расширяющимся возможностям реализации человеческого потенциала.

Я придерживаюсь романтических и оптимистичных, а не циничных и пессимистичных взглядов на личность человека. Я считаю, что в человеке есть три важнейших потенциала: (а) творчество, изобретательность, способность создавать что-то новое, (б) разум и рефлексивность, (в) коллективизм, крепкие, приносящие удовлетворение духовные связи с другими людьми: доверие, верность, взаимопонимание и сплоченность. Подобные точки зрения высказывают и другие авторы, например, Эрих Фромм, противопоставляя бытие и обладание (1979), Ральф Дарендорф, изучая жизненные шансы, назвав их сочетанием «опций и лигатур» (1979), Норберт Элиас, подчеркивая цивилизованность, мягкость, уважение к достоинству других в повседневном общении (2000 [1939]).

Тезис 6. Всегда ли необходимо реализовывать естественные стремления человека? Нет, потому что, согласно модели социального становления, необходимо наличие благоприятных обстоятельств, мобилизующих людей для модернизации.

Существует несколько предпосылок для самореализации человека, три из которых, на мой взгляд, самые важные: (а) определенный уровень технического и экономического развития, обеспечивающий комфорт и благополучие; (б) общедоступное образование, включающее формирование этических и эстетических взглядов и обеспечивающее людей тем, что я называю

«цивилизационной компетенцией», т.е. навыками, необходимыми для эффективного использования технических, экономических и культурных возможностей, которые предлагает модернизация (Штомпка, 1993а); (в) учреждения культуры, которые обеспечивают доступ к высшим формам искусства и культуры, повышая восприимчивость и обогащая опыт. Ни одна из этих предпосылок не возникает спонтанно, они требуют политического видения, политической воли, эффективной реализации. Создание структурного и институционального поля, позволяющего людям в полной мере реализовать свой потенциал, — это задача для просвещенного руководства, поддерживающего и развивающего проект модернизации. Модернизация должна включать в себя реформы сверху, а также мобилизацию людей. Похожие наблюдения можно найти в работах таких ученых, как Чарльз Тилли (1978), Майер Зальд и Джон Маккарти (1988), Алдон Моррис (1992) и др., которые выдвигали «теорию мобилизации ресурсов» общественных движений.

Тезис 7. Означает ли модернизация полное социальное изменение и абсолютную новизну? Нет, модернизация должна быть связана с традицией данного общества, его уникальной социальной памятью, культурным наследием, религиозными или идеологическими убеждениями. Они предоставляют интеллектуальные и духовные ресурсы для модернизационных действий как для властей, использующих опыт и мудрость поколений для проведения рациональной реформы, так и для народа, который в укорененной и неразрывной связи с прошлым находит защищенность бытия во времена хаоса и перемен. Важность традиции подчеркивали в своих работах Эдвард Шилз (1981) и Шмуэль Эйзенштадт (2003). Оптимальный ход модернизации — это исторически и культурно обусловленная смесь инноваций, новшеств с социальной памятью и традицией.

Тезис 8. Является ли модернизация синонимом прогресса, приводя только к благоприятным изменениям, к совершенствованию общества и улучшению положения человека внутри общества? Ответ — нет. Фетишизация современности — это ошибка. Наш мир устроен таким образом, что любое благо имеет свою цену, влечет за собой некоторые затраты. Как гласит известная поговорка: «За все надо платить».

Среди бесспорно прогрессивных достижений модернизации можно отметить следующие: увеличение продолжительности жизни, улучшение комфорта и гигиены, появление технических изобретений, делающих жизнь легче и интереснее, увеличение общественного капитала, повышение уровня образования и информированности и т.д.

Но еще классические теоретики современности знали о побочных эффектах, дисфункциях и тяготах модернизации. Маркс говорил об отчуждении (Оллман, 1975), Дюркгейм — об аномии (1972), Вебер — о стальном панцире капитализма, Тённис — об утраченной общности (2001 [1926]), Зиммель — о гипертрофии стимулов и впечатлений в городской жизни (2009), Ортега-и-Гассет — о деградации массовой культуры (1993), Юрген Хабермас — о колонизации жизненного мира бюрократическими системами (1989). Более поздние писатели, а также лидеры общественных движений поднимали темы войны и геноцида, говорили о биче терроризма, разрушения экологии, истощения природных ресурсов, загрязнения, изменения климата. Все это составляет конкретные отрицательные последствия исторически обусловленных путей модернизации, и при любых оценках успешности модернизации необходимо всегда учитывать амбивалентный баланс функций и дисфункций.

Но на более общем уровне модернизация как таковая означает комплексное, стремительное и часто неожиданное социальное изменение. Фетишизация изменения, убеждение в том, что изменение — это само по себе благо, является ошибочным; изменение бывает прогрессивным часто, но не обязательно, и оно тоже влечет затраты. И здесь тоже необходимо учитывать амбивалентный баланс. В отношении негативных последствий такого изменения мы с коллегами Джеффри Александером и др. (Александер, Айерман, Гизен, Смелзер и Штомпка, 2004) предложили понятие «травма», в частности «культурная травма». Под этим мы понимаем болезненный опыт разрушительных социальных изменений, вызванных нарушением преобладающих, установившихся порядков, привычного течения жизни, стратегий адаптации, усвоенных от предыдущих поколений, устоявшихся убеждений и правил, пересмотром дорогих воспоминаний. На культурном уровне такая травма может широко распространиться, достигая статуса всеобщего и ограничивающего «социального факта *sui generis*» в том значении, которое придает этому понятию Эмиль Дюркгейм (1964), и фактически парализуя активность. Травмы модернизации кажутся обычным явлением в современном обществе, возможно, менее стабильном, чем предыдущие, охваченные изменчивостью и ускоренными изменениями, некоторые из которых — революционного масштаба. Следовательно, новый вызов заключается в том, чтобы не только осуществить модернизацию, но и смягчить травмы от модернизации и эффективно справиться с ними.

Тезис 9. Является ли ход модернизации ровным и постепенным? С позиций эволюционизма и девелопментализма Огюста Конта и Герберта Спенсера, а также всех сторонников последовательных стадий развития ответ был бы утвердительным.

Для них общества движутся словно по одному и тому же эскалатору, с одинаковой скоростью, по одному и тому же пути и постоянно вверх, подгоняемые постоянным импульсом к структурной и функциональной дифференциации. Но с позиции социального становления ответ отрицательный.

Испытывая прямое или косвенное влияние диалектики и революционной логики изменений, восходящей к воззрениям Гегеля и Маркса, картина модернизации включает противоречия, конфликты и борьбу, что приводит к случайным, изменчивым путям и результатам. Причина этого заключается в том, что человеческое общество никогда не бывает однородным, оно всегда разделено на группы по различным интересам, стремлениям, знаниям и идеологиям. Следовательно, значимым становится вопрос «современность для кого?». Так уж заведено, что блага современности – экономические, политические или культурные продукты – никогда не распределяются равномерно. Они удовлетворяют интересы и потребности некоторых групп, например элиты, участвующей в процессе модернизации, среднего класса, специалистов, в то время как затраты на изменения, различного рода утраты и травмы и в целом «все плохое» ложится бременем на другие группы, например неквалифицированных работников, крестьян, жителей бедных сельских районов. Модернизация также может искоренить почитаемые традиционные идеи, религиозные воззрения, обычаи, жизненный уклад и провоцировать столкновения на этом уровне. Следовательно, модернизации часто приходится бороться с традицией, что становится центром конфликта, который может привести к стагнации, кризису, негативной обратной реакции или даже, если использовать понятие, сформулированное Эдвардом Тириакианом, пролонгированной дедиф-

ференциации (1976). Шмуэль Эйзенштадт, особо подчеркивая управляемую конфликтами и постоянно соперничающую природу модернизации, обобщает свой анализ высказыванием польского философа Лешека Колаковского, который говорит о том, что «модернизация» (у Колаковского: «современность», это в названии его книги) находится «на нескончаемом суде» (Эйзенштадт, 2003).

Тезис 10. Можно ли предсказать, каким станет будущее модернизации исходя из тенденций настоящего времени, или мы скорее можем ожидать каких-либо качественных изменений? Принимая во внимание сложность диалектики модернизации, возможно ли вообще предсказать будущее? Наследие эволюционистского или девелопменталистского подхода, с его тяготением к предсказаниям, пользовалось влиянием в период расцвета футурологии, в разнообразных теориях постиндустриального общества или в сближении систем. В противоположность этому теория социального становления подразумевает активистскую и диалектическую картину без конкретных перспектив на будущее. Предвидеть, куда приведет свободный, открытый процесс модернизации, представляется невозможным. Но с некоторой долей вероятности и риска, можно позволить себе, вслед за Рональдом Инглхарт, предположить наступление главного культурного и идеологического поворота от сосредоточенности в настоящее время на материальных ценностях и ценностях, необходимых для выживания, таких как экономическое благополучие, гедонистические принципы, к более возвышенным, духовным потребностям или к «ценностям постматериализма», таким как гармония с природой, здоровье и здоровый образ жизни, мир и безопасность, эстетическая восприимчивость и т.д. (Инглхарт и Вельцель, 2005).

Бесспорно, условиями для доминирования таких ценностей являются непрерывный экономический рост и удовлетворение основных насущных потребностей большей части населения. Мы еще далеки от этого, и совсем не ясно, можно ли вообще этого достичь. Но похожие догадки или, может быть, мечты о новом, более высоком уровне потребностей и ценностей высказывались многочисленными учеными из совершенно разных областей знаний или совершенно разных теоретических направлений, такими как, например, психолог Абрахам Маслоу с его иерархией человеческих потребностей (1968), культурный антрополог Бронислав Малиновский с его последовательностью необходимых общественных функций (1969), социолог Питирим Сорокин в своей циклической теории с предсказанием следующей идеалистической эпохи после долгого господства гедонистического материализма (1937).

Возможно, всего лишь возможно, что такое сходство взглядов даст надежду на

то, что дальнейшая модернизация человеческого общества не будет означать лишь дальнейшее увеличение количества автомобилей, разрастание городов и строительство все более шикарных торговых центров. Она не будет означать, что пляжи станут еще более переполненными, компьютеры и самолеты станут еще быстрее, в фотоаппаратах будет все больше пикселей, а в мобильных телефонах – приложений; что рок-концерты станут еще громче, а телепередачи – интереснее. Может быть, модернизация будет означать нечто более серьезное.

Но теория социального становления подразумевает, что одних надежд мало. Чтобы воплотить их в реальность, необходимо действовать и бороться. Как заметил Антонио Грамши, в общественном мире предсказывать – значит действовать для того, чтобы это предсказание воплотить (1988). Возможно, что следующая фаза модернизации будет свидетелем конфликтов и споров о своем собственном глубинном гуманистическом значении.

Литература

1. Alexander, Jeffrey, Eyerman Ron, Giesen Bernhard, Smelser Neil, Sztompka Piotr, 2004 *Cultural Trauma and Collective Identity*, Berkeley: California University Press.
2. Arnason, Johan P., 2000, "Communism and modernity" in: *Daedalus*, winter 2000, pp. 61-90.
3. Castells, Manuel, 1996-98, *The Information Age*, Vols. I, II and III, Oxford: Blackwell.
4. Dahrendorf, Ralf, 1979, *Life Chances*, Chicago: University of Chicago Press.
5. Durkheim, Emile, 1964, *The Rules of Sociological Method*, New York: Free Press.
6. Durkheim, Emile, 1972, *Selected Writings*, ed. by A. Giddens, Cambridge: Cambridge University Press.
7. Eisenstadt, Shmuel N., 2003, *Comparative Civilizations and Multiple Modernities*, Vols. I and II, Leiden: Brill.
8. Elias, Norbert, 2000 [1939], *The Civilizing Process*, Oxford: Blackwell.
9. Fromm, Erich, 1979, *To Have or to Be?*, London: Sphere Books.
10. Gramsci, Antonio, 1988, *Antonio Gramsci: The Reader*, ed. by David Forgacs, New York: Schocken Books.
11. Habermas, Jurgen, 1989, *On Society and Politics*, ed. by Steven Seidman, Boston: Beacon Press.
12. Hannerz, Ulf, 1996, *Transnational Connections*, London: Routledge.
13. Inglehart, Ronald and Welzel, Christian 2005, *Modernization, Cultural Change and Democracy*, Cambridge: Cambridge University Press.
14. Inkeles, Alex and Smith D. 1974, *Becoming Modern*, Cambridge Mass.: Harvard University Press.
15. Lerner, Daniel 1958, *The Passing of Traditional Society*, Glencoe: Free Press.
16. Levy, Marion, 1966, *Modernization and the Structure of Societies*, Princeton: Princeton University Press.

17. Malinowski, Bronislaw, 1969, *A Scientific Theory of Culture and Other Essays*, New York: Oxford University Press.
18. Marx, Karl and Engels, Friedrich 1968, *Selected Works*, Moscow: Progress Publishers.
19. Marx, Karl, 1964, *Selected Writings*, ed. by Tom Bottomore, New York: McGraw Hill.
20. Maslow, Abraham A., 1968, *Toward a Psychology of Being*, New York: Van Nostrand.
21. Morris, Aldon (ed.), 1992, *Frontiers in Social Movement Theories*, New Haven: Yale University Press.
22. Ollman, Bertell, 1975, *Alienation: Marx's Conception of Man in Capitalist Society*, Cambridge: Cambridge University Press.
23. Ortega y Gasset, Jose, 1993, *Revolt of the Masses*, New York: Norton.
24. Parsons, Talcott, 1966, *Societies: Evolutionary and Comparative Perspectives*, Englewood Cliffs: Prentice Hall.
25. Ritzer, George, 2004, *The MacDonaldisation of Society*, Thousand Oaks: Pine Forge Press.
26. Robertson, Roland, 1992, *Globalisation: Social Theory and Global Culture*, London: Sage.
27. Shils, Edward, 1981, *Tradition*, Chicago: University of Chicago Press.
28. Simmel, Georg, 2009, *Sociology: Inquiries into the Construction of Social Forms*, Leiden: Brill.
29. Sorokin, Pitirim, 1937, *Social and Cultural Dynamics*, vols. I-IV, New York: American Book Company.
30. Sztompka, Piotr 1991, *Society in Action: The Theory of Social Becoming*, Cambridge: Polity Press.
31. Sztompka, Piotr 1993, *Sociology of Social Change*, Oxford: Blackwell.
32. Sztompka, Piotr, 1993a, "Civilisational Incompetence", in: *Zeitschrift für Soziologie*, No.2, pp. 85-95.
33. Sztompka, Piotr, 2011, the Chinese edition of *The Sociology of Social Change*, translated by Lin Juren, Beijing: Beijing University Press.
34. Tilly, Charles 1978, *From Mobilization to Revolution*, Reading: Addison-Wesley.
35. Tiryakian, Edward, "On the significance of de-differentiation", in: S.N. Eisenstadt and H.J. Helle (eds.), *Macro-sociological Theory*, Beverly Hills: Sage, pp. 118-34.
36. Toennies, Ferdinand, 2001 [1926], *Community and Civil Society*, Cambridge: Cambridge University Press.
37. Weber, Max 1947, *The Theory of Social and Economic Organization*, London: Routledge.
38. Wittrock, Bjoern, 2000, "Modernity: One, None or Many?", in: *Daedalus*, winter 2000, pp. 31-60.
39. Zald, Mayer and Mc Carthy, John, 1988, *The Dynamics of Social Movements*, Lanham: University Press of America.

УДК 314.15(470)

ББК 60.74(2Рос)

© Римашевская Н.М.

Три предложения по совершенствованию демографической и семейной политики *

В статье изложены причины низкого уровня рождаемости в России. Показано, что снижение интенсивности рождений вызвано изменениями демографического поведения, обусловленными сексуальной революцией, значительной дифференциацией населения по уровню доходов – бедностью и низкой обеспеченностью семей с детьми, снижением репродуктивного здоровья и репродуктивного потенциала. Вместе с тем смертность населения в России сопоставима с аналогичным показателем развивающихся стран; разница между предполагаемой продолжительностью жизни женщин и мужчин составляет 12 лет, но в течение жизненного цикла женщины чаще болеют, что значительно повышает риск инвалидизации к концу трудовой деятельности. В связи с этим предлагается усовершенствовать практику материнского/семейного капитала, ввести систему, обеспечивающую полноценное питание для беременных женщин, сохранить возраст выхода на пенсию для женщин.

Демографическая политика, материнский капитал, возраст выхода на пенсию, здоровье детей.

**Наталья Михайловна
РИМАШЕВСКАЯ**

доктор экономических наук, член-корреспондент РАН, Советник РАН, заслуженный деятель науки РФ, Почетный директор Института социально-экономических проблем народонаселения РАН

В последнее десятилетие в России наметились положительные сдвиги в динамике демографических показателей. Снизились коэффициенты общей и младенческой смертности, смертности населения в трудоспособном возрасте, заметно увеличились общий и суммарный коэффициенты рождаемости (табл. 1).

В 2012 г. линии рождаемости и смертности сомкнулись, с 2008 г. численность населения России прекратила снижаться. Однако следует учесть, что в последние два года увеличился миграционный приток (с 13 на 10 тыс. населения в 2010 г. до 21 – в 2012 г.), а нетто-коэффициент воспроизводства не превысил единицу, что говорит

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ, грант 11-02-00200а «Качество подрастающего поколения как основа модернизации современного российского общества: обостряющиеся проблемы, пути и направления их решения».

Таблица 1. Динамика основных показателей демографического развития России

Показатель	Год								
	2000	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Общий коэффициент рождаемости, на 1000 человек населения	8,7	10,2	10,4	11,3	12,1	12,4	12,5	12,6	13,3
Суммарный коэффициент рождаемости, ед.	1,20	1,29	1,30	1,41	1,49	1,54	1,57	1,58	1,69
Брутто-коэффициент воспроизводства населения, ед.	0,583	0,628	0,632	0,686	0,729	0,752	0,766	0,771	0,825
Нетто-коэффициент воспроизводства населения, ед.	0,561	0,611	0,618	0,670	0,713	0,732	0,745	0,752	н.д.
Общий коэффициент смертности	15,3	16,1	15,2	14,6	14,6	14,2	14,2	13,5	13,3
Коэффициент младенческой смертности	15,3	11	10,2	9,4	8,5	8,1	7,5	7,4	8,7
Коэффициент миграционного прироста, на 10 тыс. человек	25	9	11	18	18	18	13	22	21
Прирост общей численности населения, в % к предыдущему году	-	-	99,6	99,7	100,4	100,0	100,0	100,1	100,2
Источники: Демографический ежегодник Российской Федерации.									

об истинном положении дел: естественная убыль российского населения, пусть в меньших масштабах, но сохраняется.

Российские особенности снижения рождаемости были обусловлены характером социально-экономических преобразований, произошедших за последние 20 лет.

Среди наиболее существенных моментов отметим следующие:

1. Падение репродуктивного здоровья [6] и распространение бесплодия;

2. Ухудшение здоровья новорожденных (40% детей больны, что приводит к «социальной воронке»), в результате каждое последующее поколение менее здорово, чем родительское.

3. В конце 1980-х – начале 1990-х гг. в России произошла сексуальная революция, следствием которой стало: снижение легитимной брачности, рост разводимости и увеличение числа гражданских браков; уменьшение потребности в детях как социальной ценности и возникновение «чайлдфри»; конкуренция ценности детей с карьерными ценностями в условиях модернизации.

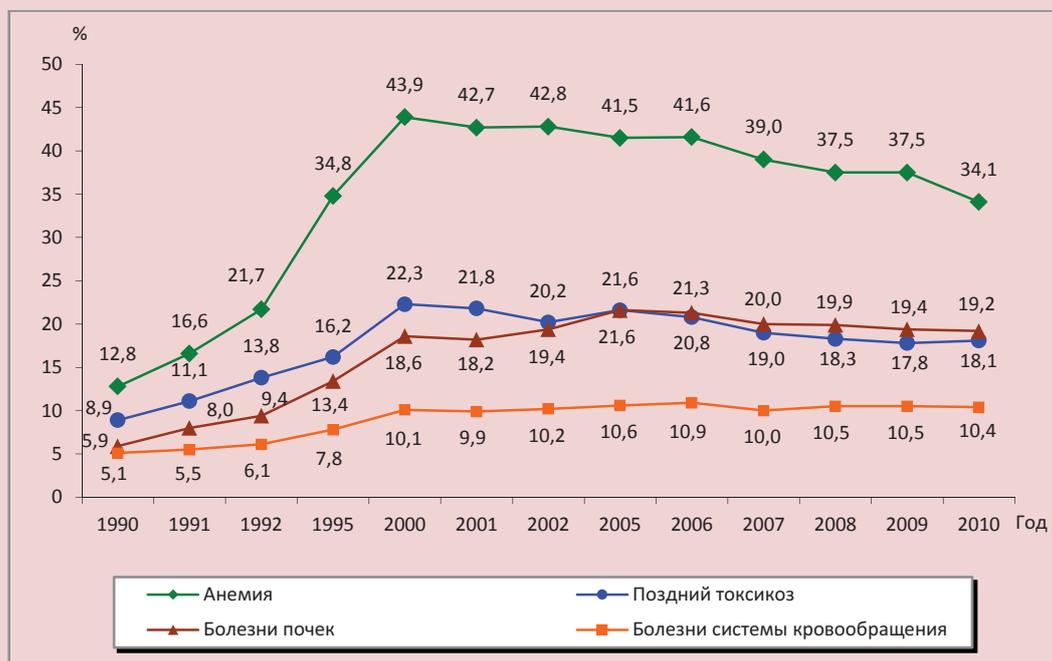
4. Бедность и низкая обеспеченность населения, особенно семей с детьми (около 40% детей рождаются в семьях с доходом ниже прожиточного минимума).

Причинами падения репродуктивного здоровья россиян являются: рост числа заболеваний, влияющих на репродуктивные функции, особенно болезней эндокринной системы, которые с 1992 по 2012 г. увеличились в 2 раза, а у подростков – в 3,5 раза; рост случаев беременностей у несовершеннолетних, случаев заболеваний ВИЧ у женщин; низкий уровень здоровья беременных – около 40% страдают анемией; менее 30% имеют нормальные роды (*рисунок*).

Здоровье беременных зависит от комплекса социально-экономических факторов. Исследования показывают, что в их основе лежит материальная обеспеченность населения, масштабы бедности и социальной поляризации:

- 10% работающих получают заработок ниже прожиточного минимума;
- более 40% работников не могут обеспечить своим заработком себя и своего ребенка на уровне не ниже прожиточного минимума;

Здоровье беременных женщин (в % к числу закончивших беременность)

- вопреки утверждениям официальной статистики, доля семей за границей бедности составляет более 30%;

- социальная поляризация продолжает возрастать, коэффициент фондов в России в целом в 2012 г. составлял 1:17;

- минимальная оплата труда в 5–7 раз ниже, чем в Европе, и в 10 раз ниже, чем в США.

Глубокие социальные различия привели к тому, что фактически образовалось две России: небольшая по масштабам (3–5% населения), но захватившая основную часть богатств страны в свое распоряжение, и наиболее значительная (35–40%), страдающая в нужде [5]. Особая значимость сложившейся ситуации состоит в том, что напряжение этой проблемы не снижается, а имеет тенденцию к усилению.

Перечисленные факты – следствие перекосов в сфере распределения, поэтому и основные меры должны быть направлены на модернизацию распределительных отношений.

Обращают на себя внимание существенные перемены в matrimониальном поведении – снижение брачности и повышение разводимости, замещение брачности свободным партнерством, перенесение рождения детей на более поздний срок и отказ от них вовсе. Данные изменения увеличивают долю неполных, преимущественно материнских домохозяйств, что ведет к нестабильности семейных структур и в значительной мере ослабляет процессы социализации подрастающего поколения, способствует формированию установок на малолетность [1].

Прогнозные оценки показывают, что репродуктивный потенциал в России к середине XXI века уменьшится. Примерно к 2025 году численность женщин репродуктивного возраста сократится на 5 миллионов. При этом необходимо различать количество (!) рождений и качество родившихся (!). Нельзя ориентироваться только на то, что нужно больше и больше рожать.

Каждое следующее поколение у нас оказывается все менее здоровым, чем предыдущее. Кроме того, анализ показывает, что динамика смертности и динамика здоровья не всегда коррелируют между собой (снижение младенческой смертности не характеризует улучшения здоровья новорожденных).

В середине первого десятилетия XXI века (2006–2007 гг.) активизировалась демографическая политика в области рождаемости. Был принят комплекс мер по улучшению демографической ситуации: увеличение пособия по беременности и родам, пособия по уходу за ребенком до 1,5 года. Важнейшей мерой стало введение материнского социального капитала – МСК (250 тыс. – 2007 г.; 367 тыс. – 2011 г.). Цель МСК: создание условий, обеспечивающих семьям с детьми достойную жизнь, и это должно повысить рождаемость.

Насколько материнский социальный капитал выполнил эту цель? Да, чуть выросла доля женщин, родивших 2-х детей; уменьшилось число женщин, не родивших ни одного. Нужно отметить, что главное направление использования МСК касалось улучшения жилищных условий (около 90%). Исследования ИСЭПН РАН [2, 4] показывают, что доход этих семей должен быть не ниже прожиточного минимума на человека, для чего необходимо его увеличение в 2 раза. Возвращаясь к оценке достижения целевых задач, отметим, что сдвиги есть, конечно, но с нашей точки зрения эти сдвиги очень малы. И они не решают тех задач, которые сформулированы в целевой установке закона о МСК, и не вселяют надежды на существенное улучшение демографической ситуации.

Кроме того, с 2010 года началось некоторое снижение числа лиц, получивших сертификаты, что связано с тем, что любой комплекс мероприятий, направленных на улучшение жизненных условий населе-

ния, действует некоторый период. Потом население привыкает, и эти меры теряют свой смысл.

Вышесказанное обуславливает необходимость продолжения активной деятельности государства в сфере рождаемости и укрепления здоровья населения. Обобщение основных проблем демографического развития и здоровья позволяет сформулировать *три важнейших предложения* по повышению эффективности социальной и демографической политики, реализация которых сегодня остро необходима с демографической, экономической и политической точек зрения. Это касается практики материнского капитала, улучшения здоровья беременных женщин, изменения пенсионного возраста для женщин.

Первое наше предложение по совершенствованию практики материнского капитала, рассматриваемого в качестве главного экономического инструмента повышения рождаемости:

1. Продлить действие закона до 2025 года, т.е. на период реализации Концепции демографического развития России.
2. Предусмотреть выплату МСК по достижении ребенком возраста одного года, чтобы обеспечить рождаемость третьих и четвертых детей.
3. Изменить характер использования МСК: вместо пенсии матери предусмотреть питание беременных и кормящих, что повлияет на здоровье новорожденных.
4. На порядок увеличить строительство социального жилья с возможным выкупом его за счет МСК.
5. Ввести возможность пользоваться материнским капиталом не только однократно, но и при рождении детей последующих порядков.
6. Выплачивать проценты на пользование материнским (семейным) капиталом.
7. Совершенствовать статистический учет, связанный с процессами воспроизводства населения.

Второе предложение касается формирования системы специального питания для беременных и кормящих женщин подобно тому, что сделано относительно детей в возрасте до 2-х лет, поскольку:

- здоровье беременных падает и растет анемия (маркер беременности);
- увеличивается доля новорожденных больных или болеющих сразу после родов.

В решении данной проблемы есть международный опыт, который следовало бы давно использовать. Так, благодаря функционированию подобной системы в Соединенных штатах Америки снижен показатель младенческой смертности на треть.

Следующее предложение касается возраста выхода на пенсию. Разработан законопроект, давно вносятся предложения о его повышении. В то же время в РФ самый низкий среди европейских стран показа-

тель предполагаемой продолжительности жизни (*табл. 2*). По данным Росстата, ППЖ в среднем по населению РФ в 2010 г. составляет 68,8 года, в 2011 г. – 69,0 года.

В РФ высокая смертность – 13,2 на 1000 чел. населения в 2012 г. В развитых странах – 8 на 1000 чел. населения; в развивающихся – 12 на 1000 чел. населения. По показателю смертности РФ занимает 100-е место среди 180 стран.

Поэтому третье предложение заключается в том, что не следует увеличивать возраст выхода женщин на пенсию, так как это приведет к росту инвалидизации и только увеличит расходы Пенсионного фонда.

Данные выводы обусловлены гендерными особенностями здоровья и долголетия. ППЖ у женщин больше, чем у мужчин, на 10–12 лет, но, несмотря на большую длительность жизни, в течение жизненного цикла текущее здоровье женщин хуже, чем здоровье мужчин (*табл. 3*).

Таблица 2. Предполагаемая продолжительность жизни, лет

Страна	Год							
	2000	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
Австрия	78,03	79,33	79,83	79,98	80,23	80,08	80,38	81,03
Бельгия	77,72	78,98	79,38	79,78	79,68	79,98	80,23	80,49
Германия	77,93	78,93	79,13	79,53	79,74	79,84	79,99	80,74
Испания	78,97	80,17	80,82	80,87	81,18	81,48	81,63	82,33
Италия	79,43	80,58	81,13	81,29	81,39	81,39	81,74	82,09
Великобритания	77,74	79,05	79,25	79,45	79,60	80,05	80,40	80,75
Финляндия	77,47	78,82	79,21	79,26	79,57	79,72	79,87	80,47
Норвегия	78,63	80,04	80,34	80,40	80,59	80,80	81,00	81,30
Россия	65,34	65,47	66,64	67,50	67,85	68,60	68,80	69,00
<i>Страны ЕС</i>	<i>77,10</i>	<i>78,33</i>	<i>78,67</i>	<i>78,89</i>	<i>79,10</i>	<i>79,34</i>	<i>79,63</i>	<i>80,18</i>

Источник: база данных Всемирного банка. – URL: <http://data.worldbank.org/indicator/SP.DYN.LE00.IN>

Таблица 3. Различия в здоровье мужчин и женщин в динамике

Год	Средняя оценка, баллов		Доля хронических больных, %	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
1981	3,81	3,49	22,9	34,6
1989	3,53	3,27	39,2	43,3
1994	3,46	3,15	43,5	55,4
1998	3,3	3,09	55,1	65

Источник: данные исследования «Таганрог», ИСЭПН РАН.

Гендерный парадокс здоровья и долголетия имеет социальные причины. На рынке труда мужчины занимают рабочие места, где больше риск, травматизм, вредные условия; 37% имеют занятость более 40 часов в неделю. Об этом свидетельствует и тот факт, что заболеваемость туберкулезом у мужчин в 2–3 раза выше, а смертность превышает женскую в 6–8 раз.

Вредные привычки также наиболее распространены среди мужчин: табакокурение среди мужчин – 53,6%, а среди женщин – 27,2%; высокое потребление алкоголя – 61,3 и 21,6% соответственно. Суицид у мужчин случается в 6–8 раз

чаще, чем у женщин [3, с. 60-62]. Самоохранительное поведение у мужчин развито слабее [7], они конвертируют свое здоровье в доход. Но нельзя забывать, что женщины, при более слабом здоровье, несут две нагрузки: трудовую и домашнюю.

В заключение еще раз отметим три предложения по повышению эффективности демографической и социальной политики России: усовершенствовать практику МСК с целью усиления его эффективности, накормить беременных и кормящих женщин, не повышать возраст выхода женщин на пенсию.

Литература

1. Дети реформ / ред.-сост. Н.М. Римашевская. – М.: Институт экономических стратегий, 2011. – 304 с.
2. Кирута, А.Я. Неравенство, экономический рост и демография: неисследованные взаимосвязи [Текст] / А.Я. Кирута, А.Ю. Шевяков; Ин-т соц.-эконом. проблем народонаселения РАН. – М.: М-Студио, 2009. – 188 с.
3. Морев, М.В. Социально-экономические и демографические аспекты суицидального поведения [Текст]: монография / М.В. Морев, А.А. Шабунова, К.А. Гулин; под ред. В.А. Ильина. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2010. – 188 с.
4. Римашевская, Н.М. Риски бедности в современной России [Текст] / Н.М. Римашевская // Народонаселение. – 2010. – №2(48). – С. 4-9.
5. Римашевская, Н.М. Человек и реформы: секреты выживания / Н.М. Римашевская. – М., 2003.
6. Шабунова, А.А. Репродуктивное здоровье как фактор качества воспроизводства населения [Текст] / А.А. Шабунова, О.Н. Калачикова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2009. – №3(7). – С. 73-81.
7. Шабунова, А.А. Здоровьесберегающая активность как фактор здоровья: гендерный аспект / А.А. Шабунова, В.Р. Шухатович, П.С. Корчагина // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2013. – №3(27). – С. 123-132.

УДК 330.567.2/.4

ББК 65.05

© Александрова О.А., Ненахова Ю.С.

Возможности населения в сфере образования в меняющемся социально-экономическом контексте*

**Ольга Аркадьевна
АЛЕКСАНДРОВА**

доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник Института социально-экономических проблем народонаселения РАН

**Юлия Сергеевна
НЕНАХОВА**

младший научный сотрудник ИСЭПН РАН

Возможности населения в сфере образования не только индикатор достигнутого социального прогресса, но и фактор, определяющий траекторию дальнейшего развития. Поэтому столь важна информация о доступности качественного образования для жителей России, осуществляющей непростой переход от социализма к капитализму. Реформы в образовании продолжались весь постсоветский период, однако самые принципиальные изменения произошли в последние годы. В статье с опорой на анализ эволюции образовательного законодательства применительно к каждой из ступеней системы образования, а также на данные социологических исследований показан процесс дальнейшего усугубления и институционализации неравенства образовательных возможностей семей с разным доходом и местом жительства. Показано, что в складывающемся социально-экономическом и институциональном контексте существенная часть домохозяйств все более ограничивается в доступе к полноценному

* Публикация подготовлена в рамках проекта РФФИ №13-06-00273 «Трансформация населения России: «Таганрог-два», спустя четверть века».

качественному образованию. Это выводит систему образования из числа эффективных социальных лифтов и усугубляет деградацию человеческого потенциала территорий, консервируя социально-экономическую стагнацию. Преодоление негативных тенденций возможно при пересмотре федеральным центром своего отношения к расходам на социальную сферу как к непроизводительным и, в силу этого, «оптимизируемым» до нижнего предела. Серьезные перемены нужны и в межбюджетных отношениях, прежде всего — прекращение практики перекладывания на регионы непосильных расходных обязательств, когда даже благие идеи, вроде повышения зарплаты учителей, регионы вынуждены реализовывать за счет мер, ведущих к снижению качества образования и наращиванию бюджетной задолженности. При этом средства, необходимые для более продуктивной социальной и региональной политики, государство может изыскать, отказавшись от необоснованно высоких объемов накопления средств от продажи российских энергоресурсов в так называемых резервных фондах.

Образование; региональное развитие; человеческий потенциал; доступность; качество; социальный прогресс; реформа образования; система образования.

Возможности населения в сфере образования, с одной стороны, — значимый индикатор достигнутого социального прогресса, а с другой — предиктор траектории дальнейшего развития. Не случайно проблемы образования всегда находятся в фокусе внимания исследований, посвященных изучению уровня и качества жизни населения того или иного региона. Тем более интересно раскрытие этой темы в рамках лонгитюдного исследования, посвященного изучению жизни населения типичного российского города в течение более чем сорокалетнего периода, одну половину которого страна прожила в условиях социалистической формации, а вторую — в период становления капитализма.

Так, в результате реализации знаменитого проекта «Таганрог»¹, начиная с 1968 года, были получены данные о доступности для населения этого города учреждений образования той или иной ступени, об образовательных стратегиях разных социальных групп — начиная от использования

детских дошкольных учреждений и заканчивая интересом к получению вузовского диплома².

Данные, собранные в советский период, говорили о последовательном расширении доступности образования. Росло число детей, посещавших дошкольные учреждения, что, кстати, свидетельствовало не только о темпах строительства детских садов, но и, косвенно, о росте качества жизни населения, поскольку объяснялось еще и сокращением — в условиях интенсивного жилищного строительства — числа многопоколенных семей. Решение о поступлении в вуз зависело не от имущественных возможностей домохозяйств, а от семейных установок — в частности, прослеживалась тенденция большей ценности высшего образования для семей советской интеллигенции [9].

² Например, в рамках «Таганрога-II» (1986 г.) в главе, посвященной бесплатным и льготным услугам, подробно рассматривались услуги, связанные с воспитанием детей дошкольного возраста, внешкольными занятиями, образованием молодежи и взрослых, и анализировались тенденции, имевшие место за период с предыдущего замера; в рамках «Таганрога — IV» (1996 г.) специальный раздел был посвящен качеству человеческого потенциала, важной составляющей которого являются знания; в рамках «Таганрога — IV, 1998» речь шла, в том числе, о студенческих семьях.

¹ Один из инициаторов и бесменный руководитель проекта — чл.-корр. РАН Н.М. Римашевская.

Радикальные перемены 1990-х годов существенным образом сказались и на образовательных возможностях населения. Информация, собранная в ходе реализации проведенных в эти годы этапов проекта, свидетельствовала о резком снижении доступности дошкольных учреждений — в силу их массового закрытия, а также дополнительного образования для детей — в силу усиления платности внешкольных занятий; о все более «формальном» характере бесплатности среднего образования — в силу необходимости для домохозяйств оплачивать школьный ремонт, учебники, охрану и другие школьные нужды; о резком нарастании платности в системе высшего образования. Следствием подобных перемен в сфере образования становились резкая дифференциация образовательных учреждений, снижение качества высшего образования, рост численности молодежи с девиантным поведением [5].

Десятилетие, прошедшее со времени реализации последнего этапа проекта, характеризуется нарастанием интенсивности и масштабов реформ в сфере образования. Фрагментарная коррекция образовательного законодательства шла все 2000-е годы, самые же принципиальные изменения произошли в последние несколько лет. Вступили в силу новый закон «Об образовании в РФ» (2012 г.) и закон №83-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений» (2010 г.), радикально меняющий порядок финансирования образовательных учреждений; утверждены федеральные государственные образовательные стандарты (ФГОСы); окончательно внедрены ЕГЭ в школах (2009 г.) и ступенчатая болонская модель в вузах. При этом кратко политику в сфере образования в последние годы можно охарактеризо-

вать так: если весь постсоветский период сфера образования неуклонно двигалась в направлении, прямо противоположном задаче выравнивания образовательных возможностей семей с разным доходом и местом жительства, то в 2000-х годах происходило дальнейшее усугубление этого процесса и его последовательная институционализация. Проиллюстрируем это на примере каждой из ступеней системы образования и начнем с дошкольного образования.

Проблема нехватки мест в дошкольных учреждениях, обострившаяся в 2000-х годах в силу некоторого роста рождаемости и притока трудовых мигрантов на фоне нехватки детских садов из-за обвального сокращения их численности в 1990-х годах, в самые последние годы стала решаться, но способами, которые трудно расценить как социальный прогресс. Во-первых, — за счет узаконенного снижения санитарно-гигиенических и иных требований к содержанию детей в дошкольных учреждениях (отказ от отдельных помещений для приема пищи и т.д.), увеличения числа воспитанников на одного воспитателя и других подобных мер, а во-вторых, — за счет стимулирования развития частных детских садов «экономкласса» [6]. Однако в последнем случае обеспечивается лишь присмотр за детьми (причем со снижением планки требований к условиям содержания детей), а важнейшая — образовательная — функция не реализуется, что негативно сказывается на следующем, школьном этапе обучения.

Еще один шаг в сторону ограничения доступности полноценного дошкольного образования сделан в новом законе об образовании (2012 г.): под предлогом разделения двух функций дошкольных учреждений — образовательной (которая по-прежнему провозглашается бесплатной) и присмотра (оплачиваемого родителями) на федеральном уровне упразднена норма, устанавливавшая «потолок» оплаты

за пребывание ребенка в детском саду в условиях резкого роста платы за эту социальную услугу. Теперь подобные решения переданы на усмотрение субъектов федерации с их скудными бюджетными возможностями.

Что касается общего образования, то если в 1990-е – 2000-е годы речь шла в основном об обусловленном хроническим недофинансированием школ ухудшении его качества, то в самые последние годы усиливается и, главное, узаконивается все большая платность самого образования. Теперь речь идет не только об известной практике «поборов» с родителей на те или иные школьные нужды и не об оплате услуг репетиторов для нерадивых учеников или, наоборот, для тех, кто намерен поступать в лучшие вузы, а о восполнении за счет средств домохозяйств скудности гарантированного государством бесплатного сегмента общего образования, иначе говоря, – количества часов, отведенных образовательными стандартами на изучение тех или иных предметов. Произошло это после того, как полномочие разработки и утверждения образовательных стандартов после почти двух десятилетий борьбы оказалось в руках федерального образовательного ведомства.

Попытки перевода школьного образования частично на платную основу предпринимались неоднократно. Еще в 1997–1998 гг. в рамках разработанной правительством образовательной концепции было выдвинуто предложение о введении платности школьного образования в размере 20% от стоимости обучения – под видом оказания дополнительных образовательных услуг. Общественная реакция не позволила тогда реализовать эту идею. Поэтому вновь идея введения частичной оплаты обучения в школах прозвучала в 2004 году, когда министр образования А. Фурсенко предложил на четверть сокра-

тить базисный учебный план – уже под лозунгом сокращения учебной нагрузки (платежеспособным семьям предлагалось «дополнительные» часы оплатить из своих средств, малообеспеченным семьям обещалась субсидия). Протесты образовательного сообщества заставили министра откеститься от подобных идей. Но в 2006 г. такие предложения прозвучали вновь – наряду с идеей т.н. «предшкольного» образования, за которой скрывалась попытка фактической ликвидации права на бесплатное дошкольное образование. Эта атака вновь была отбита, но в качестве компромисса был навязан перевод образовательных учреждений на нормативно-подушевое финансирование [11].

Не говоря уже о явной спорности самой идеи подушевого финансирования, практика свидетельствует о том, что нормативы рассчитываются не в соответствии с реальными потребностями образовательных учреждений, а исходя из того лимита средств, который решено выделить на образование. Более того, с момента перевода школ на подушевое финансирование отмечается снижение и этих мизерных нормативов [3]. В этих условиях школы вынуждены, с одной стороны, запредельно наполнять классы учениками; соглашаться на объединение с другими образовательными учреждениями, часто резко отличающимися по уровню преподавания и контингенту учащихся (в том числе нуждающихся в коррекции здоровья или поведения); сокращать педагогические кадры и вспомогательный персонал (логопеды, психологи и т.п.). А с другой стороны – стараться оказывать как можно больше платных услуг, что дополнительно стимулируется уже упоминавшимся законом №83-ФЗ, а также образовательными стандартами, существенно сокращающими часы на освоение предметов, необходимых для поступления в вуз.

Сегодня эта ситуация дополнительно усугубляется в связи с тем, что на регионы возложено бремя выполнения инаугурационных указов президента, предусматривающих повышение оплаты труда школьных учителей до размера средней зарплаты по экономике региона. Заметим, что в старом законе «Об образовании» (1992 года) уже была норма, предписывавшая платить учителям на уровне не ниже средней зарплаты по промышленности, однако правительство ее попросту игнорировало, а в 2005 году печально знаменитым законом №122-ФЗ от 22 августа 2004 года³ это требование было и вовсе упразднено [7].

Теперь же ввиду острой нехватки и старения педагогических кадров задача повышения зарплаты учителей была сначала зафиксирована в указах президента, а затем закреплена в новом законе об образовании. Однако, как показывают проведенные нами в четырех регионах исследования, решение поставленной федеральным центром задачи достигается в регионах главным образом за счет роста почасовой и внеклассной нагрузки учителей, численности учеников в классе, замораживания ассигнований на ремонт и техническое оснащение школ, повышение квалификации учителей и других «внутренних резервов». И причина этого — в неадекватно низкой величине как в целом подушевого норматива, так и заложенного в него базового оклада (ставки) учителя⁴.

Условия, в которые сегодня поставлена школа, не могут не сказываться на качестве

образования, а также на доступности высшего образования для групп населения, не способных оплатить дополнительные занятия. Так, по мнению опрошенных нами директоров школ, порядка трети учащихся в их населенных пунктах в силу материального положения ограничатся бесплатными уроками⁵; население высказывается еще пессимистичнее: лишь половина опрошенных горожан готова изыскивать средства на оплату образования при существенном расширении платности в этой сфере. И это — в условиях, когда абсолютное большинство директоров школ утверждают, что после перехода на новые ФГОС без обращения к платным услугам в вуз не поступить [4].

Кроме того, для учащихся, не выбравших математический или естественнонаучный профиль, в рамках ФГОС предусмотрены так называемые интегрированные курсы, дающие самые поверхностные знания о фундаментальных науках — «естествознание» вместо отдельных физики, химии, биологии. В таких условиях слишком ранняя профилизация, также предусмотренная образовательными стандартами, препятствует учащимся в дальнейшем, когда они более точно определятся и с призванием, и с потребностями экономики, поступить в соответствующие вузы.

Финансово-экономические условия, в которых в последние годы существуют школы, а также учреждения дополнительного образования для детей, вынуждают их резко сокращать количество бесплатных кружков и секций, дискриминируя малообеспеченных детей еще и с точки зрения возможностей внешкольного досуга и развития.

³ Данный закон стал широко известен как «закон о монетизации льгот». Однако существенные изменения он внес также и в законодательство, регулирующее и иные сферы, в том числе систему образования.

⁴ Полевые исследования проводились летом 2013 г. под эгидой РАНХ и ГС при Президенте РФ. В 4-х регионах, различающихся степенью экономического благополучия, в общей сложности было опрошено 1149 учителей и 37 директоров школ. Подробные результаты исследования будут опубликованы в ближайшем номере журнала «Народонаселение».

⁵ Еще столько же учащихся ограничатся, по мнению директоров, бесплатными уроками из соображений достаточности, притом что население плохо осведомлено о произошедших изменениях в объеме и содержании бесплатного сегмента общего образования.

Теперь кратко коснемся ситуации с начальным и средним профессиональным образованием. Известно, что при относительной доступности вузовского диплома поступление в вуз стало доминирующей стратегией населения. Тем более что и абсолютное большинство работодателей требуют от работника его наличия, хотя при нынешней структуре экономики в большинстве случаев такой диплом нужен работодателю лишь как свидетельство наличия у работника минимального уровня грамотности и культуры, а не сложных специализированных знаний. К вузовской студенческой скамье подвигали молодых людей и имевшиеся у студентов вузов отсрочки от призыва в армию. Определяющим же фактором отсутствия у населения интереса к обучению в учреждениях начального и среднего профессионального образования являлась не востребованность либо низкая оплата труда представителей рабочих профессий. В результате происходило дальнейшее ухудшение контингента учащихся учреждений профтехобразования, готовящих кадры для промышленности и сельского хозяйства, что дополнительно отпугивало от них домохозяйства. Другие факторы низкой популярности подобных учреждений НПО и СПО – обусловленная ситуацией в реальном секторе экономики отсталость их материально-технической базы, ухудшение преподавательского состава и т.п.

С началом кризиса 2008–2009 гг. с высоких трибун стали произноситься слова о развороте экономики в сторону реального сектора и, соответственно, об избыточности выпускников вузов юрико-экономического и менеджериального профиля и, напротив, потребности в квалифицированных рабочих. На региональном уровне стали предприниматься попытки трансформации структуры профтехобразования с целью оснащения учреждений

более современным оборудованием и т.п. Однако экономическая политика, весь постсоветский период делавшая несырьевой сектор промышленности нерентабельным, осталась, по существу, неизменной. Соответственно, не изменились и возможности предприятий этого сектора предлагать зарплату, способную конкурировать с оплатой труда в торговле, услугах и других непроизводительных отраслях и, особенно, с учетом разницы в условиях труда в офисе и на производстве [2]. Более того, недавнее присоединение России к ВТО привело к существенному спаду во многих отраслях промышленности и сельского хозяйства, что не может не сказываться на их кадровых потребностях и возможностях стимулирования труда.

Обратимся теперь к изменениям, имевшим место в системе высшего образования. С начала 1990-х годов вопрос доступности для населения качественного высшего образования становился все более актуальным – в силу чрезвычайного недофинансирования вузов, толкавшего их на путь коммерциализации, и параллельного роста социальной дифференциации. В результате в сфере высшего образования огромная часть населения была вынуждена выбирать «доступность» в ущерб «качеству».

Некоторый сдерживающий эффект в движении к тотальной платности имели нормы, устанавливавшие численность студентов, обучающихся за государственный счет, в общей численности населения (170 студентов на 10 000 населения)⁶, и налагающие запрет на сокращение числа бюджетных мест, имевшегося на момент принятия закона⁷. Однако в 2004 г. уже упоминавшимся законом №122-ФЗ норма,

⁶ Норма Федерального закона «Об образовании» от 10 июля 1992 года №3266-1.

⁷ Норма Федерального закона «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» от 22 августа 1996 года №125.

запрещавшая сокращение бюджетных мест в вузах, была исключена. В результате за три самых «тучных» года (2005–2008) было сокращено порядка 750 тысяч бюджетных мест. Одновременно с этим в законодательство вводились нормы, ведущие к повышению платы за обучение (отмена с 2006 года налоговых льгот для образовательных учреждений).

Другим способом сокращения доступности для населения полноценного высшего образования стало после присоединения России к Болонской Декларации (2003 г.) принудительное (вопреки прописанной в декларации автономности университетов) внедрение в вузах многоступенчатой системы. Продвигавшуюся еще в 1990-х годах, но тогда остановленную парламентом, идею Госкомвуза, согласно которой бакалавры должны были составить порядка 80% всех выпускников вузов, реализовали в законе в 2007 году — доля бюджетных мест в магистратуре составляет лишь 20%. При этом в отличие от европейских стран, где бакалавриат также не дает необходимой глубокой специализации, но есть обширная система дополнительного профессионального образования, в России возможности получения ДПО существенно ограничены, что не может не сказаться на качестве образования тех, кто может позволить себе только бакалавриат. Не случайно российские работодатели предпочитают не принимать на работу бакалавров, а родители, особенно те, кто получил в свое время хорошее образование и знает в нем толк, изо всех сил стремятся предоставить своим детям возможность обязательно учиться в магистратуре [1].

Важное влияние на доступность высшего образования оказывало в 2000-е годы и Министерство обороны. В 2006 году были сокращены отсрочки от призыва, связанные с получением высшего образования, а также отменена отсрочка при повтор-

ном поступлении в вуз — маневр, нередко используемый малообеспеченными студентами (поступить на коммерческое отделение, а затем повторно пытаться поступить на бюджетные места). Кроме того, была отменена отсрочка от армии для учащихся учреждений начального и среднего профессионального образования, что снижает вероятность окончания ими данных образовательных учреждений и, тем более, перехода на более высокую образовательную ступень.

В 2012 году Министерством образования и науки начата кампания по ликвидации так называемых «неэффективных» вузов. Очевидно, что имевшийся в предшествующий период безудержный рост числа негосударственных вузов, а также филиальной сети вузов разной формы собственности и т.п. привел к пагубным последствиям — профанации высшего образования и девальвации вузовского диплома. В то же время критерии «эффективности», используемые образовательным ведомством, далеко не во всем адекватны. Это делает ситуацию с вузами, и особенно расположенными в провинции, весьма неопределенной. Таким образом, под вопрос ставится и сама доступность высшего образования для жителей периферии.

Еще одним важным нововведением, реализованным в сфере образования в последние годы, является введение обязательного для всех выпускников школ ЕГЭ, призванного уравнивать шансы на поступление в вузы детей вне зависимости от имущественного ценза и места жительства. Однако в силу серьезного несовершенства самих контрольно-измерительных материалов и существенного влияния, которое оказывает на итоговый результат коррупция, достижение провозглашенных при введении ЕГЭ целей оказывается под большим вопросом.

Кроме того, наиболее известные вузы получили право на проведение очного дополнительного экзамена, что дополнительно, даже лишь в силу издержек на проезд и проживание во время экзамена, усложняет для малообеспеченных провинциалов возможность поступления.

Наконец, ЕГЭ не снимает тех ограничений доступности столичных вузов, что связаны с непосильной для многих жителей периферии стоимостью жизни в мегаполисах в период обучения. Конечно, малообеспеченные студенты могут подрабатывать, но это неизбежно сказывается на качестве образования. При этом материальная поддержка учащейся молодежи со стороны государства и в 2000-е годы не вернулась к адекватному уровню (напомним, что в 1990-х годах стипендия студента вуза по отношению к прожиточному минимуму сократилась по сравнению с советским периодом в 4 раза, учащегося техникума — в 8 раз, учащегося профтехучилища — в 11 раз). Хотя нормы базовых образовательных законов привязывали размер стипендий к МРОТ (по закону об образовании стипендия учащегося профтехучилища должна была составлять не менее 1/2 МРОТ, а по закону о высшем и послевузовском образовании стипендия студента вуза — не менее двух МРОТ), правительство их не исполняло. А в 2000 году через парламент вообще был проведен закон, устанавливающий размер стипендий в абсолютных цифрах (т.е. без привязки к МРОТ). Тогда же был принят закон, устанавливающий фиксированный, а не увязанный с МРОТ (как было ранее прописано в законе) размер компенсационных выплат на питание, льготный проезд и т.д. для учащихся учреждений НПО и СПО.

Более того, в 2004 г. в рамках уже упоминавшегося закона №122-ФЗ были полностью отменены нормативные акты, предусматривающие выплаты на питание мало-

обеспеченным детям в школах, ПТУ и техникумах, а также льготный проезд на междугородном транспорте для малообеспеченных учащихся. Вся ответственность за материальную поддержку малообеспеченных учащихся нефедеральных образовательных учреждений была переложена на регионы и местное самоуправление. Одновременно из закона об образовании были полностью изъяты нормы, обеспечивающие право студентов вузов на бесплатный проезд к месту учебы и обратно, а также доплаты к стипендиям на питание [8].

Введенные позднее и существующие в настоящий момент социальные стипендии в силу своей не соответствующей реальной стоимости жизни мизерности также не позволяют учащейся молодежи полноценно, не подрабатывая, учиться — тем более, живя вне дома.

Таким образом, анализ тенденций на всех ступенях системы образования позволяет говорить о том, что существенная часть городских домохозяйств в силу невысокого уровня доходов все более ограничивается в доступе к полноценному качественному образованию. Это выводит систему образования из числа эффективных социальных лифтов, что, во-первых, ведет к снижению легитимности существующего социального порядка в глазах существенной части населения, а во-вторых, усугубляет деградацию человеческого потенциала территорий, консервируя социально-экономическую стагнацию.

Преодоление складывающихся негативных тенденций возможно при пересмотре федеральным центром сохраняющегося на протяжении двадцатилетия отношения к расходам на социальную сферу как к непроизводительным и потому, вопреки декларациям, «оптимизируемым» до нижнего предела. Кроме того, высокий уровень кредитной задолженности большинства региональных бюджетов, причем в значи-

тельной степени – перед иностранными и международными кредиторами, требует серьезного пересмотра межбюджетных отношений и, в первую очередь, прекращения практики перекалывания на регионы непосильных для них расходных обязательств. Ресурсы для решения этих проблем

у государства есть: достаточно сказать, что совокупная задолженность региональных бюджетов по результатам 2012 года составила 1,3 трлн. рублей, что практически совпадает с объемом средств от продажи российских энергоресурсов, отправленных в Резервный фонд [10].

Литература

1. Александрова, О.А. Мотивы выбора образовательных стратегий на новом этапе реформы высшей школы / О.А. Александрова // Высшее образование в России. – 2008. – №9.
2. Александрова, О.А. Отраслевая дискриминация как препятствие эгалитарности образования / О.А. Александрова // Социальная функция государства в экономике XXI века: доклады и выступления: материалы конференции на экономическом факультете МГУ / под ред. Г.А. Ахинова, В.В. Елизарова и др. – М.: МАКС Пресс, 2007.
3. Александрова, О.А. Реформа бюджетных учреждений и российская школа: ожидания и прогнозы / О.А. Александрова, Ю.С. Ненахова // материалы Международной научно-практической конференции «Демографические проблемы России: взгляд из прошлого в будущее» (к 300-летию М.В. Ломоносова). – СПб.: Институт социологии, 2011.
4. Александрова, О.А. Человеческий потенциал России и реформа социальной сферы / О.А. Александрова, Ю.С. Ненахова // Народонаселение. – 2012. – №4.
5. Женщина, мужчина, семья в России: последняя треть XX века. Проект «Таганрог» / под ред. Н.М. Римашевской. – М.: ИСЭПН, 2001.
6. План мероприятий «Изменения в отраслях социальной сферы, направленные на повышение эффективности образования и науки», утвержденный Распоряжением Правительства РФ от 30 декабря 2012 года №2620-р [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://government.ru/docs/22263/>.
7. Смолин, О.Н. Новая ситуация в образовательном законодательстве: федеральная и региональная компетенции / О.Н. Смолин // Вопросы образования. – 2005. – №2.
8. Смолин, О.Н. Образование. Политика. Закон: федеральное законодательство как фактор образовательной политики в современной России / О.Н. Смолин. – М.: Культурная революция, 2010.
9. Социально-экономические проблемы народного благосостояния (основные результаты реализации проекта «Таганрог-II» / под ред. Л.А. О니кова, Н.М. Римашевской. – М.: ЦЭМИ АН СССР, 1986.
10. Стенограмма заседания Государственной Думы от 18.09.2013. Отчет Правительства РФ об исполнении федерального бюджета за 2012 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3918/>.
11. Эволюция нормативной базы социальных реформ / под ред. Е.М. Авраамовой. – М.: М-Студио, 2011.

УДК 323.2

ББК 60.5

© Афанасьев Д.В., Гужавина Т.А.

Предпосылки трансформации установок политического недовольства в протестное поведение населения (на материалах ИСЭРТ РАН г. Вологды)

**Дмитрий Владимирович
АФАНАСЬЕВ**

кандидат социологических наук, доцент,
ректор Череповецкого государственного университета
chsu@chsu.ru

**Татьяна Анатольевна
ГУЖАВИНА**

кандидат философских наук, доцент,
ведущий научный сотрудник ИСЭРТ РАН
Labch1@mail.ru

В работе рассматривается недостаточно изученная в отечественной научной литературе проблема трансформации политического недовольства в протестное поведение; анализируются процессы и факторы, способствующие этому. Используются эмпирические данные мониторинга общественного мнения жителей Вологодской области, проведенного Институтом социально-экономического развития территорий Российской академии наук. Представлена новая интегральная модель протеста.

Политическое недовольство, доверие, потенциал протеста, протест, репертуар протеста, модель участия в протесте.

Исследование протестного поведения является сложившейся и хорошо разработанной областью политической социологии. Вместе с тем ряд теоретических аспектов до сих пор не нашли своего общепри-

знанного решения. Наше понимание того, почему люди участвуют в акциях протеста, также еще далеко от полноты. Почему именно данное недовольство приводит к мобилизации, а не другое? Или почему та

же проблема в одном регионе страны приводит к мобилизации, в то время как другие регионы по-прежнему спокойны? Эти вопросы относятся к острому, но слабо представленному в литературе вопросу: процессам, посредством которых в обществе запрос на протест вовлекает факторы, превращающие готовность индивида участвовать в протесте, в фактическое участие. Данная статья, опираясь на эмпирические данные, полученные в ходе многолетних мониторинговых исследований ИСЭРТ РАН (г. Вологда) в Вологодской области, пытается проиллюстрировать имеющиеся проблемы и предложить для их решения комбинацию нескольких теоретических концепций.

Классические определения политического протеста описывают его как форму или способ политического участия индивида. На социетальном уровне, говоря о политическом протесте, мы указываем на коллективное действие, которое пытается изменить отдельное политическое решение, государственную политику или общие отношения между гражданами и государством (политический режим). Таким образом, мы исходим из трактовки политического протеста как совокупности политических практик, осуществляемых индивидуальными или коллективными субъектами в институционализированной или неинституционализированной формах выражения несогласия по отношению к функционирующим политическим субъектам и системам. При изучении участия граждан в политическом протесте мы пытаемся ответить на вопрос: «Что составляет истоки и цели протеста?» и рассматриваем следующие основные проблемы. Почему люди протестуют? Является ли их целью трансформация системы, изменение правил политической игры или изменение конкретного политического курса? В каких формах проявляется их протестное поведение?

Традиционно широкой рамкой для анализа протеста принимается концепция А. Хиршмана, описывающая три возможных способа поведенческой реакции индивида на ситуацию, в которой он находится — лояльность, если ситуация индивида в основном или полностью устраивает, а если ситуация представляется нетерпимой — «голос» (протест) или «уход» (например, эмиграция) [7]. Французский социолог Ги Бажуа добавил четвертый вид возможной поведенческой реакции — апатию, при которой индивид, недовольный текущей ситуацией, не предпринимает никаких действий, чтобы либо изменить текущую ситуацию, либо перейти в другую ситуацию [9].

И если протест («голос») относится к реальному поведению или активному формулированию и выражению несогласия и критики, то недовольство — это более широкое понятие, поскольку захватывает установку индивида, относящуюся к уровню его (не)удовлетворенности в рамках соответствующей политической системы. В этом смысле типология форм протеста, предложенная еще в 1990 г. Г.И. Вайнштейном [2, с. 25], который выделил протест-действие (то, что осуществляется или осуществлено как действие) и протест-настроение (то, что возможно реализуется как действие), подводя различные феномены (установку и поведение) под одно понятие протеста, затрудняет понимание процесса перехода установки в поведение.

Очевидно, такое автоматическое соотнесение двух концепций не случайно, ведь оно ведет к постулированию, что установка недовольства приводит к фактическому выражению несогласия и потому к протесту. Вместе с тем широкий эмпирический материал, относящийся к описанию уровня недовольства, не позволяет нам делать такое утверждение без существенных оговорок, которые ставят такую жесткую и линейную связь под сомнение.

Недовольство, готовность к протесту и реальный протест

Популярным инструментом интегральной оценки социального самочувствия граждан России является Индекс социальных настроений (ИСН)¹. Этот комплексный показатель конструируется как единый вектор взаимосвязанных политических, экономических, общественных оценок и мнений людей. ИСН может быть интерпретирован как интегрированный показатель уровня удовлетворенности/недовольства населения различными аспектами экономической и социально-политической реальности, который определенным образом отражается на реальном политическом и экономическом поведении населения.

Сравнивая имеющиеся данные ВЦИОМа, а также результаты регионального мониторинга, проводимого ИСЭРТ РАН по сопоставимым методикам, мы получаем схожие тенденции. Имеющиеся данные свидетельствуют о значительном падении ИСН за период с 2008 по 2013 г. (рис. 1).

Заметны последствия кризиса, который задел практически всех жителей России. Вологодская область пострадала от кризиса в несколько большей степени, чем многие другие регионы и Россия в целом. Это связано с тем, что решающая часть налоговых поступлений в бюджет региона обеспечивалась предприятиями металлургической промышленности, испытавшей значительный спад производства и не восстановившей до сих пор докризисного уровня [4].

Вместе с тем очевидное ухудшение социального самочувствия, выраженное недовольство не ведет автоматически к росту протестного потенциала населения – готовности участвовать в политических акциях.

Протестные настроения конца 1990-х годов носили более радикальный характер, и они в большей степени ориентированы на насильственные формы. За прошедшие годы склонность к таким видам, как выход на баррикады, участие в забастовках и других аналогичных акциях, снизилась в 3–5

Рисунок 1. Динамика индекса социального настроения в Российской Федерации и в Вологодской области*, пунктов

* Данные по РФ – ВЦИОМ; данные по Вологодской области – ИСЭРТ РАН по методике ВЦИОМ.

¹ Изучение ИСН на территории Вологодской области осуществляется в рамках мониторинга общественных настроений начиная с 1998 года. Опросы проводятся 6 раз в год, выборка составляет 1500 респондентов гг. Вологде и Череповце и 8 районах области. Выборка репрезентативная, квотная. Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Ошибка выборки не превышает 3%.

Таблица 1. Динамика потенциала протеста*, в % от числа опрошенных

Вариант ответа	1998–1999 гг.	2007 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г., июнь
Потенциал протеста	37,3	20,6	19,9	20,2	16,5
Выйду на митинг, демонстрацию	9,4	9,6	10,9	10,3	9,3
Буду участвовать в забастовках, акциях протеста	12,7	5,7	4,7	5,7	3,9
Если надо, возьму оружие, пойду на баррикады	15,3	5,3	4,3	4,2	3,3

* Авторы статьи «Основные тенденции протестных настроений в Вологодской области» К.А. Гулин и И.Н. Дементьева определяют потенциал протеста (протестную группу) как долю респондентов, отвечающих на вопрос «Что Вы готовы предпринять в защиту своих интересов?» следующим образом: «Выйду на митинг, демонстрацию»; «Буду участвовать в забастовках, акциях протеста»; «Если надо, возьму оружие, пойду на баррикады», то есть «протестную группу» составляют люди, отличающиеся определенным эмоциональным настроением, необязательно тождественным активному социальному поведению, но допускающие возможность своего участия в протестных выступлениях подобным способом. См.: Социологические исследования. – 2008. – №11. – Ноябрь. – С. 64-71.
Источник: Данные мониторинга ИСЭРТ РАН.

раз (табл. 1). Жители области явно демонстрируют склонность к ненасильственным формам выражения своего несогласия с политикой властей. В целом потенциал протеста в 2013 г. в регионе более чем в два раза ниже по сравнению с периодом 1998–1999 гг.

Имеет смысл указать на разрыв между явным ростом недовольства, выраженным в падении ИСН после кризиса, и практическим отсутствием динамики протестного потенциала в до- и послекризисный период. Динамика же фактических протестных акций населения области вообще никак не соотносится ни с динамикой недовольства, ни с динамикой протестных настроений. Она скорее говорит о лояльном и апатичном политическом поведении. Это ставит нас перед очевидной исследовательской проблемой: как же связаны политическое недовольство, заявляемая вербально готовность к участию в акциях протеста и уровень реального протеста?

Имеющаяся теоретическая модель, связанная с концепцией недовольства, отличается от моделей протеста, также представленных в литературе. Если протест как поведение может быть рассмотрен в русле работ о политическом участии, то недовольство, как установка, может быть столь же хорошо увязано с концепцией политического отчуждения [13].

А. Миллер определяет недовольство как чувство бессилия и отсутствия норм (две компоненты отчуждения), которое схватывается установкой отсутствия доверия власти, враждебности по отношению к лидерам, институтам и власти в широком смысле или ощущением, что власть не работает для граждан [12, р. 951]. В этом русле исследований традиционно выделяются два аспекта в недовольстве, а измерения осуществляются при помощи концептов политической эффективности (бессилия) и политического (не)доверия или цинизма (отсутствия норм).

В литературе предлагаются также объяснения недовольства. С одной стороны, некоторые исследования подчеркивают связь между базовыми характеристиками (которые выступают как ресурс индивида), такими как возраст, доход, образование, групповая идентификация, и уровнем политической (не)эффективности, при этом более высокий уровень ресурсов связан с более высоким уровнем политической эффективности.

Данные мониторинга населения Вологодской области позволяют подтвердить наличие такой связи (табл. 2).

Кроме того, эти данные позволяют выявить основные характеристики той части населения, которая является носителем протестных настроений.

Таблица 2. Доля лиц с негативными оценками в группах потенциала протеста и среди остальной части населения, %

Потенциал протеста	Остальные	Потенциал протеста	Остальные	Потенциал протеста	Остальные	Потенциал протеста	Остальные	Потенциал протеста	Остальные	Потенциал протеста	Остальные	Потенциал протеста	Остальные
2007	2007	2008	2008	2009	2009	2010	2010	2011	2011	2012	2012	10 мес. 13	10 мес. 13
<i>Доля населения, негативно оценивающего экономическое положение страны</i>													
24,4	12,6	29,2	15,4	50,6	38,5	52,4	26,7	52,8	22,5	45,8	20,4	49,8	24,7
<i>Доля населения, негативно оценивающего экономическое положение области</i>													
24,3	11,6	27,4	15,2	52,3	40,3	55,7	28,7	54,9	24,1	50,8	24,0	59,0	31,2
<i>Доля населения, негативно оценивающего материальное положение семьи</i>													
35,5	18,8	39,7	20,1	47,4	28,6	50,5	28,5	51,0	24,5	48,9	21,9	53,1	22,7
<i>Доля населения с низкой покупательной способностью (денег хватает в лучшем случае на еду)</i>													
40,1	35,1	36,6	29,0	45,0	38,9	48,0	32,7	50,4	29,8	45,7	29,1	52,5	27,6
<i>Доля населения, не одобряющего деятельность Президента РФ</i>													
21,5	8,9	19,3	8,2	33,1	12,9	43,2	12,8	67,5	15,2	63,2	24,9	67,5	21,5
<i>Доля населения, не одобряющего деятельность губернатора</i>													
34,5	19,0	35,2	17,6	41,0	20,9	53,6	20,8	72,8	20,1	63,6	25,7	69,7	25,0
<i>Доля населения с негативной оценкой настроения</i>													
42,8	24,6	39,6	23,7	48,3	24,7	53,8	27,7	52,2	23,2	47,6	21,9	50,7	21,4
Источник: данные мониторинга ИСЭРТ РАН за 2007–2013 гг.													

В этой группе находятся, в частности, люди с низкой оценкой покупательной способности своих доходов («денег хватает только на еду»), с низкой оценкой материального положения своей семьи и, что понятно, с негативной оценкой своего настроения («испытываю напряжение, раздражение, страх, тоску»).

Но большая часть теоретической литературы фокусируется на последствиях политического недовольства для участия. Она основывается на предположении У. Гэмсона («гипотезе Гэмсона») о том, что участие лучше всего объясняется сочетанием **доверия** и **эффективности** (ощущения, что активное действие и возможно, и результативно). Автор утверждает, что среди тех, кто имеет сильное чувство политической эффективности, недоверчивые чаще склонны участвовать, чем доверяющие: «Более конкретно, комбинация высокого чувства политической эффективности и низкого политического дове-

рия является оптимальным сочетанием для мобилизации — убеждение, что влияние и возможно, и необходимо» [12, р. 48]. Основная идея состоит в том, что граждане с низким чувством политической эффективности не будут участвовать в протесте независимо от уровня их доверия, потому что они думают, что их участие не будет иметь никакого эффекта. Среди тех, у кого есть высокое чувство политической эффективности, наиболее доверяющие будут участвовать реже, потому что они уже удовлетворены системой без всякого политического участия. Таким образом, протестное участие должно быть выше у тех, кто сочетает низкий уровень доверия с высоким уровнем чувства политической эффективности.

Концепция политической эффективности вызвала много дискуссий в литературе. Она была впервые выдвинута Э. Кэмпбеллом и др. в книге «Избиратель принимает решение» [14] и была использована,

чтобы объяснить широкое разнообразие способов или модусов политического участия. Для измерения политической эффективности в основном используются четыре пункта опроса, которые разработали Э. Кэмпбелл, Г. Олмонд и С. Верба в исследовательском центре Research Centre Survey (США) в 1964–1965 гг. Однако надежность показателя оказалась небесспорной. После нескольких эмпирических проверок концепция была уточнена выделением двух отдельных аспектов: субъективной компетентности (внутренняя эффективность), с одной стороны, и способности власти реагировать на ожидания и запросы людей («governmental responsiveness») или внешняя эффективность – с другой. Внутренняя эффективность обозначает ощущение человека, что он способен понимать политику и достаточно компетентен, чтобы участвовать в политических действиях, тогда как внешняя эффективность означает убеждение в отзывчивости властей и институтов к требованиям граждан. Это понятие было операционализировано в различных зарубежных исследованиях, но российским исследователям, на наш взгляд, еще только предстоит развести различные аспекты эффективности и доверия, разработать и опробовать пункты, которые могут быть использованы для измерения внутренней и внешней эффективности, а также диффузной и специфической поддержки. Мы считаем, что в российских эмпирических исследованиях, направленных на описание и объяснение политического протеста, пока игнорируются ключевые компоненты, необходимые для оценки вероятности перерастания установок недовольства в протестное поведение, в частности компоненты внешней и внутренней эффективности.

Операционализация концепции политического доверия тоже еще далека от совершенства.

По А. Миллеру, политическое доверие – это «базовая оценочная или аффективная ориентация по отношению к власти» [12, р. 952]. В работе У. Гэмсона доверие понимается как диффузная поддержка системы в соответствии с широко известной классификацией типов поддержки Дэвида Истона [10, р. 437]. Диффузная поддержка (политическое доверие) подразумевает поддержку институтов, в отличие от специфической поддержки, которая соотносится с поддержкой конкретных лиц. Специфическая поддержка подразумевает утилитарные отношения между гражданами и властью, в то время как диффузная поддержка будет более стабильной в течение долгого времени.

Данные мониторинга позволяют проанализировать этот компонент протестного синдрома у жителей Вологодской области.

Очевидно, что наибольшей поддержкой пользуются те структуры, как на федерального, так и регионального уровня, в руках которых реальная власть и материальные ресурсы. Самый низкий уровень доверия со стороны населения области имеют общественные организации и политические партии (табл. 3).

Падение уровня социального доверия можно наблюдать и к государственным, и к общественным структурам, что свидетельствует о наличии деформационных процессов, которые затронули сферу политической жизни. Вологжане не верят в возможность повлиять на деятельность органов власти, а тем самым изменить что-либо в своей жизни к лучшему. Высокий уровень доверия в обществе проявляется только к Президенту, вместе с тем налицо тенденция размывания и этого оплота политического доверия. Наиболее опасно это для региональной власти, поскольку она в этом случае теряет механизмы поддержки, необходимые для осуществления экономической и социальной политики, для обеспечения социальной стабильности в регионе.

Таблица 3. Определите, пожалуйста, своё отношение к действующим в стране общественным структурам и институтам власти (вариант ответа: «доверяю»), % от числа опрошенных*

Вариант ответа	Вологодская область			Российская Федерация		
	2008 г.	2012 г.	2012 г. +/- к 2008 г.	2008 г.	2012 г.	2012 г. +/- к 2008 г.
Президент	65,2	45,7	-19	62,3	49,0	-13
Церковь	51,9	41,4	-11	47,0	53,5	+7
Правительство РФ	60,2	39,6	-20	41,0	36,0	-5
Суд	41,3	36,1	-5	11,7	15,5	+4
Руководство области	48,6	34,6	-14	-	-	-
Прокуратура	40,9	33,9	-7	11,7	15,5	+4
ФСБ	43,8	33,2	-11	-	-	-
Совет Федерации РФ	47,6	32,3	-16	22,7	25,5	+3
Армия	37,8	31,3	-7	43,7	47,5	+4
Государственная Дума	42,0	30,5	-11	17,0	20,0	+3

* В порядке убывания по результатам 2012 г.

Источник: данные ИСПИ РАН (по Российской Федерации), см.: Как живёшь, Россия? [Электронный ресурс]: XXXVII этап социологического мониторинга, декабрь 2013 г. / В.К. Левашов, В.А. Афанасьев, О.П. Новоженина, И.С. Шушпанова; данные мониторинга общественного мнения ИСЭРТ РАН (по Вологодской области).

Важным фактором, на котором базируется доверие, является экономическое благополучие. Экономически благополучные слои населения доверяют тем институтам, которые обеспечивают им это положение. Как показывают результаты анализа состава группы «доверяющих», она вбирает в себя экономически благополучных людей, уверенных в завтрашнем дне, самоидентифицирующих себя как богатых и обеспеченных людей, в основном среднего возраста, преимущественно мужчин, в основном руководителей и специалистов. Фактически эти признаки характеризуют ту социальную группу, которую называют средним классом. Именно средний класс принято считать той социальной силой, которая и формирует гражданское общество [1].

Что касается других слоев населения, теряющих доверие к властным структурам, то это прежде всего «новые бедные» [8]. Это люди, имеющие профессию, высшее или среднее образование, идентифицирующие себя как бедные и нищие, неуверенные в завтрашнем дне.

Помимо институционального (политического) доверия исследователи выдвигают в качестве важного для трансформации

недовольства и протестных настроений в реальный протест фактор обобщенного межличностного доверия. Ведь доверие к абстрактным системам не может заменить значимость для человека персонифицированного доверия, базирующегося на отношениях солидарности, симпатии, дружбы. Этот тип доверия становится для индивида альтернативным выходом в случае столкновения с «синдромом недоверия» (термин известного польского социолога П. Штомпки) к политическому режиму, экономической и общественной системе в целом и ориентирует его на традиционные общности.

Как показывают результаты опросов, около трети респондентов стабильны в своем убеждении, что никому нельзя доверять (табл. 4). И половина респондентов готовы доверять только близким друзьям и родственникам. Полученные данные говорят о сильной ориентации большинства населения области на общности ближайшего общения, и прежде всего на семью. Эти данные в полной мере стоит соотносить с результатами ответов на вопрос о готовности людей к объединению друг с другом по поводу защиты своих интересов (табл. 5 и 6).

Таблица 4. Кому Вы можете доверять?*, % от числа опрошенных

Вариант ответа	Декабрь 2011	Февраль 2013 г.
В наше время никому нельзя доверять	24,7	27,9
Только самым близким друзьям и родственникам	56,7	52,5
Большинству знакомых мне людей можно доверять	16,1	15,2
Доверять нужно всем без исключения	2,5	1,6
* Вопрос задавался в декабре 2011 и в феврале 2013 г. Источник: данные мониторинга ИСЭРТ РАН.		

Таблица 5. Готовы ли Вы объединиться с другими людьми для каких-либо совместных действий для защиты общих интересов?*, % от числа опрошенных

Вариант ответа	2011 г.	2013 г.
Готов и скорее готов	25,2	19,9
Не готов и скорее не готов	25,2	37,1
Затрудняюсь ответить	27,7	37,1
* Вопрос задавался в декабре 2011 и феврале 2013 г. Источник: данные мониторинга ИСЭРТ РАН.		

Таблица 6. Как бы Вы оценили степень Вашего участия в общественной и политической жизни?, % от числа опрошенных

Вариант ответа	2011 г.	Февраль 2013 г.
Активное и скорее активное	27,1	23,0
Пассивное и скорее пассивное	48,3	49,8
Затрудняюсь ответить	24,6	27,2
Источник: данные мониторинга ИСЭРТ РАН.		

Неготовность объединяться, самоизоляция в закрытом мире семьи и друзей — это своего рода индикатор климата общественного недоверия, существующего в региональном сообществе. Дальнейшая деструкция социального капитала (иное понимание доверия), представляющего собой неформальное социальное отношение, основанное на выборе и добровольности, может привести к ослаблению или утрате социальной идентичности.

В рамках поля исследования протеста сети доверия являются наиболее вероятными каналами мобилизации индивидов в протестную деятельность. Очевидная фрагментация элементов данных сетей служит одной из причин неспособности установок недовольства перерасти в коллективное действие.

Вместе с тем следует указать на возникновение в регионе новых типов коммуникационных, а вслед за ними и организационных сетей. Они еще слабо распространены, но уже начинают играть роль новых каналов мобилизации на коллективные действия. Это социальные сети, базирующиеся на технологиях Интернет, прежде всего Facebook, Twitter и ВКонтакте, которые, как показывает мировой и российский опыт, довольно эффективно могут выполнять роль каналов вовлечения в протестную деятельность и трансляции организационных инноваций протеста, расширяя тем самым репертуар протестного движения, используемого различными гражданскими и политическими акторами. По определению американского социолога Чарльза Тилли, протестный репертуар представляет

собой широкий набор средств, используемых участниками для предъявления требований другой стороне [15; р. 18]. По мнению ученого, активизация репертуара находится в зависимости от организационных сетей, а также от обыденных, консервативных практик населения, которые позволяют протестующим обращаться к общему пониманию смыслов и символов, от воздействия режима, от опыта коллективных действий участников и, наконец, имеющихся в массовом сознании определенных критериев справедливости и представлений о собственных правах [15, р. 18]. Репертуар, как правило, вписывает социальное взаимодействие в устойчивые рамки, выступая одновременно как набор стратегий и культурное явление. Ч. Тилли рассматривал репертуары коллективного действия в долгосрочной перспективе, подчеркивая, что изменения в них происходят очень медленно. Он сделал такое утверждение незадолго до того, как социальные сети стали глобальными и массовыми, и, очевидно, недооценил ту скорость диффузии протестных инноваций, которую они делают возможной.

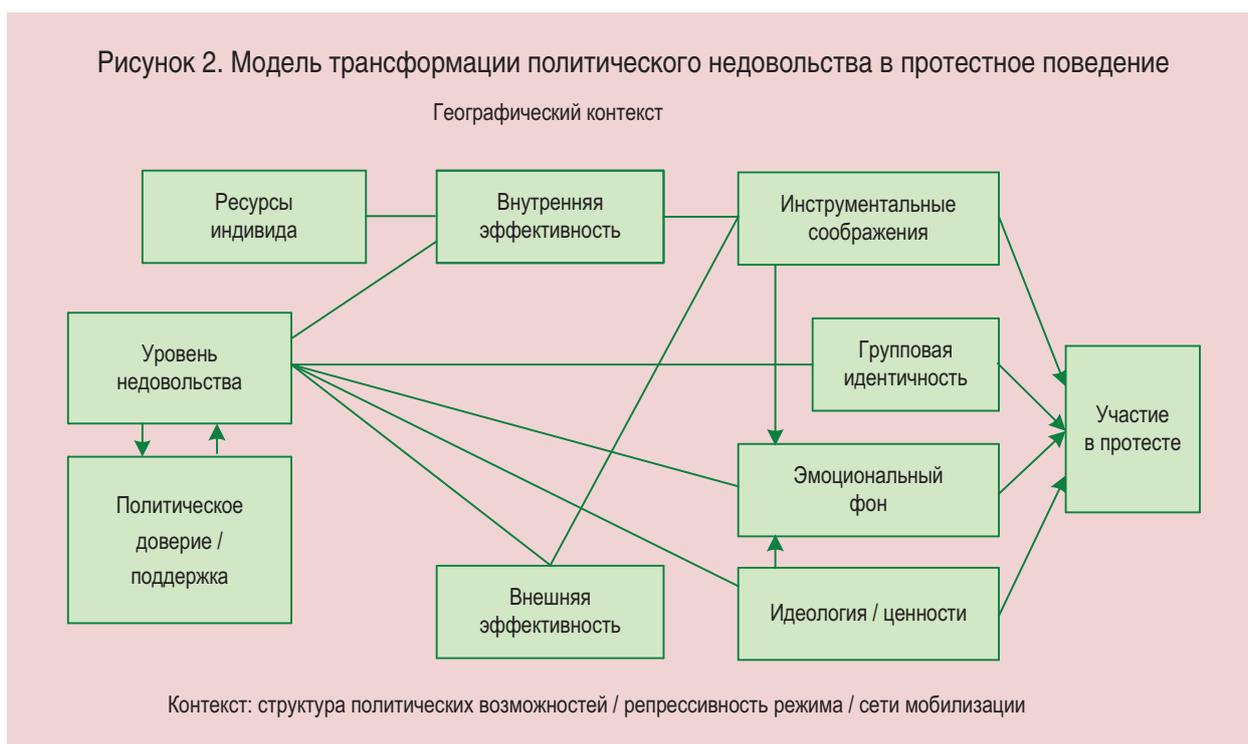
В период с декабря 2011 по осень 2012 года, в ходе «новой» протестной волны, инновационные альтернативные форматы протестного движения, ранее нехарактерные для России, оказались достаточно востребованы. Прежде всего, это флеш-мобы, привлекающие внимание общественности своей необычностью и внезапностью, автопробеги, «народные гуляния», «прогулки писателей и художников». Как отмечает российский социолог А. Зайцева, «многие активисты говорят о неэффективности этих рутинных (традиционных) форм, о том, что нужно постоянно изобретать новые способы привлечения внимания. Сегодня, если акция протеста не была заснята на видео, сфотографирована и немедленно выложена в Интернет, то ее и не было» [3].

Этой цели служит такая популярная международная форма политического протеста, как разбивка палаточного лагеря. Другим примером в России стала акция несистемной российской оппозиции — лагерь «Оккупай Аббай». Очень специфической формой протеста стали акции, проводимые в сети Интернет. Это DDOS и другие хакерские атаки, направленные на сайты политических и общественных организаций, Правительства РФ [6]. Проникновение новых технологий протеста в регионы находится на раннем этапе, однако скорость диффузии инноваций очень велика, и следует ожидать на новом этапе политического развития гораздо более широкого использования этого инструмента политической конфронтации и канала политической мобилизации.

Новые сети доверия отчасти позволяют надеяться на возможность преодоления тупика деструкции доверия и распада традиционных форм коллективности. Благодаря расширению репертуара протестных акций, на наш взгляд, создаются определенные возможности для ориентации характерного для современной России «мягкого авторитаризма» в сторону постепенной демократизации.

Вместе с тем новые технологии обладают и деструктивным потенциалом ввиду возможности их использования для распространения экстремистских антиконституционных взглядов, провокационных слухов, привлечения к насильственным действиям «в реале» и т.п.

Подведем осторожный итог. Несмотря на значительный массив эмпирических данных, относящихся к описанию и объяснению протестного поведения населения Вологодской области (да и всей России), можно предложить интегральную теоретическую модель, увязывающую различные факторы возникновения предпосылок протеста и трансформации этих предпосылок в протест (рис. 2).

В этой связи остаются актуальными в теоретическом и практическом плане вопросы: во-первых, каковы основания для формирования установки недовольства, а во-вторых, какие процессы и факторы приводят к тому, что социально-психологическая установка недовольства трансформируется в реальное протестное поведение (или другую поведенческую реакцию).

Логически мы можем предположить, что среди этих факторов должны быть и факторы социально-психологического порядка, и факторы социального и политического контекста.

К факторам субъективного, социально-психологического порядка относятся *инструментальные* расчеты и соображения, основанные на ощущаемой индивидами способности и возможности достичь целей, участвуя в протестных действиях (то, что описывается концепцией *внутренней и внешней эффективности и ресурсной модели участия*), фактор *групповой идентификации*, фактор *эмоций* (например, *гнева, солидарности, страха, гордости*), наконец, *идеологический* фактор.

Ряд исследователей добавляют к этой группе *политико-культурные* факторы, в частности специфическую систему ценностей, сложившуюся у населения региона. Роль данного фактора в формировании протестного поведения еще предстоит оценить.

Внешний контекст задается характером открытости или закрытости, «мягкости» или репрессивности режима (описываемый *теорией структуры политических возможностей*), наличием и эффективностью сетей (каналов) мобилизации на протестное политическое участие.

Значение имеет *географический контекст*: в мегаполисах, таких как Москва, Санкт-Петербург, где концентрация населения в несколько раз² превышает население некоторых российских регионов, где уровень жизни выше³, где сосредоточены

² Вологодская область, по данным Росстата, насчитывает 1198 тыс. чел. — URL: <http://vologdastat.ru/> (дата обращения: 01.11.2013).

³ Средняя зарплата в Вологодской области составляет 24 104 руб., в Москве — 53 953, в Санкт-Петербурге — 34 104 руб. — URL: <http://www.mojazarplata.ru/main/zarabotok/srednjaja-zarplata/2013> (дата обращения: 02.12.2013).

штаб-квартиры общественных организаций, правительство и парламент страны, социальное напряжение выплескивается наружу быстрее и ярче.

Политический контекст является результатом четырех факторов: это степень доступа к формальной политической структуре, стабильность/нестабильность политических группировок, доступность идеологической позиции потенциальных партнеров по альянсам и политические конфликты между элитами. Политическая возможность, очевидно, представляет собой сложный конструкт с несколькими аспектами, многие из них

специфичные для определенных типов режима. В целом политические возможности являются одновременно фактором ограничения для последовательного перерастания протестного потенциала в фактический протест.

Практической задачей является операционализация всех концептуальных элементов модели, что позволит разработать адекватный инструментарий политико-социологического исследования и осуществить эмпирическую проверку гипотез о взаимосвязи и влиянии факторов протестного поведения для разных социальных групп.

Литература

1. Балабанова, Е.Г. Средний класс как объект исследования российских социологов / Е.Г. Балабанова // Общественные науки и современность. — 2008. — №1. — С. 50-55.
2. Вайнштейн, Г.И. Массовое сознание и социальный протест в условиях современного капитализма / Г.И. Вайнштейн. — М.: Наука, 1990. — 167 с.
3. Зайцева, А. Спектакулярные формы протеста в современной России: между искусством и социальной терапией / А. Зайцева // Неприкосновенный запас. — 2010. — №4(72). — URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2010/4/> (дата обращения: 25.11.13).
4. Морев, М.В. Методологические особенности изучения социальных настроений на региональном уровне / М.В. Морев, В.С. Каминский // Проблемы развития территорий. — 2013. — №5(67). — С. 96-103.
5. Наша Конституция: история интерпретаций и перспектива модернизации. — URL: http://www.politeia.ru/politeia_seminar/10/124 (дата обращения: 21.11.13).
6. Официальный сайт «Грани.ру». DDoS-атаки. — URL: <http://grani.ru> (дата обращения: 26.05.2013).
7. Хиршман, А.О. Выход, голос и верность. Реакция на упадок фирм, организаций и государств / А.О. Хиршман. — М.: Новое издательство, 2009. — 156 с.
8. Ярошенко, С. Новая «бедность» в России после социализма / С. Ярошенко // Laboratorium. — 2010. — №2. — URL: <http://www.soclabo.org> (дата обращения: 27.05.2010).
9. Vajoit, G. Exit, voice, loyalty... and apathy. Les réactions individuelles au mécontentement — 1988; n. 2; vol. 29, pp. 325-345.
10. Easton, D. (1975). A Re-Assessment of the Concept of Political Support // British Journal of Political Science, 5(04), pp. 435-457.
11. Gamson, W.A. Power and discontent. Homewood, IL: Dorsey Press, 1968.
12. Miller, A. Political Issues and Trust in Government: 1964—1970 // American Political Science Review 1974. V. 68 (September): pp. 951-972.
13. Olsen, M. Two Categories of Political Alienation // Social Forces, Vol. 47, No. 3 (Mar., 1969), pp. 288-299.
14. The Voter Decides. By A. Campbell, G. Gurin AND W.E. Miller. Evanston, Ill.: Row, Peterson and Co. 1954.
15. Tilly, C. Regimes and Repertories. The Univ. of Chicago Press, 2006.

УДК 316.334.55(470.53)

ББК 60.546(2Рос-4Пер)

© Фокин В.Я.

Влияние территориальной дифференциации качества и защищенности занятости населения на сжатие пространства сельских территорий Пермского края

**Владислав Яковлевич
ФОКИН**

кандидат экономических наук, доцент Чайковского филиала Пермского национального исследовательского политехнического университета
vlad-f62@yandex.ru

В статье приведен анализ и показана глубина проблемы территориальной дифференциации качества и защищенности занятости населения, проживающего в сельской местности, по сравнению с жителями городов Пермского края по показателям заработной платы и уровню безработицы. Выявлено влияние территориальной дифференциации качества и защищенности занятости населения на сжатие пространства сельских территорий Пермского края. Сжатие пространства характеризуется: убылью населения сельских территорий; более высокими, чем в городах, темпами убыли работников предприятий; сокращением численности работающего населения, приходящегося на одного пенсионера; ухудшением материально-технической базы сельского хозяйства; сокращением посевных площадей сельскохозяйственных культур.

Территориальная дифференциация, качество занятости, защищенность занятости, безработица, сжатие пространства, убыль населения, сокращение посевных площадей.

Значительная часть населения страны, около 26%, в настоящее время проживает в сельской местности. В Пермском крае этот показатель в конце 2011 года равнялся 25,1%, что соответствует среднероссийским значениям. В связи с наличием огромных сельских территорий, большой ролью сельского населения в обеспечении продовольственной безопасности страны и специфичностью функционирования

сельского социума проблемы российского села неоднократно поднимались в работах российских экономистов и социологов. Особо актуальными для изучения являются проблемы неравенства сельского населения по сравнению с жителями городов по качеству и защищенности занятости. Именно с дифференциацией сельского и городского населения по этим параметрам связаны отставание сельских территорий

по уровню жизни, более высокие, чем в городах, темпы убыли работников предприятий сельского хозяйства; сокращение численности работающего населения, приходящегося на одного пенсионера; ухудшение материально-технической базы сельского хозяйства; сокращение посевных площадей сельскохозяйственных культур.

Перечисленные процессы характеризуют сжатие пространства сельских территорий — явление, получившее наибольшее распространение в регионах, расположенных в лесной и, частично, лесостепной зоне страны.

Качество занятости характеризуют различные факторы, такие как условия труда, наличие официального трудоустройства, социальных гарантий и т.д. Но наиболее важным фактором, по которому можно сделать объективные выводы относительно масштабов территориальной дифференциации качества занятости населения, является среднемесячная заработная плата населения, проживающего в сельской местности, по отношению к работникам городов.

На несправедливо низкую заработную плату работников села и связанные с этим социальные последствия, на примере Вологодской области, указывает М.Ф. Сычев. Он пишет также о массовом закрытии в селе школ, фельдшерских пунктов, резком сокращении объемов строительства современного жилья, дорог, инженерного обустройства сельских территорий. В результате этого, по мнению М.Ф. Сычева, на селе обостряется демографическая ситуация, наблюдается отток молодежи, ухудшаются количественные и качественные показатели трудового потенциала [6, с. 56].

Л.В. Костылева для анализа информации, характеризующей неравенство населения, применила стратификационную шкалу, делящую население на нищих,

бедных, малообеспеченных, обеспеченных и богатых [5]. По классификации Л.В. Костылевой, к группе «нищие» относится население, которое находится на грани физического выживания, у которого денег не хватает даже на продукты питания.

В результате социологического опроса, проведенного в Вологодской области, было выявлено, что самооценка социально-экономического статуса населения, проживающего в различных территориальных поселениях, значительно дифференцирована. Больше всего богатых и обеспеченных граждан проживает в крупных городах. К этим двум группам отнесли себя 22,3% населения Вологды и Череповца. В сельской местности богатыми и обеспеченными себя считали всего 10,4% населения. И наоборот, к нищим и бедным в городах отнесли себя 21,5% опрошенных, а в сельских поселениях значительно больше — 44,4% [5, с. 121].

Академиком РАСХНИ И.Н. Буздаловым российское крестьянство вообще характеризуется как униженный класс. И.Н. Буздалов пишет о том, что, несмотря на многочисленные правительственные документы, законодательные и нормативные акты, декларирующие решимость государства в развитии сельского хозяйства, масштабных сдвигов в аграрном секторе экономики не произошло. В итоге сельскохозяйственной политики за годы рыночных реформ уровень жизни сельского населения значительно снизился. Сегодня социальные условия жизни на селе во всех проявлениях отстают от городских условий [1].

Защищенность занятости населения на рынке труда муниципального образования определяется уровнем безработицы, показателями напряженности на рынке труда и эффективности трудоустройства граждан центрами занятости на конкретной территории.

Анализ статистической информации, о состоянии дел в сфере труда Пермского края позволил выявить закономерности, характеризующиеся тем, что уровень безработицы и показатели напряженности на рынке труда всегда выше, а эффективность трудоустройства ниже в сельской местности. Напряженность на рынке труда сельских территорий может достигать значений в несколько десятков, а в отдельных случаях и сотен человек на одну вакансию. Время поиска работы сельскими безработными, как правило, более длительное, чем городскими. Исключения составляют моногорода и депрессивные территории, где защищенность занятости населения, особенно в кризисные периоды, также находится на низком уровне [8, с. 116-145].

Одной из причин высокого уровня безработицы в сельской местности страны является наличие сел, в которых вообще отсутствует работодатель. Так, по данным З.И. Калугиной и О.П. Фадеевой, в Новосибирской области еще в начале прошлого десятилетия реального работодателя не было в 200–300 населенных пунктах или 10–20% от числа всех сельских поселений области. Даже если юридически некоторые предприятия существовали, то фактически прекратили деятельность. Некоторые сельскохозяйственные предприятия свернули производственную деятельность в своих отделениях, расположенных в дальних населенных пунктах. Поэтому жители таких поселений также остались без работы. Не имея источников постоянного дохода, они вынуждены заниматься самообеспечением посредством сбора грибов, ягод, кедровой шишки, охоты и рыболовства [4, с. 79].

Что касается термина «сжатие пространства», то для однозначного понимания материала следует уточнить, что в научном обороте применяется две трактовки этого понятия.

Во-первых, под сжатием пространства понимается рост его проницаемости, связности, доступности, обусловленный повышением скорости перемещения людей и грузов в пространстве. В этом случае процесс сжатия пространства несет позитивный смысл.

Во-вторых, термин «сжатие пространства» применяется для характеристики процесса сокращения обжитых, освоенных, экономически активных земель — процесса, воспринимаемого как негативный [7, с. 16].

Именно этот негативный процесс и исследуется в трудах большинства авторов, посвященных изменениям села в процессе трансформации общества. Например, еще десять лет тому назад Г.В. Иоффе и Т.Г. Нефедова прогнозировали постепенное превращение лесной и отчасти лесостепной зон России в скопление островов небольших, освоенных вокруг городов участков, окружаемых морем лесов. Согласно их прогнозу необходимо было ожидать появления маргинальных районов с коллективными сельскохозяйственными предприятиями, потерявшими свою товарность, работающими только на поддержку хозяйств местного населения. Прогнозировалось буквально следующее: на части территорий депопуляция населения превратится в «доживание» своего века оставшимися в таких поселениях стариками. В конечном итоге «окончательно «архипелагизировавшись», Россия станет рассредоточенной компактной европейской страной, — не изменив при этом своих внешних контуров и не отдав и пяди исконно русских земель чужестранцам» [3, с. 91].

Следует признать, что во многом эти прогнозы сбылись. Об этом говорят виды частично или полностью брошенных деревень, встречающихся вдоль дорог, особенно часто на периферийных по отношению к промышленным центрам территориях.

Автор считает, что для точной оценки влияния территориальной дифференциации качества и защищенности занятости населения на сжатие пространства сельских территорий Пермского края, определения масштабов сжатия сельских территорий и социальных последствий этого явления необходим анализ соответствующей статистической информации, характеризующей исследуемые процессы.

Согласно муниципально-территориальному делению на 1 января 2012 года в состав Пермского края входило 354 муниципальных образования, в том числе 42 муниципальных района, 6 городских округов, 32 городских поселения и 274 сельских поселения. Население проживало в 25 городах, 27 поселках городского типа (ПГТ) и 3578 сельских населенных пунктах. Следует отметить, что центрами многих муниципальных районов Пермского края являются средние города с населением от 50 до 100 тыс. жителей, малые города и поселки городского типа. Но имеется 15 муниципальных районов, центрами которых являются села и на территории которых проживает только сельское население. В нашем исследовании именно эти районы будут сравниваться с 5 городскими округами, на территориях которых проживает только городское население¹.

Данные, характеризующие различия уровня качества и защищенности занятости населения сельских территорий Пермского края в сопоставлении с городскими территориями, представлены в *таблице 1*.

Из данных таблицы видно, что 2 крупных города — краевой центр Пермь с населением более 1 млн. человек и второй по величине город Березники с численностью населения 154,6 тыс. человек — занимают 1 и 2 место, соответственно, по

¹ Шестой городской округ ПГТ Звездный является ЗТО, статистические данные по нему отсутствуют.

показателям заработной платы и уровню зарегистрированной безработицы.

Средние города Соликамск и Кунгур с населением 96,8 и 82,9 тыс. человек соответственно также разместились на одних из самых высоких строчках рейтинговой таблицы. Город Кудымкар с населением 16,2 тыс. жителей относится к категории малых городов, но и в нем заработная плата гораздо выше, а уровень безработицы, намного ниже, чем в большинстве сельских территорий. Исключение составляют сельские муниципальные районы, прилегающие к крупным промышленным центрам, — это Пермский район, занимающий 4 место по уровню заработной платы и 5 по уровню безработицы, и Кунгурский и Соликамский районы, занимающие 3 и 7 место по уровню безработицы. Это объясняется тем, что у населения перечисленных территорий имеется возможность совершать ежедневные «маятниковые» передвижения дом — работа — дом» (по терминологии Т.В. Зайниевой [2, с. 17]) на предприятия близлежащих городов.

Во всех остальных сельских территориях, расположенных на большем удалении от предприятий Перми, Березников, Соликамска и Кунгура, заработная плата ниже, а уровень безработицы выше, чем в рассматриваемых сельских территориях.

Высокие 7 и 10 места в рейтинге заработной платы Березовского и Бардымского муниципальных районов обусловлены размещением на их территориях структурных подразделений ОАО «Газпром», в которых задействовано местное население, занятое обслуживанием магистрального газопровода. В связи с тем что заработная плата работников, обслуживающих трубопроводный транспорт ОАО «Газпром», выше среднекраевого уровня, показатели, характеризующие уровень заработной платы в рассматриваемых муниципальных районах, находятся в первой трети рейтинга.

Таблица 1. Сопоставительная таблица рейтинговых значений показателей заработной платы и уровня безработицы в городских и сельских территориях Пермского края

Территории	Начисленная заработная плата на 1 работника в 2011 году*	Уровень зарегистрированной безработицы на конец 2012 года**	Место в рейтинге по показателям начисленной заработной платы на 1 работника	Место в рейтинге по показателям уровня безработицы на конец 2012 года
В среднем по краю	18773,3	1,46		
<i>Городские округа</i>				
г. Пермь	25503,9	0,61	1	1
г. Березники	22454,2	0,74	2	2
г. Кунгур	17609,2	1,12	5	4
г. Соликамск	20060,9	1,63	3	6
<i>Сельские муниципальные районы</i>				
Бардымский	15507,3	2,90	10	16
Березовский	16377,1	3,24	7	17
Большесосновский	12975,2	5,21	16	25
Еловский	12163,0	3,26	20	18
Карагайский	13876,2	2,56	13	11
Кишертский	11466,6	2,85	23	15
Куединский	12664,2	2,23	18	8
Кунгурский	12514,3	1,10	19	3
Ординский	13637,2	3,74	14	19
Пермский	19004,9	1,28	4	5
Сивинский	11310,5	2,73	24	12
Соликамский	13226,3	1,88	15	7
Уинский	12881,7	2,74	17	13
Частинский	14992,6	2,74	12	14
<i>Коми-Пермяцкий округ</i>				
г. Кудымкар	16261,9	2,27	8	9
Гайнский	15937,2	4,89	9	24
Косинский	15012,6	4,38	11	23
Кочевский	16948,2	4,33	6	22
Кудымкарский	10038,5	2,34	25	10
Юрлинский	11942,8	3,88	21	20
Юсьвинский	11762,7	4,07	22	21

Примечание. Информация собрана и рассчитана самостоятельно с привлечением следующих источников: *Пермский край. Статистический ежегодник: 2012: стат. сб. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Пермскому краю (Пермьстат). – Пермь, 2012. – С. 85; **Безработица в Пермском крае. Итоги 2012 года: Информ. бюлл. Агентства по занятости населения Пермского края. – 2013. – №1; Отдел организации деятельности службы занятости по регистрации получателей госуслуг и мониторинга рынка труда [Электронный ресурс]. – Пермь, 2013. – URL: <http://www.szn.permkrai.ru>. (дата обращения: 02.08.2013).

Анализ данных, представленных в таблице 1, позволяет сделать вывод о том, что на территории Пермского края наблюдается значительная дифференциация размеров номинальной начисленной заработной платы населения крупных и средних городов в сопоставлении с заработной платой жителей сельской местности. Особенно заметен разрыв в уровне заработной

платы между крупными промышленными центрами (Пермь, Березники, Соликамск, Кунгур) и сельскими территориями, являющимися периферийными по отношению к этим городам.

Следует отметить, что в 12 сельских муниципальных образованиях из рассматриваемых 15-ти уровень среднемесячной заработной платы в 2011 году не превышал

16,5 тыс. рублей на человека, то есть более чем на треть отставал от показателей краевого центра. Из них в 10 муниципальных районах заработная плата работников организаций была ниже 13 тыс. рублей в месяц, то есть меньше половины уровня краевого центра. Значение 10 тыс. рублей начисленной заработной платы на 1 работника в Кудымкарском муниципальном районе составляет всего 39% по отношению к 25,5 тыс. рублей среднемесячной заработной платы работников предприятий города Пермь.

В результате сравнения уровня зарегистрированной безработицы в городах и сельских муниципальных районах выяснилось, что минимальный уровень безработицы наблюдался в крупных городах Пермь и Березники – 0,61 и 0,74% соответственно. Во всех сельских муниципальных образованиях, за исключением пригородных Пермского и Кунгурского районов, уровень безработицы был выше среднекраевого.

Масштабы дифференциации защищенности занятости населения по показателю безработицы характеризуются превышением почти в 6,7 раза этого показателя в Юсьвинском муниципальном районе (4,07%) соответствующего значения (0,61%), в городе Пермь.

Дифференциация качества и защищенности занятости населения повлияла на различия в интенсивности протекания процессов убыли населения в муниципальных образованиях Пермского края.

Из данных официальной статистики известно, что за период с 2000 по 2011 год численность населения в Пермском крае сократилась на 247 830 человек или на 8,6% в относительном исчислении. Только в 1 из 25-ти анализируемых муниципальных образований численность населения за исследуемый период выросла. Это Пермский муниципальный район. Этому явлению есть простое объяснение.

В пригородные сельские поселения Пермского района из краевого центра переехало более обеспеченное население, построившее жилье в ближнем пригороде. Следует отметить, что фактическая численность населения Перми гораздо выше официального миллиона человек. Именно в Перми на съемных квартирах живут работники сферы обслуживания, строительства и другие, покинувшие временно или постоянно свои села, поселки городского типа и малые города в поисках высокооплачиваемой работы и более статусного и насыщенного событиями образа жизни.

Пермский край характеризуется неоднородностью расселения населения в сельской местности. Это проявляется в том, что на протяжении всего периода трансформаций и в настоящее время в Пермском крае наблюдается убыль населения из периферийных сельских территорий. Это привело к тому, что в отдалении от промышленных центров находятся огромные по площади, но обезлюдившие муниципальные районы, уступающие по численности населения селам, расположенным в непосредственной близости от крупных и средних городов. Например, в Юрлинском муниципальном районе, входящем в состав Коми-Пермяцкого автономного округа, на 1 января 2012 года проживало всего 9318 человек, из них 7249 человек в самом Юрлинском сельском поселении. На территории Уинского муниципального района – 10 996 жителей, из них в районном центре – Уинском сельском поселении – проживало 4566 человек. Еловское сельское поселение насчитывало 6526 человек, а весь Еловский муниципальный район – 10 392 жителя. В границах территорий этих и других муниципальных районов можно обнаружить сельские поселения, включающие в свой состав несколько деревень с общей численностью всего несколько сотен жителей.

Что касается сельских муниципальных районов, находящихся в непосредственной близости от крупных и средних городов, то на этих территориях наблюдается обратный процесс, заключающийся в концентрации населения в пригородных сельских поселениях. Так в Пермском муниципальном районе на момент исследования проживало 103 212 жителей, что в 10 раз больше суммарной численности населения перечисленных выше периферийных муниципальных районов.

В состав Пермского муниципального района входят сельские поселения с численностью населения свыше 10 000 человек, что больше суммарной численности населения, проживающего в периферийных муниципальных районах. В Култаевском сельском поселении Пермского муниципального района – 10 525 человек, в Сылвенском сельском поселении – 10 331 человек и Кондратовском сельском поселении – 10 243 человека. Все это следствие неоднородности социально-экономического развития территорий Пермского края, одним из факторов которой является дифференциация качества и защищенности занятости населения городских и сельских территорий.

Проблема убыли населения периферийных сельских районов, безусловно, должна вызывать тревогу у лиц, находящихся во главе Пермского края и его муниципальных образований, региональных и муниципальных органов законодательной и исполнительной власти. Но это только одна из проблем, обусловленных территориальными различиями качества и защищенности занятости населения. Еще более значительные сдвиги произошли в снижении численности работников сельских предприятий и организаций Пермского края (табл. 2).

Из данных табл. 2 видно, что за период с 2000 по 2011 год Пермском крае и его

муниципальных образованиях значительно сократилось число работников предприятий и организаций. Это сокращение происходило крайне неравномерно. В крупных и средних городах численность работников уменьшилась в интервале от 20,1% в городе Пермь до 32% в городе Кунгур, а в сельских муниципальных районах – в интервале от 42,4% в Косинском районе до 60,7% в Еловском районе.

Группа территориальных образований, характеризующихся максимальной убылью работников предприятий, – это сельские периферийные районы северо-западных территорий Пермского края, на землях которых, в силу суровых климатических условий и сложного рельефа местности (болотистость, изрезанность оврагами и т.д.), затруднено ведение сельского хозяйства.

Наличие транспортной доступности промышленных центров и их размещение на магистральных дорогах и железнодорожных путях явилось причиной механической убыли населения трудоспособного возраста из других обезлюдивших муниципальных районов. Население Куединского района в ряде случаев целыми деревнями уехало в Екатеринбург, а часть населения Еловского района переместилось в города Пермь и Чайковский. Гористая местность и ее залесенность, обусловленная этим мелкоконтурность сельскохозяйственных угодий создают трудности для ведения сельского хозяйства в Кишертском и Уинском районах, также характеризующихся высокой убылью работников.

Спасти сельские территории от потери трудоспособного населения может только «счастливый случай». Например, как уже упоминалось выше, в Березовском и Бардымском муниципальных районах расположены структурные подразделения ОАО «Газпром», обеспечивающие рабочие места, стабильную зарплату работников,

Таблица 2. Динамика среднесписочной численности работников по муниципальным образованиям Пермского края с 2000 по 2011 год

Территории	Численность работников		Абсолютная убыль работников, чел.	Относительная убыль работников, %	Место в рейтинге по относительной убыли работников
	2000 г	2011 г			
Всего	1020579	908076	112503	11,0	
<i>Городские округа</i>					
г. Пермь	381783	304938	76845	20,1	1
г. Березники	78540	57332	21208	27,0	3
г. Кунгур	25997	17672	8325	32,0	4
г. Соликамск	42306	33738	8568	20,3	2
<i>Сельские муниципальные районы</i>					
Бардымский	6673	3839	2834	42,5	6
Березовский	6545	3375	3170	48,4	11
Большесосновский	4828	2334	2494	51,7	18
Еловский	4501	1767	2734	60,7	25
Кишертский	5033	2234	2799	55,6	21
Карагайский	7204	3661	3543	49,2	14
Кудинский	10469	5865	4604	44,0	8
Кунгурский	13575	6567	7008	51,6	17
Ординский	5679	3013	2666	46,9	9
Пермский	29699	15782	13917	46,9	10
Сивинский	6639	3247	3392	51,1	16
Соликамский	6211	3206	3005	48,4	12
Уинский	3791	1682	2109	55,6	22
Частинский	5169	2953	2216	42,9	7
<i>Коми-Пермяцкий округ</i>					
г. Кудымкар	13555	6960	6595	48,7	13
Гайнский	4826	2321	2505	51,9	19
Косинский	2247	1295	952	42,4	5
Кочевский	4068	1717	2351	57,8	24
Кудымкарский	7358	3144	4214	57,3	23
Юрлинский	3144	1423	1721	54,7	20
Юсьвинский	6970	3472	3498	50,2	15
Примечание. Информация собрана и рассчитана самостоятельно с привлечением следующего источника: Пермский край. Статистический ежегодник: 2012: стат. сб. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Пермскому краю (Пермьстат). – Пермь, 2012. – С. 52-53.					

а значит, платежеспособный спрос части населения на продукты питания и услуги, а значит, развитие торговли и сферы услуг. Как следствие – высокие места этих территорий в рейтингах по заработной плате, уровню регистрируемой безработицы, динамике убыли работников. Это говорит о том, что своевременное открытие производств в глубинке, не говоря уже о государственной поддержке производителей

сельскохозяйственной продукции, могло бы остановить процессы сжатия сельских территорий, более эффективно использовать их трудовой потенциал.

Для выявления закономерностей убыли работников проведен дополнительный анализ динамики среднесписочной численности работников по муниципальным образованиям Пермского края за более короткий период – с 2005 по 2011 год (табл. 3).

Таблица 3. Динамика среднесписочной численности работников по муниципальным образованиям Пермского края с 2005 по 2011 год

Территории	Численность работников		Абсолютная убыль работников, чел	Относительная убыль работников, %	Место в рейтинге по относительной убыли работников
	2005 г.	2011 г.			
Всего	848808	685344	163464	19,3	
<i>Городские округа</i>					
г. Пермь	326596	304938	21658	6,6	1
г. Березники	66418	57332	9086	13,7	4
г. Кунгур	19923	17672	2251	11,3	3
г. Соликамск	40859	33738	7121	17,4	5
<i>Сельские муниципальные районы</i>					
Бардымский	5512	3839	1673	30,4	7
Березовский	5427	3375	2052	37,8	17
Большесосновский	3895	2334	1561	40,1	18
Еловский	3126	1767	1359	43,5	20
Карагайский	5364	3661	1703	31,7	9
Кишертский	4032	2234	1798	44,6	22
Куединский	9174	5865	3309	36,1	14
Кунгурский	9855	6567	3288	33,4	13
Ординский	4401	3013	1388	31,5	8
Пермский	25327	15782	9545	37,7	16
Сивинский	5086	3247	1839	36,2	15
Соликамский	4186	3206	980	23,4	6
Уинский	3060	1682	1378	45,0	24
Частинский	4359	2953	1406	32,3	12
<i>Коми-Пермяцкий округ</i>					
г. Кудымкар	12315	6960	5355	43,5	21
Гайнский	4210	2321	1889	44,9	23
Косинский	1902	1295	607	31,9	11
Кочевский	3141	1717	1424	45,3	25
Кудымкарский	3431	3144	287	8,4	2
Юрлинский	2082	1423	659	31,7	10
Юсьвинский	5963	3472	2491	41,8	19

Примечание. Информация собрана и рассчитана самостоятельно с привлечением следующего источника: Пермский край. Статистический ежегодник: 2012: стат. сб. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Пермскому краю (Пермьстат). – Пермь, 2012. – С. 52-53.

Из данных табл. 3 видно, что тенденция убыли работников предприятий и организаций муниципальных образований Пермского края в период с 2005 по 2011 год сохранилась. Но темпы убыли работников в различных муниципальных образованиях отличаются. В крупных и средних городах они замедлились, а в малом городе Кудымкаре и в сельских муниципальных районах, отличающихся отсутствием промышленной составля-

ющей, наоборот, выросли. Например, Пермь за период с 2000 по 2011 год потеряла 20,1% работников, а за последнюю половину рассматриваемого периода, с 2005 по 2011 год, – 6,6%. За исключением Соликамска, являющегося моногородом, тенденция замедления убыли работников характерна и для других крупных и средних городов. И наоборот, в наиболее проблемных сельских территориях – Кочевском, Уинском, Еловском и

Кишертском муниципальных районах – как раз в период с 2005 по 2011 год темпы убыли работников предприятий и организаций ускорились, что со временем, скорее всего, приведет к полной потере этих районов как поставщиков сельскохозяйственной продукции.

Снижение среднесписочной численности работников предприятий и организаций в муниципальных образованиях Пермского края привело к сокращению численности работающего населения, приходящегося на одного пенсионера (табл. 4).

Таблица 4. Динамика сокращения численности работающего населения, приходящегося на одного пенсионера, 2005–2011 гг., человек

Территории	Численность работающего населения, приходящаяся на одного пенсионера, чел.		Место в рейтинге в 2011 г.	Сокращение численности работающего населения, приходящегося на одного пенсионера с 2005 по 2011 г. чел.		Место в рейтинге по показателям относительности сокращения численности работающего населения, приходящегося на одного пенсионера, с 2005 по 2011 г.
	2005 г.	2011 г.		Абсолютное, чел.	Относительное, %	
<i>Городские округа</i>						
г. Пермь	1,26	1,09	2	-0,17	-13,5	1
г. Березники	1,38	1,16	1	-0,22	-15,9	2
г. Кунгур	Н.д.	Н.д.	-	-	-	-
г. Соликамск	1,55	1,09	3	-0,46	-29,7	5
<i>Сельские муниципальные районы</i>						
Бардымский	0,67	0,48	19	-0,19	-28,4	4
Березовский	1,14	0,68	7	-0,46	-40,4	14
Большесосновский	1,04	0,59	11	-0,45	-43,3	18
Еловский	0,90	0,50	15	-0,4	-44,4	19
Карагайский	0,87	0,57	12	-0,3	-34,5	9
Кишертский	0,90	0,50	16	-0,4	-44,4	20
Куединский	1,15	0,75	6	-0,4	-34,8	10
Кунгурский	0,83	Н.д.	-	-	-	-
Ординский	0,95	0,63	10	-0,32	-33,7	8
Пермский	1,17	0,67	9	-0,5	-42,7	15
Сивинский	1,25	0,79	5	-0,46	-36,8	13
Соликамский	1,11	Н.д.	-	-	-	-
Уинский	0,81	0,46	21	-0,35	-43,2	17
Частинский	1,29	0,84	4	-0,45	-34,9	11
<i>Коми-пермяцкий округ</i>						
г. Кудымкар с Кудымкарским муниципальным районом	0,98	0,67	8	-0,31	-31,6	6
Гайнский	0,86	0,49	17	-0,37	-43,0	16
Косинский	0,69	0,47	20	-0,22	-31,9	7
Кочевский	0,90	0,49	18	-0,41	-45,6	21
Юрлинский	0,69	0,51	14	-0,18	-26,1	3
Юсьвинский	0,83	0,54	13	-0,29	-34,9	12
Примечание. Информация собрана и рассчитана самостоятельно с привлечением следующего источника: Пермский край. Статистический ежегодник: 2012: стат. сб. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Пермскому краю (Пермьстат). – Пермь, 2012. – С. 97.						

Из данных табл. 4 видно, что в крупных и средних городах Пермского края с низким уровнем безработицы, высокой заработной платой и низкими темпами убыли работников предприятий по сравнению с сельскими муниципальными районами края в 2011 году зафиксированы более высокие показатели численности работающих, приходящихся на одного пенсионера. Это город Березники с показателем 1,16 и города Пермь и Соликамск, в которых на конец 2011 года приходилось по 1,09 работающих на одного пенсионера.

Как и следовало ожидать, самые плохие показатели зафиксированы в сельских муниципальных районах — Уинском, Косинском, Бардымском (0,46; 0,47 и 0,48 — на одного пенсионера соответственно). Еще в трёх районах этот показатель не превышает 0,5 работающего, что более чем в 2 раза ниже соответствующих показателей городов Пермского края. Автор заостряет внимание на ряде тревожных тенденций, характеризующих ситуацию с сокращением численности работающего населения, приходящегося на одного пенсионера в муниципальных образованиях Пермского края:

1. Этот процесс охватывает все без исключения города и муниципальные районы.

2. Процесс сокращения удельного веса работников, приходящихся на одного пенсионера, протекает угрожающе быстро — от 13,5% в Перми до более чем 40% в восьми сельских муниципальных районах за период с 2005 по 2011 год, то есть всего за 6 лет.

3. Размах абсолютных значений между наиболее благополучным на конец 2011 года городом Березники (1,16) и находящимся в конце рейтингового списка Уинским муниципальным районом (0,46) составляет 252%.

Такое динамичное ухудшение ситуации, ускорение процессов сжатия сельских территорий Пермского края говорит о потере контроля над управляемостью некоторыми сельскими районами и о перспективах их потери как пригодных для проживания.

Сжатие сельских территорий Пермского края характеризуется не только убылью населения, убылью работников и сокращением удельного веса численности работающего населения, приходящегося на одного пенсионера, но и деградацией материальной базы производителей сельскохозяйственной продукции (табл. 5), а также сокращением посевной площади сельскохозяйственных культур в сельских муниципальных образованиях Пермского края (см. табл. 6).

Из данных, представленных в таблице 5, видно, что на всем протяжении исследуемого периода количество всех видов техники, используемой в сельском хозяйстве края, постоянно снижалось.

К 2011 году по отношению к 1990 на животноводческих фермах сельскохозяйственных предприятий осталось всего 28,9% доильных установок и агрегатов.

Что касается растениеводства, то если в 1990 году на предприятиях сельского хозяйства использовалось 2719 валковых жаток, то к 2011 году их осталось всего 86 единиц, что составляет 3,2% от базовой цифры. С другими механизмами, предназначенными для уборки урожая, дела обстоят ненамного лучше. К концу 2011 года в парке комбайнов осталось от 7,7% (льноуборочные комбайны) до 30,7% (пресс-подборщики) по отношению к уровню конца 2011 года.

Парк тракторов уменьшился более чем в 5 раз — до уровня 18,5% по сравнению с базовым периодом. То же самое произошло с почвообрабатывающей техникой и сеялками.

Таблица 5. Динамика ухудшения материально-технической базы сельского хозяйства

Парк основных видов техники в сельскохозяйственных организациях	Количество единиц техники (на конец года, штук)				Отношение количества единиц техники к базовому периоду, %		
	1990 г.	2000 г.	2005 г.	2011 г.	2000/1990	2005/1990	2011/1990
Тракторы	26610	13695	8424	4910	51,5	31,7	18,5
Плуги	9398	4047	2410	1496	43,1	25,6	15,9
Культиваторы	9164	3513	2280	1509	38,3	24,9	16,5
Сеялки	8939	3845	2625	1517	43,0	29,4	17,0
Комбайны:							
зерноуборочные	6812	2616	1748	945	38,4	25,7	13,9
кормоуборочные	2080	991	617	414	47,6	29,7	19,9
картофелеуборочные	352	106	50	34	30,1	14,2	9,7
льноуборочные	13	17	5	1	130,8	38,5	7,7
Косилки	6332	2292	1658	1021	36,2	26,2	16,1
Пресс-подборщики	1764	999	816	542	56,6	46,3	30,7
Жатки валковые	2719	402	149	86	14,8	5,5	3,2
Доильные установки и агрегаты	2159	1193	844	623	55,3	39,1	28,9

Примечание. Информация собрана и рассчитана самостоятельно с привлечением следующего источника: Пермский край. Статистический ежегодник: 2012: стат. сб. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Пермскому краю (Пермьстат). – Пермь, 2012. – С. 241.

Процессам разрушения материальной базы сельского хозяйства сопутствовало сокращение посевных площадей (табл. 6).

Из данных табл. 6 видно, что, за исключением технических культур, доля которых в общем объеме посевных площадей крайне мала, посевные площади под зерновыми, овощными и кормовыми культурами, а также картофелем снизились во всех категориях хозяйств. Снижение было очень значительным и продолжается до настоящего времени. Особенно быстрыми темпами происходило уменьшение площадей, предназначенных для посева зерновых культур, — более чем в 2 раза.

Отчасти такое положение дел объясняется рыночными законами. Площади, занимаемые зерновыми, уменьшились в связи с тем, что на малоплодородных дерново-подзолистых почвах, преобладающих в структуре земель сельскохозяйственного назначения Пермского края, трудно получать высокие урожаи зерновых культур без применения химических удобрений, использование которых также резко сократилось. Выгоднее завезти зерно из

традиционных районов его выращивания. Современное сжатие пространства, понимаемое в данном случае как «повышение скорости перемещения грузов в пространстве», позволяет перевозить значительные объемы зерна из более южных регионов. Именно поэтому большинство сохранившихся птицефабрик на территории Пермского края наращивают выпуск продукции, а населенные пункты рядом с ними являются островками относительного благополучия.

Исходя из вышеизложенного можно сделать ряд выводов. Уровень безработицы является одним из индикаторов защищенности занятости населения территории. Величина заработной платы влияет на качество занятости населения. В Пермском крае сельские территории по этим показателям значительно отстают от крупных и средних городов.

Осознание риска исчезновения перспектив социально-экономического развития территории приводит к оттоку населения, в первую очередь трудоспособного, что, в свою очередь, сопровождается

Таблица 6. Динамика сокращения посевных площадей сельскохозяйственных культур в хозяйствах всех категорий, тыс. гектаров

Категории посевных площадей	Периоды				
	2000	2005	2011	2005/ 2000	2011/ 2000
<i>Хозяйства всех категорий</i>					
Вся посевная площадь	1265,0	999,5	793,2	79,0	62,7
В том числе:					
зерновые культуры	581,7	427,1	282,0	73,4	48,5
технические культуры	2,1	0,9	4,4	42,9	209,5
картофель	55,7	46,6	42,0	83,7	75,4
овощи открытого грунта	11,1	7,9	7,7	71,2	69,4
кормовые культуры	614,4	517,0	457,1	84,1	74,4
<i>Сельскохозяйственные организации</i>					
Вся посевная площадь	1137,6	908,4	704,2	79,9	61,9
В том числе:					
зерновые культуры	556,3	409,3	268,1	73,6	48,2
технические культуры	2,1	0,8	4,3	38,1	204,8
картофель	3,6	2,3	4,3	63,9	119,4
овощи открытого грунта	1,5	0,7	0,9	46,7	60,0
кормовые культуры	574,1	495,3	426,6	86,3	74,3
<i>Хозяйства населения</i>					
Вся посевная площадь	76,4	56,4	48,2	73,8	63,1
В том числе:					
зерновые культуры	1,0	0,8	1,2	80,0	120,0
картофель	51,3	43,6	36,9	85,0	71,9
овощи открытого грунта	9,4	7,1	6,6	75,5	70,2
кормовые культуры	14,8	4,9	3,5	33,1	23,6
<i>Крестьянские (фермерские) хозяйства и индивидуальные предприниматели</i>					
Вся посевная площадь	50,9	34,7	40,8	68,2	80,2
В том числе:					
зерновые культуры	24,4	17,1	12,7	70,1	52,0
картофель	0,8	0,7	0,8	87,5	100,0
овощи открытого грунта	0,1	0,1	0,2	100,0	200,0
кормовые культуры	25,6	16,9	27,0	66,0	105,5
Примечание. Информация собрана и рассчитана самостоятельно с привлечением следующего источника: Пермский край. Статистический ежегодник: 2012: стат. сб. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Пермскому краю (Пермьстат). – Пермь, 2012. – С. 243.					

негативными социальными последствиями, одно из которых – снижение числа работающих, приходящихся на одного пенсионера. Все это является причиной сокращения объемов производства, безвозвратной потери производственных мощностей и запускает следующие витки цикла ухудшения ситуации на периферийных сельских территориях [9].

Процессы сжатия пространства, характеризующиеся сокращением обжитых,

освоенных, экономически активных земель, получили в Пермском крае широкое распространение. Это требует совершенствования методов управления выравниванием развития сельских муниципальных образований на региональном и муниципальном уровнях с целью выработки мер, направленных на консервацию процессов сжатия пространства сельских территорий Пермского края и устранение негативных последствий этих процессов.

Литература

1. Буздалов, И. Униженный класс: о социальном статусе и экономическом положении российского крестьянства / И. Буздалов // Вопросы экономики. – 2011. – №4. – С. 137-148.
2. Зайниева, Т.В. Влияние локального рынка труда на процессы стратификации населения среднего города в условиях трансформационного общества: автореф. дис. ... канд. социол. наук / Т.В. Зайниева. – Екатеринбург, 2011. – 23 с.
3. Иоффе, Г.В. Фрагментация сельского пространства России / Г.В. Иоффе, Т.Г. Нефедова // Вестник Евразии. – 2003. – №4. – С. 70-92.
4. Калугина, З.И. «Hard luck story» брошенных деревень (социологический очерк) / З.И. Калугина, О.П. Фадеева // Регион: экономика и социология. – 2006. – №3. – С. 79-80.
5. Костылева, Л.В. Социально-экономическая дифференциация (поселенческий аспект) / Л.В. Костылева // Социологические исследования. – 2010. – №9. – С. 120-124.
6. Сычев, М.Ф. Проблемы развития аграрного сектора региона / М.Ф. Сычев // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2009. – №3. – С. 55-65.
7. Трейвиш, А.И. «Сжатие» пространства: трактовка и модели / А.И. Трейвиш // Сжатие социально-экономического пространства: новое в теории регионального развития и практике его государственного регулирования / под ред. С.С. Артоболевского и Л.М. Синцера. – М.: Эслан, 2010. – С. 16-31.
8. Фокин, В.Я. Территориальная дифференциация защищенности занятости населения: постановка проблемы: моногр. / В.Я. Фокин. – Пермь: Изд-во Перм. нац. исслед. политехн. ун-та, 2012. – 197 с.
9. Фокин, В.Я. Дифференциация занятости населения как фактор социального риска и его последствия / В.Я. Фокин // Дискуссия. – 2012. – №12. – С. 123-126.

УДК 316.422

ББК 60.524.122.115

© Шабунова А.А.

Актуальные проблемы социокультурной модернизации регионов России *

**Александра Анатольевна
ШАБУНОВА**

доктор экономических наук, заместитель директора ИСЭРТ РАН
aas@vscc.ac.ru

Необходимость социально-экономической модернизации — одна из главных задач XXI века, с которой столкнулись власть, бизнес и население многих стран. Решение модернизационных задач для каждой страны уникально, обусловлено конкретной ситуацией. Для России особую актуальность имеет проблема разрывов между качеством жизни населения разных, подчас соседних регионов, а также в целом значительного отставания условий жизни россиян по сравнению с жителями развитых стран. Необходимое условие успешной модернизационной политики — выработка национальной специфической стратегии модернизации, учитывающей особенности социокультурного развития не только России в целом, но и каждого региона.

Модернизация регионов, социально-экономическое развитие, уровни модернизации, инновации.

В Институте социально-экономического развития территорий РАН (ИСЭРТ РАН) с 23 по 26 октября 2013 г. прошла IX Всероссийская научно-практическая конференция «Эволюция регионов России и стратегии их социокультурной модернизации» по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов» (программа инициирована Институтом философии РАН). Данная конференция по сравнению с восьмью предыдущими

собрала рекордное число участников: 130 из 32-х российских регионов, а также из Украины и Беларуси. В пленарных заседаниях приняли участие:

- представители академической и вузовской науки;
- Правительство Вологодской области;
- Администрация города Вологды;
- руководители ряда профильных департаментов области;
- средства массовой информации.

* Конференция проходила при поддержке гранта РФФИ №13-02-14033.

В ходе работы были рассмотрены новые вопросы, актуальные для развития России и ее регионов, а также для научных исследований социально-экономического и социокультурного развития территорий. В центре докладов и обсуждений находились два комплекса проблем: 1) проблемы формирования стратегии социокультурной модернизации России и регионов; 2) факторы социокультурной сбалансированности модернизации регионов. Состоялись 2 пленарных, 2 секционных заседания и 3 круглых стола. Были заслушаны и обсуждены 13 пленарных докладов и свыше 60 выступлений специалистов на заседаниях секций и круглых столов. Завершилось мероприятие работой Научно-координационного совета «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов», где были подведены окончательные итоги конференции, разработана её резолюция. Гости ознакомились с работой промышленного предприятия ООО «Оптимех», учреждения социальной сферы – культурно-досугового центра «Забота», посетили архитектурные сооружения (Кирилло-Белозерский монастырь, архитектурно-этнографический музей «Семеново», Музей кружева).

К началу конференции был издан сборник материалов конференции, что стало возможным благодаря финансовой поддержке со стороны Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ). Научное руководство конференцией осуществлял член-корреспондент РАН, руководитель Центра изучения социокультурных изменений (ЦИСИ) Института философии РАН (ИФ РАН) Лапин Николай Иванович. Программа «Социокультурная эволюция России и ее регионов», в рамках которой была организована конференция, инициирована в 2005 г. ЦИСИ ИФ РАН. Общая цель и основная идея данного проекта – представить регионы как социокультурные территориальные сообщества в их

целостности, своеобразии и в контексте социокультурного пространства России как дифференцированного целого. Число участников программы постоянно растет, присоединяются новые исследователи из регионов России. В настоящий момент (2013 г.) в проекте принимают участие 25 регионов РФ (республики Башкортостан, Бурятия, Калмыкия, Карелия, Татарстан, Чеченская, Чувашская, Краснодарский и Красноярский край, Астраханская область, Брянская, Владимирская, Волгоградская, Вологодская, Курская, Новосибирская, Омская, Пермский край, Самарская область, Свердловская, Смоленская, Тюменская, Тульская, Ульяновская, Челябинская область, город Москва). Ежегодно организуются конференции, которые вот уже девять лет постоянно поддерживает РГНФ.

Первую «пятилетку» программы ее участники посвятили созданию социокультурных портретов своих регионов. В 2006–2010 гг. были созданы портреты около 25 регионов различных федеральных округов Российской Федерации. Их содержание опубликовано в двух десятках монографий и сотнях статей, в сборниках материалов восьми конференций, в обобщающей коллективной монографии «Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте» [сост. и общ. ред.: Н.И. Лапин, Л.А. Беляева. М., Academia, 2009].

С началом второй «пятилетки» участники программы сконцентрировали свое внимание на изучении процессов социокультурной модернизации в регионах. В 2011–2013 гг. с помощью инструментария Центра исследований модернизации Китайской академии наук (ЦИМ КАН) и данных Росстата были посчитаны индексы состояний модернизации всех 83-х субъектов и 8 федеральных округов РФ (в специально созданной ИСЭРТ РАН

информационно-аналитической системе «Модернизация»). В 2013 г. развернулся содержательный анализ процессов модернизации с использованием результатов социокультурных портретов регионов.

Была поставлена достаточно амбициозная задача: не только критически представить состояние модернизации, включая его оценки населением, но и разрабатывать подходы к формированию стратегии модернизации на кратко- и среднесрочную перспективу. Первые результаты опубликованы в коллективной монографии «Проблемы социокультурной модернизации регионов России» [сост. и общ. ред.: Л.А. Беляева, Н.И. Лапин. М., Academia, 2013], а также в сборнике материалов IX Всероссийской научно-практической конференции «Эволюция регионов России и стратегии их социокультурной модернизации».

Знакомство с содержанием представленных докладов подтверждает высокую актуальность темы конференции. Многие из них вносят определенный вклад в понимание реального состояния рассматриваемых проблем и процессов. Они свидетельствуют о глубоком и обостряющемся противоречии: с одной стороны, в стране и большинстве регионов фиксируется медленный, но рост статистических индексов модернизации и, с другой стороны, одновременно наблюдается низкая социокультурная, человеческая эффективность процессов модернизации. Модернизация приобрела масштаб всемирного процесса и означает глобальный конкурентный вызов каждой стране. В России обострилась потребность в научных исследованиях реальных параметров этого вызова, использовании математических методов прогнозирования и формировании стратегии действий, которая позволит обеспечить безопасность и устойчивость развития страны, повышение человеческого

потенциала и качества жизни ее населения. Участники конференции считают необходимым сформировать и публично обсудить концепцию российской модернизации.

Результаты исследований, выполненных почти в 30 субъектах Российской Федерации специалистами НИИ и ведущих университетов, убеждают, что основными принципами конкурентоспособной модернизации большинства регионов РФ в ближайшие годы должны стать: ускоренная неоиндустриализация и социокультурно сбалансированный переход от первичной, индустриальной стадии модернизации к вторичной, информационной стадии.

Как отметил **Н.И. Лапин**, настоятельно требуется активная государственная политика, обеспечивающая рост инвестиций в создание новых знаний и их трансляцию молодым поколениям (т.е. в науку и образование). И, что не менее важно, значительные средства должны быть направлены на реализацию имеющегося, все еще значительного человеческого, в целом социокультурного потенциала страны и регионов, его преобразование в действенный человеческий, социокультурный капитал. Эту политику должна закрепить последовательная законодательная практика, стимулирующая бизнес (корпорации, фирмы, предприятия, банки) к широкому использованию достижений науки и техники для значительного повышения доли инновационных товаров и услуг в общем объеме отгруженной продукции, к обеспечению должного вклада бизнеса в федеральный и региональные бюджеты.

Директор ИСЭРТ РАН д.э.н., профессор **В.А. Ильин** выступил с докладом «Глобальные вызовы и модернизация России: приоритеты нового десятилетия». Он отметил, что определяющее значение при осуществлении модернизации будет иметь опережающее развитие нового технологического уклада.

Для успешности модернизации в России в ближайшее десятилетие необходимо повысить скорость распространения инноваций и, что самое главное, — увеличить инвестиции в человеческий капитал. Важно, чтобы основные индикаторы модернизации были включены в оценку деятельности региональной и федеральной власти и рассматривались как критерии национальной безопасности. Очень значим и общественный контроль деятельности исполнительной власти. Социально-экономические преобразования в обществе успешны тогда, когда в них сознательно и ответственно участвуют наиболее значимые силы: власть, бизнес и общество.

Доклад ведущего научного сотрудника Центра изучения социальных изменений Института философии РАН д.с.н. **Л.А. Беляевой** был посвящен проблемам взаимосвязи модернизации и социального капитала в регионах России. Социальный капитал при этом рассматривался как фактор, обуславливающий особенности и темпы модернизации. Людмила Александровна показала возможности измерения социального капитала и необходимость разработки адекватных условиям России показателей для составления социокультурных портретов регионов. Было отмечено, что общества с развитым социальным капиталом, включающим высокий уровень доверия, сильную гражданскую идентичность, позитивные социальные связи и отношения, имеют более благоприятные возможности для модернизации, особенно современной — вторичной модернизации.

По мнению профессора Курского государственного университета, д.ф.н. **Е.А. Когай** социокультурное пространство России — это многомерное пространство социальных процессов, отношений, практик, позиций и агентов, взаимосвязанных и взаимодействующих между собой.

Оно представляет собой самоорганизующийся феномен, в котором на протяжении последних десятилетий происходит разворачивание разнообразных социальных процессов, тесно связанных с трансформациями в экономической, политической и культурной сферах. Осуществление самих модернизационных преобразований настоятельно требует трансформации социальных институтов, адекватной законодательской практики, а главное, — активизации человеческих ресурсов. Лишь при реализации данных условий можно говорить о превращении довольно весомого социокультурного потенциала в действенный социокультурный капитал.

Очень важную тему о кризисе общественного сознания как социокультурного фактора ограничения модернизации современной России затронул доктор философских наук, профессор кафедры философии Астраханского государственного университета **С.А. Храпов**. Он подчеркнул, что распад СССР и проблемы модернизации объективно выступают для России более значимыми историческими условиями, чем процессы мирового социального развития. Несмотря на то что в последние годы темпы экономического развития России увеличились, справедливо требует отметить, что до сих пор социальная динамика нашей страны имеет «догоняющий характер» по отношению к США, Евросоюзу и Японии. Особенно актуально стоят вопросы дифференциации, поляризации экономического и социокультурного развития регионов России. Рассматривая проблему соотношения реформирования российского общества и трансформации общественного сознания, на наш взгляд, необходимо определить потенциал для подобных преобразований. Трансформация общественного сознания в условиях становления постсоветского российского социума проявляется в парадоксальном

сочетании универсальных (структурно-функциональных, системных, глобальных) и национальных (современных, историко-культурных) механизмов и характеристик модернизации.

Профессор Тюменского государственного университета, доктор социологических наук **В.А. Давыденко** подробно остановился на экономических механизмах формирования социальной структуры (модернизация или архаизация). Он отметил, что по-прежнему остаются в силе основные структурные проблемы: чрезвычайно низкий уровень инновационной, инвестиционной и социальной активности; доминирование в средних слоях бюджетников и чиновников всех уровней; слабая достижительная мотивация и неуверенность в своих силах. Архаизация общественной жизни выражается в снижении оценок уровня гражданской активности, неуклонном росте религиозных настроений, противоречии между декларируемыми ценностями и активностью граждан.

В ходе итогового заседания Научно-координационного совета был выработан ряд совместных решений:

1. Необходимо развивать региональное и межрегиональное сотрудничество вузов и научно-исследовательских институтов в исследовании процессов и проблем модернизации.

2. Желательно дополнить используемый инструментарий актуальными для России параметрами и индикаторами модернизации.

3. В российских регионах целесообразно разработать долгосрочные стратегии, включающие совокупность региональных программ и муниципальных проектов, обеспечивающих снижение факторов инерции и сопротивления модернизации, а главное, – усиление факторов поддержки неоиндустриализации регионов и их перехода к информационной стадии модернизации.

4. Более эффективна модернизация, использующая как возможности отечественного инновационного потенциала, так и передовые зарубежные достижения. Из-за значительных различий в условиях даже соседним территориям могут понадобиться разные сроки для перехода к информационной стадии модернизации.

Участники конференции выразили благодарность и искреннюю признательность Н.И. Лапину, который, являясь председателем Научно-координационного совета «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов», многие годы способствовал его эффективной работе, направляя свои усилия на укрепление межрегиональных связей, научного сотрудничества между институтами, решение актуальных проблем социокультурных изменений и модернизационного развития территорий. Была поддержана инициатива Пермского государственного университета о проведении на его базе следующей X конференции в октябре 2014 г.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ФИНАНСЫ

УДК 336.221(470)
ББК 65.261.41-18(2Рос)
© Поварова А.И.

Проблемы распределения налоговой нагрузки в российской экономике

Налоговая нагрузка, непосредственно влияющая на социально-экономические процессы, является одним из основных критериев оценки действующей налоговой системы. Однако до сих пор бытуют упрощённые представления об уровне налогового бремени, которое отождествляется с фактическим перечислением платежей в бюджет.

В статье освещаются результаты исследования налоговой нагрузки на российскую экономику. Его основная цель заключалась в выявлении тенденций межотраслевого распределения налогового бремени и его реального уровня.

Главный вывод: налоговые реформы не привели к созданию эффективного фискального механизма, позволяющего реализовать принцип справедливости налогообложения и учитывающего возможности налогоплательщиков уплачивать обязательные платежи и развивать производство. Между тем потенциал налогового манёвра в отношении ряда отраслей имеется.

Налоговая нагрузка, нефтегазовые доходы, нефтегазовые компании, обрабатывающие производства, налоговые льготы.

**Анна Ивановна
ПОВАРОВА**

старший научный сотрудник ИСЭРТ РАН
aip150663@yandex.ru

Налоговая нагрузка представляет собой долю изъятия части доходов субъекта экономики в бюджет и внебюджетные фонды в форме налогов и сборов.

В мировой экономике ключевым параметром, применяемым для оценки налоговой нагрузки, является отношение налоговых доходов к ВВП. В 2011 г. уровень средней налоговой нагрузки в России

был ниже, чем во многих европейских государствах (рис. 1).

В 2000–2004 гг. значение данного показателя не превышало 30% ВВП. Его увеличение началось с 2005 года после повышения ставок налога на добычу полезных ископаемых (НДПИ) и введения новой шкалы экспортных пошлин. В 2005–2012 гг. через налоговую систему

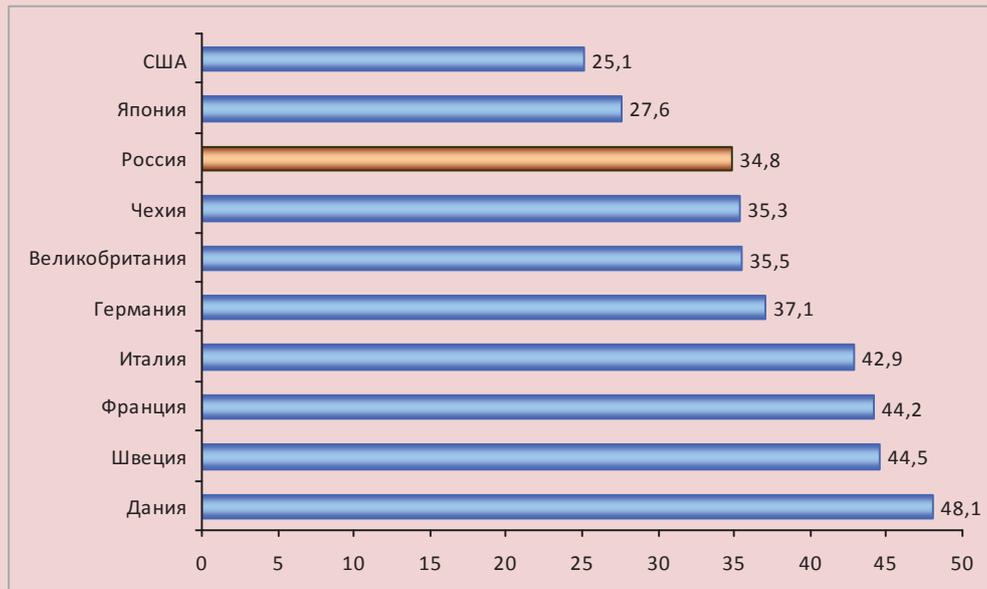
распределялось в среднем 34,3% объёма ВВП (рис. 2).

Вместе с тем динамика налоговой нагрузки и темпов прироста ВВП была разнонаправленной, и это свидетельствует о

том, что налоговые реформы не способствовали экономическому росту.

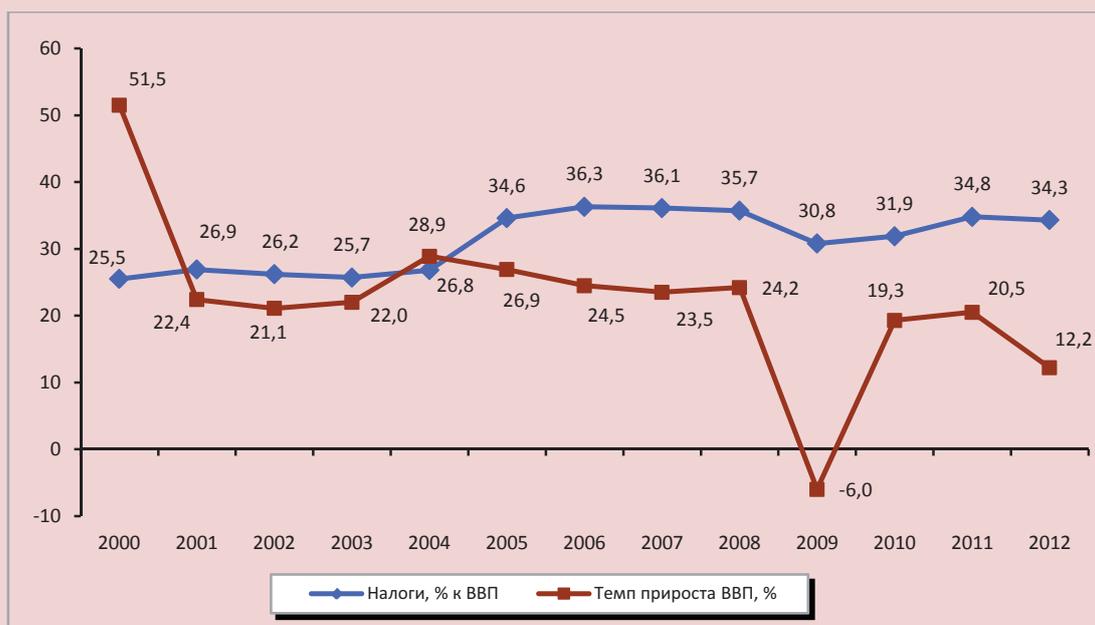
В чём же заключается причина низкой эффективности российской системы налогообложения?

Рисунок 1. Налоговая нагрузка в странах ОЭСР и РФ в 2011 г., % к ВВП

Источники: данные официального сайта ОЭСР; Росстата; расчёты автора.

Рисунок 2. Динамика налоговой нагрузки и темпов прироста ВВП РФ в 2000–2012 гг.

Источники: данные Федерального казначейства; Росстата; расчёты автора.

Во-первых, в структурных диспропорциях бюджетных доходов, основную долю которых составляют косвенные налоги (НДС, акцизы) и доходы от внешнеэкономической деятельности (рис. 3).

Косвенные налоги и доходы от внешнеэкономической деятельности, устанавливаемые в виде надбавки к цене, искусственно увеличивают объём ВВП. Стремление налогоплательщиков компенсировать налоговые расходы удорожанием товаров провоцирует инфляционные процессы, сдерживает спрос и неизбежно влечёт за собой сокращение производства. К примеру, ставка НДС уменьшилась с 28% в 1992 г. до 18% в 2004–2012 гг., однако к снижению цен это не привело.

Во-вторых, в низком уровне отраслевой диверсифицированности налоговой базы – почти треть налоговых поступлений в российский бюджет обеспечивается нефтегазодобывающей промышленностью (табл. 1).

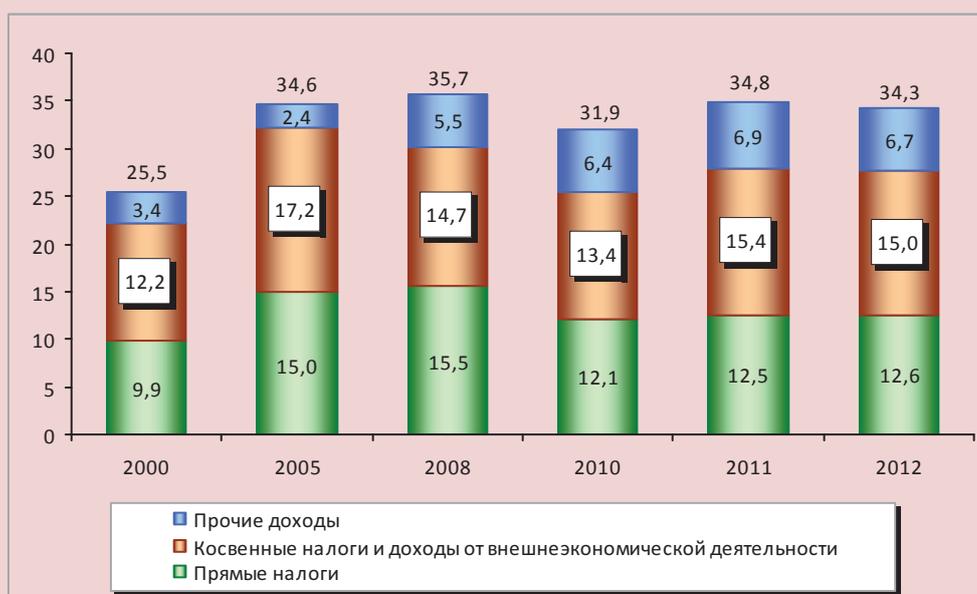
В-третьих, в высокой отраслевой дифференциации налоговой нагрузки – от 2% на организации воздушного транспорта до 39% на предприятия по добыче нефти и газа (табл. 2).

То, что нефтегазовый комплекс является основным источником бюджетных доходов, вовсе не означает, что он несёт повышенное налоговое бремя по сравнению с другими отраслями. В обрабатывающей промышленности доля производственных затрат выше, чем в добывающей. Как следствие, отрасли экономики существенно различаются по уровню рентабельности.

В 2010–2012 гг. самый высокий уровень рентабельности отмечался в нефтегазодобывающей промышленности, имевшей и самый высокий уровень налоговой нагрузки.

В то же время предприятия машиностроения, строительные организации, в которых степень налоговых изъятий была

Рисунок 3. Агрегированная структура доходов консолидированного бюджета РФ в 2000–2012 гг., % к ВВП

Источники: расчёт автора по данным Федерального казначейства и Росстата.

Таблица 1. Отраслевая структура налоговых поступлений* в бюджетную систему РФ в 2008–2012 гг.

Вид экономической деятельности	2008		2009		2010		2011		2012	
	млрд. руб.	%								
Всего	7968	100,0	6307	100,0	7688	100,0	9734	100,0	10953	100,0
Добыча сырой нефти и природного газа	2114,5	26,5	1319,5	20,9	1754,6	22,8	2532,2	26,0	2966	27,1
Обрабатывающие производства	1280	16,1	988,6	15,7	1342	17,5	1696	17,4	1971	18,0
Торговля	751,4	9,4	627,5	9,9	787	10,2	1003	10,3	1296	11,8
Операции с недвижимостью, аренда	891,4	11,2	682	10,8	868	11,3	1101	11,3	1025	9,4
Транспорт и связь	564	7,1	587	9,3	649,5	8,4	739,4	7,6	796	7,3
Строительство	431,5	5,4	393,4	6,3	412,5	5,4	516,4	5,3	606	5,5
Прочие	1800	24,3	1620	25,7	1735	22,6	1930	19,9	2121	20,9

* Включены налоги и сборы, администрируемые ФНС.
Источники: данные ФНС; расчёты автора.

Таблица 2. Рентабельность и налоговая нагрузка по видам экономической деятельности в 2010–2012 гг.

Вид экономической деятельности	Рентабельность продаж, %			Налоговая нагрузка, % к выручке*		
	2010	2011	2012	2010	2011	2012
Всего	11,4	11,5	9,7	9,4	9,7	9,8
Добыча нефти и газа	33,1	32,1	28,8	33,2	36,3	39,0
Операции с недвижимым имуществом	11,8	10,4	10,0	19,7	22,2	18,6
Строительство	5,7	6,8	6,7	11,3	12,2	13,0
Транспорт и связь	13,8	12,8	12,2	9,8	9,7	9,1
деятельность воздушного транспорта	н.д.	н.д.	н.д.	1,4	2,3	2,0
связь	27,9	24,6	26,7	15,0	14,2	14,2
Обрабатывающие производства, всего	14,3	13,2	11,0	7,2	7,1	7,5
В том числе производство						
пищевых продуктов	12,2	8,1	11,1	15,4	14,9	16,6
машин и оборудования	7,3	7,0	7,7	11,1	11,1	11,3
электрического и электронного оборудования	10,1	10,0	8,1	10,2	9,8	10,3
стройматериалов	7,9	11,8	12,4	7,3	7,5	7,9
текстильное и швейное	5,4	7,1	12,3	7,9	6,9	7,6
Производство электроэнергии, газа и воды	7,2	6,6	4,7	5,3	4,8	4,2
Торговля	9,2	10,5	8,2	2,4	2,4	2,8

* Сразу оговоримся, что для определения уровня налоговой нагрузки отраслей экономики использовался показатель соотношения суммы уплаченных налогов по данным отчетности налоговых органов и оборота (выручки) организаций по данным Росстата. Основанием для выбора этого показателя является приказ ФНС России от 30.05.2007 №ММ-3-06/333@ «Об утверждении Концепции системы планирования выездных налоговых проверок».
Источники: данные ФНС; расчёты автора.

меньше, чем у нефтегазовых субъектов, но больше средней по экономике, показывали доходность ниже среднестатистического уровня. В целом по сравнению с нефтегазовым сектором, имевшим высокую налоговую нагрузку, все рассмотренные нами отрасли обрабатывающей про-

мышленности и строительство находились в худшем финансовом положении.

На общем фоне распределения налоговой нагрузки выделялась торговля, имевшая минимальный относительно ряда других отраслей уровень изъятий при более высокой рентабельности.

На существующую неравномерность налогового бремени указывают и структурные диспропорции поступлений налогов. Большую часть федеральных и территориальных платежей формируют обрабатывающие производства, а повышенная налоговая нагрузка на нефтегазодобывающую промышленность обусловлена исключительно уплатой НДС (табл. 3).

Как видно, без НДС в нефтегазовой промышленности концентрируется от 1 до 13% других видов налогов. Даже на долю подоходного налога приходилось всего 2,4%, хотя данный сектор экономики отличается внушительными размерами заработной платы и дивидендов.

Безусловно, показатель налоговой нагрузки, определяемый в целом по экономике и по отрасли, не учитывает особенностей, влияющих на формирование налоговой базы конкретного налогоплательщика. Поэтому для более глубокого осмысления причин диссонанса в фискальном бремени российской экономики обратимся к консолидированным годовым отчётам крупнейших компаний, составленным по международным и российским стандартам.

Сопоставление затрат нефтедобывающих компаний на добычу углеводородов со средними ценами реализации продукции позволяет увидеть, что разрыв между ними составляет десятки раз. В металлургических же и химических холдингах средняя цена продаж превышает затраты на производство продукции лишь в 1,1–1,4 раза (табл. 4).

В результате значительного превышения реализационных цен над затратами нефтегазовых компаний формируется рента, которую государство, как собственник природных ресурсов, изымает в бюджет в виде налога на добычу полезных ископаемых и платежей от экспортно-импортных операций (таможенные пошлины). В структуре поступлений налогов и сборов от нефтегазовой промышленности рентные платежи составляют почти 90% (рис. 4).

Без нефтегазовых доходов Россия имела бы дефицит бюджета, значительно превышающий оптимальный уровень (5%). Так, за 2008–2012 гг. нефтегазовый дефицит консолидированного бюджета РФ вырос в 2 раза и достиг 7,7 трлн. руб. или 12,4% ВВП (рис. 5), что лишний раз подчёркивает ключевую роль топливно-энергетического комплекса (ТЭК) в источниках накоплений.

Таблица 3. Поступления налогов от нефтегазодобывающей и обрабатывающей промышленности в 2011–2012 гг.

Налоги	Нефтегазодобывающая промышленность				Обрабатывающая промышленность			
	2011		2012		2011		2012	
	млрд. руб.	уд. вес, %*	млрд. руб.	уд. вес, %*	млрд. руб.	уд. вес, %*	млрд. руб.	уд. вес, %*
Налог на прибыль	298,0	13,1	273,4	11,6	371,7	16,4	354,2	15,1
НДФЛ	47,1	2,4	53,6	2,4	284,5	14,3	317,1	14,0
Акцизы	5,7	0,9	25,7	3,3	590,8	97,8	752,0	95,7
НДС	157,2	8,5	215,9	10,9	320,6	17,4	400,9	20,2
НДПИ	1916	93,8	2316,5	94,2	5,5	0,3	9,3	0,4
Региональные налоги	70,4	12,8	61,6	9,8	80,1	14,5	90,9	14,5
Местные налоги	1,4	1,1	1,5	0,9	25,1	19,7	26,8	16,9

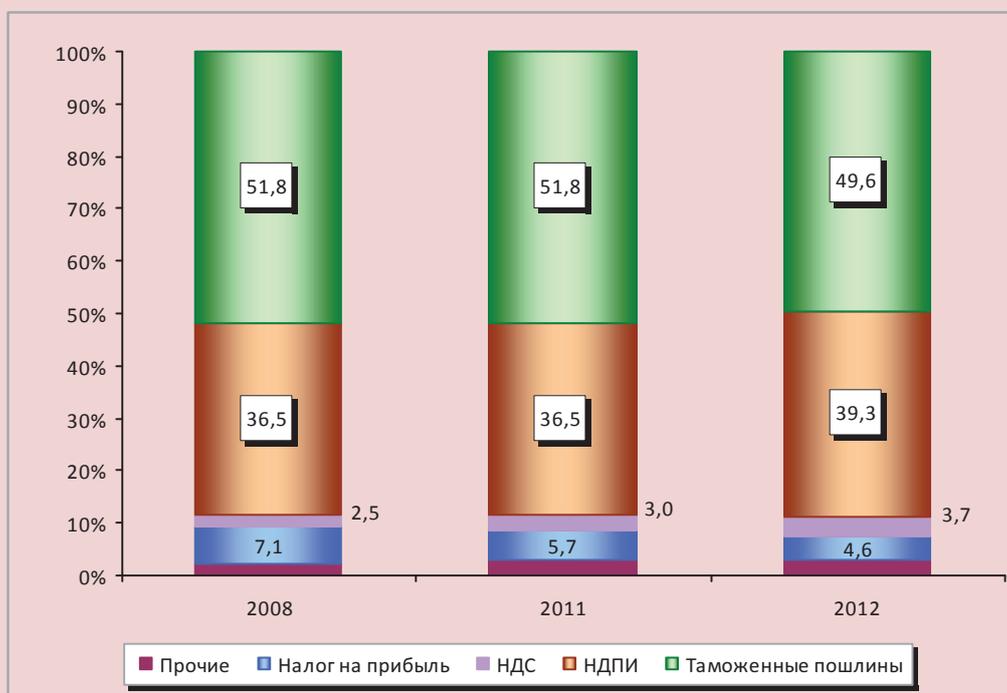
* Удельный вес в общем объёме поступлений налога в бюджетную систему РФ.
Источники: данные ФНС; расчёты автора.

Таблица 4. Производственные затраты* и средние цены реализации продукции крупнейших компаний РФ в 2011–2012 гг.

Компания	Удельные затраты, долл. **		Средняя цена реализации продукции, долл. ***		Превышение средней цены реализации над затратами, раз		Рентабельность продаж, %	
	2011	2012	2011	2012	2011	2012	2011	2012
<i>Компании нефтегазодобывающего производства</i>								
Газпром	13,3	14,3	185	215	13,9	15,0	35,7	27,1
Лукойл	4,96	5,0	109,8	110,8	22,1	22,2	10,1	11,6
Роснефть	2,8	2,96	108,6	109,9	38,8	37,1	16,5	12,4
Газпромнефть	5,9	5,5	110	110,8	18,6	20,1	20,3	16,2
Сургутнефтегаз	2,6	2,8	110	110,8	42,3	39,6	32,0	27,1
<i>Компании металлургического и химического производства</i>								
Северсталь	682	636	867	751	1,3	1,2	13,8	11,5
ММК	660	665	836	732	1,3	1,1	9,4	9,2
ФосАгро	451	479	637	654	1,4	1,4	29,2	26,8

* Для пересчёта кубических метров газа в тонны нефтяного эквивалента и тонн в баррели применялись коэффициенты, указанные в годовых отчётах нефтегазовых компаний.
 ** Нефтегазодобывающие компании – долл./барр.; металлургические и химические – долл./т.
 *** Газпром – долл./тыс. куб. м; остальные нефтегазодобывающие компании – долл./барр.; металлургические и химические – долл./т.
 Источник: расчёты автора по данным годовых и финансовых отчётов компаний (МСФО).

Рисунок 4. Структура поступлений налогов и сборов от нефтегазовой отрасли, %

Источник: расчёт автора по данным ФНС и Федерального казначейства.

Рисунок 5. Динамика нефтегазового дефицита бюджета РФ в 2008–2012 гг.

Источник: расчёты автора по данным Федерального казначейства.

При оценке тяжести налогообложения нефтегазового сектора весьма дискуссионным является вопрос о финансово-правовой сущности рентных платежей. Так, например, в Министерстве финансов при определении уровня налоговых изъятий суммируют сырьевые платежи и другие налоги. В Федеральной налоговой службе России налоговую нагрузку рассчитывают без учёта таможенных пошлин, поскольку их правоприменение регулируется Таможенным кодексом и администрируется Федеральной таможенной службой.

Нам представляется более доказательной точка зрения д.э.н. М.М. Соколова, согласно которой добытая нефть является собственностью российского государства, с разрешения которого в соответствии с действующим лицензионным механизмом недропользователь осуществляет добычу на участке государственного фонда недр. Отсюда рента, создаваемую в основном независимо от усилий нефтегазовых субъектов, не следует учитывать в составе налоговой нагрузки,

тем более что её изъятие не ухудшает их доходность относительно других отраслей [7], о чём свидетельствует рентабельность нефтегазовой отрасли, в 3 раза превышающая среднеэкономический уровень.

Разделяя точку зрения М.М. Соколова, добавим, что в соответствии с Налоговым кодексом таможенные пошлины не включены в перечень федеральных налогов и учитываются как доходы от внешнеэкономической деятельности, что ещё раз указывает на их неналоговую природу.

Что же касается НДС, то, как известно, он был введён в 2002 г. в результате контракта олигархических кланов с государством. Полный системный крах после августовского дефолта 1998 г. создал угрозу для самих основ олигархической собственности, что побудило олигархов, присваивавших на протяжении 1990-х годов почти всю природную ренту, пойти на раздел доходов с государством [1]. Введение НДС позволило увеличить доходы федерального бюджета на 45%.

По итогам 2012 г. выручка ОАО «Газпром», «Лукойл», «Роснефть», «Газпромнефть» была существенно выше выручки других крупнейших российских акционированных компаний, а совокупная выручка нефтегазодобывающих холдингов составила порядка 15 трлн. руб., что в 1,2 раза выше совокупных доходов федерального бюджета, и это свидетельствует о значительных фискальных возможностях нефтегазовой отрасли. После всех операционных затрат и уплаты налогов в распоряжении нефтегазовых компаний оставалось 8–25% выручки в виде чистой прибыли, в то время как у других компаний – менее 6% (табл. 5).

Какую же долю выручки нефтегазовые компании направляли на уплату налогов и пошлин? В таблице 6 представлена инфор-

мация, позволяющая дать характеристику взаимоотношений этих компаний с бюджетной системой.

Как видно, доля налогов и таможенных платежей в денежном обороте компаний варьировалась от 27% в «Лукойле» до 52% в «Роснефти», что следует увязывать с различной структурой добываемых и перерабатываемых углеводородов, а также с неодинаковой долей поставок на внутренний и внешний рынок.

Если исключить рентную составляющую из налогообложения, то фискальное бремя «Газпрома», «Сургутнефтегаза», «Газпромнефти» уменьшится в 2–5 раз, а «Лукойла» и «Роснефти», учитывая более высокую долю сырьевых платежей, – в 8–12 раз. Без пошлин и НДС уровень налогового порога будет сопоставим в

Таблица 5. Выручка и чистая прибыль крупнейших компаний РФ за 2012 г., млрд. руб.

Компания	Вид деятельности	Выручка	Чистая прибыль	В % к выручке
Газпром	Нефть и газ	4764	1211	25,4
Лукойл	Нефть и газ	4227	334	7,9
Роснефть	Нефть и газ	3078	342	11,1
Газпромнефть	Нефть и газ	1230	176	14,3
Сургутнефтегаз	Нефть и газ	850	180	21,2
АФК Система	Телекоммуникации	850	27	3,2
Транснефть	Нефть и газ	732	184	25,1
Холдинг МРСК	Электроэнергетика	622	32	5,1
Магнит	Торговля	449	25	5,6
Северсталь	Чёрная металлургия	438	25	5,7

Источники: данные консолидированной годовой финансовой отчётности компаний; расчёты автора.

Таблица 6. Налоговые платежи и таможенные пошлины нефтегазовых компаний в бюджетную систему РФ в 2011–2012 гг.

Показатели	Газпром		Лукойл		Роснефть		Газпромнефть		Сургутнефтегаз	
	2011	2012	2011	2012	2011	2012	2011	2012	2011	2012
Налоги и пошлины, всего, млрд. руб.*	1683	1903	1212	1107	1390	1622	490	450	295	314
В % к выручке	36,3	39,9	28,2	26,2	51,1	52,7	47,6	36,6	37,1	36,9
Рентные платежи, % к общему объёму налогов	55,5	57,1	89,8	92,0	86,6	88,0	75,9	73,2	77,3	80,9
Налоги без рентных платежей, млрд. руб.	750	817	124	89	186	194	118	120	67	60
В % к выручке	16,2	17,1	2,9	2,1	6,8	6,3	11,4	9,8	8,4	7,1

* Налоги, уплаченные в консолидированный бюджет РФ, включая государственные внебюджетные фонды.
Источники: данные финансовой отчётности компаний; расчёты автора.

Таблица 7. Задолженность нефтегазовых компаний по платежам в бюджет и налоги, предъявленные к возмещению из бюджета в 2011–2012 гг.

Показатели	Газпром		Лукойл		Роснефть		Газпромнефть		Сургутнефтегаз	
	2011	2012	2011	2012	2011	2012	2011	2012	2011	2012
Задолженность по платежам в бюджет, млрд. руб.*	94	115	73	85	66	77	30	36	33	30
В % к объёму налогов*	9,3	9,5	14,7	18,3	11,0	10,7	12,0	13,0	10,4	9,3
НДС и другие налоги к возмещению, млрд. руб.	304	395	43	57	62	87	28	39	8	12
В % к объёму налогов без рентных платежей	40,5	48,4	34,7	63,5	33,3	44,8	23,7	32,5	9,0	17,3

* Без таможенных пошлин.
Источники: данные финансовой отчётности компаний; расчёты автора.

«Газпромнефти» со средним показателем по российской экономике, а в «Сургутнефтегазе» и «Роснефти» окажется ниже в 1,5 раза. Налоговая нагрузка второй по объёму выручки компании «Лукойл» составит менее 3% (для сравнения: в 2012 г. предприятия по производству транспортных средств и оборудования при самой низкой по экономике рентабельности несли налоговую нагрузку, равную 6,2%).

Заметим, что доля изъятия налогов из выручки рассчитана нами исходя из фактически уплаченных в бюджет налогов. С учётом же имеющихся обязательств перед бюджетной системой собираемость налоговых платежей от ведущих нефтегазовых компаний можно увеличить на 9–18%. Однако повышение налоговой нагрузки, которое за этим последует, будет нивелировано возвратом налогов (табл. 7).

Таким образом, на основании результатов анализа напрашивается вывод о том, что налоговый гнёт в отношении нефтегазовых компаний не столь велик, как это часто трактуется¹. Более того, часть налоговой нагрузки эти компании перекладывают на внутренних потребителей, о чём свидетельствует устойчивое повышение цен на газ и бензин. При растущей сто-

¹ К примеру, в Министерстве финансов РФ налоговую нагрузку нефтегазового комплекса оценивают более чем в 60%. Президент «Роснефти» И. Сечин говорит о нагрузке в 55%.

имости нефти говорить о существенном росте благосостояния российских граждан пока не приходится. За 2008–2012 гг. численность населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума сократилась лишь на 18%, в то время как средняя заработная плата работников ТЭК выросла на 46,5%, а её размер превысил среднюю заработную плату по стране в 2,1 раза (табл. 8).

Достаточно сказать, что в 2012 г. объём промышленного производства в РФ был на 23% ниже уровня 1990 г., а разница между доходами 10% самых богатых и 10% самых бедных россиян составила 16,3 раза против 4,4 раза в 1990 г.

Почему же Россия, обладая сверхдоходами от нефти², отстаёт в социально-экономическом развитии от ведущих государств более чем на 20 лет? Во многом это объясняется проводимой в стране бюджетной политикой, одним из аспектов которой является накопление части нефтегазовых доходов в стабилизационных фондах, а не использование их непосредственно в целях экономического развития.

² Д.э.н. О.Г. Дмитриева приводит следующие оценки: «За последние 13 лет... цена на нефть выросла в 10 раз. Это означает, что её себестоимость в 12 долларов за баррель составляет лишь 0,1 в общей массе доходов, полученных от её продажи. И если остальные 0,9 подлежат распределению между гражданами, страна может совершить просто фантастический рывок в своём развитии» (Аргументы недели. — 2013. — №5).

Таблица 8. Средние потребительские цены на газ и бензин, численность населения РФ с доходами ниже прожиточного минимума, среднемесячная номинальная заработная плата работников ТЭК в 2008–2012 гг.

Показатели	2008	2009	2010	2011	2012	2012 к 2008, %
Мировая цена на нефть, долл./барр.	93,9	60,8	78,2	109,6	110,8	118,0
Цена на автомобильный бензин, руб./л	17,41	19,16	20,09	24,65	26,56	152,6
Сетевой газ, руб. с чел. в месяц	30,20	37,04	43,81	48,32	55,36	183,3
Численность населения с доходами ниже прожиточного минимума, млн. чел.	19,0	18,4	17,7	17,9	15,6	82,1
Среднемесячная номинальная заработная плата работников ТЭК, тыс. руб.	39,1	41,6	46,3	51,6	57,3	146,5
В % к средней заработной плате по РФ	226,0	223,7	220,5	220,5	213,8	x
Источники: данные Росстата; расчёты автора.						

Например, из 7,4 трлн. руб. сырьевых платежей, поступивших в 2012 г., 1,8 трлн. рублей или 24,3% было направлено в стабилизационные фонды. На 1 августа 2013 г. в Резервном фонде и Фонде национального благосостояния сосредоточено 5,7 трлн. рублей (табл. 9), что соответствует 8,5% ВВП или почти половине объёма налоговых доходов, запланированного в федеральном бюджете на 2013 г.

Фискальный потенциал ТЭК косвенно подтверждают и направления использования денежных средств.

Так, например, чистая прибыль «Газпрома» в 2011–2012 гг. превысила триллион рублей, а коммерческие и управленческие издержки, составлявшие почти треть выручки, приблизились к этой сумме (рис. 6).

За 2008–2011 гг. дивиденды акционеров «Газпрома» выросли в 25 раз. Увеличивались дивидендные выплаты и у других компаний, которые расходовали на эти цели в среднем 20% чистой прибыли, а «Газпромнефть» – 38% (табл. 10).

Не скупилась нефтегазовики на поощрение членов советов директоров и правлений (рис. 7).

На заработную плату управленческого персонала в 2011–2012 гг. ОАО «Сургутнефтегаз» тратило более 30% фонда оплаты

труда, а средний размер зарплаты топ-менеджеров был в 4 раза выше, чем в целом по Обществу (табл. 11).

Не только нефтяники, но и некоторые чиновники³ ссылаются на то, что налоговое давление не позволяет направлять достаточно средств в развитие нефтегазовой отрасли. Так ли это на самом деле?

На конец 2012 года собственные финансовые ресурсы нефтегазовых компаний в виде нераспределённой и чистой прибыли, а также денежных средств составляли от 1,1 трлн. руб. в «Газпромнефти» до 9,8 трлн. руб. в «Газпроме» (табл. 12), что в сотни раз превышало уплаченные налоги и пошлины.

В то же время такая огромная концентрация средств слабо стимулировала инвестиционную деятельность. На капитальные вложения компании расходовали 7–17% свободных финансовых ресурсов.

Приведённые примеры свидетельствуют о существенном разрыве между возможностями нефтегазового комплекса к увеличению наполняемости бюджета, инвестированию и фактическим уровнем вклада в бюджет и инвестиции.

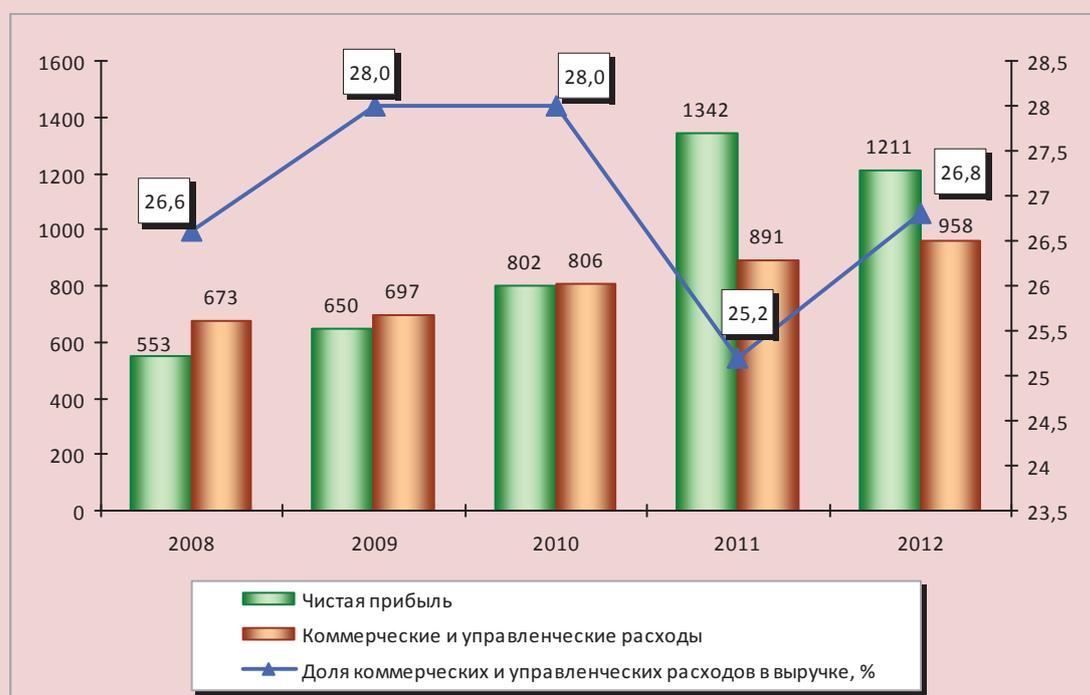
³ Из выступления министра энергетики РФ А. Новака на совещании Правительства РФ 24.09.2012 г.: «Налогами и сборами облагается... показатель выручки. Это не учитывает экономику отрасли и препятствует притоку инвестиций в неё».

Таблица 9. Объём средств стабилизационных фондов РФ в 2008–2013 гг., млрд. руб.

Показатели	2008	2009	2010	2011	2012	2013	01.08.2013
Резервный фонд	3057,9	4027,6	1830,5	775,2	811,5	1885,7	2807,0
Фонд национального благосостояния	783,3	2584,5	2769,0	2695,5	2794,4	2690,6	2858,0
Итого	3841,2	6612,1	4599,5	3470,7	3605,9	4576,3	5665,0
В % к ВВП	11,6	16,0	11,9	7,5	6,5	7,3	8,5
В % к налоговым доходам федерального бюджета	54,8	75,3	70,3	45,9	34,1	39,1	47,6

Источники: данные Министерства финансов РФ; Федерального казначейства; расчёты автора.

Рисунок 6. Чистая прибыль, коммерческие и управленческие расходы ОАО «Газпром» в 2008–2012 гг., млрд. руб.

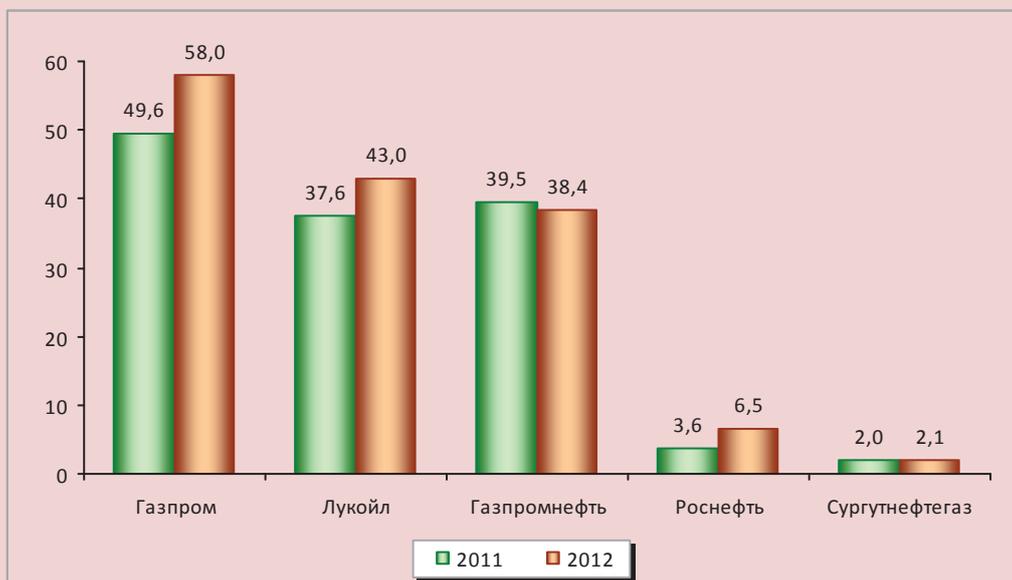
Источники: финансовая отчетность ОАО «Газпром»; расчёты автора.

Таблица 10. Дивиденды нефтегазовых компаний, начисленные в 2008–2011 гг.

Компания	2008		2009		2010		2011		2011 к 2008, раз
	млрд. руб.	%*							
Газпром	8,5	4,9	56,6	9,1	91,1	25,0	212,4	24,1	25,0
Роснефть	20,3	14,4	24,4	11,7	29,3	15,3	78,5	33,2	3,9
Лукойл	42,5	15,8	44,2	20,9	55,2	19,9	85,0	25,5	2,0
Газпромнефть	25,6	36,3	16,9	30,5	21,6	39,6	34,6	45,2	1,4
Сургутнефтегаз	31,6	22,0	24,2	21,2	27,0	20,9	38,0	16,3	1,2

* Дивиденды в % к чистой прибыли.
Источники: годовые и бухгалтерские (по РСБУ) отчеты компаний; расчёты автора.

Рисунок 7. Годовое вознаграждение основных органов управления нефтегазовых компаний в 2011–2012 гг., млн. руб. на чел.

Источники: годовые отчёты компаний; расчёты автора.

Таблица 11. Средняя заработная плата работников органов управления ОАО «Сургутнефтегаз» в 2009–2012 гг.

Показатели	2009	2010	2011	2012
Среднесписочная численность работников, чел.	106197	108995	111497	113700
В том числе основной управленческий персонал, чел.	8325	8640	8927	9181
Фонд оплаты труда (ФОТ), млрд. руб.	52,6	57,3	64,8	76,8
Оплата труда работников органов управления, % к ФОТ	21,1	20,2	30,1	34,1
Средняя заработная плата, руб. на одного работника	41280	43835	48333	56282
Средняя заработная плата работников органов управления, руб. на одного работника	110987	111672	181863	237492
В % к средней заработной плате всех работников	268,9	254,8	376,3	422,0

Источники: годовые отчёты ОАО «Сургутнефтегаз» (РСБУ); расчёты автора.

Таблица 12. Собственные средства и капитальные расходы нефтегазовых компаний в 2011–2012 гг., млрд. руб.

Показатели	Газпром		Лукойл		Роснефть		Газпромнефть		Сургутнефтегаз	
	2011	2012	2011	2012	2011	2012	2011	2012	2011	2012
Собственные средства	9086	9801	2610	2737	2362	2785	866	1071	1753	1822
В % к налогам и пошлинам	540,0	515,0	215,3	247,2	170,0	171,7	176,7	238,0	239,5	233,6
Капитальные расходы	1553	1340	273	360	391	466	131	158	126	140
В % к собственным средствам	17,1	13,7	10,5	13,2	16,6	16,7	15,1	14,8	7,2	7,7

Источники: данные консолидированной финансовой отчётности компаний; расчёты автора.

На фоне заявлений о жёстком налоговом режиме руководители сырьевых компаний не упоминают о том, что российские власти предприняли реальные шаги по его смягчению. В 2011 г. был изменён порядок взимания экспортной пошлины с нефти и нефтепродуктов, введены адресные налоговые льготы при работе на шельфе и над труднодоступными запасами нефти, что должно способствовать появлению новых инвестиционных проектов.

Говоря о налоговой нагрузке на экономику РФ, нельзя забывать о значительном числе налоговых льгот вне зависимости от уровня получаемых доходов.

К сожалению, в официальной статистике отсутствуют данные о льготах в разрезе налогоплательщиков. Отчасти эти пробелы могут быть восполнены некоторой информацией, содержащейся в отчётности ФНС.

В 2011–2012 гг. объём предоставленных налоговых преференций составил 80% от исчисленных к уплате налогов, что свидетельствует о колоссальном налоговом потенциале российской экономики (табл. 13).

Львиная доля льгот приходится на НДС. По данным ФНС, в 2012 г. сумма исчисленного НДС составила 29,2 трлн. руб. (для сравнения: в 2012 г. в консолидированный бюджет РФ поступило 23,1 трлн. руб. доходов). Из этой суммы предоставлено вычетов и возмещений 27,4 трлн. руб., освобождений от уплаты – 5,1 трлн. руб. По сути, общий объём налоговых преференций на 3,3 трлн. руб. превысил объём исчисленного к уплате НДС. При этом более 90% освобождений получили субъекты финансовой деятельности, занимавшие 4-е место в экономике по размеру прибыли.

Основное бремя по уплате НДС несут предприятия по производству автомобилей, машин, электронного оборудования, резиновых и пластмассовых изделий, а также строительные организации (табл. 14).

Если у этих налогоплательщиков на долю НДС приходится в среднем 50% уплаченных налогов, то в добывающей промышленности и финансовой деятельности – всего 7–8%.

Таблица 13. Налоговые льготы, предоставленные субъектам экономики РФ в 2011–2012 гг.

Показатели	2011		2012	
	млрд. руб.	в % к начисленной сумме	млрд. руб.	в % к начисленной сумме
Льготы, всего	24043,8	78,9	28490,0	81,8
Налог на прибыль	162,1	7,7	201,2	9,6
в том числе уменьшение налоговой базы на сумму убытка прошлых лет	95,3	4,5	134,4	6,4
НДС	23155,9	92,7	27424,0	93,8
освобождение от уплаты, всего	3335,7	13,6	5056,9	17,3
в том числе субъектов финансовой деятельности	2965,3	11,9	4642,4	15,9
Акцизы	85,3	12,7	103,7	12,3
в том числе на спирт, алкогольную продукцию, пиво и табачные изделия	26,2	3,9	16,0	1,9
НДПИ	262,9	12,6	323,9	13,1
Водный налог	1,4	44,2	1,3	50,9
Транспортный налог	1,5	6,8	1,4	6,1
Земельный налог	50,0	40,6	68,8	53,6
Налог на имущество организаций	324,6	66,9	365,6	66,3
в том числе субъекты естественных монополий	168,2	34,7	199,4	36,1
Источники: данные ФНС; расчёты автора.				

Таблица 14. Поступления НДС по видам экономической деятельности за 2012 г.

Вид экономической деятельности	Млрд. руб.	Удельный вес в общей сумме уплаченных налогов, %
Всего	1988,7	18,2
Обрабатывающие производства, всего	453,8	33,1
В том числе производство		
автомобилей	62,7	58,1
электрооборудования, электронного и оптического оборудования	66,1	48,4
машин и оборудования	75,1	46,8
резиновых и пластмассовых изделий	16,2	45,5
прочих неметаллических минеральных продуктов	40,4	43,5
текстильное и швейное	7,5	38,8
пищевых продуктов	105,6	24,7
Строительство	293,0	48,4
Финансовая деятельность	41,4	8,4
Добыча полезных ископаемых	218,0	7,2
Источники: данные ФНС; расчёты автора.		

По нашим расчётам, введение дифференцированных ставок возврата НДС при экспорте готовой продукции, полная отмена возмещения НДС экспортёрам природных ресурсов, отмена освобождения от его уплаты субъектов финансовой деятельности позволит ежегодно увеличивать наполняемость федерального бюджета на 4–5 трлн. руб. [6].

В результате предоставленной налоговым законодательством возможности отнесения на расходы суммы убытков прошлых лет⁴ налоговая база по налогу на прибыль организаций в 2012 г. уменьшилась на 134 млрд. руб. или на 6,4%. Доля организаций, представивших нулевую отчётность по налогу на прибыль, увеличилась с 24% в 2008 г. до 35,7% в 2012 г. (рис. 8).

Почти 90% федеральных льгот по налогу на имущество организаций предоставляется таким высокодоходным субъектам естественных монополий, как железнодорожные пути общего пользования, магистральные трубопроводы и линии электропередачи. Полная отмена этих преференций могла бы увеличить ежегодные поступления налога на имущество органи-

⁴ До 2005 г. разрешалось относить на расходы, уменьшающие налоговую базу, только 30% суммы убытков прошлых лет.

заций в бюджеты регионов приблизительно на 200 млрд. руб. или на 30%.

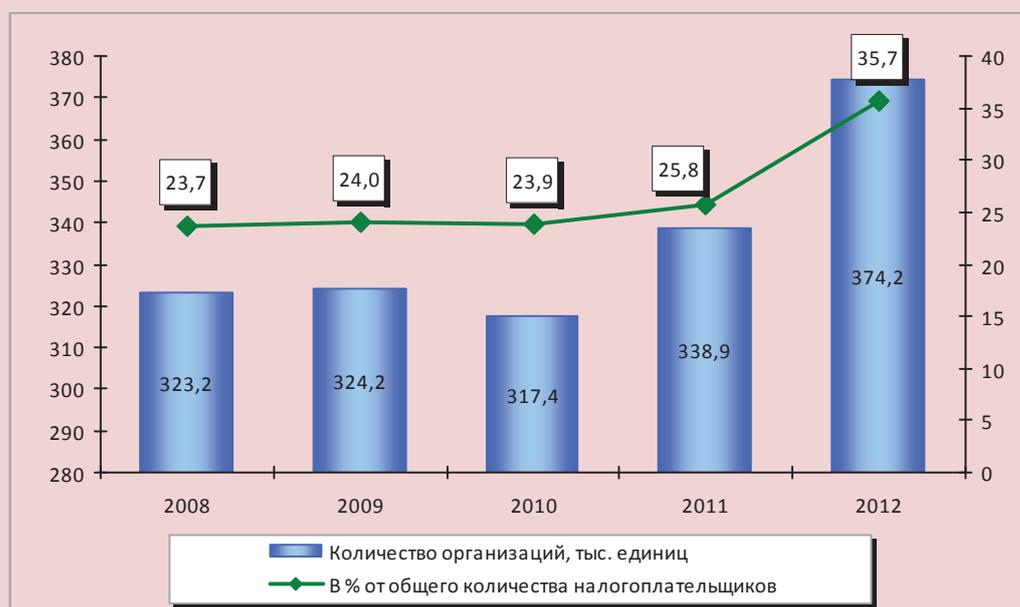
На наш взгляд, требует корректировки налоговое стимулирование производителей алкогольной и табачной продукции, получающих льготы в сфере акцизного налогообложения. Отмена указанных льгот позволит увеличить поступления акцизов в среднем на 20 млрд. руб. в год.

Из всего сказанного можно заключить, что российская система налоговых льгот, освобождений и возвратов, зачастую предоставляемых субъектам, имеющим высокую доходность, перекладывает часть налогового бремени на другой, гораздо менее рентабельный круг налогоплательщиков, усиливая неравномерность распределения налоговой нагрузки и искажая её среднее значение.

Негативное влияние на сбор налогов и формирование среднего показателя налоговой нагрузки оказывает не только широкая система налоговых преференций, но и масштабный теневой сектор экономики, общий объём которого оценивается в 46% ВВП. Это в 3,5 раза превышает размер теневых экономик таких стран, как США, Франция и Канада [8].

По данным Банка России, за 2008–2012 гг. потери денежных средств от сомни-

Рисунок 8. Количество организаций, представивших нулевую отчётность по налогу на прибыль в 2008–2012 гг.

Источники: данные ФНС; расчёты автора.

тельных экспортных сделок, фиктивных контрактов и операций с ценными бумагами, кредитами ежегодно составляли в среднем 1,1 трлн. руб. Если допустить, что на эти средства мог быть начислен налог на прибыль, то становится очевидным, что консолидированный бюджет РФ недополучался как минимум 230 млрд. руб. или более 11% поступлений налога на прибыль в год (табл. 15).

Основным методом нелегального вывода денег из страны является учреждение российскими коммерческими структурами дочерних компаний в офшорах, через которые деньги выводятся под видом экспортно-импортных операций.

Так, например, ведущие металлургические комбинаты России – Магнитогорский (ММК), Новолипецкий (НЛМК) и Череповецкий (ЧерМК) – путём использования трейдерных офшорных схем в 2008–2011 гг. вывели из-под российского налогообложения ориентировочно 308,4 млрд. руб. экспортной выручки, налог на прибыль

с которой мог бы пополнить бюджет на 65 млрд. руб. [3]. Кроме того, этим предприятиям возмещалась львиная доля НДС, уплаченного при экспорте продукции. В результате налоговая нагрузка на крупнейшие холдинги чёрной металлургии, выручка которых измеряется сотнями миллиардов рублей, была почти вдвое ниже среднероссийской (табл. 16).

На уровень налогообложения в определённой степени оказывает влияние ненадлежащее состояние налоговой дисциплины, отражением которого является наличие задолженности по платежам в бюджетную систему. Неплатежи снижают собираемость налогов на 9–16% (табл. 17).

Казалось бы, имеющуюся задолженность по налоговым платежам следует рассматривать как фактор потенциального увеличения налоговой нагрузки. Однако из таблицы 17 видно, что более половины совокупного объёма обязательств перед бюджетом составляют урегулированные и невозможные к взысканию долги, поэтому

Таблица 15. Денежные средства и налог на прибыль, недополученные в результате сомнительных внешнеторговых операций за 2008–2012 гг., млрд. руб.

Показатели	2008	2009	2010	2011	2012	В среднем за 2008–2012 гг.
Денежные средства	1487	744	789	1072	1178	1054
Условный налог на прибыль	357	179	158	214	236	230
В % к поступившему налогу на прибыль в бюджет РФ	14,2	14,2	8,9	9,4	10,0	11,3

Источники: данные Банка России; Федерального казначейства; расчёты автора.

Таблица 16. Недополученная выручка от экспортных продаж и налоговая нагрузка металлургических комбинатов в 2008–2011 гг., млрд. руб.

Показатели	ММК	НЛМК	ЧерМК	Итого
Недополученная выручка	126,8	116,0	65,6	308,4
Недополученный налог на прибыль в бюджет РФ	27,0	24,2	13,6	64,8
Уплаченные в бюджет налоги	48,7	53,9	52,0	154,6
Выручка от реализации	812,0	732,0	852,0	2396
Средняя налоговая нагрузка, % к выручке	6,0	7,4	6,1	6,5
Справочно: средняя налоговая нагрузка по РФ, %	11,3			

Таблица 17. Задолженность по платежам в бюджетную систему РФ, млрд. руб.

Показатели	01.01.2012	01.01.2013	01.07.2013
Уровень собираемости налогов, %	90,6	91,3	83,6
Задолженность, всего	1004,7	1047,6	1067,9
В том числе урегулированная* и невозможная к взысканию	547,8	583,4	576,9
В % к общей сумме задолженности	54,5	55,7	54,0

* Реструктурированная, отсроченная, рассроченная, приостановленная к взысканию в связи с введением процедуры банкротства задолженности.
Источники: данные ФНС; расчёты автора.

вряд ли размер накопленной задолженности прошлых лет приведёт к заметному повышению уровня налоговой нагрузки в будущем.

Результаты проведённого исследования позволяют заключить, что высокая степень неравномерности распределения налоговой нагрузки вопреки основополагающему принципу справедливости налогообложения является одной из ключевых проблем российской налоговой системы. Налоговое обременение обрабатывающих производств, с одной стороны, и предоставление широкого перечня налоговых преференций высокодоходным отраслям – с другой, не позволяют выйти на траекторию модернизационного роста экономики, ограничивают возможности осуществлять долгосрочные вложения

капитала в развитие и создание новых технологий, снижают конкурентоспособность отечественной продукции⁵.

Представляется, что проблема ограничения налогового давления в отношении обрабатывающих производств в значительной степени может быть решена путём расширения налогооблагаемой базы за счёт следующих нереализованных резервов.

Во-первых, отмены ряда налоговых льгот и освобождений, прежде всего касающихся финансового сектора экономики, крупнейших экспортёров сырья и полуфабрикатов, субъектов естественных монополий, производителей алкогольной и

⁵ Согласно данным Росстата, в товарной структуре российского экспорта на долю машин, оборудования и транспортных средств приходится 4,5%, а на долю минеральных продуктов – 70,3%.

табачной продукции. По нашим расчётам, это позволит увеличить доходы консолидированного бюджета РФ в среднем на 4,3–5,3 трлн. руб. в год.

Во-вторых, вовлечения в сферу налогообложения теневого бизнеса. Только по данным официальной статистики нелегальный вывоз капитала из страны ежегодно составляет в среднем 1,1 трлн. руб., а потери бюджета от так называемых «фирм-однодневок» оцениваются от 0,5 до 1 трлн. руб.

В-третьих, погашения имеющейся задолженности по платежам в бюджет, в первую очередь высокодоходными отраслями экономики, на долю которых приходится более 40% накопленных долгов⁶.

Исходя из результатов проведённого анализа, сформулируем концептуальные направления налоговой политики в контексте эффективного распределения налоговой нагрузки:

1. Концентрация налоговых стимулов в точках экономического роста, льготные режимы налогообложения экспортной продукции перерабатывающих и высокотехнологичных отраслей, а также инвестиционной деятельности.

2. Дифференциация налоговых ставок, в первую очередь по НДС, в соответствии с производственными особенностями, в зависимости от уровня доходности и состояния материально-технической базы.

3. Введение налогообложения прибыли и доходов, вывозимых за рубеж.

4. Переориентация механизма распределения нефтегазовых доходов с концентрации их в стабилизационных фондах на основные источники финансирования модернизации российской экономики.

5. Упрощение методик исчисления налоговой базы, снижение количества отчётности о налогах и сборах для налогоплательщиков, повышение прозрачности и доступности статистической информации налоговых органов.

Бесспорно, в условиях кризиса федерального и особенно региональных бюджетов проблема дополнительных доходов становится ключевой. Для её решения необходим системный анализ имеющихся в экономике резервов и постоянная корректировка уровня налоговой нагрузки относительно конкретных налогоплательщиков.

Литература

1. Губанов, С. Системный выбор России и уровень жизни / С. Губанов // Экономист. — 2011. — №11. — С. 3.
2. Дмитриева, О.Г. Лишние деньги Отечества / О.Г. Дмитриева // Аргументы недели. — 2013. — №5.
3. Ильин, В.А. Бюджетный кризис регионов / В.А. Ильин, А.И. Поварова. — Вологда: ИСЭРТ РАН, 2013. — 125 с.
4. Налоговый кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] // Справочно-поисковая система «КонсультантПлюс».
5. Основные направления налоговой политики на 2014 год и плановый период 2015 и 2016 годов // Официальный сайт Министерства финансов РФ. — Режим доступа: <http://www1.minfin.ru/ru/>
6. Поварова, А.И. Неэффективное администрирование НДС как угроза экономической безопасности России / А.И. Поварова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2013. — №2. — С. 126.
7. Соколов, М. Мера налоговой нагрузки в нефтегазовом секторе / М. Соколов // Экономист. — 2013. — №6. — С. 50.
8. Теневую экономику России оценили в 46% ВВП // Официальный сайт журнала «Forbes». — Режим доступа: <http://www.forbes.ru/news/234247>

⁶ Согласно данным Росстата, в товарной структуре российского экспорта на долю машин, оборудования и транспортных средств приходится 4,5%, а на долю минеральных продуктов — 70,3%.

ОРГАНИЗАЦИЯ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

УДК 001.891(470)

ББК 72.4(2)

© Третьякова О.В., Кабакова Е.А.

Возможности и перспективы использования индексов цитирования в оценке результатов деятельности научного учреждения

**Ольга Валентиновна
ТРЕТЬЯКОВА**

кандидат филологических наук, зав. отделом ИСЭРТ РАН
olga.tretyakova@yandex.ru

**Елена Алексеевна
КАБАКОВА**

инженер-исследователь ИСЭРТ РАН
vologdascience@gmail.com

Возрастающая общественная значимость научного знания обуславливает постепенное проникновение наукометрических показателей в сферу регулирования деятельности ученых. Публикационные и цитатные показатели сегодня заявлены в правительственных документах как целевые индикаторы состояния науки.

В статье представлены общие подходы к наукометрическому анализу деятельности научного учреждения; предпринята попытка дать оценочную характеристику публикационной активности институтов, входящих в состав Секции экономики Отделения общественных наук РАН, а также научно-образовательных организаций Вологодской области. В качестве механизма оценки научной работы использованы статистические данные Российского индекса научного цитирования (РИНЦ). Ранжирование организаций проведено по нескольким критериям: общему числу публикаций в РИНЦ, числу цитирований и значению индекса Хирша.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что сегодня для принятия эффективных управленческих решений в сфере науки необходимо создание системы объективной оценки результатов научной деятельности. Частью такой системы видится Российский индекс

научного цитирования. В совокупности с квалифицированной экспертной оценкой, позволяющей учитывать специфику научной деятельности, наукометрические индикаторы, представленные в том числе и в РИНЦ, в перспективе могут использоваться для объективной и полновесной оценки научного потенциала регионов и страны в целом.

Наукометрия, индекс цитирования, РИНЦ, реферативная база данных, оценка эффективности научно-исследовательской деятельности, публикационная активность.

В последние годы в качестве показателей эффективности деятельности ученых, исследовательских организаций, национальной науки в целом стали активно использоваться данные о числе публикаций и цитирований. Публикационные и цитатные показатели рассматриваются как целевые индикаторы состояния науки в утвержденной Распоряжением Правительства РФ «Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года»¹ и в Указе Президента РФ «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки»² от 7 мая 2012 года.

По мнению специалистов, занимающихся библиометрическими исследованиями, анализ цитирований позволяет выявить закономерности и определить вероятностные темпы развития науки, служит эффективным методом изучения коммуникации в профессиональном сообществе, дисциплинарной структурой науки, механизмом рождения нового знания³.

¹ Об утверждении Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года: распоряжение Правительства РФ от 08.12.2011 №2227-р [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=123444>

² О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки: Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. №599 // Российская газета. – 2012. – 7 мая [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2012/05/09/nauka-dok.html>

³ См., например: Бредихин С.В., Кузнецов А.Ю., Щербакова Н.Г. Анализ цитирования в библиометрии. – Новосибирск: ИВМиМГ СО РАН, НЭИКОН, 2013; Писляков В.В. Методы оценки научного знания по показателям цитирования // Социологический журнал. – 2007. – № 01. – С. 128-140.

Зарубежные ученые, стоявшие у истоков создания реальных инструментов анализа научной информации, рассматривали результаты анализа цитирований как «достаточно объективную меру производительности труда ученого» [3]. Созданные во второй половине XX века международные и национальные индексы цитирований стали востребованы в качестве одного из инструментов принятия решений относительно эффективности и важности тех или иных научных разработок в рассматриваемой области исследований.

Данные глобальных индексов цитирования, среди которых ведущими являются международные базы данных Web of Science компании Thomson Reuters (США)⁴ и Scopus издательства Elsevier (Голландия)⁵, сегодня заявлены как целевые параметры для оценки качества и продуктивности научной деятельности отдельных ученых, организаций и страны в целом.

Web of Science (WoS) ведет историю своего развития с указателя цитирования научной литературы, разработанного в середине XX века американским ученым Ю. Гарфилдом. В течение нескольких десятилетий данные, собранные в этом указателе, расширились и публиковались Институтом научной информации (Филадельфия). В 1992 году Институт вошел в корпорацию Thomson.

⁴ Web of Science [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://thomsonreuters.com/web-of-science/>

⁵ Scopus [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.scopus.com/>

В настоящее время Web of Science включает семь баз данных, охватывающих практически все области знаний, три из которых обрабатывают порядка 12 тысяч журналов (Social Science Citation Index⁶, Science Citation Index Expanded⁷ и Arts and Humanity Science Citation Index⁸). В классификаторе WoS около 250 тематических разделов по фундаментальным и инженерным наукам, медицине, сельскому хозяйству, социальным и гуманитарным наукам [9, с. 7-8]. Эти данные являются основой модуля оценки цитируемости научных журналов – Journal Citation Reports⁹, содержащего ряд показателей цитируемости, среди которых наиболее известным является импакт-фактор.

База данных SCOPUS издательства Elsevier по объему представленных документов (более 36 млн. записей) и числу отражаемых в ней периодических изданий (более 17 тыс.) является самой крупной реферативной и аналитической базой данных в мире. Ежегодно Elsevier принимает к рассмотрению для включения в свою базу около 2 тысяч издаваемых в разных странах и на разных языках научных журналов.

Однако использование показателей зарубежных баз для оценки научной деятельности российских ученых не дает объективной картины. Это вызвано тем, что отечественные публикации слабо представлены в этих базах: по данным на август 2013 г. на долю российских ученых при-

ходится 1,9% в общем числе публикаций в Scopus и 1,2% – Web of Science [9, с. 13].

Вместе с тем всё большую актуальность приобретает вопрос о создании национального индекса цитирования, который мог бы стать альтернативой зарубежным базам данных.

В России в настоящее время наукометрической проблематикой, и в частности определением индекса цитируемости ученых, занимаются такие ведущие информационные и библиотечные центры, как ВИНТИ, БАН РАН, ГПНТБ СО РАН, Государственный университет – Высшая школа экономики, и ряд других организаций. Библиометрический анализ постепенно становится общепринятым инструментом для измерения публикационной активности научно-исследовательских учреждений и высших учебных заведений страны. Он позволяет ученым осознать оправданность и целесообразность их исследований, выявить спрос на научные работы в тех или иных областях.

Создание в 2005 году и последующее развитие Российского индекса научного цитирования¹⁰ в Научной электронной библиотеке имело большое значение для наукометрических исследований (НЭБ, eLibrary.ru).

Необходимость введения национальной системы оценки и анализа публикационной активности и цитируемости отечественных исследователей, организаций и изданий была обусловлена прежде всего непрезентативной представленностью российской периодики в зарубежных изданиях, сложностью использования зарубежных баз данных для статистического анализа, а также их ценовой доступностью [15].

⁶ Social Sciences Citation Index [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://thomsonreuters.com/social-sciences-citation-index/>

⁷ Science Citation Index Expanded [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://thomsonreuters.com/science-citation-index-expanded/>

⁸ Arts&Humanities Citation Index [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://thomsonreuters.com/arts-humanities-citation-index/>

⁹ Journal Citation Reports [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://thomsonreuters.com/journal-citation-reports/>

¹⁰ Российский индекс научного цитирования // Научная электронная библиотека [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://elibrary.ru/projects/citation/cit_index.asp

В основе национальной системы лежит библиографическая реферативная база данных, в которой аккумулируются более 4,7 миллиона публикаций российских авторов и информация о цитировании этих публикаций в более чем 4 тысячах российских журналов. В последнее время в РИНЦ стали включаться и научные публикации других типов: доклады на конференциях, монографии, учебные пособия, патенты, диссертации. База содержит сведения о выходных данных, предметной области, авторе публикации, месте его работы, а также ключевые слова, аннотации и пристатейные списки литературы [15].

Создание планомерно расширяющейся единой электронной реферативной базы научных статей, опубликованных в отечественных журналах, и монографий получило поддержку в научном сообществе. Однако, когда речь заходит об использовании этой базы для оценивания публикационной деятельности конкретного ученого или научной организации, объективность данных РИНЦ подвергается сомнению¹¹. В частности, эксперты указывают на то, что в круг индексируемых РИНЦ попали издания, которые не могут быть однозначно отнесены к разряду научных; а также на наличие алгоритмических ошибок, приводящих к нестыковке числовых параметров, некорректному отнесению публикаций к авторам и организациям, потере публикаций и ссылок. Множество вопросов вызы-

¹¹ См., например: Каленов Н.Е., Селюцкая О.В. Некоторые оценки качества Российского индекса научного цитирования на примере журнала «Информационные ресурсы России» // Информационные ресурсы России. – 2010. – №6. – С. 2-13; Михайлов О.В. Критерии и параметры объективной оценки качества научной деятельности // Вестник Российской академии наук. – 2011. – Т. 81. – №7. – С. 622-625; Тихонов В.В. Историческая наука через призму Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mkonf.iriran.ru/papers.php?id=42>.

вает и учет самоцитирования. Отмечается, что показатели, формируемые в РИНЦ, в существенной мере зависят от организационной активности руководителей научных учреждений и издателей, от своевременности занесения материалов в базу. Эти претензии справедливы. Но нельзя не видеть то, что в РИНЦ осуществляется активное накопление ресурсов, перенимается опыт аналогичных зарубежных баз, ведется поиск путей сотрудничества с иностранными институтами наукометрических измерений.

На наш взгляд, показатели Российского индекса научного цитирования можно использовать для оценочной характеристики деятельности отдельных ученых и учреждений в целом. Однако при этом необходимо соблюдать осторожность, чтобы не упустить из виду специфику научной деятельности, и использовать эти данные в качестве дополнения к квалифицированной экспертной оценке.

Учитывая это, мы применили показатели РИНЦ для оценки публикационной активности Института социально-экономического развития территорий Российской академии наук в сравнении с научными учреждениями, входящими в состав Секции экономики Отделения общественных наук РАН, зарегистрированными в РИНЦ, а также научными организациями Вологодской области. Такой подход дает возможность оценить эффективность научно-исследовательской деятельности организации в соответствующей научной отрасли и обозначить ее вклад в развитие научного потенциала региона.

Однако сразу же отметим, что представленные в исследовании результаты не претендуют на полноту изучения проблемы. Они затрагивают вопросы, которые можно отнести к проблеме формирования общих подходов к данному анализу.

Первичный анализ основывается на том положении, что если рассматривать науку как процесс получения знания, то необходимо прежде всего проследить за ростом числа научных публикаций, считая их носителями нового знания. В этом аспекте публикация представляет ключевой момент в производстве научных знаний: она формирует результаты исследований, делает их достоянием общественности, обеспечивая их передачу и подтверждение.

Для нашего анализа было решено использовать показатели ретроспективы – начиная с 2008 года, когда РИНЦ набрал достаточные для анализа масштабы и получил фактическое признание в научной среде и официальных источниках.

Как видно из данных *таблицы 1*, общее количество зарегистрированных в РИНЦ публикаций институтов Секции экономики ООН РАН за 2008–2012 гг. составило 9958, из них более половины (61,68%) приходится на долю пяти институтов: Институт экономики РАН – 19,87%, Институт экономики и организации промышленного дела производства СО РАН – 13,60%, Институт экономики УрО РАН – 13,18%, Центральный экономико-математический институт РАН – 7,84% и Институт социально-экономического развития территорий (ИСЭРТ) РАН – 7,19%.

За анализируемый период сотрудники Института социально-экономического развития территорий РАН обеспечили существенный прирост абсолютного количества статей – со 108 в 2008 году до 207 в 2012 году, т.е. почти вдвое. Доля ИСЭРТ РАН в общем количестве представленных в РИНЦ публикаций институтов Секции экономики РАН за этот период выросла до 7%.

Очевидно, что количество публикаций может служить лишь первичным

критерием оценки научной и публикационной активности учреждения. Данный показатель не несет в себе информации о качестве научной продукции и ее востребованности. Поэтому в современной наукометрии используется индекс цитирования как наиболее объективный показатель в оценке научной деятельности. Под ним понимается количество распределенных по годам ссылок на работы определенного исследователя или организации, выполненные в соответствующей отрасли научной деятельности. Цитирование показывает, что эти работы оказали влияние на других ученых. В *таблице 2* приводится ранговое распределение институтов Секции экономики ООН РАН по частоте цитирования работ, выполненных их сотрудниками, за указанный период.

Данные таблицы свидетельствуют, что в 2008 году по общему числу цитирований ИСЭРТ РАН существенно отставал от институтов-лидеров. В последующие годы рассматриваемый показатель увеличился (в 12 раз в 2012 г. по сравнению с 2008 г.), что в итоге позволило ИСЭРТ РАН занять 7 место в рейтинге институтов Секции экономики ООН РАН по общему числу цитирований за период 2008–2012 гг. При этом, по вполне очевидным причинам, наиболее высокий ранг имеют институты, расположенные в Москве. Вместе с тем у «нестоличных» институтов возрастает возможность повысить свой ранг, так как именно они должны участвовать в разработке мер по модернизации экономического пространства страны. Наметившаяся в последние два-три года тенденция свидетельствует о значительном потенциале ускоренного продвижения «нестоличных» академических учреждений по этому пути.

Таблица 1. Общее число публикаций научных учреждений Секции экономики ООН РАН в РИНЦ (по состоянию на 25.10.2013)

Учреждение	Общее количество публикаций в 2008–2012 гг.	Удельный вес в количестве публикаций Секции экономики ООН РАН, %	Количество публикаций			Общее количество публикаций за 2013 г. по состоянию на 25.10.2013
			2008 г.	2012 г.	Темп роста, %	
Институт экономики РАН	1979	19,87	406	409	101	224
Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН	1354	13,60	267	305	114	166
Институт экономики УрО РАН	1312	13,18	244	308	126	158
Центральный экономико-математический институт РАН	781	7,84	179	177	99	142
Институт социально-экономического развития территорий РАН	716	7,19	108	207	192	147
Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН	646	6,49	123	125	102	20
Институт экономических проблем имени Г.П. Лузина Кольского НЦ РАН	644	6,47	107	139	130	53
Институт социально-экономических исследований Дагестанского НЦ РАН	480	4,82	108	55	51	18
Институт аграрных проблем РАН	365	3,67	63	72	114	21
Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН	352	3,53	69	72	104	48
Институт проблем региональной экономики РАН	287	2,88	52	64	123	26
Институт экономических исследований ДВО РАН	257	2,58	41	64	156	29
Институт проблем рынка РАН	188	1,89	23	50	217	31
Институт экономики Карельского НЦ РАН	128	1,29	11	51	464	21
Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН	126	1,27	17	25	147	16
Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного НЦ РАН	116	1,16	2	51	В 25,5 раза	27
Институт социально-экономических исследований Уфимского НЦ РАН	85	0,85	2	28	В 14 раз	25
Санкт-Петербургский экономико-математический институт РАН	73	0,73	15	9	60	3
Сочинский научно-исследовательский центр РАН	69	0,69	17	15	88	7
Итого	9958	100	1854	2226	12,2	1182

Таблица 2. Общее число цитирований научных учреждений
Секции экономики ООИ РАН в РИНЦ (по состоянию на 25.10.2013)

Учреждение	Общее число цитирований за 2008–2012 гг.	Ранг	Общее число цитирований авторов			
			2008 г.	2012 г.	Темп роста, %	За 2013 г. по состоянию на 25.10.2013
Институт экономики РАН	2 655	1	381	702	184	455
Центральный экономико-математический институт РАН	2 389	2	275	721	262	679
Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН	2 138	3	213	655	308	363
Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН	2 032	4	326	495	152	206
Институт экономики УрО РАН	1448	5	93	646	В 7 раз	483
Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН	806	6	93	202	217	84
Институт социально-экономического развития территорий РАН	677	7	29	333	В 12 раз	327
Институт экономических исследований ДВО РАН	399	8	27	148	В 5,5 раза	52
Институт проблем рынка РАН	300	9	26	91	350	35
Институт экономических проблем имени Г.П. Лузина Кольского НЦ РАН	197	10	16	83	В 5 раз	56
Институт проблем региональной экономики РАН	149	11	8	65	В 8 раз	29
Институт аграрных проблем РАН	135	12	8	50	В 6 раз	12
Санкт-Петербургский экономико-математический институт РАН	119	13	15	26	173	12
Институт социально-экономических исследований Дагестанского НЦ РАН	108	14	11	44	В 4 раза	22
Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН	100	15	9	41	В 4,6 раза	17
Сочинский научно-исследовательский центр РАН	70	16	4	8	200	12
Институт экономики Карельского НЦ РАН	62	17	1	37	В 37 раз	18
Институт социально-экономических исследований Уфимского НЦ РАН	42	18	4	24	В 6 раз	14
Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного НЦ РАН	15	19	0	7	-	13

В РИНЦ, на наш взгляд, позитивно решается также еще одна важная задача. Она связана с установлением показателя научной продуктивности исследователя,

основанного на распределении цитирований его работ. Данный расчет базируется на идее американского физика Х. Хирша, предложившего в 2005 году рассчитывать

соотношение количества публикаций ученого и их цитирований¹². Это соотношение принято называть индексом Хирша, или *h*-индексом.

Введение данной метрики Х. Хирш аргументировал ее предпочтительностью перед такими критериями оценки, как количество работ, деленное на общее количество цитирований, или количество цитирований, приходящихся на одну работу [18]. Западные коллеги Х. Хирша, отмечая преимущества *h*-индекса перед другими показателями подобного рода, делают акцент на том, что этот индекс дает возможность учитывать не только количество публикаций, но и их востребованность, тем самым являясь результатом баланса между количеством публикаций и количеством цитирований, полученных каждой публикацией [17].

Несмотря на то что ряд ученых высказывают сомнение относительно корректности применения *h*-индекса для вычисления научной производительности [19, 20], отмечая прежде всего неспособность данного показателя выявлять важные работы, созданные в прошлом, и работы, которые продолжают существенно влиять на научное мышление. Вместе с тем нельзя отрицать, что *h*-индекс полезен в качестве общепринятой меры академических достижений.

Оригинальное определение индекса Хирша ориентировано на сравнение производительности авторов, тем не менее он используется для оценивания научных сообществ.

В отношении научных учреждений индекс Хирша вычисляется в РИНЦ на основе распределения цитирований работ

исследователей. *h*-индекс *h* получается, если *n* из общего количества (*N_p*) статей сотрудников данного учреждения цитируется как минимум *h* раз каждая, в то время как оставшиеся (*N_p – h*) статьи цитируются не более чем *h* раз каждая. Можно сказать, что индекс Хирша характеризует масштабность и успешность исследовательской и публикационной деятельности организации и отражает усредненную публикационную активность исследователей.

В *таблице 3* представлено рассчитанное РИНЦ ранговое положение институтов Секции экономики ООН РАН по индексу Хирша.

Высокие значения индекса Хирша в РИНЦ имеют три института Секции экономики ООН РАН (от 20 и выше): Институт экономики РАН (23), Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН (22), Центральный экономико-математический институт РАН (21).

Пять институтов демонстрируют среднее значение индекса Хирша (от 10 до 20); одиннадцать – менее 10.

Индекс Хирша Института социально-экономического развития территорий РАН равен 12. Данный индикатор означает, что в базе данных РИНЦ представлено не менее 12 научных работ института, каждая из которых имеет цитируемость 12 и выше. Наукометрическая отечественная практика признает такое значение индекса Хирша (12) показателем устойчивости качества научной продукции исследовательского коллектива.

Как уже было отмечено выше, показатели индексов цитирования могут быть использованы и для оценки вклада организаций в развитие научного потенциала региона. В этом случае данные о публикационной активности представляют собой сведения о востребованности и значимости результатов их деятельности.

¹² Hirsch J.E. An index to quantify an individual's scientific research output // Proc. Of the National Acad. Sci. USA. 2005. V. 102, No.46. P.16569–16572.

Таблица 3. Индекс Хирша по учреждениям, относящимся к Секции экономики
ООН РАН (по состоянию на 25.10.2013)

Учреждение	h-индекс	Ранговое место
Институт экономики РАН	23	1
Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН	22	2
Центральный экономико-математический институт РАН	21	3
Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН	16	4
Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН	15	5
Институт экономики УрО РАН	14	6
Институт социально-экономического развития территорий РАН	12	7
Институт проблем рынка РАН	10	8
Институт экономических исследований ДВО РАН	9	9
Институт экономических проблем имени Г.П. Лузина Кольского НЦ РАН	7	10
Институт проблем региональной экономики РАН	6	11-13
Санкт-Петербургский экономико-математический институт РАН	6	11-13
Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН	6	11-13
Институт аграрных проблем РАН	5	14
Институт экономики Карельского НЦ РАН	4	15-18
Институт социально-экономических исследований Дагестанского НЦ РАН	4	15-18
Институт социально-экономических исследований Уфимского НЦ РАН	4	15-18
Сочинский научно-исследовательский центр РАН	4	15-18
Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного НЦ РАН	3	19

Изучение представленных в РИНЦ данных позволило нам определить позиции ИСЭРТ РАН в отношении публикационной активности по сравнению с другими, расположенными на территории Вологодской области научно-исследовательскими организациями и учреждениями высшего профессионального образования. Следует отметить, что по количеству исследовательских организаций Вологодская область уступает Архангельской и Мурманской областям, Республике Карелия и Республике Коми, Ленинградской области и тем более г. Санкт-Петербургу, входящим в Северо-Западный федеральный округ.

И все же отражаемые в ресурсах РИНЦ данные позволяют утверждать, что ИСЭРТ РАН вышел на лидирующие позиции среди учреждений науки и высшего образования Вологодской области по основным наукометрическим параметрам (табл. 4).

Таким образом, результаты проведенного анализа позволяют нам сделать следующие выводы.

Во-первых, изучение накопленного в РИНЦ ресурса подтверждает важность наукометрических показателей для современного ученого в отдельности и научных организаций в целом. Это диктуется и складывающейся в России системой управления наукой.

Таблица 4. Основные наукометрические показатели государственных научно-исследовательских организаций и вузов Вологодской области в РИНЦ

Учреждение	Публикации за 2008–2013 гг.		Показатель цитирования за 2008–2013 гг.		Среднее число публикаций в расчете на 1 автора		Среднее число цитирований в расчете на 1 автора		Индекс Хирша	
	Количество	Ранговое место	Количество	Ранговое место	Число	Ранговое место	Число	Ранговое место	Числовое значение	Ранговое место
Череповецкий государственный университет	1203	1	398	3	5,76	6	1,40	3	8	3-4
Институт социально-экономического развития территорий РАН	863	2	1004	1	6,12	5	2,59	2	12	1
Вологодский государственный педагогический университет	650	3	356	4	4,42	7	0,90	6	10	2
Вологодский государственный технический университет	643	4	453	2	3,74	8	0,97	5	8	3-4
Вологодский институт права и экономики	399	5	73	5	11,10	2	1,10	4	4	5
Вологодская государственная молочнохозяйственная академия им. В.В. Верещагина	317	6	70	6	8,71	4	0,63	7	3	6
Северо-Западный НИИ молочного и лугопастбищного хозяйства РАСХН	58	7	25	8	3,05	9	0,50	8-9	2	7-9
Филиал Санкт-Петербургского государственного экономического университета в г. Вологде	57	8	0	12-14	9,00	3	0,00	11-12	0	12-13
Вологодский институт бизнеса	41	9	1	11	11,50	1	0,50	8-9	1	10-11
Череповецкий военный инженерный институт радиоэлектроники	20	10	11	9	1,83	12	0,42	10	2	7-9
Вологодский институт развития образования	19	11	2	10	-	-	-	-	1	10-11
Вологодская областная универсальная научная библиотека им. И.В. Бабушкина	11	12	0	12-14	2,50	10-11	0,00	11-12	0	12-13
Центр гигиены и эпидемиологии Вологодской области	2	13	33	7	2,50	10-11	10,00	1	2	7-9
Вологодское отделение Государственного научно-исследовательского института озерного и речного рыбного хозяйства	0	14	0	12-14	-	-	-	-	-	-

Во-вторых, появление и развитие русскоязычного ресурса, каковым является РИНЦ, стимулирует интерес российских ученых, руководителей и специалистов к его использованию в целях повышения эффективности научно-исследовательской деятельности.

В-третьих, сегодня результативность и эффективность деятельности отдельных научно-исследовательских организаций может оцениваться и с привлечением данных национального индекса цитирования. Так, эти данные свидетельствуют о том, что Институт социально-экономического развития территорий РАН наращивает свою публикационную активность, повышает качество публикаций, их научную и практическую значимость.

В-четвертых, пока еще имеет место неактивное использование ресурсов РИНЦ. В этом отношении необходимы дополнительные организационные и экономические меры. Речь, в частности, идет о повышении профессионализма специалистов, участвующих в формировании РИНЦ, уровне накопления базы данных, о регулярности анализа публикуемых результатов знаний.

Разработка наукометрических измерений и их сопоставление открывают новые грани научной деятельности, дают возможность скорректировать ее направления и

содержание, дать ей оценку, сравнить её результаты с результатами других исследований.

Следует, однако, принимать во внимание то, что сведения, представленные как в РИНЦ, так и в зарубежных индексах цитирования, не могут сегодня использоваться для абсолютной оценки научной деятельности отдельных ученых и учреждений в целом. Эти показатели, не всегда объективно учитывающие специфику научной деятельности, могут применяться в комплексе с квалифицированной экспертной оценкой. Являясь динамическими, они довольно быстро изменяются, что делает оценку, основанную на этих данных, объективной только на определенный временной период.

Тем не менее результаты проведенного нами анализа публикационной активности научных учреждений свидетельствуют о том, что работа, связанная с занесением их публикаций в информационно-аналитическую систему РИНЦ, крайне важна. На сегодняшний день существует очевидная потребность в более широком представлении в РИНЦ результатов научно-исследовательской деятельности учреждений, чтобы объективно и в полной мере оценить научный потенциал регионов и страны в целом.

Литература

1. Бредихин, С.В. Анализ цитирования в библиометрии / С.В. Бредихин, А.Ю. Кузнецов, Н.Г. Щербакова. – Новосибирск: ИВМиМГ СО РАН, НЭИКОН, 2013.
2. Дьяченко, Е.Л. Интернационализация в науке: дисциплинарные различия / Е.Л. Дьяченко // Социологические исследования. – 2013. – №8. – С. 101-110.
3. Гарфилд, Ю. Можно ли выявлять и оценивать научные достижения и научную продуктивность? / Ю. Гарфилд // Вестник Акад. наук СССР. – 1982. – №7. – С. 42-50.
4. Жукова, И.А. Индекс научного цитирования – трансформация практик применения (от инструмента библиографического поиска к инструменту оценивания) / И.А. Жукова // Социология: методология, методы, математическое моделирование. – 2012. – №34. – С. 054-080.
5. Заиченко, С.А. Использование статистических методов и показателей в научной деятельности вуза / С.А. Заиченко // Вопросы статистики. – 2008. – №1. – С. 31-42.
6. Каленов, Н.Е. Некоторые оценки качества Российского индекса научного цитирования на примере журнала «Информационные ресурсы России» / Н.Е. Каленов, О.В. Селюккая // Информационные ресурсы России. – 2010. – №6. – С. 2-13.

7. Касимова, Р.Г. Наукометрические показатели как один из индикаторов качества научной продукции / Р.Г. Касимова // *Науковедение*. – 2002. – №1. – С. 132-143.
8. Квелидзе-Кузнецова, Н.Н. Библиометрические ресурсы как инструмент анализа и оценки научной деятельности / Н.Н. Квелидзе-Кузнецова, С.А. Морозова // *Совершенствование подготовки и аттестации научных и научно-педагогических кадров высшей квалификации: сб. тр. / УМО вузов России по направлениям пед. образования; Науч.-метод. совет по подгот. кадров высш. квалификации; РГПУ*. – СПб., 2009. – Вып. 2. – С. 182-207.
9. Кириллова, О.В. Редакционная подготовка научных журналов по международным стандартам. Рекомендации эксперта БД Scopus / О.В. Кириллова. – М., 2013. – Ч. 1. – 90 с.
10. Маркусова, В.А. Библиометрические показатели российской науки и РАН (1997–2007) / В.А. Маркусова, В.В. Иванов, А.Е. Варшавский // *Вестник РАН*. – 2009. – Т. 79. – №7. – С. 483-491.
11. Михайлов, О.В. Критерии и параметры объективной оценки качества научной деятельности / О.В. Михайлов // *Вестник Российской академии наук*. – 2011. – Т. 81. – №7. – С. 622-625.
12. Об утверждении Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года: распоряжение Правительства РФ от 08.12.2011 №2227-р [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=123444>
13. О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки: Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. №599 // *Российская газета*. – 2012. – 7 мая [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2012/05/09/nauka-dok.html>
14. Писляков, В.В. Методы оценки научного знания по показателям цитирования / В.В. Писляков // *Социологический журнал*. – 2007. – №1. – С. 128-140.
15. Российский индекс научного цитирования // Научная электронная библиотека [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://elibrary.ru/projects/citation/cit_index.asp
16. Тихонов, В.В. Историческая наука через призму Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) [Электронный ресурс] / В.В. Тихонов. – Режим доступа: <http://mkonf.iriran.ru/papers.php?id=42>
17. Glänzel, W. On the opportunities and limitations of the H-index // *Sci. Focus*. 2006. V. 67. No. 1. P. 10–11.
18. Hirsch, J.E. An index to quantify an individual's scientific research output // *Proc. Of the National Acad. Sci. USA*. 2005. V. 102. No. 46. P. 16569–16572.
19. Lehnmann S., Jackson A.D., Lautrup B.E. Measures and mismeasures of scientific quality. Available at: <http://arxiv.org/abs/physics/0512238>.
20. Sidiropoulos A., Katsaros D., Manolopoulos Y. Generalized Hirsch h-index for disclosing latent facts in citation networks // *Scientometrics*. 2007. V. 72. iss. 2. P. 253–280.

УДК 76.17(2Рос-4Вол)

ББК 655.4/.5(470.12)

© Сычев М.Ф., Загребельный А.В.

К вопросу о соответствии современного научного журнала международным стандартам качества

**Михаил Федорович
СЫЧЕВ**

кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник ИСЭРТ РАН
common@vscc.ac.ru

**Артур Владимирович
ЗАГРЕБЕЛЬНЫЙ**

кандидат филологических наук, научный сотрудник ИСЭРТ РАН
common@vscc.ac.ru

На примере научного журнала «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» рассматривается вопрос о степени соответствия современного научного издания международным стандартам качества. Авторами статьи введено понятие «международный стандарт качества научного журнала», дано его определение. Проведен анализ выпуска журнала «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» за 2013 г., определена степень его соответствия международным стандартам качества, намечены цели и задачи «развития» журнала в 2014 г.

Международный стандарт качества научного журнала, «развитие» журнала, анкетный опрос, Scopus, РИНЦ, импакт-фактор.

В текущем году были приняты и начали реализовываться ключевые решения по реформированию системы подготовки специалистов высших научных квалификаций. На сайте Высшей аттестационной

комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации размещён проект приказа об утверждении Положения о правилах формирования перечня рецензируемых научных изданий, в кото-

рых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук. В случае утверждения данного документа в значительной степени будут пересмотрены существующие требования, предъявляемые к периодическим научным изданиям, выдвигаемым на включение в Перечень ВАК.

В свете отмеченных событий особенно актуальным представляется вопрос о степени соответствия современных отечественных научных журналов международным стандартам качества. В рамках данной статьи указанная проблема будет рассмотрена на примере журнала «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз».

Следует отметить, что как таковое понятие «международный стандарт качества научного журнала» не существует. Есть более или менее однородный перечень требований, предъявляемых к научным периодическим изданиям крупнейшими зарубежными базами данных. Принимая во внимание тот факт, что в соответствии с ныне действующими критериями включения научных изданий в Перечень ВАК РФ минимально достаточным требованием для автоматического включения журнала в данный перечень является его размещение в авторитетной зарубежной базе данных, считаем возможным ввести понятие «международный стандарт качества научного журнала». Под данным понятием мы будем понимать соответствие журнала совокупности требований, предъявляемых к научным периодическим изданиям зарубежными и отечественными базами данных.

В рамках данной статьи за основу нами взяты требования, предъявляемые к изданиям, претендующим на включение в базу данных Scopus.

В целях структурирования анализа степени соответствия научного журнала «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» международным стандартам качества указанные требования были сгруппированы нами по принципу тематической общности в три крупных блока:

Блок 1. Соответствие требованиям научности издания.

- 1.1. Наличие института рецензирования.
- 1.2. Соответствие публикуемых статей концепции журнала.
- 1.3. Строгая система отбора поступающих рукописей.
- 1.4. Вхождение в состав редсовета и редколлегии журнала авторитетных учёных из различных стран мира и регионов России.
- 1.5. «Географическое разнообразие авторов».

Блок 2. Соответствие требованиям оформления.

- 2.1. Соответствие критериям библиографического оформления.
 - 2.1.1. Присвоение каждой публикуемой статье индексов УДК и ББК.
 - 2.1.2. Наличие при каждой публикуемой статье списка литературы в романском алфавите.
- 2.2. Соответствие требованиям принятого структурирования статей.
 - 2.2.1. Наличие при каждой статье переведённой на английский язык структурированной аннотаций объёмом около 1800 печатных знаков.
 - 2.2.2. Наличие переведённых на английский язык ключевых слов.
 - 2.2.3. Наличие переведённых на английский язык сведений об авторах.

Блок 3. Соответствие требованиям открытости издания.

- 3.1. Наличие англоязычного сайта журнала.

3.2. Наличие в сети Интернет в свободном доступе полнотекстовых статей журнала.

3.3. Размещение выпусков журнала в отечественных и зарубежных базах данных и сетевых указателях журналов.

3.4. Наличие обратной связи с читателями.

Проведённый анализ степени соответствия журнала «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции прогноз» международным стандартам качества показал следующее.

Все поступающие в редакцию журнала рукописи в обязательном порядке проходят предварительную экспертизу. В качестве эксперта выступает авторитетный учёный из состава редколлегии журнала. На этой стадии оценивается степень научной новизны статьи, оригинальности предложенных автором решений поставленных проблем, соответствия концепции издания. В случае положительного заключения рукопись направляется на рецензирование. В соответствии с утвержденным директором ИСЭРТ РАН Положением о рецензировании в журнале «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» от 17.05.2011 г. все поступающие рукописи подлежат обязательному двойному рецензированию.

По состоянию на декабрь 2013 г. в состав редсовета журнала входит 23 авторитетных российских и зарубежных учёных, в числе которых академики и члены-корреспонденты РАН, доктора наук, руководители институтов РАН, видные представители зарубежной науки. «География» членов редсовета достаточно обширна. Так, из 23 учёных, входящих в состав редсовета журнала, — 15 россиян и 8 иностранцев. «Российская часть» состава редсовета представлена выходцами из 3-х федеральных округов и двух городов федерального значения, а «иностранная» — из 4-х зарубежных государств.

В составе редсовета присутствуют такие известные отечественные и зарубежные учёные, как академики РАН В.Л. Макаров, В.В. Ивантер, В.В. Окрепилов, А.И. Татаркин, академики НАН Беларуси П.А. Витязь, П.Г. Никитенко, профессора Ж. Сапир, М. Кивинен, Чжан Шухуа, У. Эньюань.

Не менее разнообразна и «география» авторов журнала. Так, в 2013 г. были опубликованы 87 статей, из которых 73 подготовлены российскими и 14 — иностранными учёными (табл. 1). «География» российских авторов достаточно обширна и включает в себя 5 федеральных округов и 2 города федерального значения. Среди иностранных учёных, опубликовавших статьи в журнале «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» в 2013 г., — граждане Азербайджана, Беларуси, Казахстана, Китая, Польши, Украины.

Значительная доля всех «отечественных публикаций» в журнале принадлежит учёным, проживающим в городах СЗФО (67,1%). Половина всех «иностранных публикаций» принадлежит коллегам из Беларуси (50%).

Таким образом, журнал соответствует всем необходимым критериям научности, что косвенно подтверждается включением издания в Перечень ВАК РФ.

Следующий критерий соответствия международным стандартам качества состоит в соответствии издания принятым требованиям оформления.

В настоящее время каждой публикуемой в журнале статье присваиваются индексы библиографического описания УДК и ББК, а начиная с 1 выпуска 2014 года при каждой статье также будет приводиться список литературы в романском алфавите, русскоязычный и англоязычный варианты структурированной аннотация объёмом до 1 страницы текста, ключевых слов и сведений об авторе, каждой статье будет присваиваться идентификатор DOI.

Таблица 1. «География» авторов, опубликовавших статьи в журнале «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» в 2013 г.

Общее кол-во публикаций	Страна проживания автора публикации	Город / регион / округ	Населенные пункты	Кол-во опубликованных статей	Общее кол-во опубликованных статей
87	Россия	СЗФО	Апатиты	10	49
			Архангельск	1	
			Вологда	25	
			Мурманск	1	
			Петрозаводск	2	
			Сыктывкар	10	
		Центральный ФО	Кострома	1	1
		Приволжский ФО	Ижевск	1	8
			Пермь	3	
			Саранск	1	
			Уфа	3	
		Сибирский ФО	Кемерово	2	3
	Красноярск		1		
	Уральский ФО	Екатеринбург	2	2	
	Город федерального значения	Москва	5	5	
	Город федерального значения	Санкт-Петербург	5	5	
	Зарубежные страны	Азербайджан	Баку	1	1
		Беларусь	Минск	7	7
Казахстан		Алматы	1	1	
Китай		Нанчан	3	3	
Польша		Краков	1	1	
Украина		Киев	1	1	

К тому же с 2009 года по решению институтов-соучредителей выпускается переводная англоязычная печатная версия журнала. Все отмеченные выше меры позволят в самое ближайшее время привести издание в соответствие с международными требованиями оформления.

По состоянию на декабрь 2013 г. журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» соответствует большей части критериев открытости издания. Полнотекстовые электронные версии статей и всех остальных публикуемых материалов размещаются в свободном доступе на официальном сайте журнала в сети Интернет (<http://esc.vscs.ac.ru>) и в Научной электронной библиотеке, на базе которой

функционирует информационно-аналитическая система РИНЦ. На завершающей стадии находится процесс создания англоязычной версии сайта журнала.

Информация об опубликованных в журнале статьях регулярно направляется в базу данных ВИНТИ РАН, международные информационные системы Ulrich's periodicals directory, Index Copernicus, Google Scholar. В 2014 году планируется регистрация издания в Указателе электронных журналов со свободным доступом (DOAJ).

Критерий наличия обратной связи с читателями не входит в перечень официальных требований, предъявляемых международными базами данных к научным периодическим изданиям.

Таблица 2. Ответы респондентов на вопрос: «Насколько востребованы, на Ваш взгляд, различные версии журнала?», % от общего числа респондентов

Вариант ответа	Версия издания			
	Русск. печатная	Русск. электр.	Англ. печатная	Англ. электр.
Очень востребована	34,4	46,2	5,4	10,8
Востребована	55,9	44,1	25,8	43,0
Мало востребована	5,4	4,3	44,1	28,0
Не востребована	0,0	1,1	18,3	10,8

Тем не менее, мы считаем целесообразным включить данный критерий в перечень, так как он представляется важнейшим инструментом мониторинга качества издаваемого журнала.

Обратная связь с читателями, членами редсовета и редколлегии журнала «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» реализуется посредством ежегодно проводимого анкетного опроса.

В очередном опросе в апреле 2013 г. приняли участие 93 респондента: 11 членов редсовета и 82 научных сотрудника (в том числе и из ИСЭРТ РАН).

Полученные ответы были систематизированы и проанализированы. Ниже приводятся некоторые результаты данного опроса.

Так, 78,5% участников опроса оценили изменения, произошедшие в журнале, положительно, 14% – затруднились ответить, 7,5% – существенных изменений не обнаружили.

Уровень материалов, опубликованных в журнале, 92,5% респондентов оценили как высокий и достаточно высокий, 7,5% – как средний.

Проведённый опрос показал, что наибольший интерес у читателей вызывают статьи, опубликованные в рубриках «Отраслевая и региональная экономика» (8,7 балла), «Социальное развитие» (8,5 балла), «От главного редактора» (8,4 балла).

В настоящее время журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» выходит в 4 версиях: русскоязычной печатной, русскоязычной электронной, англоязычной печатной, англоязычной электронной. Наиболее востребованными по-прежнему остаются русскоязычные печатная и электронная версии (табл. 2).

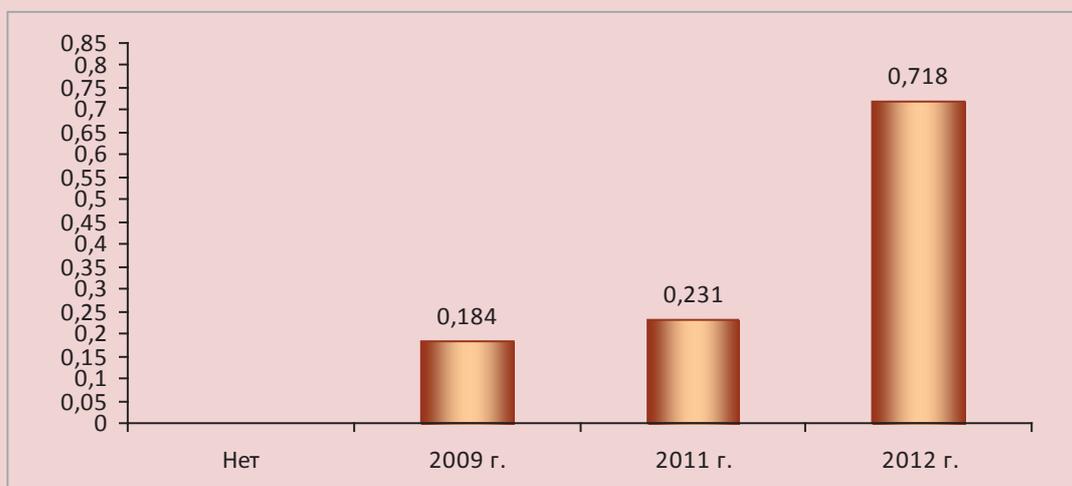
Отвечая на вопросы анкеты, респонденты внесли ряд предложений по повышению качества издаваемого журнала.

По мнению респондентов, было бы целесообразно дополнить содержание журнала такими рубриками, как «Экономические и социальные прогнозы», «Статьи экономистов развивающихся стран», «Институциональная среда регионального развития», «Гражданское общество», «Капитал личности», «Проблемы энергоэффективности».

Говоря о перспективах вывода издания на более высокий уровень, респонденты предложили шире использовать возможности Интернета, проводить информационно-рекламную работу с другими экономическими научными журналами России и стран СНГ, расширять круг авторов и привлекать ведущих отечественных и зарубежных специалистов в области общественных наук в качестве авторов статей.

Учёт мнений читателей журнала позволяет оперативно корректировать реализуемую редсоветом политику «развития» издания. Подобная практика самым положи-

Информация об импакт-факторе журнала «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» в РИНЦ в 2008–2012 гг.

тельным образом сказывается на улучшении качественных характеристик журнала. Так, в числе изменений рост количества цитирований публикуемых в журнале статей и, как следствие, рост импакт-фактора журнала (*рисунок*). На приведенном ниже рисунке дана информация об изменении импакт-фактора журнала за период с 2008 по 2012 г. Импакт-фактор за 2013 год не приводится по причине отсутствия соответствующих данных в РИНЦ.

Приведенные данные об импакт-факторе журнала и его месте в общем перечне размещённых в РИНЦ экономических изданий не являются фиксированными и могут пересчитываться ежегодно в случае роста цитирований публикаций, добавления новых изданий.

Анализ высказанных участниками опроса мнений позволил наметить новые задачи «развития» журнала, решение в ближайшей перспективе которых позволит привести издание в полное соответствие с международными стандартами качества.

В итоге можно заключить, что по состоянию на декабрь 2013 г. научный журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» в полной мере

соответствует требованиям научности издания, в большей степени — требованиям оформления и открытости. В наступающем 2014 г. редсовет издания планирует реализовать наиболее приоритетную цель «развития» журнала — привести его в полное соответствие с международными стандартами качества, подготовить и направить заявку в Scopus на включение журнала в указанную базу данных. Для достижения данной цели важным представляется решение следующих задач.

- Дублировать пристатейный список литературы в романском алфавите.
- Публиковать при каждой статье русскоязычный и англоязычный варианты структурированной аннотации объёмом до 1 страницы текста, ключевых слов и сведений об авторе.
- Присвоить журналу идентификатор DOI. Начать с 2014 г. присваивать данный идентификатор каждой публикуемой статье.
- Завершить разработку англоязычной версии сайта журнала.
- Осуществить регистрацию издания в Указателе электронных журналов со свободным доступом (DOAJ).

МОЛОДЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ

УДК 316.42

ББК 60.527 (2 Рос – 4 Вол)

© Морев М.В., Каминский В.С.

Проблемы взаимодействия государства и общества

Михаил Владимирович

МОРЕВ

кандидат экономических наук, научный сотрудник ИСЭРТ РАН
379post@mail.ru

Вадим Сергеевич

КАМИНСКИЙ

инженер-исследователь ИСЭРТ РАН
FBCDE56B@yandex.ru

Игнорирование проблем взаимодействия государства и общества, обострившихся в условиях мирового финансово-экономического кризиса, создает опасность роста протестных настроений. В силу этого необходимо обеспечение деятельности органов государственной власти конструктивной, научно обоснованной программой. Институтом социально-экономического развития территорий РАН (ИСЭРТ РАН) в 2013 г. было проведено исследование, целью которого стал анализ соответствия политики государства ключевым потребностям современного российского общества.

Для реализации данной цели были поставлены следующие задачи: рассмотреть состояние гражданского общества в России в целом и Вологодской области в частности после мирового финансового кризиса 2008 г.; выявить социально-экономические и общественно-политические проблемы, которые в первую очередь волнуют население Российской Федерации и Вологодской области в посткризисный период; охарактеризовать принимаемые государством меры по решению этих проблем.

Авторы пришли к следующим выводам:

1. Гражданское общество как на федеральном, так и на региональном уровне находится в стадии формирования, но обладает значительным потенциалом. Это продемонстрировали

протестные акции (декабрь 2011 г.), указавшие власти на необходимость реагировать на запросы растущего гражданского общества.

2. Граждан России и региона волнуют схожие проблемы. При этом жителей Вологодской области по сравнению с россиянами в целом тревожат несколько больше состояние жилищной сферы, меньше – социально-политические (коррупция), экологические и нравственные проблемы.

3. После избрания президентом В.В. Путина в марте 2012 г. вектор социальной политики был направлен на решение тех проблем, острота которых уже давно созрела в обществе. Однако реформы характеризуются несоответствием заявленных и реальных целей, значительной степенью декларативности, перекладыванием ответственности на региональные власти.

Поэтому в качестве рекомендаций авторы предлагают: пересмотреть подход ко многим проблемам, волнующим население; отказаться от использования механизмов имитации при осуществлении реформ; способствовать дальнейшему развитию гражданского общества.

Гражданское общество; власть; мониторинг общественного мнения; потенциал протеста; уровень доверия.

Характерной чертой глобального мира XX – начала XXI в. стала крупномасштабность гражданских процессов. Огромные массы людей, ранее не обладавших полными правами, вошли в своих странах в сферу гражданских отношений, экономическую, социальную, политическую жизнь. Начался процесс преобразования демократии меньшинства в демократию большинства [11, с. 16].

Население начинает играть всё более заметную роль в общественно-политической жизни. Данный процесс имеет два последствия: во-первых, государство уже не может игнорировать мнение граждан по наиболее острым социально-экономическим и политическим проблемам. Во-вторых, стало необходимым условием обеспечение деятельности органов государственной власти конструктивной, научно обоснованной программой, предусматривающей систематическую, плановую апелляцию власти к социологии [2, с. 26].

Мировой финансовый кризис, начавшийся в 2008 г., оказал существенное влияние на российское общество, причём его негативные последствия носили не только экономический характер. Кризис поставил

под сомнение адекватность идейно-политической доктрины либерализма, согласно которой богатство должно победить бедность с помощью экономического роста, основанного на свободном нерегулируемом рынке. Именно неконтролируемый рынок привёл мировую экономику на грань катастрофы. Поэтому в 2008 г. стало очевидно, что «невидимая рука» рынка должна быть дополнена «видимой рукой» государства [3, с. 12].

Другими словами, мировой финансовый кризис обострил проблемы взаимодействия государства и общества. Сегодня их игнорирование создает реальную опасность стремительного роста протестных настроений, может привести к ещё большему разобщению интересов населения и власти.

Научное сообщество не остается в стороне от круга проблем, связанных со взаимодействием государства и общества. Институтом социально-экономического развития территорий РАН в 2013 г. было проведено исследование, целью которого стал анализ соответствия политики государства ключевым потребностям современного российского общества.

Для реализации данной цели были поставлены следующие задачи:

1. Проанализировать состояние гражданского общества в России и Вологодской области после мирового финансового кризиса 2008 г.

2. Выявить социально-экономические и общественно-политические проблемы, которые в первую очередь волнуют население Российской Федерации и Вологодской области в посткризисный период.

3. Проанализировать характер ответных мер, предпринимаемых государством по решению наиболее актуальных проблем современного гражданского общества.

Проблемы сущности, функционирования и развития гражданского общества глубоко разработаны зарубежными учёными. Системный подход к нему восходит к трудам Т. Парсонса, Д. Истона, Г. Алмонда, К. Поппера, Х. Анхайера, М. Глазиуса и М. Калдора, которые разработали концепцию глобального гражданского общества, представляющего собой пространство идей, ценностей, институтов, организаций, сетей и индивидов, находящихся между семьёй, государством и рынком и действующих поверх границ обществ, государств и экономик [24].

Новейшие труды зарубежных исследователей (Дж. Бартелсон [22], А. Бенеси [23], Дж. Рагги [25]) посвящены концептуальным основам и перспективам гражданского общества в контексте устойчивого развития. В работах Дж.Л. Коэна, К. Шмитта, Р. Шмиттера, Й. Шумпетера, Дж. Кина исследуются основные институты гражданского общества, формы их взаимодействия с государством [10].

Для изучения гражданского общества постсоветской России характерно разнообразие дисциплинарных и методологических подходов. В трудах российских обществоведов подчеркивается, что в осмыслении данной категории пока так и не появилось необходимой теоретической

ясности, концептуального описания или исчерпывающей оценки её состояния. Наиболее комплексными исследованиями гражданского общества в России являются:

1. «Индекс гражданского общества – CIVICUS», измеряемый национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики». Данный индекс, согласно методологии проекта, учитывает 5 основных измерений: количественные и качественные характеристики некоммерческих организаций (НКО), степень вовлечённости населения в их деятельность, суждения граждан, экспертов и представителей общественных организаций о влиянии данных объединений на решение различных общественных проблем, ценности, присущие гражданскому обществу, а также состояние социально-экономических, культурных и внешних условий, влияющих на жизнь гражданского общества [21].

2. Исследование состояния гражданского общества, осуществляемое Институтом социально-политических исследований [8]. Здесь основными параметрами выступают суждения людей о степени развития общественных организаций, политических партий, самоуправления, правового государства, демократии и т.д.

3. Значительный объём информации по данному вопросу содержится в докладах Общественной палаты «О состоянии гражданского общества в Российской Федерации». Авторы докладов включают в состав гражданского общества некоммерческие организации, систему местного самоуправления, СМИ [5].

Таким образом, при всём разнообразии теоретико-методологических подходов к изучению гражданского общества, общепризнанным является утверждение, что его институциональная основа – некоммерческие организации, а важнейшее условие развития – уровень общественной активности людей, готовность их к консолидации, отношение к НКО.

Таблица 1. Показатели активности участия в общественной жизни населения Вологодской области, в % от числа опрошенных*

Вариант ответа	2011 г.	2013 г.	Изменение 2013 г. к 2011 г. (+ -)
<i>Как бы Вы оценили степень Вашего участия в общественной и политической жизни?</i>			
Активное и скорее активное	27,1	23,0	-4
Пассивное и скорее пассивное	48,3	49,8	+2
<i>Готовы ли Вы объединиться с другими людьми для каких-либо совместных действий для защиты общих интересов?</i>			
Готов и скорее готов	47,1	43,0	-4
Не готов и скорее не готов	25,2	19,9	-5
* Вопрос задавался только в 2011 и 2013 гг. Источник: данные мониторинга общественного мнения ИСЭРТ РАН.			

Главный вывод, к которому приходят исследователи, заключается в следующем: гражданское общество в России не поддается однозначной оценке «хорошо — плохо», оно находится в стадии формирования, ему присущи как недостатки, так и некоторые положительные качества. В частности, к его слабым сторонам относятся следующие:

1. Люди склонны доверять только своему ближайшему окружению и редко соглашаются на социальное взаимодействие. В то же время наметился процесс медленного восстановления солидарного сознания и практик.

2. Авторитет некоммерческих организаций в глазах населения и готовность граждан участвовать в их работе остаются на низком уровне. Гражданское участие носит преимущественно неформальный характер (неформальное добровольчество, неорганизованные пожертвования).

3. Гражданское общество слабо интегрировано во взаимоотношения с государством, не является проводником, с помощью которого ценности населения доносятся до элит, поэтому принимаемые политические решения редко учитывают мнение рядовых граждан.

Сильными сторонами гражданского общества являются:

1. Относительно высокий уровень организованности (51,4%), что свидетель-

ствует об институциональной устойчивости. Следует отметить, что в этом компоненте наблюдаются позитивные тенденции. Так, по данным Росстата зафиксирован значительный рост числа НКО: если в 2008 г. их насчитывалось 73,2 тыс. [14, с. 57], то в январе 2013 г. — 85,2 тыс. [15, с. 66].

2. Значительный потенциал. Так, социальная база гражданского общества в России (люди, участвующие в социальных практиках гражданского общества либо ориентированные на такое участие) составляет не менее 90% её взрослого населения.

Каково состояние гражданского общества в регионе? Согласно данным мониторинга общественного мнения ИСЭРТ РАН¹, активно в общественной и политической жизни участвует лишь каждый четвертый житель области (27–23%; табл. 1). С другой стороны, потенциал гражданского участия более чем в два раза превышает степень реального участия: половина жителей области относят себя к тем, кто готов и скорее готов объединиться с другими людьми для каких-либо общих действий по защите своих интересов (43%). Исходя из этих данных, можно утверждать, что для развития гражданского общества есть потенциал, но он остается нереализованным.

¹ Мониторинг общественного мнения ИСЭРТ РАН проводится раз в два месяца. Опрашивается 1500 респондентов в возрасте от 18 лет и старше в городах Вологде и Череповце и 8 районах Вологодской области. Метод опроса — анкетирование по месту жительства респондентов.

В 2012 г. в Вологодской области было зарегистрировано 909 общественных объединений, в 2011 г. — 908, в 2010 г. — 907. Количество НКО за период с 2010 по 2012 г. увеличилось с 762 до 801, или на 5%. В то же время количество положительных решений о государственной регистрации НКО за 2012 г. снизилось на 10%, а количество отказов по сравнению с 2011 г. увеличилось на 47% [4, с. 23].

Менее оптимистично выглядит ситуация, связанная с отношением населения к деятельности некоммерческих организаций: в 2013 г. подавляющее большинство опрошенных не являлись членами или волонтерами ни одной из НКО (88%), каждый третий ничего не знает о деятельности НКО (34%), а каждый четвертый считает, что они не оказывают никакого влияния на жизнь области (26; табл. 2).

Следовательно, состояние гражданского общества в регионе противоречиво. С одной стороны, согласно данным официальной статистики, ситуация с НКО характеризуется стабильностью. С другой стороны отмечается низкая степень

участия населения в их работе, скептицизм при оценке влияния некоммерческих организаций на жизнь общества. Несмотря на то что значительная часть граждан проявляют потенциальную готовность к объединению с другими людьми для защиты каких-либо общих интересов, этот потенциал остается нереализованным [4, с. 19].

Для дальнейшего развития гражданского общества необходимо:

1. Повышение мотивации людей к активному участию в общественной жизни.
2. Создание условий для консолидации различных слоев населения, солидаризации общества в отстаивании базовых политических, гуманитарных и общегражданских ценностей.
3. Поиск механизмов взаимодействия общества и власти.
4. Расширение сферы деятельности НКО.

В новых условиях российское государство всё более вынуждено считаться с общественным мнением относительно решения проблем, наиболее волнующих граждан.

Таблица 2. Вопросы об отношении населения Вологодской области к некоммерческим организациям, в % от числа опрошенных

Вариант ответа	2008 г.	2009 г.	2011 г.	2013 г.	Изменение 2013 г. к 2008 г. (+ -)
<i>Знаете ли Вы о деятельности некоммерческих (общественных) организаций?</i>					
Знаю, лично сталкивался	8,9	12,3	8,1	12,7	+4
Что-то слышал	40,7	40,3	39,7	34,7	-6
Ничего не знаю	38,7	24,5	34,0	33,6	-5
<i>Принимаете ли Вы участие в деятельности некоммерческих организаций (региональных отделений партий, профсоюзов, религиозных, правозащитных, благотворительных организаций и т.д.) или являетесь членом какой-либо из них?</i>					
Являюсь членом организации	8,2	7,0	5,4	4,5	-4
Принимаю участие как доброволец, волонтер	11,3	9,9	10,4	6,2	-5
Не участвую и не состою	80,5	83,5	84,2	88,2	+8
<i>На Ваш взгляд, в какой степени некоммерческие (общественные) организации влияют на жизнь области?*</i>					
Оказывают большое влияние	н.д.	5,8	6,5	4,7	-1
Оказывают незначительное влияние	н.д.	18,4	29,7	22,4	+4
Не оказывают никакого влияния	н.д.	22,3	26,5	26,0	+4
* В 2010 и 2012 гг. вопрос не задавался. ** В 2008 г. вопрос не задавался. Источник: данные мониторинга общественного мнения ИСЭРТ РАН.					

В 2008–2012 гг., согласно данным ИСПИ РАН, в круг этих проблем входят:

- социально-экономические: дороговизна жизни (51%), повышение тарифов на услуги ЖКХ (43%), повышение цен на продукты питания (29%), безработица (24%), разделение общества на богатых и бедных (24%; табл. 3);
- социально-политические: произвол чиновников (44%);
- социальные: преступность (31%), личная безопасность (24%);
- проблемы нравственности: падение нравов, культуры (26%);
- экологическая обстановка (24%).

Итак, наиболее актуальные для россиян проблемы связаны преимущественно с их материальным положением. Аналогичные данные были получены на территории Вологодской области по результатам мониторинга общественного мнения (табл. 4). Инфляция, низкий уровень жизни, бедность, расслоение населения на богатых и бедных – эти проблемы наиболее часто отмечаются жителями региона как самые острые. В 2008 г. их актуальность логично было бы объяснить влиянием мирового финансового кризиса, который повлёк за собой потерю рабочих мест, ухудшение материального положения населения.

Таблица 3. Проблемы современной жизни, тревожащие жителей России, в % от числа опрошенных

Вариант ответа	Ноябрь 2008 г.	Декабрь 2012 г.	Изменение 2012 г. к 2008 г. (+ –)
Дороговизна жизни	58	51	-7
Произвол чиновников	28	44	+16
Повышение тарифов на услуги ЖКХ	35	43	+8
Преступность	32	31	-1
Повышение цен на продукты питания	36	29	-7
Падение нравов, культуры	29	26	-3
Экологическая обстановка	32	24	-8
Безработица	23	24	+1
Разделение общества на богатых и бедных	22	24	+2
Безопасность Ваша и Ваших близких	24	24	0

Источник: данные Центра стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

Таблица 4. Какие проблемы современной жизни Вы считаете наиболее острыми для России в целом?, в % от числа опрошенных*

Вариант ответа	2008 г.	2012 г.	Изменение 2012 г. к 2008 г. (+ –)
Инфляция	56,3	55,3	-1
Низкий уровень жизни, бедность	41,4	43,2	+2
Расслоение населения на богатых и бедных	31,4	37,5	+7
Проблема жилищного обеспечения, низкая доступность жилья	36,3	28,6	-7
Рост алкоголизма	26,5	27,3	0
Высокий уровень преступности, незащищённость от криминалитета	28,4	25,5	-2
Неудовлетворительное качество инженерной инфраструктуры (ЖКХ, дороги, транспорт и т.д.)**	-	25,3	-
Социальная незащищённость граждан	24,8	22,3	-3
Коррупция, взяточничество	17,5	19,8	+2
Экономическая нестабильность, остановка предприятий	16,9	16,5	0

* Проблемы представлены в порядке убывания по результатам опроса 2012 г.
 ** Вопрос задаётся с 2010 г.
 Источник: данные мониторинга общественного мнения ИСЭРТ РАН (по Вологодской области).

Однако проблемы материального характера и в 2012 г. остаются наиболее актуальными для населения. Более того, по сравнению с 2008 г. произошло увеличение доли жителей региона (с 31 до 38%), по мнению которых самой острой проблемой современной жизни является социальная дифференциация. Иными словами, структура ожиданий населения не меняется, общественные запросы носят долговременный характер, что может выступать фактором роста социальной напряженности и протестных настроений.

Таким образом, граждан России и региона волнуют схожие проблемы (инфляция, расслоение населения на богатых и бедных, состояние жилищно-коммунального хозяйства, преступность). При этом, как показывают результаты опросов, жителей Вологодской области по сравнению с россиянами в целом тревожат несколько больше состояние жилищной сферы, меньше – социально-политические (коррупция), экологические и нравственные проблемы.

Рассмотрим наиболее ключевые, согласно оценкам населения региона, проблемы более внимательно. Более половины его жителей обеспокоены темпами инфляции (55%). По данным официальной статистики, за период с 2008 по 2011 г. индекс потребительских цен вырос на 41,4% (табл. 5) [16, с. 334]. Реальные располагаемые денежные доходы населения за тот же период снизились на 3% [16, с. 85].

Это, в свою очередь, актуализирует проблему бедности, низкого уровня жизни. Так, доля людей с доходами ниже прожиточного минимума в общей численности населения региона в 2008–2011 гг. возросла на 2% (с 15,8 до 17,8%) [16, с. 85]. Данные социологических опросов также свидетельствуют об увеличении доли людей, идентифицирующих себя с «бедными» и «нищими» (с 41 до 45%; рис. 1).

Одной из важнейших проблем для населения региона является расслоение на богатых и бедных (см. табл. 4). Данные статистики подтверждают наличие сильной имущественной дифференциации. Средний уровень денежных доходов 10% населения с самыми высокими доходами в 2011 г., как и в 2008 г., значительно превышает средний уровень доходов 10% населения с самыми низкими доходами (в 11,3 и 12,5 раза соответственно, табл. 6) [16, с. 86].

Продолжает ухудшаться ситуация и в сфере жилищного строительства. По оценкам жителей области, в 2012 году меньше половины из них в достаточной мере были обеспечены жильём (46%). При этом в 2012 г. было введено 389,1 тыс. кв. метров общей площади жилья, что на 28,7% меньше, чем в 2008 г. (табл. 7). За этот же период на первичном рынке жильё подорожало на 9%. На вторичном рынке цены росли ещё более высокими темпами: средняя цена квартиры увеличилась на 18,7%.

Таблица 5. Динамика инфляции и реальных располагаемых доходов населения Вологодской области в 2008–2011 гг.

Показатель	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	Изменение 2011 г. к 2008 г. (+ –)
Индекс потребительских цен (декабрь к декабрю предыдущего года, в %)	114,3	107,2	109,2	105,7	+41
Реальные располагаемые доходы населения (в % к предыдущему году)	98,7	90,4	108,6	100,1	-3

Источник: данные Федеральной службы государственной статистики.

Рисунок 1. К какой категории Вы себя относите, в % от числа опрошенных

Источник: данные мониторинга общественного мнения ИСЭРТ РАН (по Вологодской области).

Таблица. 6. Динамика индикаторов имущественного расслоения населения Вологодской области в 2008–2011 гг.

Показатель	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.
Коэффициент фондов (коэффициент дифференциации доходов), в разгах	12,5	11,4	11,7	11,3
Коэффициент Джини (индекс концентрации доходов)	0,381	0,369	0,372	0,368

Источник: данные Федеральной службы государственной статистики.

Таблица. 7. Жилищный фонд Вологодской области в 2008–2011 гг., в % к предыдущему году

Показатель	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	Изменение 2012 г. к 2008 г. (+ –)
Всего построено жилья	111,6	89,8	83,7	106,0	89,6	-29
Весь ветхий и аварийный жилищный фонд	95,3	108,2	102,4	100,0	102,8	+14
Средние цены по типам квартир на первичном рынке жилья	101,2	85,8	100,6	115,3	109,5	+9
Средние цены по типам квартир на вторичном рынке жилья	101,7	94,0	98,3	110,1	116,7	+19

Источник: данные Федеральной службы государственной статистики.

Значительная часть жилищного фонда области не удовлетворяет потребностям населения по своим качественным характеристикам, не имеет того или иного вида благоустройства. В 2012 г. доля комплексно благоустроенного жилья (оборудованного

одновременно водопроводом, канализацией, отоплением, горячим водоснабжением, газом или напольными электроплитами) составила лишь 57,6%. Растёт площадь ветхого и аварийного жилищного фонда (на 13,9% к уровню 2008 г.) [6, с. 7].

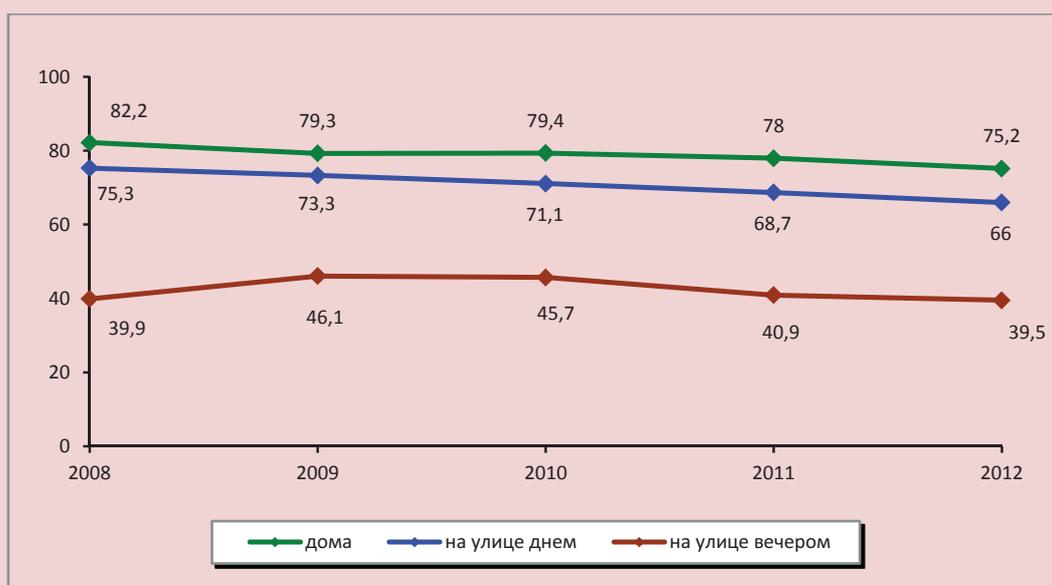
Каждый четвёртый житель области в 2012 г. был обеспокоен ростом алкоголизма (27%; см. табл. 4). Численность людей, взятых под наблюдение с диагнозом, установленным впервые, в 2011 г. составила 1,2 тыс. чел. [19, с. 123]. По уровню заболеваемости алкогольными психозами Вологодская область находится на 54 месте среди регионов РФ и на 6 месте среди субъектов Северо-Запада; по уровню смертности от алкогольных отравлений — на 38 месте в РФ и 7-м — в СЗФО (в 1990 г. — 42 и 4 соответственно).

Население Вологодской области, как и России в целом, тревожат высокий уровень преступности, незащищённость от криминалитета. В частности, за период с 2008 по 2012 г. уменьшился удельный вес жителей, чувствующих себя в безопасности дома и на улице в дневное время (с 82 до 77% и с 75 до 66% соответственно); менее половины населения чувствует себя в безопасности на улице вечером (39–40%; рис. 2).

Проблема незащищённости населения от криминалитета напрямую связана с негативным отношением к деятельности правоохранительных органов. Удельный вес не удовлетворённых тем, как полиция исполняет свои функции, вырос в 2010–2012 гг. в два раза (с 14 до 27%; рис. 3). Хотя доля негативных мнений относительно способности правоохранительных органов справиться с преступностью сократилась (на 12 п.п.), однако она по-прежнему значительно превышает удельный вес позитивных суждений (44 и 19% соответственно; рис. 4).

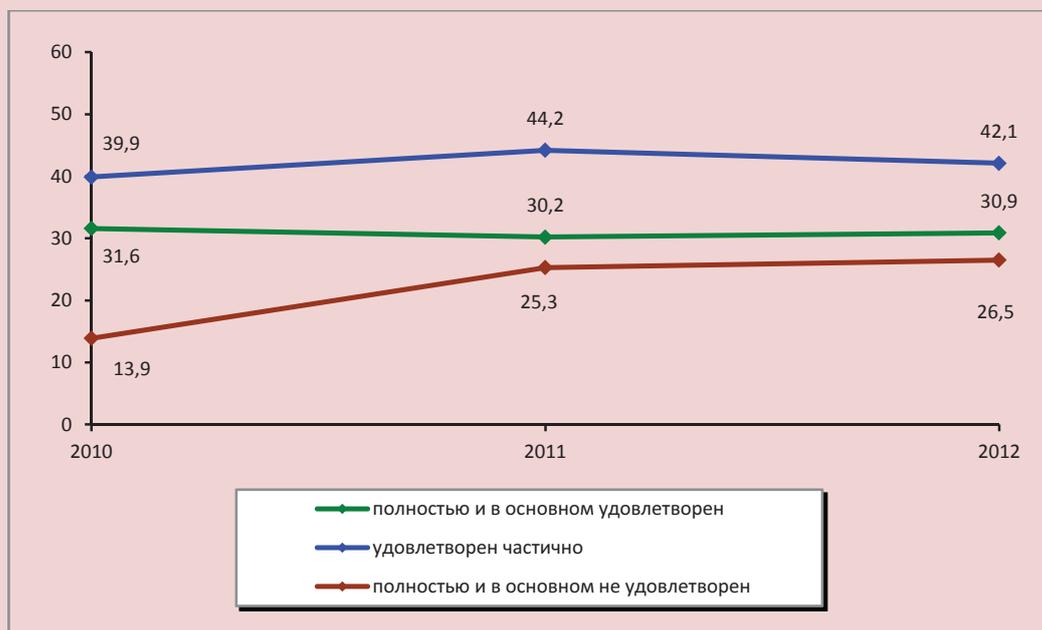
Одной из главных проблем, волнующих российское население, является неудовлетворительное качество инженерной инфраструктуры (ЖКХ, дороги, транспорт). Особую тревогу вызывает состояние жилищно-коммунального хозяйства. С данной сферой в 2012 г. была связана почти половина (49%) всех обращений граждан в Общественную палату РФ [5, с. 29].

Рисунок 2. Чувствуете ли Вы себя в безопасности в настоящее время? (вариант ответа «да и скорее да, чем нет»), в % от числа опрошенных

Источник: данные мониторинга общественного мнения ИСЭРТ РАН (по Вологодской области).

Рисунок 3. Насколько Вы удовлетворены деятельностью полиции?*, в % от числа опрошенных

* Вопрос задаётся с 2010 г.

Источник: данные мониторинга общественного мнения ИСЭРТ РАН (по Вологодской области).

Рисунок 4. Считаете ли Вы, что полиция в настоящее время способна справиться с преступностью?, в % от числа опрошенных

Источник: данные мониторинга общественного мнения ИСЭРТ РАН (по Вологодской области).

После двух запланированных повышений тарифов на коммунальные ресурсы с 1 июля и 1 сентября 2012 г. в 20 субъектах Федерации совокупный платёж за квартиру вырос более чем на 15% [5, с. 30].

Население Вологодской области также обеспокоено состоянием ЖКХ. Тарифы на жилищно-коммунальные услуги в регионе выросли за период с 2008 по 2011 г. на 72% [19, с. 338]. Большинство людей не согласны с таким положением вещей. Так, в 2013 г. 74% жителей г. Вологды считали тарифы ЖКХ и не соответствующими качеству предоставляемых услуг (табл. 8).

Таким образом, в посткризисный период актуальность наиболее важных проблем, волнующих население, не ослабевала, приобретая затяжной характер. Следствием этого стало снижение уровня доверия к работе бюрократического аппарата, что, в свою очередь, порождает неучастие населения в общественно-политической жизни страны [12, с. 5]. Основные причины такой ситуации:

1. Коррупция, поразившая всю систему общественных отношений: экономику, политику, социальную сферу. Механизмы защиты от коррупции оказались неэффективными, подверженными проникновению криминала. Дисфункции государственных институтов, достигшие критических уровней, принимают форму национального бедствия.

2. Исключённость большинства населения из сферы общественной политики и

принятия решений. Например, с декабря 2011 по февраль 2013 г. сократилась доля жителей Вологодской области, согласных с тем утверждением, что они могут лично повлиять на события в городе (с 12 до 7%), области (с 8 до 3%) и стране (с 7 до 3%).

Показательно, что за 2008–2012 гг. уровень доверия ко всем без исключения государственным органам и общественным структурам на территории области снизился, в то время как в целом по стране ситуация выглядит более оптимистичной (табл. 9). Не менее важный вывод из данных нашего анализа состоит в том, что в посткризисный период именно государственные структуры в первую очередь утратили доверие населения.

В 2012 г., как и в предыдущие годы, большинство населения России и Вологодской области было убеждено, что в политической системе много недостатков, которые необходимо устранять (73 и 68% соответственно; табл. 10)

Однако, при негативном отношении к политической системе в целом и низком доверии институтам власти в частности, среди жителей России и области сохраняется высокое доверие к Президенту РФ (49 и 46% соответственно). Ликвидировать это и другие социально-политические противоречия предстоит в ближайшем будущем, иначе и так не очень большой кредит доверия общества к существующей власти может быть окончательно потерян [11, с. 21].

Таблица. 8. Соответствуют ли, на Ваш взгляд, тарифы ЖКХ качеству предоставляемых услуг?, в % от числа опрошенных*

Вариант ответа	2009	2010	2011	2012	2013	Изменение 2013 г. к 2009 г. (+ -)
Да	5,1	5,1	9,9	3,9	6,2	+1
Нет	59,9	69,9	74,6	76,0	74,0	+14
Затрудняюсь ответить	35,0	25	15,5	20,1	19,9	-15

* В 2008 вопрос не задавался.
Источник: данные мониторинга общественного мнения ИСЭРТ РАН (по г. Вологде).

Таблица 9. Определите, пожалуйста, своё отношение к действующим в стране общественным структурам и институтам власти (вариант ответа «доверяю»), в % от числа опрошенных

Институт	Вологодская область			Российская Федерация		
	2008 г.	2012 г.	Изменение 2012 г. к 2008 г. (+ -)*	2008 г.	2012 г.	Изменение 2012 г. к 2008 г. (+ -)
Президент	65,2	45,7	-19	62,3	49,0	-13
Церковь	51,9	41,4	-11	47,0	53,5	+7
Правительство РФ	60,2	39,6	-20	41,0	36,0	-5
Суд	41,3	36,1	-5	11,7	15,5	+4
Руководство области	48,6	34,6	-14	-	-	-
Прокуратура	40,9	33,9	-7	11,7	15,5	+4
ФСБ	43,8	33,2	-11	-	-	-
Совет Федерации РФ	47,6	32,3	-16	22,7	25,5	+3
Армия	37,8	31,3	-7	43,7	47,5	+4
Государственная Дума	42,0	30,5	-11	17,0	20,0	+3

* В порядке убывания, по результатам опроса 2012 г.
Источники: данные ИСПИ РАН (по Российской Федерации); данные мониторинга общественного мнения ИСЭРТ РАН (по Вологодской области).

Таблица 10. С каким из нижеперечисленных суждений о политической системе нашего общества Вы согласны в большей мере?, в % от числа опрошенных

Вариант ответа	2008 г.	2012 г.	Изменение 2012 г. к 2008 г. (+ -)
<i>Российская Федерация</i>			
Меня полностью устраивает политическая система нашего общества	14,0	14,5	+1
В политической системе нашего общества много недостатков, но их можно устранить путём постепенных реформ	50,5	44,5	-6
Меня не устраивает политическая система нашего общества, её необходимо радикально изменить	20,0	28,5	+9
<i>Вологодская область</i>			
Меня полностью устраивает политическая система нашего общества	8,8	11,1	+2
В политической системе нашего общества много недостатков, но их можно устранить путём постепенных реформ	47,7	44,8	-3
Меня не устраивает политическая система нашего общества, её необходимо радикально изменить	20,3	23,4	+3

Источники: данные ИСПИ РАН (по Российской Федерации), данные мониторинга общественного мнения ИСЭРТ РАН (по Вологодской области).

Уровень гражданской культуры общества, усилия граждан и политиков оказались достаточными для того, чтобы избежать социальных протестов и забастовок после кризиса 2008 г. [11, с. 17]. Тем не менее толерантная реакция населения на последствия кризиса не означала, что социум не был наполнен критическими настроениями.

В ноябре 2008 г., сразу после начала кризиса, по мнению более чем половины рос-

сиян, проводимые государственной властью экономические преобразования не отвечали интересам большинства населения (52%). К декабрю 2012 г. доля опрошенных, придерживающихся данной точки зрения, практически не изменилась (53%) [8, с. 9]. Среди жителей региона за 2008–2012 гг. выросла доля отрицательных суждений о курсе экономических реформ, проводимых президентом страны (с 12 до 19%; рис. 5).

Рисунок 5. Как Вы относитесь к курсу экономических реформ, проводимых президентом страны?, в % от числа опрошенных

Источник: данные мониторинга общественного мнения ИСЭРТ РАН (по Вологодской области).

Экономический кризис обострил тревожные ожидания населения по поводу личного материального положения. По данным ВЦИОМ, с августа 2008 по август 2012 г. доля граждан России, которые считают, что через год их семья будет жить несколько или значительно хуже, выросла на 4% (с 11 до 15%) [1]. За это же время удельный вес жителей Вологодской области, прогнозирующих в течение ближайшего года ухудшение своего материального положения, вырос на 10% (с 11 до 21%).

Таким образом, социально-политическое противоречие между результатами политики государства и коренными интересами общества остаётся главной движущей силой конфликта, который затухает или обостряется в зависимости от конъюнктуры [11, с. 18].

Эскалация этого конфликта произошла во время выборов в Государственную Думу VI созыва (декабрь 2011 г.) и президентских выборов (март 2012 г.). Каждый десятый гражданин России готов был взять в руки

оружие, а треть были готовы к активным гражданским действиям в защиту своих интересов [11, с. 19]. Среди жителей региона за период с августа 2011 по декабрь 2011 г. выросла доля тех, кто для защиты своих интересов подпишет обращение к властям (с 19 до 22%), выйдет на митинг, демонстрацию (с 11 до 13%), будет участвовать в забастовках (с 4 до 6%). Необходимо отметить, что жители региона выбирают законные средства защиты своих интересов: за указанный период удельный вес тех, кто в случае необходимости возьмёт в руки оружие и выйдет на баррикады, снизился с 4 до 2%.

В декабре 2011 г. во всех крупных городах России состоялись массовые митинги и демонстрации. Так, 10 декабря в Москве на Болотной площади прошел самый крупный за последнее десятилетие митинг, на котором побывало, по разным оценкам, от 85 до 150 тыс. человек. В Вологде в этот же день в акции протеста приняло участие около тысячи человек.

Это не могло не сказаться на общем уровне оптимистических настроений граждан. Например, только треть граждан считают, что Президенту РФ удастся изменить ситуацию в стране в лучшую сторону, 37% придерживаются противоположного мнения и 30% граждан затрудняются ответить на этот вопрос [11, с. 21].

После выборов Президента РФ противоречия в обществе стали снижаться. В апреле 2012 г. по сравнению с ноябрём 2011 г. сократилась доля граждан, по мнению которых значительные противоречия и неприязнь наблюдаются между богатыми и бедными (с 79 до 77%), низшими и высшими классами (с 75 до 73%), работодателями и работниками (с 56 до 52%), млад-

шим и старшим поколением (с 40 до 36%), а также предпринимателями и чиновниками (с 38 до 34%; табл. 11).

В Вологодской области наблюдались аналогичные тенденции. Так, судя по данным опроса, за период с декабря 2011 по февраль 2013 г. несколько сократилась доля суждений о преобладании несогласия в обществе, разобщённости в стране и области, а также в ближайшем окружении (табл. 12).

Результаты парламентских и президентских выборов показали, что на фоне мирового финансового кризиса в российском обществе сформировалась новая социально-политическая реальность, важной чертой которой является неудовлетворён-

Таблица 11. Оценки уровня противоречий и неприязни в современном российском обществе, в % от числа опрошенных

Наличие значительных противоречий между группами населения	Июл. 2008 г.	Дек. 2010 г.	Июн. 2011 г.	Ноябрь 2011 г.	Апр. 2012 г.	Изменение ноябрь 2011 г. к июлю 2008 г. (+ -)	Изменение апрель 2012 г. к ноябрю 2011 г. (+ -)
Богатыми и бедными	77	69	71	79	77	+2	-2
Низшими и высшими классами	69	65	67	75	73	+6	-2
Работодателями и работниками	40	49	49	56	52	+16	-4
Младшим и старшим поколениям	35	35	33	40	36	+5	-4
Предпринимателями и чиновниками	31	34	33	38	34	+7	-4

Источник: данные ИСПИ РАН (по Российской Федерации).

Таблица 12. Чего сегодня больше: согласия, сплочённости или несогласия, разобщённости?, в % от числа опрошенных*

Вариант ответа	В стране			В области			В Вашем окружении		
	Дек. 2011 г.	Фев. 2013 г.	Изменение февраль 2013 г. к декабрю 2011 г. (+ -)	Дек. 2011 г.	Фев. 2013 г.	Изменение февраль 2013 г. к декабрю 2011 г. (+ -)	Дек. 2011 г.	Фев. 2013 г.	Изменение февраль 2013 г. к декабрю 2011 г. (+ -)
Согласия, сплочённости	14,2	14,1	0	19,3	15,9	-3	46,9	52,1	+5
Несогласия, разобщённости	61,1	59,5	-1	55,6	54,4	-2	29,3	23,2	-6

* Вопрос задавался только в 2011 и 2013 гг.
Источник: данные мониторинга общественного мнения ИСЭРТ РАН (по Вологодской области).

ность граждан социальными результатами проводимой политики. Общество недовольно своим положением и в подавляющем большинстве выступает за перемены и ждёт этих перемен.

Протестные акции населения продемонстрировали рост потенциала гражданской активности, указав власти на необходимость реагировать на запросы растущего гражданского общества.

Не случайно в первых же указах В.В. Путина после его вступления в должность Президента РФ в мае 2012 г. вектор социальной политики был направлен именно на те проблемы, острота которых уже давно созрела в обществе. В частности, предполагалось:

- повысить реальные доходы граждан;
- решить проблему социальной незащищённости;
- улучшить жилищные условия, повысить доступность жилья и качества жилищно-коммунальных услуг;
- усовершенствовать сферу здравоохранения [17].

Были расширены масштабы борьбы с коррупцией. По инициативе В. Путина развернулось декларирование чиновниками и депутатами своих вкладов в иностранных банках и недвижимости за рубежом [7, с. 10].

Кроме того, президентом были приняты меры по реформированию политической системы:

1. Либерализация законодательства о политических партиях. Минимальная численность политической партии была снижена с 40 тысяч до 500 человек [19].
2. Возвращение выборов губернаторов [20].
3. Расширение сферы деятельности общественных советов, являющихся одной из главных форм повышения эффективно-

сти взаимодействия между властью и обществом. Так, в состав Общественного совета при Управлении МВД по Вологодской области входит комиссия по общественному контролю за деятельностью ОВД. При Общественном совете города Череповца создана рабочая группа по реформированию ЖКХ [7, с. 62].

Попытки установления обратной связи с обществом предпринимаются не только федеральной, но и региональной властью. Так, идея открытой оценки деятельности конкретных институтов власти воплощается в таких проектах Губернатора Вологодской области О.А. Кувшинникова, как «Команда губернатора: Ваш выбор!» (главная цель проекта — выявить лидеров доверия вологжан), «Команда губернатора: Ваша оценка» (цель — общественная оценка эффективности деятельности органов исполнительной государственной власти, формирование нового качества власти, нового качества жизни населения) [9, с. 102].

Майские указы и первые шаги по их реализации (например, принятие 27 декабря 2012 г. Правительством РФ государственной программы «Социальная защита граждан» [13]) привели к снижению в обществе градуса недовольства. В итоге потенциал протеста в среднем по Вологодской области за 8 месяцев 2013 г. по сравнению с аналогичным периодом 2012 г. сократился на 2% (с 20 до 18%). В июне 2013 года по сравнению с предшествующим годом сократилась доля жителей региона, которые считают наиболее острыми проблемами России инфляцию (с 56 до 51%), высокий уровень преступности, незащищённость от криминалитета (с 26 до 23%), неудовлетворительное качество инженерной инфраструктуры (с 25 до 21%), коррупцию (с 20 до 17%).

В то же время можно отметить слабые стороны принимаемых государством мер. Среди них:

1. Несоответствие заявленных и реальных целей реформ. Например, либерализация законодательства о политических партиях, вероятно, на деле преследовала цель отвлечь людей видимостью свободы волеизъявления при отсутствии шансов реального участия в законодательных и представительных органах власти. Манипуляции с политическими партиями не что иное, как попытки обещать желаемое, но на деле лишь имитирующие заботу о демократии [18, с. 25].

2. Перекладывание ответственности за реализацию майских указов на региональные власти, зачастую не имеющие необходимых ресурсов.

3. Большинство задач, поставленных майскими указами, должно быть решено лишь к 2018 г. Однако, по данным социологических опросов, население уже сейчас ожидает улучшения своего материального положения, ситуации в жилищной сфере, в области здравоохранения и т.д. Поэтому проблемы, волновавшие граждан до выборов 2011–2012 гг., по-прежнему остаются актуальными.

Несоответствие декларируемых целей реальному положению дел вновь может привести к росту протестных настроений. Необходимы более активные и последовательные действия по удовлетворению ключевых запросов общества, поскольку от этого зависит стратегическая траектория развития страны. Для этого требуется:

1. Пересмотреть подход ко многим проблемам, волнующим население, в частности усовершенствовать методику расчёта инфляции.

2. Отказаться от абстрактных, ни к чему не обязывающих формул «повышения

качества и уровня жизни», использования различных механизмов имитации при осуществлении реформ; стремиться к реальному и как можно более оперативному решению проблем населения.

3. Установить более тесный и открытый диалог с обществом, способствовать дальнейшему развитию гражданского общества.

Со стороны органов местной власти также необходимы системные меры по совершенствованию законодательства всех уровней и сильной институциональной поддержке образования, здравоохранения, а также развитию региональной инфраструктуры.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать следующие выводы:

1. Гражданское общество как в России, так и на территории Вологодской области находится в динамичном процессе развития, поэтому в настоящее время ему нельзя дать однозначную оценку. В то же время очевидно, что уровень развития гражданского общества в России достиг той точки, при которой власть уже не может не реагировать на его запросы.

2. На федеральном и региональном уровнях население тревожат во многом схожие проблемы (инфляция, расслоение на богатых и бедных, состояние жилищно-коммунального хозяйства, преступность). При этом жителей Вологодской области в большей степени, чем россиян в целом, не удовлетворяет состояние жилищной сферы.

3. Государство пытается реагировать на запросы общества, что во многом обусловлено протестными акциями, состоявшимися в конце 2011 г. Магистральные направления по решению ключевых проблем населения были сформулированы в указах Президента РФ от 7 мая 2012 г.

Однако меры, принимаемые органами федеральной власти, характеризуются значительной степенью декларативности, имитации. Окончательное решение практически всех вопросов запланировано на долгосрочную перспективу. Поэтому граждане не ощущают непосредственных, текущих позитивных результатов проводимой государством политики.

Во избежание новой волны протеста власть должна предпринимать более активные и последовательные шаги по реальному и оперативному решению основных проблем, волнующих общество. Ключом к этому являются меры широкого гражданского политического информирования, обучения и практического участия.

Литература

1. База данных исследований ВЦИОМ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://wciom.ru/database/>
2. Горшков, М.К. Общество – социология – власть: к вопросу о взаимодействии [Текст] / М.К. Горшков // Социологические исследования. – 2012. – №7. – С. 23-28.
3. Гринберг, Р.С. Россия в турбулентном мире: вызовы и императивы [Текст]: материалы к актовой лекции в Международном университете в Москве 25 сентября 2012 г. / Р.С. Гринберг. – М., 2012. – 67 с.
4. Доклад о состоянии гражданского общества в Вологодской области за 2012 г. [Текст] / Общественная палата Вологодской области. – Вологда, 2013. – 69 с.
5. Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2012 год [Текст] / Общественная палата Российской Федерации. – М., 2012. – 123 с.
6. Жилищный фонд Вологодской области [Текст]: информационная записка / Вологдастат. – Вологда, 2013. – 35 с.
7. Ильин, В.А. Тревожные ожидания остаются [Текст] / В.А. Ильин // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2013. – №2 – С. 9-17
8. Как живёшь, Россия? [Электронный ресурс]: XXXVII этап социологического мониторинга, декабрь 2013 г. / В.К. Левашов, В.А. Афанасьев, О.П. Новоженина, И.С. Шушпанова. – М.: ИСПИ РАН, 2012. – 48 с.
9. Кожина, Т.П. Институциональное доверие: региональный аспект [Текст] / Т.П. Кожина // Проблемы развития территории. – 2013. – №3. – С. 100-115.
10. Кин, Дж. Демократия и гражданское общество [Текст] / Дж. Кин. – М., 2001. – 400 с.
11. Коэн, Дж.Л. Гражданское общество и политическая теория [Текст] / Дж.Л. Коэн., Э. Арато. – М., 2003. – 784 с.
12. Левашов, В.К. Новая реальность: экономический кризис и выбор общества [Текст] / В.К. Левашов // Социологические исследования. – 2012. – №12. – С. 12-22.
13. Молодов, О.Б. Доверие как фактор консолидации общества (на примере Вологодской области) [Электронный ресурс] / О.Б. Молодов. – Режим доступа: <http://vtr.isertran.ru/file.php?module=Articles&action=view&file=article&aid=2989>
14. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 27.11.2012 №2553-р об утверждении государственной программы «Социальная поддержка граждан» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2012/12/31/socpodderjka-site-dok.html>
15. Российский статистический ежегодник 2009 [Текст]: стат. сб. / Росстат. – М., 2009. – 791 с.
16. Россия в цифрах 2012 [Текст]: краткий статистический сборник. / Росстат. – М., 2012. – 573 с.
17. Статистический ежегодник Вологодской области 2011 [Текст]: стат. сб. / Вологдастат. – Вологда, 2012. – 374 с.
18. Тощенко, Ж.Т. Новые лики деятельности: имитация [Текст] / Ж.Т. Тощенко // Социологические исследования. – 2012. – №12. – С. 23-36.

19. Указы Президента Российской Федерации от 7.05.2012 №596 «О долгосрочной государственной экономической политике»; №597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики»; №598 «О совершенствовании государственной политики в сфере здравоохранения»; № 600 «О мерах по обеспечению граждан Российской Федерации доступным и комфортным жильем и повышению качества жилищно-коммунальных услуг»; №601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления» [Текст] // Российская газета. – 2012. – №5775.
20. Федеральный закон от 2.04.2012 №28-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О политических партиях» [Текст] // Российская газета. – №5746.
21. Федеральный закон от 2.05.2012 №40-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [Текст] // Российская газета. – №5772.
22. Шумпетер, Й. Капитализм, социализм и демократия [Текст] / Й. Шумпетер. – М., 1995. – 540 с.
23. Яковсон, Л.И. Гражданское общество в модернизирующейся России [Текст]: аналитический доклад по итогам реализации исследования «Индекс гражданского общества в России – CIVICUS» / Л.И. Яковсон, И.В. Мерсиянова, О.Н. Кононыхина. – М.: НИУ ВШЭ, 2012. – 60 с.
24. Bartelson, J. Making Sense of Global Civil Society [Text] / J. Bartelson // European Journal of International Relations – 2006. – Vol. 12. – P. 371-395.
25. Benessaïeh, A. Seven Theses on Global Society: A Review Essay [Text] / A. Benessaïeh // Cultural Dynamics. – 2003. – Vol. 15. – P. 103-126.
26. Glasius, M. Global Civil Society [Text] / M. Glasius, M. Kaldor, H. Anheir / Oxford University Press, 2002. – P. 35-54
27. Ruggie, J.C. Reconstitution the Global Public Domain [Text] – Issue, Actors, and Practices / J.C. Ruggie // European Journal of International Relations. – 2004. – Vol. 10. – P. 499-531.

УДК 332.8(470.12)
ББК 65.441(2Рос-4Вол)
© Кожевников С.А.

Комплексная оценка состояния жилищно-коммунального хозяйства в муниципальных образованиях региона

**Сергей Александрович
КОЖЕВНИКОВ**

младший научный сотрудник ИСЭРТ РАН
koz_h_shaman@mail.ru

В настоящее время функционирование жилищно-коммунального хозяйства в большинстве регионов страны характеризуется нарастанием кризисных явлений. К числу основных проблем данной сферы относятся низкое качество предоставляемых услуг, высокий уровень износа основных фондов, большие непроизводительные потери ресурсов и др. Именно на их решение должны быть направлены усилия органов власти всех уровней. При этом следует отметить, что муниципальные образования могут существенно различаться по уровню благоустройства жилищного фонда, состоянию инженерной инфраструктуры, возможностям внедрения рыночных механизмов хозяйствования. В связи с этим государственная политика в ЖКХ должна базироваться на использовании экономических рычагов и стимулов при максимально полном учёте текущего состояния, отраслевых и территориальных особенностей. В статье на основе использования методики интегральной оценки проведён анализ состояния жилищно-коммунального хозяйства в муниципальных образованиях Вологодской области, выделены территории, имеющие схожие особенности и проблемы функционирования этой сферы, представлена характеристика групп. Предложены основные направления и инструменты государственной политики, реализация которых позволит более эффективно использовать ограниченные финансовые ресурсы, оптимизировать территориально-производственную структуру и в целом повысить эффективность функционирования жилищно-коммунального хозяйства в различных типах муниципальных образований региона.

Жилищно-коммунальное хозяйство, муниципальные образования, типологизация, инвестиционные процессы, государственно-частное партнёрство, Вологодская область.

Жилищно-коммунальное хозяйство (ЖКХ) является одной из ключевых сфер национальной экономики, обеспечивающей население жизненно важными услугами, а промышленность, сельское хозяйство и другие отрасли – необходимыми ресурсами для производственной деятельности (электроэнергией, теплом, водой и др.).

Однако в настоящее время жилищно-коммунальное хозяйство России находится в кризисном состоянии, являясь одним из главных источников социальной напряжённости в обществе. Так, в 2013 году 60% населения признали эту проблему одной из важнейших в стране (в 2010 году такого мнения придерживались только 40% россиян) [5].

Высокий уровень износа основных фондов, аварийности, ежегодный рост тарифов без существенного повышения качества предоставляемых услуг, значительные непроизводительные потери коммунальных ресурсов – это далеко не полный перечень проблем российского ЖКХ.

При этом причины кризисного состояния жилищно-коммунального хозяйства кроются не только в его хроническом недофинансировании на протяжении последних десятилетий, но и неэффективной системе управления. Очевидно, что административные принципы управления в современных условиях исчерпали себя, однако вектор дальнейшего реформирования, ориентированный исключительно на использование рыночных механизмов и сокращение объёмов государственной

поддержки, не способствует успешному решению накопившихся проблем.

Данное обстоятельство особенно актуально для сельских территорий, имеющих узкую зону обслуживания и низкую платёжеспособность конечного потребителя. В свою очередь, организации ЖКХ в большинстве своём являются убыточными и непривлекательными для частного инвестирования. Инженерная инфраструктура находится в критическом состоянии, затраты на оказание услуг в разы превышают аналогичные показатели в городской местности, однако покрыть потребность в финансовых ресурсах для проведения её полноценной модернизации за счёт конечного потребителя и местных бюджетов не представляется возможным.

Вышеперечисленные проблемы характерны для большинства субъектов РФ, в том числе и для Вологодской области. Так, в течение последних лет отмечается увеличение доли ветхого и аварийного жилья, которая в 2012 году составила 6% общей площади жилищного фонда региона, что выше среднероссийского (3%) и среднего по СЗФО (3,2%) уровня (табл. 1).

Причём за этой усредненной цифрой скрываются существенные территориальные различия. Так, в 2012 году крайне высокий удельный вес ветхого и аварийного жилья отмечался в Междуреченском (31,1%), Вытегорском (22%) и Белозерском (20,8%) районах. В лучшем состоянии находится жилищный фонд г. Череповца (0,1%) и Кадуйского района (1,6%) [1, с. 22].

Таблица 1. Ветхий и аварийный жилищный фонд, в % от общей площади жилищного фонда

Территория	Год							2012 г. к 2000 г., п.п.
	2000	2005	2008	2009	2010	2011	2012	
Вологодская область	2,1	5,5	5,6	6,0	6,0	5,9	6,0	+3,9
СЗФО	2,2	3,3	3,3	3,2	3,3	3,2	3,2	+1,0
Российская Федерация	2,4	3,2	3,2	3,1	3,1	3,0	3,0	+0,6

Источники: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2012: стат. сб. / Росстат. – М., 2012. – 990 с.; Единая межведомственная информационно-статистическая система [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.fedstat.ru/indicator/data.do>

Другой важнейшей проблемой ЖКХ Вологодской области является невысокое благоустройство жилья. В 2012 году только 58,7% жилищного фонда региона было обеспечено услугами горячего водоснабжения, 59,6% – ваннами (душем), 63,3% – водоотведением (канализацией). Для сравнения отметим, что в среднем по России горячим водоснабжением оборудовано 65,5% жилищного фонда, в СЗФО – 73,9%.

Особенно низкий уровень благоустройства характерен для сельской местности. Так, в Кичменгско-Городецком районе водопроводом обеспечено только 5,5% жилищного фонда, в Никольском – 14,4%. Аналогичная ситуация отмечается с услугами центрального отопления: Бабушкинский район – 0,4%, Кичменгско-Городецкий – 0,6%, Верховажский район – 3,4% [1, с. 24-25].

Таким образом, очевидным становится тот факт, что устойчивое развитие жилищно-коммунального хозяйства невозможно без его стабильного функционирования на всей территории региона. В связи с этим приобретает актуальность вопрос о проведении всесторонней и объективной оценки текущего состояния, определении основных проблем в муниципальном ЖКХ.

Для решения данной задачи необходимо разработать соответствующий методологический инструментарий. На основе обобщения результатов исследований по рассматриваемой проблематике [9, 10, 13] была сформирована система показателей, комплексно характеризующих текущее состояние жилищно-коммунального хозяйства в муниципальных образованиях региона. При этом все показатели признаны равнозначными (табл. 2).

Агрегирование показателей в интегральный индекс осуществляется в следующей последовательности.

1 этап. Определение значения частного индекса по каждому блоку показателей (R_j):

$$R_j = \frac{\sum_{i=1}^n k_i}{n}; \quad (1)$$

где k_i – стандартизированный коэффициент;

n – количество показателей в блоке.

Для прямых показателей стандартизированный коэффициент рассчитывается по формуле 2, а для обратных¹ – в соответствии с формулой 3:

$$k_i = \frac{x_i}{x_3}; \quad (2)$$

$$k_i = \frac{x_3}{x_i}; \quad (3)$$

где x_i – значение i -го показателя в муниципальном образовании;

x_3 – эталонное значение i -го показателя.

2 этап. Вычисление интегрального индекса, характеризующего состояние сферы ЖКХ в муниципальном образовании (R):

$$R = \frac{R_1 + R_2 + R_3 + R_4}{4};$$

где R_1 – индекс по блоку, характеризующему состояние жилищного хозяйства муниципалитета;

R_2 – индекс по блоку, характеризующему состояние коммунального хозяйства (отрасли ресурсоснабжения);

R_3 – индекс по блоку, отражающему ситуацию в сфере благоустройства и муниципального коммунального хозяйства;

R_4 – индекс по блоку, характеризующему финансовое состояние сферы ЖКХ в муниципальном образовании.

¹ Прямой показатель – это показатель, увеличение значений которого свидетельствует о положительных тенденциях, об улучшении ситуации в муниципальном жилищно-коммунальном хозяйстве. Обратный показатель – показатель, увеличение значений которого свидетельствует об ухудшении ситуации в данной сфере муниципального хозяйства.

Таблица 2. Показатели, характеризующие состояние сферы жилищно-коммунального хозяйства муниципальных образований

Показатель	Характеристика
Блок 1. Жилищное хозяйство	
1.1. Удельный вес жилья, не относящегося к категории ветхого и аварийного, в % от общей площади жилищного фонда муниципалитета	Ветхость жилищного фонда ведёт к росту непроизводительных потерь ресурсов (тепла, электроэнергии и т.п.) и в целом снижает комфортность проживания. Кроме того, наличие ветхого и аварийного жилья свидетельствует не только о недостаточных темпах жилищного строительства, но и о неэффективной деятельности организаций, занимающихся его содержанием и управлением.
1.2. Жилищный фонд, оборудованный всеми видами благоустройства (водоснабжением, канализацией, отоплением, газом или электроплитами), в % от его общей площади	Одной из стратегических задач государственной политики в ЖКХ является полное обеспечение населения всеми видами коммунальных услуг нормативного качества. В связи с этим благоустройство является одним из ключевых показателей, характеризующих общий уровень развития ЖКХ территории.
1.3. Многоквартирные дома, находящиеся под управлением частных управляющих организаций, товариществ собственников жилья (ТСЖ), жилищно-строительных кооперативов (ЖСК), в % от их общего количества	В современных условиях рыночных преобразований ликвидация государственного монополизма является одним из приоритетов реформирования отрасли. В свою очередь, внедрение прогрессивных форм управления жилищным фондом, развитие конкуренции между организациями, занимающимися содержанием многоквартирных домов, позволит не только повысить качество предоставляемых услуг, но и является фактором, способствующим развитию инициативы собственников жилья.
Блок 2. Коммунальное хозяйство (отрасли ресурсоснабжения)	
2.1. Доля коммунальных сетей, не нуждающихся в замене, в % от их общей протяженности	Показатель характеризует техническое состояние коммунальной инфраструктуры муниципалитета. Наличие сетей, отслуживших нормативные сроки эксплуатации, ведёт к высокой аварийности, снижению качества предоставления услуг.
2.2. Потери ресурсов в сетях, %	Высокие непроизводительные потери ресурсов являются следствием износа инженерной инфраструктуры, технологической отсталости, наличия несанкционированных подключений к сетям. В свою очередь, в развитых странах мира, где используются современные технологии при производстве и транспортировке коммунальных ресурсов данные потери не превышают 3-4% [4; 7].
2.3. Объём коммунальных ресурсов, отпускаемых на основе приборов учёта, в % от общего объёма их потребления	Требования современного законодательства подразумевают полный переход к расчётам за потреблённые коммунальные ресурсы в соответствии с показаниями приборов учёта. Их установка позволяет, с одной стороны, снизить затраты потребителя на оплату услуг ЖКХ, а с другой – является стимулом для предприятий к повышению эффективности их производственной деятельности.
Блок 3. Благоустройство территории	
3.1. Доля освещённых улиц, проездов, набережных, % в их общей протяженности	Данный показатель позволяет оценить уровень обеспеченности потребителей муниципального образования услугами уличного освещения.
3.2. Доля свалок твёрдых бытовых отходов (ТБО), на которых организован учёт утилизируемых отходов, в % от их общего количества	Позволяет оценить качество работ, связанных с утилизацией отходов. Наличие несанкционированных свалок, отсутствие на них системы учёта не позволяют проводить захоронение ТБО в соответствии с утверждёнными санитарными нормами и правилами.
Блок 4. Финансовые процессы в ЖКХ	
4.1. Уровень собираемости платежей за жилищно-коммунальные услуги, %	Полная собираемость платежей за услуги является необходимым условием стабильного функционирования предприятий ЖКХ, успешности реализации ими производственных и инвестиционных программ, что особенно актуально в связи с ликвидацией бюджетного дотирования и перекрёстного субсидирования.
4.2. Доля прибыльных организаций ЖКХ, в % от их общего количества	Обобщающий показатель, в целом характеризующий эффективность производственной деятельности организаций ЖКХ муниципального образования.
4.3. Отношение дебиторской задолженности предприятий к стоимости оказанных жилищно-коммунальных услуг, %	Наличие большой дебиторской задолженности организаций ЖКХ ограничивает их возможности по привлечению кредитных ресурсов и прочего заёмного финансирования, порождает высокие риски, связанные с инвестированием. При этом оптимальным признаётся уровень дебиторской задолженности, который не превышает 5% от стоимости оказанных услуг [*] .
* Естественный уровень дебиторской задолженности, которая при этом, как правило, относится к категории безнадежной. См. напр.: Ковалев В.В. Введение в финансовый менеджмент. – М.: Финансы и статистика, 2004. – 768 с.	

Рисунок 1. Интерпретация пороговых значений интегрального показателя (I) состояния ЖКХ муниципального образования

3 этап. Выделение групп территорий, характеризующихся общими проблемами в сфере ЖКХ. Область возможных значений интегрального показателя находится в интервале² от 0 до 1. На основании этого были выделены 4 типа муниципальных образований. При этом четвёртая группа имеет более широкие интервальные границы, поскольку характеризует муниципалитеты, где жилищно-коммунальное хозяйство находится в критическом состоянии, глубоком и системном кризисе. Причём чем хуже ситуация в данной сфере, тем ближе к нулю значения интегрального показателя. Вместе с тем следует отметить, что в реальности нулевое значение в принципе недостижимо (рис. 1).

Предложенный инструментарий апробируем на материалах муниципальных образований Вологодской области. Результаты расчётов позволяют выявить 3 типа территорий по состоянию ЖКХ. При этом в 2012 году ни одно муниципальное образование не вошло в I группу, характеризующуюся хорошим состоянием данной сферы (табл. 3).

² С учётом того, что муниципалитет имеет эталонное значение по каждому показателю из всех четырёх блоков, максимальное значение интегрального индекса потенциально может быть равно 1.

Общая характеристика жилищно-коммунального хозяйства в различных типах муниципальных образований региона представлена в таблице 4.

На территориях, относящихся ко II группе, ЖКХ находится в удовлетворительном состоянии. Доля ветхого и аварийного жилья (в среднем по группе она составила 2,3% общей площади жилищного фонда) ниже среднеобластного значения (6,0%). Кроме того, уровень его благоустройства достаточно высокий. В среднем по группе всеми видами коммунальных услуг (холодным и горячим водоснабжением, канализацией, отоплением, газом или напольными электроплитами) обеспечено почти 92% жилья.

В течение последних лет в жилищной сфере активно осуществляются рыночные преобразования. Так, в 2012 году уже около 90% многоквартирных домов обслуживалось управляющими компаниями частной формы собственности и товариществами собственников жилья (ТСЖ)³. При этом доля муниципальных организаций сокращается.

³ См. Сведения о структурных преобразованиях и организационных мероприятиях в сфере жилищно-коммунального хозяйства Вологодской области – форма №22-ЖКХ (реформа) за 2012 год.

Таблица 3. Типологизация муниципальных образований Вологодской области по состоянию сферы ЖКХ в 2012 году

Группа	Состояние ЖКХ	Территории
II	Удовлетворительное: $0,600 < I \leq 0,799$	г. Вологда (0,781), г. Череповец (0,758), Кадуйский (0,664), Шекснинский (0,623)
III	Неудовлетворительное: $0,400 < I \leq 0,599$	Череповецкий (0,570), Сокольский (0,556), Чагодощенский (0,542), Верховажский (0,540), Тарногский (0,536), Вологодский (0,535), Усть-Кубинский (0,506), Нюксенский (0,491), Бабушкинский (0,490), Великоустюгский (0,470), Устюженский (0,470), Вожегодский (0,469), Междуреченский (0,468), Грязовецкий (0,445), Кирилловский (0,437), Тотемский (0,418), Никольский (0,418), Белозерский (0,416), Сямженский (0,409)
IV	Критическое: $0,000 < I \leq 0,399$	Вытегорский (0,391), Вашкинский (0,385), Харовский (0,383), Бабаевский (0,367), Кичм.-Городецкий (0,367)

Таблица 4. Характеристика состояния ЖКХ в различных типах муниципальных образований Вологодской области

Показатель	Среднее значение по группе*			В среднем по области
	II	III	IV	
1. Удельный вес ветхого и аварийного жилья, в % от общей площади жилищного фонда муниципалитета	2,3	9,2	11,9	6,0
2. Жилищный фонд, оборудованный всеми видами благоустройства (водоснабжением, канализацией, отоплением, газом или электроплитами), %	91,7	25,6	16,7	57,6
3. Многоквартирные дома, находящиеся под управлением частных управляющих организаций, товариществ собственников жилья (ТСЖ), жилищно-строительных кооперативов (ЖСК), в % от их общего количества	89,2	47,3	48,6	54,8
4. Доля коммунальных сетей, не нуждающихся в замене, в % от их общей протяжённости:				
– водоснабжения;	72,4	64,7	73,4	67,9
– теплоснабжения.	45,2	74,7	70,7	59,2
5. Потери ресурсов в сетях, %:				
– водоснабжения;	19,7	29,2	22,1	21,7
– теплоснабжения.	6,2	11,2	12,8	8,5
6. Объём коммунальных ресурсов, отпускаемых на основе приборов учёта, в % от общего объёма их потребления:				
– тепловой энергии;	67,8	23,9	25,9	55,4
– горячей воды;	80,5	41,6	25,6	75,9
– холодной воды.	95,4	52,9	23,2	87,5
7. Доля освещённых улиц, проездов, набережных в их общей протяженности, %	86,0	65,4	69,4	76,4
8. Доля свалок (полигонов) твёрдых бытовых отходов (ТБО), на которых организован учёт утилизируемых отходов, в % от общего количества свалок ТБО	87,5	27,2	8,9	54,3
9. Отношение дебиторской задолженности предприятий к стоимости оказанных жилищно-коммунальных услуг, %	50,6	49,6	38,2	49,9
* Средние значения рассчитывались по формуле средней арифметической взвешенной.				

Коммунальные предприятия имеют большие производственные мощности, однако их деятельность характеризуется существенными потерями ресурсов (воды – 19,7% от общего объёма, поданного в сети), обусловленными высоким уровнем физического и морального износа основных фондов в ЖКХ. В частности, в

2012 году в среднем по группе почти 55% тепловых сетей и 28% сетей водоснабжения отслужили свои нормативные сроки и нуждались в замене [3, с. 7; 33].

В свою очередь, финансовое состояние организаций ЖКХ является неустойчивым (в 2012 году их дебиторская задолженность превышала 50% от стоимости оказанных

услуг), что ограничивает возможности для самостоятельного решения вышеперечисленных проблем и привлечения заёмного капитала.

Значительная часть муниципальных образований Вологодской области (19 из 28 муниципалитетов), жилищно-коммунальное хозяйство которых продолжает оставаться в глубоком и системном кризисе, входит в *III группу*. К их основным проблемам можно отнести:

- высокий уровень износа жилищного фонда (в 2012 году более 9% его площади являлось ветхим и аварийным, что выше среднеобластного уровня);
- низкий уровень благоустройства (всеми видами коммунальных услуг обеспечено только $\frac{1}{4}$ жилья);
- высокий уровень износа инженерной инфраструктуры (более 35% сетей водоснабжения и 25% тепловых сетей нуждаются в замене);
- значительные непроизводительные потери коммунальных ресурсов в сетях (воды – 29,2%, тепла – 11,2%), обусловленные физической изношенностью основных фондов, технологической отсталостью большинства предприятий ЖКХ;
- неэффективная система учёта потребления (на основании приборов учёта отпущено лишь 24% от общего объёма тепловой энергии, горячей воды – 42%, холодной воды – 53%);
- слабый уровень развития сектора благоустройства (в 2012 году лишь около 65% общей протяжённости улиц, парков, набережных было обеспечено услугами уличного освещения, на 27% свалок ТБО осуществлялся учёт утилизируемых отходов);
- неустойчивое финансовое состояние организаций ЖКХ (убыточность производственной деятельности, высокий уровень кредиторской и дебиторской задолженности);

- низкие темпы внедрения рыночных механизмов хозяйствования [8].

При этом бюджетное финансирование отрасли (за исключением Сокольского района – г. Сокол) находится на невысоком уровне. Основным источником финансовых ресурсов являются платежи населения за жилищно-коммунальные услуги.

Состояние жилищно-коммунального хозяйства *IV группы* муниципальных образований Вологодской области можно признать критическим. Жилищный фонд находится в крайне неудовлетворительном техническом состоянии, доля ветхого и аварийного жилья в общей площади жилищного фонда составляет 12%, что в 2 раза выше среднеобластного значения. При этом уровень его благоустройства остаётся очень низким (основными видами коммунальных услуг обеспечено только 17% жилья). В связи с этим все более широкое развитие получают индивидуальные системы коммунального жизнеобеспечения населения (объекты водоснабжения и теплоснабжения).

Коммунальные предприятия данных муниципалитетов являются малыми и имеют небольшие производственные мощности. Кроме того, их деятельность характеризуется большими непроизводительными потерями ресурсов, в разы превышающими нормативные значения (тепла – 12,8%, воды – 22,1%), что связано не только с технологической отсталостью организаций ЖКХ, но и крайне низкой обеспеченностью жилищного фонда приборами учёта (с использованием счётчиков отпущено 26% тепловой энергии, холодной воды – 23%). Предоставление большинства жилищно-коммунальных услуг убыточно, что служит одной из главных причин неустойчивого финансового состояния коммунальных предприятий и невозможности полноценной реализации ими производственных и инвестиционных программ.

Сектор муниципального коммунального хозяйства в этих районах развит весьма слабо. Так, лишь на 9% свалок ТБО осуществляется учёт утилизируемых отходов, 69% улиц обеспечено услугами уличного освещения.

В связи с выявленными различиями в состоянии жилищно-коммунального хозяйства в муниципальных образованиях Вологодской области приоритетной целью государственной политики должно стать создание условий для стабильного и устойчивого функционирования данной сферы на всей территории региона. При этом политика должна носить дифференцированный с точки зрения территориальной специфики характер, ориентироваться на концентрацию и эффективное использование ограниченных финансовых ресурсов.

Так, высокий уровень износа инженерных сетей (систем тепло- и водоснабжения) в муниципальных образованиях *II группы* требует реализации широкомасштабных инвестиционных программ в коммунальном хозяйстве, направленных прежде всего на технологическое обновление отрасли. При этом их финансирование целесообразно осуществлять не только за счёт тарифных источников, но и с привлечением частных инвестиций.

Таким образом, основными приоритетами государственной политики в ЖКХ данных муниципальных образований являются:

- аудит деятельности коммунальных предприятий (определение реальной себестоимости оказания услуг в целях перехода на экономически обоснованные тарифы и доходные принципы тарифообразования (метод RAB), что создаст объективные стимулы к снижению непроизводительных издержек и повышению инвестиционной привлекательности ЖКХ);

- разработка долгосрочных производственных и инвестиционных программ,

утверждение тарифов (на срок свыше 5 лет) в соответствии с объективными финансовыми потребностями для их реализации;

- реструктуризация задолженности коммунальных предприятий;

- разработка инструментов государственного обеспечения заёмного финансирования (гарантии, субсидирование процентной ставки и др.), при этом ограниченные бюджетные средства должны быть ориентированы на обеспечение доступа организаций коммунального комплекса к ресурсам государственных институтов развития (в частности, Фонда содействия реформированию ЖКХ) и кредитным источникам;

- проведение мероприятий, направленных на рост обеспеченности жилищного фонда приборами учёта потребляемых ресурсов, что позволит повысить эффективность их использования. Местным органам власти наряду с проведением разъяснительной работы среди населения целесообразно разработать систему мер поддержки потребителей, включающую инструменты льготного кредитования и рассрочки платежей при установке приборов учёта.

В свою очередь, ОАО «Корпорация развития Вологодской области» могла бы занимать более активную позицию в привлечении внебюджетного финансирования в ЖКХ и оказывать консалтинговое, организационное и прочее сопровождение проектов государственно-частного партнёрства на всех стадиях их жизненного цикла.

Состояние глубокого и системного кризиса жилищно-коммунального хозяйства в муниципалитетах *III и IV групп* требует разработки мер комплексной поддержки этой сферы их экономики. Очевидно, что такие территории не являются привлекательным сегментом для частного бизнеса, а огромный масштаб накопившихся проблем, ограниченность бюджетных ресурсов не позволяют местным органам власти само-

стоятельно решить поставленные задачи. Поэтому государственная политика должна быть направлена на максимальное организационное, финансовое участие в развитии данной сферы муниципальной экономики в тесном сотрудничестве с бизнес-структурами и населением.

Основные усилия органов власти при этом должны быть сконцентрированы на ликвидации ветхого и аварийного жилья. Наряду с новой системой капитального ремонта (НКО «Фонд капитального ремонта многоквартирных домов Вологодской области») одним из путей её решения является участие в региональных адресных программах, предполагающих софинансирование за счёт средств Фонда содействия реформированию ЖКХ. Вместе с тем для получения финансовой поддержки данного института развития местным органам власти необходимо активизировать работу в части осуществления рыночных преобразований в жилищной сфере, проведения кадастрового учёта земельных участков, находящихся под многоквартирными домами, регистрации прав на объекты коммунальной инфраструктуры.

Кроме того, следует более активно использовать рыночные схемы финансирования. Как свидетельствует опыт регионов России, существует возможность использования платежей населения за жилищные услуги в качестве обеспечения для привлечения заёмного финансирования при проведении капитального ремонта многоквартирных домов.

В данных муниципальных образованиях остро встаёт проблема модернизации коммунальной сферы. При этом реализация масштабных инвестиционных программ должна предполагать оптимальное сочетание инструментов бюджетного (за счёт средств местного и регионального бюджетов, Фонда содействия реформированию ЖКХ), банковского финансирования, распределения финансового бремени между

текущими и новыми потребителями коммунальных услуг.

В целях недопущения распыления имеющихся денежных средств необходимо создавать условия для эффективного инвестирования в коммунальную инфраструктуру, ключевым из которых является наличие программ комплексного развития систем коммунальной инфраструктуры (ПКР СКИ). Для муниципального образования ПКР СКИ – инструмент управления и оптимизации развития коммунальной инфраструктуры, позволяющий выявить «проблемные точки» в развитии ЖКХ и сконцентрировать ограниченные финансовые ресурсы на их решении. Наличие данной программы позволит частному инвестору определить ориентиры в развитии своего бизнеса, наиболее перспективные с точки зрения окупаемости проекты.

Вместе с тем такие программы утверждены далеко не во всех муниципальных образованиях региона (по состоянию на 01.01.2013 года – в 204 муниципалитетах, что составляет 67,5% от их общего числа), и они, зачастую, не носят стратегического и комплексного характера [6]. Основная проблема при этом заключается в том, что их разработка осуществляется муниципальными властями, которые, как правило, не имеют необходимых на то кадровых и финансовых ресурсов. На наш взгляд, выходом из данной ситуации является предоставление целевого софинансирования за счёт средств регионального бюджета на разработку таких программ или включение понесенных затрат в стоимость пакета правоустанавливающих документов, выставляемых на конкурс для частного инвестора.

Кризисная ситуация в ЖКХ этих муниципалитетов усугубляется тем, что в сельской местности многие населенные пункты являются «вымирающими». Очевидно, что строительство новых объектов коммунального назначения в данной ситуации нецелесообразно и крайне невыгодно

ни с коммерческой, ни экономической точки зрения. Исходя из этого можно подчеркнуть, что государственная политика должна быть ориентирована как на модернизацию действующих, так и на стимулирование установки индивидуальных систем коммунального жизнеобеспечения (например, тепловых пунктов как альтернативы муниципальным котельным) [2].

Реализация комплекса данных мероприятий позволит более эффективно использовать ограниченные финансовые ресурсы, оптимизировать территориально-производственную структуру жилищно-коммунального хозяйства и в целом повысить эффективность функционирования ЖКХ в различных типах муниципальных образований региона.

Литература

1. Жилищный фонд Вологодской области [Текст]: информ. записка. – Вологда, 2013. – 35 с.
2. Кожевников, С.А. Проблемы жилищно-коммунального хозяйства сельских территорий [Электронный ресурс] / С.А. Кожевников // Вопросы территориального развития. – 2013. – №8(8). – Режим доступа: <http://vtr.isert-ran.ru/file.php?module=Articles&action=view&file=article&aid=3165>.
3. Коммунальное хозяйство Вологодской области в 2012 году [Текст]: стат. бюллетень. – Вологда: Вологдастат, 2013. – 53 с.
4. О мерах по повышению качества предоставления жилищно-коммунальных услуг [Текст]: доклад / Государственный совет Российской Федерации. – СПб., 2013. – 97 с.
5. Официальный сайт Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ). – Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=113767>
6. Официальный сайт Департамента строительства и ЖКХ Вологодской области. – Режим доступа: <http://www.depreregion.ru/>
7. Примин, О. Пути снижения потерь воды [Электронный ресурс] / О. Примин // Коммунальный комплекс России. – 2013. – №4(106). – Режим доступа: <http://www.gkhprofi.ru/news.php?id=748>
8. Сводный доклад Вологодской области о результатах мониторинга эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов по итогам 2012 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vologda-oblast.ru/dokumenty/all/4252/>
9. Скрипник, О.Б. Реформирование регионального жилищно-коммунального комплекса: методология и практика [Текст] / О.Б. Скрипник. – М.: Финансы и статистика, 2013. – 288 с.
10. Соргутов, И.В. Методический подход к оценке уровня безопасности системы территориального жизнеобеспечения [Текст]: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05 / И.В. Соргутов. – Екатеринбург, 2013. – 25 с.
11. Ускова, Т.В. Жилищно-коммунальное хозяйство муниципалитета: состояние, проблемы, тарифное регулирование: препринт [Текст] / Т.В. Ускова, А.С. Барабанов. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2013. – 88 с.
12. Ускова, Т.В. Реформирование жилищно-коммунального хозяйства: региональный аспект / Т.В. Ускова, О.Н. Гордина, А.С. Барабанов // Проблемы развития территории. – 2010. – №5. – С. 14-19.
13. Чернышов, А.Н. Управление жилищно-коммунальным хозяйством региона на основе программно-целевого подхода [Текст]: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05 / А.Н. Чернышов. – Челябинск, 2011. – 26 с.
14. Marin, P Public-private partnerships for urban water utilities: a review of experiences in developing countries [Electronic resource] / P. Marin. – Washington DC: The World Bank, 2009. – 206 p. – Available at: <http://elibrary.worldbank.org/doi/pdf/10.1596/978-0-8213-7956-1>

Список статей, опубликованных в 2013 году

От главного редактора		
Ильин В.А. Национальная и региональная безопасность: взгляд из региона	3	9-20
Ильин В.А. Неперевернутая страница	1	9-22
Ильин В.А. Новая повестка дня и эффективность государственного управления	5	9-13
Ильин В.А. Тревожные ожидания остаются	2	9-17
Ильин В.А. Проблемы модернизации российских регионов	4	9-20
Ильин В.А. Что год грядущий стране готовит?	6	9-14
Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества	4	25-31
Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества	5	14-20
Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества	6	15-17
Открытое письмо Президенту Российской Федерации В.В. Путину академика Ж.И. Алферова	4	21-31
Приветствие вице-президента РАН академика С.М. Алдошина	3	25-27
Приветствие Губернатора Вологодской области О.А. Кувшинникова	3	21-24
Приоритеты долгосрочного социально-экономического развития (из доклада «Россия на пути к современной динамичной и эффективной экономике» авторского коллектива под ред. академиком А.Д. Некипелова, В.В. Ивантера, С.Ю. Глазьева)	6	18-31
Савченко Е.С. О необходимости и содержании смены макроэкономической политики	5	21-27
Стратегия развития		
Алиев А.Б. Инновационные факторы в системе обеспечения экономической безопасности страны	1	66-75
Васильев А.М. Комплексный подход к организации морехозяйственной деятельности в Западной Арктике	1	56-75
Глазьев С.Ю., Фетисов Г.Г. О стратегии устойчивого развития экономики России	1	23-35
Гулин К.А., Дедков С.М., Усков В.С. Интеграция в формате Союзного государства как стратегия укрепления безопасности России и Беларуси	4	32-42
Ильин В.А., Леонидова Г.В., Попова В.И. Точка роста научно-технического потенциала региона	6	32-44
Кириллова С.А., Кантор О.Г. Управление регионами с позиций устойчивого развития	5	53-64
Ласточкина М.А., Шабунова А.А. Возможности и ограничения модернизационного развития регионов Северо-Западного федерального округа	5	39-52
Милашевич Е.А. Основы гармонизации и унификации внешнеэкономических отношений Республики Беларусь и Российской Федерации в условиях вступления России в ВТО	1	76-83
Мякота Е.А., Воробьев А.Г., Путилов А.В. Оценка экономического потенциала Челябинской области: состояние и перспективы развития	2	40-50
Поварова А.И. Региональный бюджет 2013 – 2015: стабильность или выживание?	1	36-83
Поварова А.И. Счетная палата РФ: проект бюджета 2014–2016 гг. не позволит выполнить майские (2012 г.) указы Президента	5	28-33
Снегов В.В., Дядик В.В. Оценка потенциала участия крупного бизнеса в социально-экономическом развитии Арктического региона	2	29-50
Ускова Т.В. О роли инвестиций в обеспечении устойчивого экономического роста	6	45-59
Ускова Т.В., Селименков Р.Ю. К вопросу о формировании институтов развития в регионе	2	18-50
Швецов А. Российская академия наук – очередной объект разрушительных реформационных преобразований	5	34-64
Российско-белорусская интеграция как инструмент стратегии безопасности		
Витязь П.А., Щербин В.К. Проблемы конструирования новых типов интеграционных пространств	3	28-45
Махутов Н.А., Абросимов Н.В., Гаденин М.М. Обеспечение безопасности – приоритетное направление в области фундаментальных и прикладных исследований	3	46-71
Экономические основы интеграционного взаимодействия России и Беларуси		
Ковалёв И.Л., Ковалёв Л.И. Экономические реалии и проблемы развития малой энергетики в Республике Беларусь	3	83-96
Сердюкова Ю.С., Усенко Н.И. Стратегические приоритеты интеграционного взаимодействия России и Беларуси с позиции обеспечения продовольственной безопасности	3	72-82
Ускова Т.В., Селименков Р.Ю. Прогнозирование торгово-экономических отношений регионов СЗФО РФ с Республикой Беларусь	3	97-105

Социальные аспекты интеграции в формате Союзного государства		
Артюхин М.И. Миграция населения как фактор демографической безопасности Беларуси	3	117-122
Леонидова Г.В., Устинова К.А. Непрерывное образование в контексте инновационного развития России и Беларуси	3	133-140
Шабунова А.А., Шахотко Л.П., Боброва А.Г., Калачикова О.Н. Демографическое развитие Республики Беларусь и Российской Федерации в контексте национальной безопасности	3	106-116
Шабунова А.А., Шухатович В.Р., Корчагина П.С. Здоровьесберегающая активность как фактор здоровья: гендерный аспект	3	123-132
Проблемы российской Арктики		
Гайнанов Д.А., Кириллова С.А., Кузнецова Ю.А. Российская Арктика в контексте устойчивого развития	6	79-89
Тоскунина В.Э., Губина О.В., Проворова А.А., Кармакулова А.В., Воронина Л.В. Подходы к районированию и определению границ Арктической зоны Российской Федерации	6	69-78
Отраслевая экономика		
Аветисян И.А. Проблемы финансирования высшего образования в современной России	1	108-122
Бурый О.В., Калинина А.А., Луканичева В.П. Роль топливного сектора субарктических районов в экономике Республики Коми	5	65-76
Васильев А.М. Глубокая переработка уловов – фактор повышения экономической эффективности рыболовства	5	89-97
Гасникова А.А. Роль традиционной и альтернативной энергетики в регионах Севера	5	77-88
Иванов В.А. Возможности и барьеры для модернизации аграрной сферы северных и приарктических территорий в условиях членства России в ВТО	2	60-73
Иванов В.А., Пономарёва А.С. Особенности и состояние модернизационных процессов в сельском хозяйстве периферийных северных территорий	6	90-103
Кобылинская Г.В. Отраслевые особенности инвестиционных процессов в Северо-Западном федеральном округе	2	51-59
Козьменко С.Ю., Усков В.С. Экономическая оценка потенциала личных подсобных хозяйств на северном региональном рынке плодово-ягодной продукции	4	166-176
Немович Е.Г., Курило А.Е. Трансформация машиностроения Республики Карелия	1	98-107
Суровцев В.Н., Бильков В.А., Никулина Ю.Н. Инновационное развитие молочного животноводства на Северо-Западе РФ как основа повышения конкурентоспособности производства молока	4	143-150
Терентьев В.В. Кадровое обеспечение модернизации сельского хозяйства северных и арктических территорий (на примере Республики Коми)	4	151-165
Трудов Ю.Н. Оценка туристического потенциала охотничьего хозяйства региона (на примере Вологодской области)	6	113-118
Чайка Л.В. Пространственные аспекты развития электроэнергетики Европейского Севера России	1	84-97
Чекавинский А.Н. Организационно-экономический механизм модернизации сельского хозяйства	6	104-112
Шейкин А.Г., Ларичкин Ф.Д. Принципы стратегического программирования в топливно-энергетическом комплексе: учёт интересов малых нефтяных компаний	4	133-142
Шишкин А.И., Биктимирова Е.Д. Методические основы создания туристско-рекреационного кластера «Заонежье» (Республика Карелия)	2	74-86
Социальное развитие		
Александрова О.А., Ненахова Ю.С., Возможности населения в сфере образования в меняющемся социально-экономическом контексте	6	133-141
Афанасьев Д.В., Гужавина Т.А. Предпосылки трансформации установок политического недовольства в протестное поведение населения (на материалах ИСЭРТ РАН г. Вологды)	6	142-152
Кондакова Н.А. Здоровье и условия жизни подрастающего поколения	1	151-161
Леонидова Г.В., Головчин М.А. Тенденции развития сферы образования в регионах России	4	43-52
Леонидова Г.В., Устинова К.А. Занятость молодежи как условие модернизации социально-трудовой сферы	2	101-110
Морев М.В., Попова В.И. Преодоление социальной дезинтеграции как фактор улучшения социального здоровья	4	53-69
Попова Л.А., Зорина Е.Н. Северный вариант российской модели демографического старения	2	111-125
Попова Л.А., Терентьева М.А. Сравнительная характеристика динамики трудового потенциала регионов Северо-Западного федерального округа	5	98-111
Римашевская Н.М. Три предложения по совершенствованию демографической и семейной политики	6	127-132

Теребова С.В. Малый бизнес как фактор повышения уровня занятости и доходов населения региона	5	112-122
Тихомирова В.В. Методология и механизмы финансового обеспечения системы социальной поддержки населения регионов зоны Севера	1	123-136
Фокин В.Я. Влияние территориальной дифференциации качества и защищенности занятости населения на сжатие пространства сельских территорий Пермского края	6	153-166
Фокин В.Я. Территориальная мобильность населения в контексте поисков счастья	4	70-81
Шабунова А.А. Актуальные проблемы социокультурной модернизации	6	167-171
Шабунова А.А., Асташов В.Н., Кондакова Н.А., Шкаревская С.М. Модернизация здравоохранения в оценках населения и медицинских работников	2	87-100
Шабунова А.А., Морев М.В. Представления вологжан о счастье	1	137-150
Штомпка П. Модернизация как социальное становление (10 тезисов по модернизации)	6	119-126
Проблемы управления		
Длигач А.А. Системно-рефлексивный маркетинг в управлении бизнесом на постсоветском пространстве	2	141-151
Поварова А.И. Неэффективное администрирование НДС как угроза экономической безопасности России	2	126-140
Инновационное развитие		
Гун Цзяньвэнь. Построение региональной инновационной системы и углубляющееся реформирование	5	142-148
Румянцев А.А. О трансформации научно-инновационного пространства макрорегиона на примере Северо-Западного федерального округа	4	92-103
Селин В.С., Селин И.В. Оценка возможностей и факторов инновационного развития региональной экономики	4	82-91
Общественные финансы		
Поварова А.И. Проблемы распределения налоговой нагрузки в российской экономике	6	172-188
Томилина Н.С. Российская модель бюджетного федерализма: конкуренция или кооперация?	5	123-132
Проблемы муниципальных образований		
Пьянкова С.Г. Проектирование институционального развития монопрофильных территорий	5	133-141
Вопросы теории		
Скуфьина Т.П. Социально-экономическая дифференциация пространства: противоречия теории и практики регулирования	6	60-68
Экономика природопользования		
Акулов А.О. Эффект декаплинга в индустриальном регионе (на примере Кемеровской области)	4	177-185
Дэн Хун. Экологическая защита в слаборазвитых районах Китая (на примере провинции Цзянси)	4	186-189
Лобовиков А.О., Базылева Я.В. Эколого-экономическая оценка эффективности технологии очистки выбросов тепловых электростанций	5	149-155
Паникарова С.В., Власов М.В. Современные тенденции традиционного природопользования коренных народов Сибири (на материалах Республики Хакасия)	2	152-160
Печаткин В.В. Эволюция лесопользования и лесовосстановления в России: мифы и реальность	2	161-170
Моделирование и прогноз		
Кетова К.В., Касаткина Е.В., Насридинова Д.Д. Прогнозирование показателей социально-экономического развития региона	4	104-120
Филимоненко И.В. Типизация экономики региона для прогнозирования кадровой потребности	4	121-132
Организация научно-исследовательской деятельности		
Третьякова О.В., Кабакова Е.А. Возможности и перспективы использования индексов цитирования в оценке результатов деятельности научного учреждения	6	189-200
Сычев М.Ф., Загребельный А.В. К вопросу о соответствии современного научного журнала международным стандартам качества	6	201-206
Молодые исследователи		
Анищенко А.Н., Селименков Р.Ю. Оценка функционирования сельского хозяйства региона	5	156-168
Бикеева М.В. Анализ социальных инвестиций на современном предприятии	2	180-184
Гисин Л.М. Влияние капитала и издержек на оценку трансфертной цены	1	195-205
Ильин П.В. Зарубежный опыт трансфера технологий – в российскую практику	1	206-213
Кожевников С.А. Комплексная оценка состояния жилищно-коммунального хозяйства в муниципальных образованиях региона	6	225-234
Ласточкина М.А. Социальная защищенность населения России: обзор исследований последних лет	2	171-179

Мазилев Е.А. Промышленная политика как механизм регионального развития	1	187-194
Мироненко Н.В. Инструменты государственного регулирования сельского хозяйства региона	1	176-186
Морев М.В., Каминский В.С. Проблемы, волнующие россиян и жителей Вологодской области	6	207-224
Попов А.В. Типология работников как инструмент управления трудовым поведением	1	162-175
Стыров М.М. Проблемы и перспективы финансирования социальной сферы в России	5	169-186
Чегодаев А.В., Суханов Л.Н. Дистанционное образование талантливых школьников: проблемы и перспективы	4	197-203
Чегодаев А.В. Участие вологжан во Всероссийской олимпиаде школьников: результативность и пути развития	2	185-193
Чугреев В.Л. Краудфандинг – социальная технология коллективного финансирования: зарубежный опыт использования	4	190-196
Актуальная тема		
Рецензии на книгу В.А. Ильина и А.И. Поваровой «Проблемы эффективности государственного управления. Бюджетный кризис регионов»	2	194-198

Summary

Ivanter V.V., Nekipelov A.D., Glazyev S.Yu.

Priorities of long-term socio-economic development

On December 9, 2013 the report “Russia on the way to the modern, dynamic and efficient economy”, prepared by the group of authors under the editorship of Academicians A.D. Nekipelov, V.V. Ivanter, S.Yu. Glazyev, was published on the website of the Russian Academy of Sciences. The report has been prepared on instructions from the President of the Russian Federation V.V. Putin; the Academicians were to develop a set of measures to ensure sustainable development of Russia under the conditions of global instability. The report includes four sections: 1) General conditions of socio-economic development; 2) Priorities of long-term socio-economic development; 3) Improvement of institutions; 4) Socio-economic policy. The text of the report is provided with six appendices .

The Editorial Board decided to publish the second section of the report in the Journal for the readers' consideration.

Ilyin V.A., Leonidova G.V., Popova V.I.

ISEDТ RAS Research and Education Centre – a focal point for the growth of the region's science and technology potential

During the years of market transformation Russia witnessed significant reduction in the share of science-intensive sector in the national and regional economy (there has been a decrease in the demand for the results of R&D; the real wages of researchers declined; the value of professional research activity decreased in the eyes of the public; the inflow of young people in science reduced as well). Overcoming these negative trends requires new approaches to the formation of the country's research potential. The integration of education and science is the most important of these approaches.

The article covers the experience in this area, gained at the Institute of Socio-Economic Development of Territories of RAS through the establishment and organization of the work of the Research and Education Centre (REC) for Economics and Information Technologies, which has been functioning for ten years already.

The article presents certain conceptual and methodological approaches to the formation of REC, the teaching methods used for educating young people in the chain “school – university – postgraduate studies – research activity”. The article shows the performance and efficiency of the work of REC in the development of regional scientific and technological potential. The article emphasizes the importance of joint work of school education, higher education, science, regional and municipal authorities.

The article provides the assessments of young people, who study at the Research and Education Centre, regarding their opinions on the forms and methods of teaching and on the efficiency of studying for the choice of profession.

Based on the accumulated practice and performance of the Research and Education Centre, the authors substantiate the prospects of its development as an educational institution of a new type that implements the full cycle of training of highly qualified personnel in the field of economy, management, and information technologies.

Key words: science and technology potential of the region, training of researchers, ISEDТ RAS Research and Education Centre, talented youth, organization of research activities.

Uskova T.V.

On the role of investments in sustainable economic growth

The article raises one of the most acute problems of the economy – promotion of sustainable economic growth. The article substantiates the relevance of the issue for global, national and regional economies. It argues that the goal of ensuring high economic growth rates is a strategic one for the Russian Federation; the achievement of this goal will allow Russia to retain its position among the world leaders. However, this requires, first of all, the transition from the model of economy oriented to raw materials export to the innovation model.

The article shows that investments play the most important part in the promotion of sustainable economic growth. Endogenous models indicate that long-term sustainable economic growth requires investments in machinery and equipment, in human capital and in the knowledge sector. At that, the investments in human capital and knowledge are more preferable.

The results of the investment processes analysis presented in the article allowed us to draw some conclusions concerning the situation that is taking shape in the Russian Federation. In particular, there has been a decline in the share of investment in machinery, equipment and vehicles; the structure of investments in fixed capital is not optimal; the share of investment in agriculture, manufacturing and construction is reducing; investments in mechanical engineering are extremely low while this sphere is crucial for the state of country's productive capacity. The knowledge sector and branches aimed at human capital development are funded on leftovers.

The current situation is largely determined by the fact that economic entities experience a shortage of equity capital; by unfavourable lending conditions that banks offer to the real sector of the economy; by the budget crisis and the low attractiveness of the Russian economy to foreign investors.

The article concludes that to change the situation it is necessary to adjust the socio-economic policy, to abandon the resource-based model of economic development.

Key words: economic growth, endogenous economic growth models, investments, investment structure, investment sources, socio-economic policy.

Skufyina T.P.

Socio-economic differentiation of space: inconsistencies between the theory and regulation practice

The article notes the inconsistency between significant efforts aimed at resolving the differentiation issue of the social-economic development and low effectiveness of countries, regions. The article analyzes the theories relating to the subject matter of asymmetric development and current reality. The author argues that the modern economic theory leaves unanswered the question concerning the possibilities to eliminate the issue of inequalities within the existing world order, which can potentially result in social tensions and conflicts. The article notes the specifics of the Russian research experience with regard to the socio-economic differentiation: great number of scientific works, extrinsic interest of the management system, lack of theoretical development, research bias. The criticism of the basic research and regulation postulates of the differentiation in Russia allowed determining the main problem – the necessity to develop the quantitative analysis of the differentiation issue.

Key words: socio-economic differentiation, globalization, regionalization, economic theory, research postulates.

Toskunina V.E., Gubina O.V., Provorova A.A., Karmakulova A.V., Voronina L.V.

Several approaches to the determination of the southern border of the Arctic zone of the Russian Federation

The article presents a research into the approaches to the zoning of the Russian Federation aimed at defining the southern border of the Arctic zone. The conducted analysis of legal documents and scientific literature devoted to the substantiation of the Arctic zone revealed the lack of definite criteria for determining the list of territories included in this zone. As a result of the research, several recommendations have been worked out that substantiate the inclusion of specific administrative-territorial formations of the Russian Federation in the Arctic zone.

Key words: Arctic zone of the Russian Federation, region, zoning, criteria.

Gaynanov D.A., Kirillova S.A., Kuznetsova Yu.A.

Russian Arctic in the context of sustainable development

The article analyzes the socio-economic potential of Russian Arctic regions, by applying a standard statistical reporting for 1990–2011. The analysis is based on the method of critical indicators that made it possible to determine and get an objective assessment of processes taking place in the megaregion. The performed analysis has established that the situation in the Arctic regions sets the development of megaregion within resource-oriented paradigm. The preservation of current trends does not create opportunities even for simple reproduction, imposing significant restrictions on the transition to sustainable territorial development.

Key words: sustainable development, critical limit indicators, social and economic potential, reproduction, Russian Arctic regions.

Ivanov V.A., Ponomareva A.S.

Specifics and current status of modernization processes in the agriculture of peripheral northern territories

The specifics of agricultural development management in the remote northern territories should be always taken into consideration; otherwise modernization processes in the agricultural sector would be impeded. The article defines the concept of agriculture modernization and highlights its necessity. It reveals the peculiarities, opportunities and limitations of technological and socio-economic development of agriculture in the peripheral northern rural territories of the Komi Republic. The article studies agriculture modernization for the period of the 1960s–1980s, and under market reforms. It shows the impact of market reforms on the change of economic and social conditions of agriculture in the peripheral areas of the northern region. For stimulating agricultural production modernization, the authors propose a target-programme method of managing the agriculture in peripheral territories

Key words: modernization, agriculture, peripheral areas, Republic of Komi, factors, conditions, development trends.

Chekavinskiy A.N.

Organizational and economic mechanism of agriculture modernization

The article substantiates the preconditions for the modernization of Russian agriculture. The effectiveness of the authorities' measures to stimulate the sector transfer to the intensive way of development is briefly described and evaluated. The article defines main disadvantages of the organizational and economic mechanism of the production modernization in the agricultural sector, consisting in different orientation of operations tools regulating the agrarian and industrial complex, absence of the accounting of climatic conditions and industry specialization. The methodological recommendations with regard to the allocation of budget support funds between different types of agricultural producers depending on their susceptibility to the use of scientific and technological progress are defined.

Key words: agriculture, modernization, organizational and economic mechanism, susceptibility of agricultural producers to the use of scientific and technological progress.

Trudov Yu.N.

Assessment of the tourist potential of the region's hunting sector (case study of the Vologda Oblast)

The author, using his own methodology, through the example of the Vologda Oblast, reveals the main parameters of gross turnover in the hunting sector with regard to hunting services; provides methodological tools for calculating gross turnover of tourist services in hunting, determines the degree of development and prospects of the tourism potential of the hunting sector, the role of hunting tourism in the region's economic development.

Key words: Vologda Oblast, hunting industry, tourist services, estimation of the amount of services, development prospects.

Sztompka P.

Modernization as social becoming (ten theses on modernization)

The paper presents thesis characteristic of modernization in keeping with the key ideas of the social establishment theory. Modernization is a specific way of social establishment that provides the population with wide-open access to the expanding capabilities of human potential implementation. The important task for the pro-modernization authorities is creating the structural and institutional grounds on which people can implement their human potential completely. The era of globalization incorporates numerous types of modernization. Mutual adaptation of that types as well as preservation of local traditions and conditions within the frames of transformation is of crucial importance for the era of globalization and modernization. The composition of innovations with social memory and traditions is the optimal course of modernization. It is important to understand that, besides creation of the new, modernization involves destruction of the old. That is why the ambivalent balance is significant.

Key words: modernization; social establishment theory; social, cultural, human potential.

Rimashevskaya N.M.

Three suggestions for the improvement of demographic and family policy

The article states the reasons for the low level of birth rate in Russia. It shows that the reduction in the intensity of births is caused by changes in the demographic behavior resulting from the sexual revolution, the significant differentiation of the population by income levels – poverty and low welfare of families with children, the decline in reproductive health and reproductive potential. Meanwhile, mortality rate in Russia is comparable with that in the developing countries; the difference between life expectancy in women and men is 12 years, but women suffer from various diseases more often, and this fact significantly increases the risk of disability by the end of employment. It is therefore proposed to improve the practice of maternity/family capital, to introduce a system of wholesome nutrition for pregnant women, preserve the retirement age for women.

Key words: demographic policy, maternity capital, retirement age, children's health.

Aleksandrova O.A., Nenakhova Yu.S.

Education opportunities for the population in the changing socio-economic context

Opportunities for the people in the field of education are not just an indicator of achieved social progress, but also a factor that determines the path of future development. That is why the information about the accessibility of quality education for residents of Russia, which is on the difficult way from socialism to capitalism, is so important. Reforms in education were implemented during the whole post-Soviet period, but the most fundamental changes have occurred in recent years. The paper is based on the analysis of evolution of educational legislation in relation to each of the stages of education system, and it also uses the results of sociological research. The article shows the process of further exacerbating and institutionalization of inequality of educational opportunities for families with different incomes and places of residence. It proves that in the emerging socio-economic and institutional context the access to the full value education for a significant share of households is being increasingly restricted. It excludes the system of education from the list of effective tools for social mobility and aggravates the degradation of human capital of territories. As a result, socio-economic stagnation is conserved. Negative tendencies can be overcome, if the federal government reconsiders its point of view on social overhead costs. Nowadays such costs are considered as nonproductive and, because of that, they are “optimized” as much as possible. Also serious changes are needed in the inter-budgetary relations. Primarily, the government should put an end to the practice of shifting the burden of unbearable expenditure commitments to the regions, because this leads to the situation, when regional authorities in implementing even good ideas – like raising the salaries of teachers – are often forced to use measures, that result in a reduction in the quality of education and the increase of budget debt. The state can find the funds, necessary to carry out more efficient social and regional policies, if it abandons the practice of accumulating unreasonably high volumes of proceeds from the sales of Russian energy resources in the so-called reserve funds.

Key words: education, regional development, human potential, availability, quality, social progress, education reform, education system.

Afanasyev D.V., Guzhavina T.A.

Preconditions for the transformation of population's attitudes from political discontent to protest behaviour (as exemplified in the materials of ISEDT RAS, Vologda)

The article considers the issue concerning the transformation of political discontent to protest behaviour, which is insufficiently examined in the domestic scientific literature; the processes and factors facilitating this process are analysed. The authors apply the empirical data of the monitoring of the public opinion of the Vologda Oblast residents, conducted by the Institute of Socio-Economic Development of Territories of the Russian Academy of Sciences. A new integrated model of protest is presented.

Key words: political discontent, trust, protest potential, protest repertoire, protest participation model.

Fokin V.Ya.

Impact of the geographical differentiation of the quality and security of population employment on the territorial shrinkage in Perm Krai rural areas

The article presents the analysis and indicates the extent of the problem concerning territorial differentiation of the quality and security of the rural population employment, as compared with the city residents of Perm Krai by indicators of wages and unemployment level. The impact of territorial differentiation of the quality and security of employment on the shrinkage in Perm Krai rural areas is revealed. Territorial shrinkage is characterized by rural population decrease, higher employee attrition rate, as compared to cities, reduction in the number of workers per one pensioner, deterioration of agricultural material and technical base; crop areas reduction.

Key words: territorial differentiation, quality of employment, security of employment, unemployment, territorial shrinkage, population decline, reduction in cultivated areas.

Shabunova A.A.

Acute issues of Russia's socio-cultural modernization

The need of socio-economic modernization is one of the main challenges of the 21st century facing the government, business and population of many countries. The solution to modernization tasks is unique for each country and is stipulated by a particular situation. Of special importance for Russia is the issue concerning the gap between population's living standards in different, sometimes neighbouring, regions and, an overall significant lag in the living conditions of the Russians compared with the inhabitants of developed countries. A necessary condition for successful modernization policy is the elaboration of specific national modernization strategies, considering the specifics of socio-cultural development of not only the whole Russia, but of each region.

Key words: regional modernization, socio-economic development, levels of modernization and innovation.

Povarova A.I.

The issues of tax burden distribution in Russia's economy

Tax burden has a direct influence on socio-economic processes and is one of the main criteria for evaluating the current tax system. But there still exist certain simplified views on the level of tax burden, which is identified with the actual transfer of payments to the budget.

The article highlights the results of a research into the tax burden of Russia's economy. The main goal was to identify the trends in the distribution of tax burden and its actual level.

The main conclusion of the study consists in the following: the ongoing tax reforms have not led to the establishment of an efficient fiscal mechanism, which will facilitate the implementation of taxation equality principle and take into consideration the opportunities of tax-payers to pay compulsory payments and develop the production. Meanwhile, there is the potential for tax maneuver with regard to a number of industries.

Key words: tax burden, oil and gas revenues, oil and gas companies, manufacturing, tax benefits.

Tretyakova O.V., Kabakova Ye.A.

Opportunities for and prospects of using citation indices in evaluating the performance of research institution

The growing social importance of scientific knowledge leads to the gradual penetration of scientometric indicators in the sphere that regulates the activities of researchers. At present, publishing and citation indicators are declared in government documents as target indicators of the state of science.

The article presents general approaches to the scientometric analysis of activity of research institution; an attempt is made to estimate the publication activity of the institutions included in the Economics Section of the Social Sciences Department of RAS, as well as research and education organizations of the Vologda Oblast. The statistical data of the Russian Science Citation Index (RSCI) were used as a tool for evaluating the research work. Organizations have been ranked according to several criteria: the total number of publications in RSCI, the number of citations and the value of the Hirsch index.

The results of the research indicate that at present, efficient administrative decisions in the sphere of science require establishment of the system for objective evaluation of research results. The Russian Science Citation Index is viewed as part of such a system. Together with highly qualified expert assessments that make it possible to consider the specifics of research activity, the scientometric indicators presented in RSCI as well, in the long term can be used for objective and comprehensive evaluation of scientific potential of the regions and the country as a whole.

Key words: scientometrics, citation index, RSCI, abstract database, assessment of the efficiency of research activities, publication activity.

Sychev M.F., Zagrebelnyy A.V.

On the compliance of a modern scientific journal with international quality standards

The article considers the issue concerning the degree of compliance of a modern scientific publication with international quality standards using the example of the scientific journal “Economic and social changes: facts, trends, forecast”. The authors introduce the concept “international quality standard of a scientific journal”, and give its definition. They have analysed the journal’s issues for 2013, revealed the degree of its compliance with international quality standards, and identified certain goals and objectives for the “development” of the journal in 2014.

Key words: international quality standard of a scientific journal, “development” of a journal, questionnaire survey, Scopus, RSCI, impact factor.

Morev M.V., Kaminskiy V.S.

Issues of state-society relations

The issues of state-society relations that have become especially acute in the conditions of the world financial and economic crisis cannot be neglected, because it can trigger the growth of protest moods. This calls for the necessity to provide public authorities with a constructive, science-based programme. In 2013 the Institute of Socio-Economic Development of Territories of RAS (ISED T RAS) carried out a research aimed at analyzing whether the state policy corresponds to the main requirements of the modern Russian society.

In order to achieve this goal, the following tasks were set out: to review the state of the civil society in Russia and in the Vologda Oblast, in particular after the 2008 global financial crisis; to identify the socio-economic and socio-political problems, which arouse main concern among the population of the Russian Federation and the Vologda Oblast in the post-crisis period; to describe the measures undertaken by the government to address these issues.

The authors came to the following conclusions:

1. Civil society both at the federal and at the regional levels is at the stage of formation; nevertheless, it possesses significant potential. This has been proved by the protest actions (December 2011) that made it clear to the authorities that it was necessary to respond to the demands of the growing civil society.
2. The citizens of Russia and the region express their concern at similar issues. At the same time, the

Vologda Oblast residents compared with the Russians in general express more concern about the condition of the housing sector, and less concern – about socio-political (corruption), ecological and ethical issues.

3. After V.V. Putin was elected President in March 2012, the social policy was focused on handling those issues that have long become vital in the society. However, the reforms are characterized by the discrepancy between the declared and the actual objectives, by the declarative nature in many aspects, by shifting the responsibility to the regional authorities.

Therefore, the authors suggest the implementation of the following measures: to revise the approach to many issues at which the people express their concern; to abandon imitation in the execution of reforms; to promote further development of civil society.

Key words: civil society, authority, public opinion monitoring, protest potential, the level of trust.

Kozhevnikov S.A.

Complex assessment of housing and communal sector in the region's municipalities

At present, the functioning of housing and communal sector in most regions of the country is characterized by mounting crisis. The key problems in this sphere include poor quality of provided services, high depreciation of fixed assets, large non-productive resource losses, etc. These are the issues that the authorities should address to at all levels. At the same time it should be noted that municipal entities may considerably differ in the level of housing improvement, state of engineering infrastructure, and the possibilities of introducing market mechanisms of economic management. Therefore, the state policy in the housing and communal sector should be based on the use of economic instruments and incentives, taking the fullest account of the current state, sectorial and regional peculiarities. The article analyses the state of housing and utilities infrastructure in the Vologda Oblast municipalities on the basis of the integral estimation methodology; it distinguishes the territories with similar characteristics and problems concerning the functioning of this sphere, presents group characteristics. The key directions and instruments of state policy, the implementation of which will make it possible to use limited financial resources more efficiently, to optimize the territorial-production structure and to enhance the overall functioning efficiency of housing and communal services in different types of the region's municipalities, are offered.

Key words: housing and communal sector, municipalities, typologization, investment processes, public and private partnership, Vologda Oblast.

Сведения об авторах

Александрова Ольга Аркадьевна	
Ученая степень	Доктор экономических наук
Ученое звание	
Полное название организации – места работы	Институт социально-экономических проблем народонаселения Российской академии наук
Занимаемая должность	Высший научный сотрудник
Служ. тел./факс	8 (499) 129-08-01
E-mail	
Почтовый адрес организации	117218, Россия, г. Москва, Нахимовский пр-т, д. 32
Афанасьев Дмитрий Владимирович	
Ученая степень	Кандидат социологических наук
Ученое звание	Доцент
Полное название организации – места работы	Череповецкий государственный университет; Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук
Занимаемая должность	Ректор, заведующий лабораторией экономико-социологических исследований
Служ. тел./факс	(8 80202) 55 65 97
E-mail	chsu@chsu.ru
Почтовый адрес организации	162614, Россия, г. Череповец, ул. Луначарского, д. 5
Воронина Людмила Васильевна	
Ученая степень	Аспирант
Ученое звание	
Полное название организации – места работы	Архангельский научный центр Уральского отделения Российской академии наук
Занимаемая должность	Младший научный сотрудник
Служ. тел./факс	+7 (8182) 21-14-20
E-mail	oei2@rambler.ru
Почтовый адрес организации	163000, Россия, г. Архангельск, ул. Садовая, д. 3
Гайнанов Дамир Ахнафович	
Ученая степень	Доктор экономических наук
Ученое звание	Профессор
Полное название организации – места работы	Институт социально-экономических исследований Уфимского научного центра Российской академии наук
Занимаемая должность	Директор
Служ. тел./факс	+7 (347) 235-55-11
E-mail	2d2@inbox.ru
Почтовый адрес организации	450054, Россия, г. Уфа, проспект Октября, д. 71
Губина Ольга Владимировна	
Ученая степень	Кандидат экономических наук
Ученое звание	
Полное название организации – места работы	Архангельский научный центр Уральского отделения Российской академии наук
Занимаемая должность	Старший научный сотрудник
Служ. тел./факс	+7 (8182) 21-14-20
E-mail	oei2@rambler.ru
Почтовый адрес организации	163000, Россия, г. Архангельск, ул. Садовая, д. 3

Гужавина Татьяна Анатольевна	
Ученая степень	Кандидат философских наук
Ученое звание	Доцент
Полное название организации – места работы	Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук
Занимаемая должность	Ведущий научный сотрудник
Служ. тел./факс	8 80202 55 79 23
E-mail	Labch1@mail.ru
Почтовый адрес организации	162614, Россия, г. Череповец, пр. Победы, д. 78
Загребельный Артур Владимирович	
Ученая степень	Кандидат филологических наук
Ученое звание	
Полное название организации – места работы	Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук
Занимаемая должность	Научный сотрудник
Служ. тел./факс	8 (8172) 59-78-29
E-mail	common@vscc.ac.ru
Почтовый адрес организации	160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а
Иванов Валентин Александрович	
Ученая степень	Доктор экономических наук
Ученое звание	Профессор
Полное название организации – места работы	Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения РАН
Занимаемая должность	Главный научный сотрудник лаборатории экономики природопользования
Служ. тел./факс	8 (8212) 24-52-45 / 24-42-67
E-mail	ivanov@iespn.komisc.ru
Почтовый адрес организации	167982, Россия, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26
Ильин Владимир Александрович	
Ученая степень	Доктор экономических наук
Ученое звание	Профессор, заслуженный деятель науки РФ
Полное название организации – места работы	Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук
Занимаемая должность	Директор
Служ. тел./факс	(8172) 59-78-01
E-mail	ilin@vscc.ac.ru, opvolgda@mail.ru
Почтовый адрес организации	160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а
Кабакова Елена Алексеевна	
Учёная степень	
Учёное звание	
Полное название организации – места работы	Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук
Занимаемая должность	Инженер-исследователь отдела редакционно-издательской деятельности и научно-информационного обеспечения
Служебный тел./факс	(8172) 59-78-10
E-mail	volgdascience@gmail.com
Почтовый адрес организации	160014, Россия, г. Вологда ул. Горького, д. 56а
Каминский Вадим Сергеевич	
Ученая степень	
Ученое звание	
Полное название организации – места работы	Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук
Занимаемая должность	Инженер-исследователь лаборатории исследования социальных процессов
Служ. тел./факс	(8172) 59-78-10
E-mail	FBCDE56B@yandex.ru
Почтовый адрес организации	160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького д. 56а

Кармакулова Анна Вячеславовна	
Ученая степень	Аспирант
Ученое звание	
Полное название организации – места работы	Архангельский научный центр Уральского отделения Российской академии наук
Занимаемая должность	Младший научный сотрудник
Служ. тел./факс	+7 (8182) 21-14-20
E-mail	oei2@rambler.ru
Почтовый адрес организации	163000, Россия, г. Архангельск, ул. Садовая, д. 3
Кириллова Светлана Александровна	
Ученая степень	Кандидат экономических наук
Ученое звание	Доцент
Полное название организации – места работы	Институт социально-экономических исследований Уфимского научного центра Российской академии наук
Занимаемая должность	Ученый секретарь
Служ. тел./факс	+7 (347) 235-55-33
E-mail	isei@anrb.ru
Почтовый адрес организации	450054, Россия, г. Уфа, проспект Октября, д. 71
Кожевников Сергей Александрович	
Ученая степень	
Ученое звание	
Полное название организации – места работы	Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук
Занимаемая должность	Младший научный сотрудник отдела проблем социально-экономического развития и управления в территориальных системах
Служ. тел./факс	8 (8172) 59-78-10
E-mail	koz_h_shaman@mail.ru
Почтовый адрес организации	160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а
Кузнецова Юлия Александровна	
Ученая степень	Кандидат экономических наук
Ученое звание	
Полное название организации – места работы	Институт социально-экономических исследований Уфимского научного центра Российской академии наук
Занимаемая должность	Научный сотрудник сектора экономической безопасности
Служ. тел./факс	+7 (347) 235-55-33
E-mail	acanaria2005@yandex.ru
Почтовый адрес организации	450105, Россия, г. Уфа, ул. Б. Бикбая, 27-114
Леонидова Галина Валентиновна	
Ученая степень	Кандидат экономических наук
Ученое звание	Доцент
Полное название организации – места работы	Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук
Занимаемая должность	Зав. лабораторией исследования проблем трудового потенциала населения отдела исследования уровня и образа жизни населения
Служ. тел./факс	8 (8172) 54-43-95 / 54-44-02
E-mail	galinaleonidova@mail.ru
Почтовый адрес организации	160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а
Морев Михаил Владимирович	
Ученая степень	Кандидат экономических наук
Ученое звание	
Полное название организации – места работы	Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук
Занимаемая должность	Научный сотрудник
Служ. тел./факс	8 (8172) 59-78-10
E-mail	379post@mail.ru
Почтовый адрес организации	160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а

Ненахова Юлия Сергеевна	
Ученая степень	
Ученое звание	
Полное название организации – места работы	Институт социально-экономических проблем народонаселения Российской академии наук
Занимаемая должность	Младший научный сотрудник
Служ. тел./факс	8 (499) 129-08-01
E-mail	
Почтовый адрес организации	117218, Россия, Москва, Нахимовский пр-т, д. 32
Поварова Анна Ивановна	
Ученая степень	
Ученое звание	
Полное название организации – места работы	Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук
Занимаемая должность	Старший научный сотрудник отдела проблем социально-экономического развития и управления в территориальных системах
Служ. тел./факс	8 (8172) 54-43-95
E-mail	anna631506@mail.ru
Почтовый адрес организации	160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а
Пономарева Анна Сергеевна	
Ученая степень	
Ученое звание	
Полное название организации – места работы	Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УрО РАН
Занимаемая должность	Младший научный сотрудник лаборатории экономики природопользования
Служ. тел./факс	(8212) 24-52-45; 24-42-67
E-mail	ponomareva@iespn.komics.ru
Почтовый адрес организации	167982, Россия, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26
Попова Вера Ивановна	
Ученая степень	Кандидат экономических наук
Ученое звание	
Полное название организации – места работы	Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук
Занимаемая должность	Зав. отделом исследований влияния интеграционных процессов в науке и образовании на территориальное развитие
Служ. тел./факс	8 (8172) 59-78-21
E-mail	vera-22vip@mail.ru
Почтовый адрес	160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а
Проворова Анна Андреевна	
Ученая степень	
Ученое звание	
Полное название организации – места работы	Архангельский научный центр Уральского отделения Российской академии наук
Занимаемая должность	Научный сотрудник
Служ. тел./факс	тел. +7(8182) 21-14-20
E-mail	oei2@rambler.ru
Почтовый адрес организации	163000, Россия, г. Архангельск, ул. Садовая, д. 3
Римашевская Наталья Михайловна	
Ученая степень	Доктор экономических наук
Ученое звание	Член-корреспондент РАН, Советник РАН, заслуженный деятель науки РФ
Полное название организации – места работы	Институт социально-экономических проблем народонаселения Российской академии наук
Занимаемая должность	Почетный директор ИСЭПН РАН
Служ. тел./факс	8 (499) 129-04-00
E-mail	
Почтовый адрес организации	117218, Россия, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 32

Скуфьина Татьяна Петровна	
Ученая степень	Доктор экономических наук
Ученое звание	
Полное название организации – места работы	Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина Кольского научного центра Российской академии наук
Занимаемая должность	Главный научный сотрудник
Служ. тел./факс	8 (81555) 7-93-74
E-mail	skufina@iep.kolasc.net.ru
Почтовый адрес организации	184209, Россия, Мурманская обл., г. Апатиты, ул. Ферсмана, д. 24а
Сычев Михаил Федорович	
Ученая степень	Кандидат экономических наук
Ученое звание	
Полное название организации – места работы	Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук
Занимаемая должность	Ведущий научный сотрудник
Служ. тел./факс	8 (8172) 54-43-86
E-mail	common@vscc.ac.ru
Почтовый адрес организации	160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а
Тоскунина Вера Эдуардовна	
Ученая степень	Доктор экономических наук
Ученое звание	
Полное название организации – места работы	Архангельский научный центр Уральского отделения Российской академии наук
Занимаемая должность	Заведующий отделом экономических исследований
Служ. тел./факс	+7 (8182) 21-10-27
E-mail	er4741@yandex.ru
Почтовый адрес организации	163000, Россия, Архангельская обл., г. Архангельск, ул. Садовая, д. 3
Третьякова Ольга Валентиновна	
Учёная степень	Кандидат филологических наук
Учёное звание	
Полное название организации – места работы	Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук
Занимаемая должность	Заведующий отделом редакционно-издательской деятельности и научно-информационного обеспечения
Служебный тел./факс	(8172) 59-78-10
E-mail	olga.tretyackova@yandex.ru
Почтовый адрес организации	160014, Россия, г. Вологда ул. Горького, д. 56а
Трудов Юрий Николаевич	
Ученая степень	
Ученое звание	
Полное название организации – места работы	Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук
Занимаемая должность	Заместитель директора по общим вопросам
Служ. тел./факс	8 (8172) 59-78-10
E-mail	trudov.y@mail.ru
Почтовый адрес организации	160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а
Ускова Тамара Витальевна	
Ученая степень	Доктор экономических наук
Ученое звание	
Полное название организации – места работы	Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук
Занимаемая должность	Заместитель директора по научной работе – заведующий отделом проблем социально-экономического развития и управления в территориальных системах
Служ. тел./факс	8(8172) 54-43-95
E-mail	tvu@vscc.ac.ru
Почтовый адрес организации	160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а

Фокин Владислав Яковлевич	
Ученая степень	Кандидат экономических наук
Ученое звание	Доцент
Полное название организации – места работы	Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Чайковский филиал
Занимаемая должность	Доцент кафедры экономики, управления и предпринимательства
Служ. тел./факс	8 (34241) 34456
E-mail	vlad-f62@yandex.ru
Почтовый адрес организации	617760, Россия, Пермский край, г. Чайковский, ул. Ленина, д. 73
Чекавинский Александр Николаевич	
Ученая степень	
Ученое звание	
Полное название организации – места работы	Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук
Занимаемая должность	Младший научный сотрудник лаборатории проблем эффективности использования природных ресурсов
Служ. тел./факс	8 (8172) 54-43-95
E-mail	chan@bk.ru
Почтовый адрес организации	160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а
Шабунова Александра Анатольевна	
Ученая степень	Доктор экономических наук
Ученое звание	
Полное название организации – места работы	Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук
Занимаемая должность	Зам. директора, зав. отделом исследования уровня и образа жизни населения
Служ. тел./факс	8 (8172) 54-43-95
E-mail	aas@vscc.ac.ru
Почтовый адрес организации	160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а
Штомпка Петр	
Ученая степень	
Ученое звание	Профессор
Полное название организации – места работы	Ягеллонский университет
Занимаемая должность	Руководитель секции теоретической социологии
Служ. тел./факс	
E-mail	ussztomp@cvf-kr.edu.pl
Почтовый адрес организации	Польша, 31-044, г. Краков, ул. Гродская, д. 52

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Предлагаемые статьи должны содержать результаты исследований, обладающие новизной и практической направленностью, являться доступными по форме изложения для широкого круга читателей, соответствовать научной направленности журнала (экономические и социологические науки).

Статья должна, как правило, содержать следующие аспекты: цель работы; метод и методологию проведения работы; её результаты; область применения результатов; выводы. Выводы могут сопровождаться рекомендациями, предложениями, гипотезами, вытекающими из содержания статьи. При представлении в статье результатов социологических исследований необходимо указать следующую информацию: сведения о методологии и методике; дату, место (территорию) и организацию, проводившую исследование; структуру генеральной совокупности; тип, объем и ошибку выборки; описание методов сбора и анализа данных. Данную информацию следует изложить в одном из следующих вариантов: в специальном разделе (параграфе) статьи; непосредственно в тексте; в сноске. При оформлении таблиц важно пояснить, как считаются проценты: от числа ответивших на данный вопрос или от совокупности опрошенных. Пристатейный список литературы должен быть представительным, демонстрировать профессиональный кругозор и качественный уровень исследований авторов. Работы в пристатейном списке располагаются в алфавитном порядке сначала на русском, затем на английском (или любом другом — на латинице) языке. При ссылке в тексте даётся номер работы в квадратных скобках.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведённых фактов, цитат, статистических и социологических данных, имён собственных, географических названий и прочих сведений, а также за то, чтобы в статье не содержалось данных, не подлежащих открытой публикации.

Приводимые в таблицах (графиках) стоимостные показатели, относящиеся к разным временным периодам, представляются, как правило, в сопоставимой оценке. Если в таблицах (графиках) содержатся сравнительные данные по отдельным территориям, видам экономической деятельности и т.п., то они представляются в ранговом порядке с указанием периода, по которому производится ранжирование.

Объём статьи — не более 40 000 знаков (1 а.л.), включая пробелы и сноски, для докторов и кандидатов наук (в том числе при соавторе, не имеющем учёной степени) и не более 20 000 знаков (0,5 а.л.) — для остальных авторов. Исключения по объёму возможны только по предварительной договорённости с редакцией.

Автор представляет текст статьи и сопроводительные сведения в печатном виде по почте (один экземпляр, на одной стороне листа) и идентичные материалы по электронной почте. Печатный вариант обязательно подписывается автором (авторами).

Текст статьи направляется в формате MS Word в соответствии со следующими параметрами: гарнитура Times Roman, размер шрифта — 14 кегль, межстрочный интервал — 1,5, сноски в порядке упоминания в тексте в конце текста арабскими цифрами. Графики и диаграммы для электронного варианта статьи выполняются в программе MS Excel и даются отдельным файлом, который должен содержать не только сами графические материалы, но и исходные данные (таблицы). Блок-схемы оформляются в формате MS Word или MS VISIO-2003.

Статье должен быть присвоен **индекс УДК** (располагается до заголовка статьи).

Статью должны сопровождать **аннотация** (600 — 700 знаков; предполагается описание следующих позиций: формулировка проблемы, указание методики исследования и источников информации, характеристика основных результатов исследования, варианты решения проблемы) и **ключевые слова на русском и английском языках, библиографические списки**.

К статье прилагаются (отдельным файлом) **сведения об авторах статьи**, содержащие: заголовок статьи (**на русском и английском языках**), фамилию, имя, отчество (полностью), учёную степень, учёное звание, полное название и адрес организации — места работы, занимаемую должность, телефон и факс, адрес электронной почты, почтовый адрес для переписки.

К электронному варианту статьи прилагается **цветная фотография автора (авторов)** размером 4×6 см в формате tif (предпочтительно) или jpeg разрешением 300 dpi.

В соответствии с требованиями Гражданского кодекса РФ между авторами и редакцией журнала должен быть заключён Лицензионный договор с приложением к нему Акта приёма-передачи произведения. Эти документы, составленные по приведённой ниже форме и подписанные всеми авторами статьи, представляются в редакцию вместе с текстом статьи. Подписанный редакцией экземпляр договора будет направлен авторам по почте вместе с авторским экземпляром номера журнала.

Рукописи следует направлять **Почтой России** по адресу: 160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а, ИСЭРТ РАН, редакция журнала, с пометкой «для публикации в журнале «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз», а также **на электронный адрес: common@vscc.ac.ru**.

Факс: 8(8172)59-78-02. Тел.: 8(8172)59-78-31.

При полной или частичной перепечатке рукописей в другом издании обязательна ссылка на журнал.

Все рукописи подлежат рецензированию. Если у рецензента возникают вопросы, статья возвращается на доработку. Датой поступления статьи считается дата получения редакцией окончательного варианта статьи. Редакция оставляет за собой право внесения редакторских изменений и сокращений, не искажающих смысла статьи.

С 2010 года в журнале открыта рубрика «Молодые исследователи», в которой публикуются рукописи аспирантов. Статья должна быть без соавтора, заверена научным руководителем, рекомендована научной организацией, за которой закреплён аспирант.

Внимание! В случае несоблюдения указанных требований статья редакцией не рассматривается.

С электронной версией журнала можно ознакомиться по адресу: <http://esc.vscc.ac.ru>.

Лицензионный договор № _____

г. Вологда

« ____ » _____ 20__ года

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук, именуемое в дальнейшем «Лицензиат», в лице _____, действующего на основании доверенности _____, с одной стороны, и _____, именуемый(ая) в дальнейшем «Лицензиар», с другой стороны, именуемые в дальнейшем «Сторона/Стороны», заключили настоящий договор (далее — «Договор») о нижеследующем.

1. Предмет Договора

1.1. По настоящему Договору Лицензиар предоставляет Лицензиату неисключительные права на использование статьи _____

_____ (наименование, характеристика передаваемых Издателю материалов) именуемой в дальнейшем «Произведение», в обусловленных договором пределах и на определенный договором срок.

1.2. Лицензиар гарантирует, что он обладает исключительными авторскими правами на передаваемое Лицензиату Произведение.

2. Права и обязанности Сторон

2.1. Лицензиар предоставляет Лицензиату на срок 5 (Пять) лет следующие права:

2.1.1. право на воспроизведение Произведения (опубликование, обнародование, дублирование, тиражирование или иное размножение Произведения) без ограничения тиража экземпляров. При этом каждый экземпляр Произведения должен содержать имя автора Произведения;

2.1.2. право на распространение Произведения любым способом;

2.1.3. право на переработку Произведения (создание на его основе нового, творчески самостоятельного произведения) и право на внесение изменений в Произведение, не представляющих собой его переработку;

2.1.4. право на публичное использование Произведения и демонстрацию его в информационных, рекламных и прочих целях;

2.1.5. право на доведение до всеобщего сведения;

2.1.6. право переуступить на договорных условиях частично или полностью полученные по настоящему договору права третьим лицам без выплаты Лицензиару вознаграждения.

2.2. Лицензиар гарантирует, что Произведение, права на использование которого переданы Лицензиату по настоящему Договору, является оригинальным произведением Лицензиара.

2.3. Лицензиар гарантирует, что данное Произведение никому ранее официально (т.е. по формально заключённому договору) не передавалось для воспроизведения и иного использования.

2.4. Лицензиар передает права Лицензиату по настоящему Договору на основе неисключительной лицензии.

2.5. Лицензиар обязан предоставить Лицензиату Произведение в печатной/электронной версии для ознакомления. В течение 60 (Шестидесяти) рабочих дней, если Лицензиатом не предъявлены к Лицензиару требования или претензии, связанные с качеством (содержанием) или объёмом предоставленной для ознакомления рукописи Произведения, Стороны подписывают Акт приёма-передачи Произведения.

2.6. Дата подписания Акта приёма-передачи Произведения является моментом передачи Лицензиату прав, указанных в настоящем Договоре.

2.7. Лицензиат обязуется соблюдать предусмотренные действующим законодательством авторские права, права Лицензиара, а также осуществлять их защиту и принимать все возможные меры для предупреждения нарушения авторских прав третьими лицами.

2.8. Территория, на которой допускается использование прав на Произведение, не ограничена.

3. Ответственность Сторон

3.1. Лицензиар и Лицензиат несут в соответствии с действующим законодательством РФ имущественную и иную юридическую ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих обязательств по настоящему Договору.

3.2. Сторона, ненадлежащим образом исполнившая или не исполнившая свои обязанности по настоящему Договору, обязана возместить убытки, причинённые другой Стороне, включая упущенную выгоду.

4. Конфиденциальность

Условия настоящего Договора и дополнительных соглашений к нему конфиденциальны и не подлежат разглашению.

5. Заключительные положения

5.1. Все споры и разногласия Сторон, вытекающие из условий настоящего Договора, подлежат урегулированию путём переговоров, а в случае их безрезультатности указанные споры подлежат разрешению в суде в соответствии с действующим законодательством РФ.

5.2. Настоящий Договор вступает в силу с момента подписания обеими Сторонами настоящего Договора и Акта приема-передачи Произведения.

5.3. Настоящий Договор действует до полного выполнения Сторонами своих обязательств по нему.

5.4. Срок действия настоящего Договора автоматически продлевается на каждый следующий пятилетний срок, если ни одна из сторон не выступила с инициативой его расторжения не позднее, чем за один месяц до истечения срока его действия.

5.5. Расторжение настоящего Договора возможно в любое время по обоюдному согласию Сторон, с обязательным подписанием Сторонами соответствующего соглашения об этом.

5.6. Расторжение настоящего Договора в одностороннем порядке возможно в случаях, предусмотренных действующим законодательством, либо по решению суда.

5.7. Любые изменения и дополнения к настоящему Договору вступают в силу только в том случае, если они составлены в письменной форме и подписаны обеими Сторонами настоящего Договора.

5.8. Во всём, что не предусмотрено настоящим Договором, Стороны руководствуются нормами действующего законодательства РФ.

5.9. Настоящий Договор составлен в двух экземплярах, имеющих одинаковое содержание и равную юридическую силу, по одному для каждой из Сторон.

6. Реквизиты Сторон

Лицензиат:

ИСЭРТ РАН
ИНН 3525086170 / КПП 352501001
160014 г. Вологда, ул. Горького, 56а
УФК по Вологодской области (ИСЭРТ РАН
лиц. сч. 20306Ц32570)
Р/с 40501810400092000001
ГРКЦ ГУ Банка России по Вологодской
области, г. Вологда
БИК 041909001, ОКПО 22774067
ОКАТО 19401000000

_____/_____
подпись

Лицензиар:

Ф.И.О. _____

Дата рождения: _____
Домашний адрес: _____

Паспорт: серия _____ номер _____
выдан _____
когда выдан _____
ИНН _____
Свидетельство государственного пенсионного страхования _____

_____/_____
подпись ф. и. о. полностью

ИНФОРМАЦИЯ О ПОДПИСКЕ

Уважаемые коллеги!
Предлагаем Вам оформить подписку на журнал
«**Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз**».

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт социально-экономического развития территорий РАН» (ИСЭРТ РАН).

В журнале публикуются результаты исследований по оценке эффективности функционирования региональных социально-экономических систем Северо-Западного федерального округа России, секторов экономики субъектов округа и муниципальных образований по направлениям:

- стратегия развития;
- региональная экономика;
- социальное развитие;
- внешнеэкономические отношения;
- информационная экономика;
- проблемы расширенного воспроизводства и др.

Журнал включён в **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)**.

Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России №6/6 от 19 февраля 2010 года журнал включён в Перечень ведущих научных изданий, рекомендуемых для публикации основных результатов диссертаций на соискание учёной степени доктора и кандидата наук.

Главная цель издания – предоставление широким слоям научной общественности и практическим работникам возможности знакомиться с результатами научных исследований в области научного обеспечения региональной экономики, принимать участие в обсуждении этих проблем.

Редакционная коллегия, осуществляющая независимую экспертизу научных статей, состоит из ведущих ученых ряда регионов России.

Журнал выходит 6 раз в год.

Журнал включён в межрегиональную часть каталога российской прессы «Почта России»: подписной индекс **83428**.

Каталожная цена одного номера журнала составляет 250 руб. (без учёта доставки). Подготовленный подписной бланк приведён в приложении.

Ф. СП-1	Министерство связи РФ											
	АБОНЕМЕНТ на <u>газету</u> 83428											
	журнал										(индекс издания)	
	«Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз»											
	(наименование издания)										Количество комплектов:	
	на 20__ год по месяцам:											
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
	Куда											
	(почтовый индекс)						(адрес)					
Кому												
(фамилия, инициалы) Тел.												
Доставочная карточка												
ПВ		место литер		на <u>газету</u> 83428								
				журнал		(индекс издания)						
«Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз»												
(наименование издания)												
Стоимость		подписки		руб. коп.		Количество комплектов						
		пере-адресовки		руб. коп.								
на 20__ год по месяцам:												
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	
Куда												
(почтовый индекс)						(адрес)						
Кому												
(фамилия, инициалы)												

Редакционная подготовка	Л.Н. Воронина
Оригинал-макет	Т.В. Попова
	Е.С. Нефедова
Корректор	Н.С. Киселева

Подписано в печать 27.12.2013.
Дата выхода в свет 30.12.2013.
Формат 60×84¹/₈. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 30,3. Тираж 500 экз. Заказ №388.
Цена свободная.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство ПИ № ФС77-49490 от 20 апреля 2012 г.

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт социально-экономического развития территорий
Российской академии наук (ИСЭРТ РАН)

Адрес издателя и редакции:
160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а,
телефон (8172) 59-78-03, факс (8172) 59-78-02, e-mail: common@vscc.ac.ru